

Татьяна Коростышевская

МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Пролог

Пронзительный крик «Торо!» разносится над площадью Розы. Желтый песок брызжет из-под копыт быка, восторженно вопят зрители, пикадоры разбегаются, чтоб уже через мгновение перестроиться и продолжить свой смертельно опасный танец. Двухцветные плащи капоте трепещут, будто флаги на ветру. «Торо, бестия, торо! Подходи, бестия, поиграем!» Соленый ветер с моря доносит запах водорослей. Скоро и он исчезнет, смытый новым жестким ароматом — пота и крови, азартным запахом корриды. Зрители возбуждены. Круглый периметр арены заполнен. И уже плевать почтенным матронам на непристойно сползшие мантильи молоденьких подопечных, на сломанные нежными пальчиками веера и на жаркие взгляды, которыми опаляют раскрасневшиеся щеки благородных доний столичные повесы. «Торо, бестия! Торо!»

В двух кварталах от площади, под соломенным навесом таверны «Три танцующих свиньи» происходила встреча, не имеющая к корриде прямого отношения. На плетеных стульях, за выбеленной соленым ветром и жарким элорийским солнцем столешницей, друг напротив друга сидели двое. Хозяин заведения Педро Хуан Октавио ди Луна, по прозвищу Плевок и некто, чье имя обычно произносилось украдкой и на любом языке означало — смерть. Этот второй, несмотря на одуряющую жару пятого месяца мадхо, кутался в серый плащ. Длинная шпага с глубокой чашкой лежала на столе, как бы демонстрируя всем желающим, что пустой болтовни ее хозяин не любит. Плевок отдувался и поминутно вытирал лысину полинялой тряпицей, пока его собеседник цедил вино из бокала с таким видом, будто каждый глоток может стать последним.

— Говоришь, у мальчишки, как там его зовут, есть какая-то поддержка в Квадрилиуме?

— Ну да, — фыркнул хозяин. — Точно так, Муэрто, точно так... Магичка к нему ходит как по часам, ежедневно, и сам он...

Плевок умолк, будто прикидывая, стоит ли выдавать на-гора ценную информацию. Собеседник терпеливо ждал, затем кончиками пальцев тронул эфес шпаги. Сталь звякнула о столешницу. Плевок быстро продолжал:

— Служанки все перешептываются, не простой кабальеро у нас живет-поживает. Аннунциата белье его стирает за медную монетку в день, так вот, заметила она на рубашках нашивки — знак саламандры.

— Огневик? Бывший маг или шпион ректора?

— Все может быть, — пожал плечами хозяин. — Только его удачные ставки на корриде совсем уж чародейством пахивают.

— Понятно. — Муэрто задумчиво пожевал губами и еще плотнее закутался в плащ. — Передай заказчику, придется доплатить. Одно дело скрестить шпагу в темном переулке с резвым вертопрахом, а совсем другое — с магом, пусть и бывшим.

— Ты, главное, это... — Хозяин отбросил тряпицу, в лучшие времена служившую для протирки посуды. — Главное предупредить меня не забудь. Клиенту-то нашему про мальчишкину кубышку знать не обязательно, а нам с тобой она очень пригодится.

— И что там, много припрятано?

— Да уж немало. Знаешь, кто на прошлой неделе куш сорвал?

— Это когда бык взбесился и пришлось в действие вторую терцию пропустить, переходя сразу к третьей? — скептически поднял рыжеватые брови Муэрто. — И на что же ставил наш объект?

Плевок исподтишка оглянулся, чтоб убедиться, что их никто не подслушивает.

— На отмену боя. Один поставил. Тридцать дублонов. Представляешь? А бой-то как раз и отменили!

Рыжеватые глаза смотрели равнодушно из-под низко надвинутых полей шляпы. Но ты все же с клиента прибавку спроси.

— Непременно, Муэрто. Все сделаю.

— Как, говоришь, нашего мальчика зовут?

— Мануэль Изиидо, провинциал, как все они — гордый до спеси.

— Ну, так мир праху его, — поднял Муэрто почти опустевший бокал. — Есть у меня предчувствие, что на днях род Изиидо понесет невосполнимую утрату.

Плевков льстиво хихикал, подливая собеседнику вина.

Невинная жертва готовящегося нападения, тот самый Мануэль Изиидо, в это время подметал полой плаща булыжники мостовой неподалеку от площади Розы. Юный вертопрах был действительно юн, лет двадцати — двадцати двух на вид. Не очень высок ростом, что, впрочем, несколько скрадывалось высокими каблуками ботфорт, и слегка субтилен, чего ни щеголеватый облегающий колет, ни плащ, который молодой человек по случаю жары широко распахнул, скрыть не могли. Острый нос и подбородок недвусмысленно свидетельствовали о жаркой южной крови молодого человека. Карие, чуть навывкате глаза обрамлялись густейшими ресницами, могущими сделать честь любой записной кокетке. Над полноватой верхней губой залихватски топорщились темные усики. Короче, на пустынной по случаю корриды улочке нижнего города в этот момент находился кабальеро, приятный во всех отношениях, способный заставить учащенно биться не одно девичье сердечко. Но планы молодого человека были далеки от любовных утех. Хотя ожидал он именно даму, и дама изволила запаздывать. Наконец из темных врат храма Источника показался накрахмаленный чепец, а следом и его обладательница — прехорошенькая горничная.

— Доброго полдня, — звонко произнесла она, поравнявшись с молодым человеком.

— И вам того же, любезная Аннунциата. — Мануэль поклонился, сняв шляпу и тряхнув черными кудрями. — Могу ли я надеяться, что вы поможете мне?

— Непременно, — сверкнула очами кокетка. — Если вы снабдите меня пропуском, я доставлю ваш груз в Верхний город.

— К воротам Квадрилиума, — уточнил молодой человек, передавая в дамскую ладошку тугой свиток пергамента с продолговатой печатью. — Вам придется побеседовать с ключником и добиться от старика, чтоб он вызвал к воротам донью Лутецию Ягг.

— Незачем повторять, — капризно надулись розовые губки. — Я же не дурочка!

— О, я нисколько не сомневаюсь в вашем светлом уме, моя прелесть, — терпеливо продолжал кабальеро. — Более того, я уверен, что вы единственная среди своих товарок обладаете достаточной обходительностью для того, чтобы сойти за свою в аристократическом обществе университета.

Щечки горничной порозовели от удовольствия. Однако тревожная складочка между тонких бровок разгладиться не спешила. Мануэль не возражал, когда она назвала донью Лутецию его любимой, а это говорило слишком о многом.

— Если ваша ветреница будет на занятиях, что прикажете делать мне? Я отпросилась у хозяина для посещения храма и не думаю, что он поверит, будто я до вечера черпала мудрость Источника.

— Ваша мудрость и без того велика, о роза моего сердца! — Кабальеро на минутку задумался. — К тому же вам действительно придется подождать у ворот. Шансы, что вы застанете на месте донью Ягг, невелики.

Девушка нахмурилась. Мануэль ласково заглянул ей в лицо.

— Ну почему так грустны эти милые глазки? К их блеску подойдет насыщенный цвет

рубинов.

Из кошель молодой человек извлек массивные серьги в виде полумесяцев из тяжелого зеркального перламутра. В центре каждого из них на тоненькой цепочке болтался искусно огранный малиновый камешек.

— Они того же цвета, что и вино, хранящееся в погребах Изиидо. Цвет любви, цвет страсти — ваш цвет.

Аннунциата ахнула. И хотя сомнения в благосостоянии провинциального дворянского рода господина Мануэля неоднократно высказывались и ею и ее подругами в частных беседах, сейчас она готова была поверить, что перед ней элорийский король инкогнито. Она жадно схватила подарок.

— Не нужно меня благодарить. Ваша красота достойна большего, — обольстительно журчал голос кабальеро. — Верьте мне.

И Аннунциата поверила. Мануэль резко свистнул; из-за угла, постукивая копытами по мостовой, показался нагруженный мул.

— Передайте донье Ягг это, — вручил молодой человек поводья ошеломленной девушке. — Я очень надеюсь на вас, моя прелестница.

Зигфрид Кляйнерманн с силой захлопнул оконную створку. В кабинете ректора было, как всегда, невероятно жарко, и раскаленный воздух улицы облегчения не принес.

— Незачем демонстрировать мне свое раздражение, — проворчал мэтр Пеньяте. — Я неоднократно давал тебе понять, что ничем не смогу помочь в сложившейся ситуации.

— Но деньги, учитель?.. Никакого более пошлого предлога для исключения я не припомню.

— А я — более неотвратимого. — Ректор говорил примирительно, почти извиняясь. — Университету нужно на что-то существовать, обучать студентов бесплатно мы не в состоянии.

— А как же стипендии?

— Брось! Год назад ты привез мне девушку, которая обещала стать великой чародейкой. Все этого ожидали. Мы приняли ее с распростертыми объятиями. Ее элорийские родственники не могли найти себе места от радости. И что теперь?

— Лутеция хорошая студентка.

— Да, — кивнул ректор, — но не более того. Все учителя сходятся в одном: она — хорошая студентка. Не отличная, не выдающаяся, а просто хорошая. Этого для стипендии маловато, мой мальчик.

Зигфрид присел на стул и потер переносицу. О том, что молодой огневик когда-то носил очки, напоминал теперь только этот рефлекторный жест.

— А клан Терра? Ведь он богат и признал родство.

— После того как девчонка прилюдно плюнула в глаза высокородному Филиппе Алехандро? Старика чуть удар не хватил.

Зигфрид невольно улыбнулся. Лутоня так и не смогла простить своему деду смерть родителей, о чем и сообщила ему на торжественном приеме, проходившем в Квадрилууме в честь начала учебного года. И плевков присовокупила, и пару-тройку слов на рутенском, которые никто, кроме Зигфрида, тогда не понял. Первое время огневик опасался, что клан Терра решит отомстить за дерзость, осторожно расспрашивал Крессенсию о планах батюшки, но, видимо, старик решил замять это дело. Донья Терра о новоявленной родственнице говорить отказывалась, и уже через пару месяцев Зигфрид перестал вздрагивать всякий раз, с первого взгляда не находя в толпе студентов свою

подругу.

— Зигфрид, дитя мое, ты же знаешь, я многое сделал для этой девочки. Ради ее достойной бабушки, ради напророченного будущего я внял твоим просьбам снарядить спасательную экспедицию к валашским дикарям, чтобы вытащить ее из-под венца, или в какую неприятность она там ввязалась...

Барон слегка покраснел. Из трех боевых квадр, отправившихся тогда на материк, только одна застала Арадское бракосочетание, остальных он вовремя отослал. И маги, которым довелось присутствовать на торжестве, делиться подробностями церемонии с начальством не спешили. Уж очень все было странно, весело, сыто и пьяно. Особенно пьяно... Лутоня женила на себе князя, найдя лазейку в феодальном обычае брака по договору (от лица жениха выступил боярин Михай Димитру), и сняла, таким образом, проклятие, угрожающее ее жизни. И теперь, Зигфрид очень на это надеялся, ничто не связывает его подругу с Драконом. Последний, скорее всего, давно аннулировал брак. С его имперскими устремлениями, желанием овладевать все новыми и новыми территориями о выгодной партии следует задуматься как можно быстрее. Не то чтобы Зигфрид интересовался континентальной политикой, но по доходящим до него слухам аппетиты Дракона возрастали соразмерно его власти.

Мэтр Пеньяте поцокал языком, перечитывая некий документ. Ректор полностью утратил интерес к беседе, отдав предпочтение разбору бумаг перед пустопорожней болтовней. Решение принято. Баста! Зигфрид вздохнул. Пожалуй, он сделал все, что мог. Остается последний шанс: все же попытаться уговорить клан Терра. В конце концов, вряд ли благородный Филиппе Алехандро принял всерьез оскорбление какой-то девчонки, да еще нанесенное почти год назад. А то, что барон Зигфрид фон Кляйнерманн с некоторых пор официально помолвлен с очаровательной доньей Крессенсией дель Терра, наверняка дает ему кое-какие преимущества в общении с главой клана.

Огневик поднялся с места.

— Ты уже уходишь? — удивленно поднял глаза от бумаг ректор. — Задержись на пару минут. Я уже послал за Лутецией и хочу, чтобы ты сам сообщил ей об отчислении.

— Вынужден отказаться от этой чести.

Барон, вы забываетесь! — В строгом взгляде учителя блеснула сталь, да и переход на «вы» был многозначителен. — Пререкаться с начальством — не лучшая тактика для такого честолюбивого молодого человека, коим вы всегда мне представлялись.

Зигфрид покраснел и приготовился к длинной отповеди. Между делом подумалось, что обычай при посещении кабинета ректора оставлять оружие в приемной имеет под собой веские основания.

— К тому же много времени у нас это не займет, — весело продолжал мэтр. — Мне уже слышится звонкий цокот каблучков вашей, барон, подруги.

Ректор не ошибся. Через мгновение в приоткрытую дверь кабинета просунулась напوماженная голова секретаря.

— Донья Лутеция Ягг, — загадочно сообщил писарь в пространство.

Зигфрид невольно задержал дыхание. На пороге появилась она, обычная студентка Квадрилиума. В черном форменном платье с высоким воротом (у левого плеча приколота серебряная брошь — руна ветра), волосы забраны в строгий пучок на затылке. Как ей только удастся в этом казенном облачении выглядеть более живой и желанной, чем сотни разряженных красавиц там, за стенами университета? Огневик этого не знал.

— Вы желали видеть меня, ректор? — присела она в легком поклоне, едва заметно подмигнув Зигфриду. — Я сама хотела записаться на аудиенцию, чтоб обсудить с вами некий щекотливый вопрос.

— Да, дитя мое. — Пеньяте был сама любезность. — Как только ваш милый опекун и учитель фон Кляйнерманн сообщит вам некую новость, мы сразу же приступим к обсуждению вашей просьбы. Барон, начинайте.

— Мне очень жаль, но...

Зигфрид смешался, подбирая слова.

— Позвольте мне все же сказать первой, — несмело взглянула на ректора Лутеция.

Мэтр благодушно кивнул. Кажется, его невероятно забавляла ситуация столкнуть лбами двух лучших друзей.

Лутоня дождалась разрешения и выглянула за дверь:

— Заносите!

Секретарь снова оказался на пороге. Теперь плечи крючкотвора отягощали два увесистых мешка.

— Сюда! — скомандовала студентка, приблизилась к столу и сдвинула в сторону какие-то бумаги. Мешки оказались на указанном месте, секретарь суетливо поклонился и исчез из кабинета. — Это плата за обучение, — пояснила Лутеция. — Я решила заплатить сразу всю сумму вперед, чтоб не тревожить вас впредь, досточтимый мэтр, этими мелочами.

— Вся? Вся сумма? — ошеломленно переспросил мэтр.

Любовь ректора к презренному металлу была известна далеко за пределами университета и уже не раз служила предметом саркастических шуток и забавных анекдотов. Лутеция пожала плечами. Хлопнула оконная створка, которую он — Зигфрид мог в том поклясться — запер пару минут назад. Ветер донес возбужденный гул корриды. Ножка стола с хрустом подломилась, мешки съехали точно на колени ректору.

— Можете быть свободны, донья Ягг, — придушенно пискнул ректор.

— А как же новость, которую собирался сообщить мне барон? — Помочь начальству Лутоня не спешила, впрочем, как и сдерживающий хохот Кляйнерманн.

— Пустое, дитя, пустое. — Мэтр Пеньяте демонстрировал недюжинную силу в попытках выпростать из-под стола хотя бы одну руку. — Учитесь, дитя мое, с прилежанием. Ваша стихия требует от своих адептов полной самоотдачи.

— Благодарю вас, учитель, — присела в поклоне ветреница.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — решил барон, галантно открывая даме дверь.

— Ступайте, дети мои, — торжественно произнес ректор.

— Думаешь, почтенному старцу не терпится приступить к пересчету свалившихся на него сокровищ? — шепотом спросила Лутоня уже в приемной. — С полной самоотдачей!

Носик проказницы забавно сморщился, когда она передразнивала гнусавый выговор мэтра.

— Где ты достала деньги? — не поддержал шутливый тон барон.

— Где достала, там уже нет, — отмахнулась девушка и подозвала секретаря.

Зигфрид терпеливо ждал, пока она цветистыми фразами извонкими монетками благодарила крючкотвора за оказанную услугу.

— Я хочу знать, — повторил он уже в коридоре свой вопрос. — Неужели твой супруг появился и соизволил профинансировать твоё обучение?

— Не твоё дело! — Карие глаза гневно блеснули. — Прощай, мне пора на занятия.

Лутеция стремительно пошла вперед. Барону показалось, что ее худенькие плечи вздрагивают от рыданий.

— Кстати, — вдруг резко обернулась она с шаловливой улыбкой, и неожиданный порыв

прохладного ветра пронесся по коридору, — у тебя сегодня назначено свидание? Наверняка назначено, тебя же хлебом не корми, дай «поприпадать» да «засвидетельствовать». Тогда не забудь передать привет моей тетушке.

Зигфрид хмыкнул. Его восхитительная невеста, донья Крессенсия дель Терра, вряд ли обрадуется такому привету.

И наконец, последняя встреча, имеющая непосредственное отношение к нашей истории, происходила... А впрочем, ни место, ни время этой судьбоносной встречи широкому кругу лиц известно не было. Ибо тайная курия... Тсс... Одно известно доподлинно: Кордоба построена в скалах, скалы нависают над морем, а там, где земля соседствует с водой, ширятся сплетни, слухи и подземные ходы в равных, так сказать, пропорциях. В темной-претемной зале, в неровном свете чадающих светильников, ибо магический огонь на такие собрания не допускался, за круглым дубовым столом восседали гранды стихийных домов. Все они были убелены сединами и почтенны, похожи друг на друга так, как могут быть похожи только очень старые люди. У каждого на груди мерцала подвеска, символизирующая как стихию, так и высокий статус носителя. Фуэго, Акватико, Терра, Виенто — огонь, вода, земля, ветер. Замкнутая квадра — главная четверка королевства. Больше в зале никого не было, даже приближенных слуг, которые, подготовив все к заседанию, молча удалились ожидать окончания действия в коридоре. Не было даже стражников, коих грандам пришлось оставить там же, за плотной двустворчатой дверью. Ибо курия... Тсс...

— Ну и по какому поводу мы сегодня собрались здесь? — наконец нарушил тишину дон Акватико. — Слишком частые сборища начинают меня утомлять.

— О да, — саркастически изогнул тонкие губы дон Фуэго. — С прошлой весны... Слишком часто.

Огневик разменял недавно восьмой десяток, ему, как самому молодому из собравшихся, часто прощали мальчишескую резкость. Дон Виенто даже позволил себе улыбнуться забавной шутке.

— Ветер шепнул мне, что инициатором в этот раз выступает дом огня. Какие же важные события требуют немедленного обсуждения?

— Как всем нам прекрасно известно, время Источника истекает.

— Это очевидно, — кивнул дон Акватико. — Ослабление потоков силы, активность Кордобского провала (местные жители жалуются на потусторонний вой по ночам). Но мы, кажется, не раз это обговаривали, и все четыре дома готовы к пробуждению нового Источника. Не так ли, дон Виенто?

Гранд ветра пожевал тонкими бескровными губами.

— Да-да, новый Источник носит имя «Мать четырех ветров» и должен прийти на смену «Владычице вод», которая дарит нам магию сегодня. По древней традиции, песнь призыва должен исполнить адепт силы...

— Именно личность адепта меня интересует сейчас более всего, — перебил нетерпеливый дон Фуэго. — Дом огня хочет предложить свою кандидатуру.

— Это невозможно, — почти прошептал гранд ветра. — Традиция нерушима. Во-первых, это будет женщина, во-вторых — ветреница.

— Конечно! — саркастически искривил полные губы огневик. — Донья Лутеция Ягг, студентка Квадрилиума, наследница дома земли, при этом избранная силой ветра. А дому Фуэго придется ждать своей очереди еще шестьсот лет, не так ли?

— Именно столько, — пробормотал дон Виенто. — Ибо за водой следует ветер, за ветром земля, за землей — огонь. Так было и так будет.

— Вы понимаете, что это похоже на альянс, господа? Всем известно, что дом, которому принадлежит адепт, получает немалые преимущества в ведении внутренней политики

королевства. А донья Ягг, или дель Терра, как ее правильнее было бы называть, близка к двум стихийным домам.

— К трем, мой дорогой друг, — уточнил дон Акватико. — Хотел вам раньше рассказать, да все никак к слову не приходилось. Юная Лутеция в ближайшее время войдет в дом поды.

— В каком качестве?

— В качестве супруги моего сына, дона Альфонсо. — Тигриные глаза гранда воды прищурились от удовольствия. — В качестве моей невестки. У вас еще какие-нибудь вопросы, любезный дон Фуэго?

Это был решающий удар. Гранд огня смутился, но все же ответил:

— Что ж, господа, в таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за происходящее. Дом Фуэго будет присутствовать на обряде пробуждения Источника всего лишь в качестве зрителя. Семейный артефакт мы передадим его величеству, как и предписывает традиция.

Гранд огня хлопнул в ладоши; воцарилась тьма, а когда пламя светильников вспыхнуло вновь, тайная курия осталась втроем.

— Нелепая бравада, — пожал плечами дон Акватико. — Стоило отрываться от дел, чтобы лицезреть представление Фуэго!

— Он всегда подозревал альянсы, тайно существующие за его спиной, — ответил дон Виенто. — Ему так верилось в заговоры, что, наконец... Что скажете, дон дель Терра?

Гранд земли ничего не ответил.

Мэтр Пеньяте предавался полуденной сиесте, выстраивая па письменном столе пирамиды из дублонов, когда пламя в (то камине за клубилось, вспыхнуло нестерпимым фиолетовым цветом и на ковер кабинета ступил сиятельный дон Фуэго. Седина на висках гранда таинственным образом исчезла, сменившись глянцевою чернотой, а морщины, придававшие его холеному лицу вид умудренной усталости, разгладились.

— Какое счастье! — пробормотал ректор, пытаясь прикрыть золотые россыпи полами плаща. — Огромное счастье доставили вы мне своим неожиданным визитом, герцог!

— К демонам реверансы! — отмахнулся гранд огня. — Вы избавились от девчонки? Она уже убралась из Кордобы?

— К сожалению, понимаете ли... Обстоятельства сложились таким образом...

— Ты очень пожалеешь об этом, — прошипел герцог. — Знаешь, чего мне стоило пристроить тебя на это тепленькое местечко? Знаешь, сколько более достойных претендентов было на него? Пеньяте, ты мне по гроб жизни обязан!

— Я предан вам, ваше сиятельство!

— Я просил тебя о такой мелочи! Под благовидным предлогом спровадить из столицы донью Лутецию Ягг. А вместо этого...

Раздраженный гранд огня протянул руку к камину. Оттуда в его ладонь скользнул пульсирующий шар огня.

— Ты позволил себя подкупить?

— Я все исправлю, ваше сиятельство. Удачу, изгоню, уничтожу...

Фуэго сжал руку в кулак, на пол полилась огненная струйка.

— В противном случае тебе не поздоровится!

И гранд огня исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя подпалины на дорогом ворсистом ковре.

Глава 1,

в которой происходит беседа с наставницей, поверяются сердечные тайны и прочие девичьи глупости

Даже самая прекрасная девушка Франции может дать только то, что у нее есть.

Чему не гореть, того не зажечь.

Лет четыреста тому назад один греческий колдун по имени Стагирит написал трактат о душе человеческой. И высказал он в том труде любопытную мысль, что движут нами инстинкты, со зверями нас роднящие. Желание продолжения рода, страх смерти, жажда власти — вот три пастуха, которые заставляют нас сбиваться в стаи и бороться за место под солнцем с такими же... людьми.

О чем это я? Да о магах же! Не любим мы друг друга, не любим и не доверяем. Хотя, казалось, в одной лодке плывем и негоже ее раскачивать. Ан нет! Инстинктус, ёжик кот! Добей соперника, потому что всех много, а всего — мало, самому не хватит. А ежели не хватит, то оголодаю, отощажу и помру. И милого дружка хочу самого-самого, а лучше двух... нет, сколько получится, поэтому соперницу изведу-изничтожу. И управлять хочу всеми, самым могучим магом стать, потому как основная власть в руках магов и сосредоточена.

Звери мы, как есть звери.

Вот такие вот невеселые мысли, не иначе вызванные запоздалой жадностью, занимали меня, пока я осторожно, стараясь не шуметь, пробиралась в свою комнату. Видеть никого не хотелось, разговоры разговаривать тем более. Зачем, зачем я ему сразу все деньги отдала? Надо было потянуть, а до времени остаток суммы под проценты в доходное дело вложить. Эх, бестолковка ты, Лутоня, задним умом крепкая. А все почему? Гонор в тебе выиграл, впечатление произвести захотелось, жадного ректора на место поставить? Ну, так радуйся — все исполнила!

До жилого крыла добраться удалось без приключений, теперь следовало проявить осторожность. Обитую золотистыми листочками дверь я миновала вообще чуть не ползком. Потому что благородная мэтресса, за ней обитающая, гостей не жаловала и сторожевые сети раскидывала широко. Эвелина, соседка моя по комнате, помнится, пару седмиц тому чуть всех волос на голове не лишилась, когда прибежала сюда, переполненная праведным гневом. Такая же, переполненная, и удалилась — только скрючившись и в два раза быстрее.

Соленый морской ветер пронесся по коридору. Я замерла.

— Лутоня? — звякнули золотые листочки. — В гости зайдешь?

Все-таки сработали заклинания. Бланка стояла на пороге, гостеприимно распахнув дверь. Темно-синий шелковый халат и распущенные волосы недвусмысленно свидетельствовали о том, что хозяйка до моего прихода отдыхала.

— Если пригласите, — со вздохом ответила я.

Бланке дель Соль я отказать не могла — мэтресса являлась моей университетской наставницей, ну и ко всему должок у меня перед ней был. Год назад (а кажется, что целую вечность) Бланка спасла мою непутевую жизнь, призвав ветер и не дав мне разбиться вдребезги о мраморные плиты Арадского замка.

— Приглашаю.

Комната мэтрессы от наших студенческих келий мало чем отличалась. Разве что рассчитана она была на одну постоялицу, а нам-то по двое приходится ютиться. Ну и побогаче обстановка, конечно. Парчовый балдахин над кроватью, зеркало вполстены и предмет моей зависти — гроздь тоненьких серебряных трубочек на потолочной балке. Ветряные колокольчики называются. Дзинь-дзинь, дин-дон... Себе такие же хочу. Но их вроде только за особые заслуги пользоваться разрешают. Интересно, а деньжищи, которые я сегодня на благо родного заведения отвалила, за особую заслугу считаются? Л! то мне

от собственной щедрости никакого удовольствия.

— Выпьешь? — Бланка заправила за ухо прядку иссиня-черных волос и кивнула, указывая на стол.

— Рановато вроде, — неуверенно ответила я. Вино у мэтрессы всегда было отличное, не чета кислой водичке, которую наливают студентам по праздничным дням. — Да и на учебу мне пора.

Ветреница рассмеялась:

— Если спросят, скажешь, о будущем своем со мной беседовала, как со старшим товарищем. Так что, наливать?

— Нет, спасибо. — Я присела за стол. — О чем вы на самом деле хотели со мной поговорить?

Хозяйка запахнула халат, устроилась напротив меня, спиной к зеркалу, и щедро плеснула из бутылки в свой бокал.

— Ну разумеется, о будущем. Грязнить здешний воздух нелепой ложью было бы недопустимо.

Блестящие черные глаза серьезно уставились на меня. Я отвела взгляд. Отражение в зеркале было бледным и встревоженным. Испуганная мышка, особенно в сравнении с яркой уверенной Бланкой.

— Судя по донесениям из восточной провинции, торговый путь перестал представлять опасность для путешественников, — заговорила Бланка, раскрывая большой шелковый веер.

— Слышала, разбойники, которые там промышляли, пропали все в одночасье, — поддержала я светскую беседу. — Сбежали, видимо, куда-то. А атамана разбойничьего альгва-силы арестовали. Слухи такие ходят...

Я тербила локон у виска, подумывая все-таки угоститься вином. Ряженки-то у почтенной мэтрессы, скорее всего, нет.

— Мужчины часто говорят тебе, что ты красивая? — Вопрос прозвучал неожиданно.

— Не часто, — правдиво ответила я. — Мне мужчины вообще что-то редко говорят. Я, можно сказать, последние шесть лун — ах, простите, месяцев — от мужчин ничего, кроме «дай списать», не слышала. Или вы не о студентах спрашиваете?

Хозяйка комнаты заразительно рассмеялась:

— Не скромничай, дитя мое! Мне одна маленькая птичка начирикала, что у тебя связь с неким молодым человеком из Нижнего города.

— А что, правилами нашего учебного заведения это запрещено? — вздернула я подбородок. Птичка, ага. У меня похожая есть — ветер называется. Таких гадостей иногда начирикает, только держись.

— Нет, что ты! Скорее приветствуется. Ведь жар страсти часто соседствует с вихрем магии. Просто я удивлена, что твои родственники не препятствуют вашему общению.

Я мысленно сосчитала до десяти, вдохнула, выдохнула...

— Мэтресса дель Соль, могу я попросить вас не поминать моих родственников всеу? А если вы имеете в виду кого-нибудь из клана Терра, к примеру, дона Филиппе Алехандро...

Если бы она не остановила меня, пара-тройка крепких словечек подпортили бы воздух Квадрилиума.

— Прекрати! Маленькая кривляка! С чего ты решила, что можешь оскорблять почтенного старца? Ты связана с доном дель Терра узами крови и будь добра проявлять

уважение!

Я слегка покраснела и не на шутку обиделась. Если бы не обязательства перед наставницей, я бы ей объяснила, что в советах подобного рода не нуждаюсь.

— Теперь поговорим о ближайшем будущем, — насладившись моим безмолвным возмущением, продолжала наставница. — С тобой хочет поговорить один человек. Почему-то именно с тобой. Постарайся сегодня в первый час тьмы незаметно выбраться из здания. Наш покровитель ждет результатов.

— Мне очень жаль, но на сегодняшний вечер у меня другие планы.

— Ах, я забыла... Завтра экзамен? Позволь мне не поверить, что ты собираешься корпеть над фолиантами.

Я закусила губу. Всем и так ясно, что для виду ломаюсь. А сама не то что пойду, вприпрыжку побегу поручение выполнять. И вызнаю все, что требуется, и отчет подробный составлю. Права была бабуля: беда с девкой, то есть со мной.

— Мне будет позволено удалиться?

Я встала со стула, не дожидаясь разрешения, и устремила к выходу.

— А если я пообещаю тебе рассказать нечто о том, что тебя интересует?

— Я лучше сама как-нибудь в книжках умных ответы найду, — ответила я через плечо.

— И много там написано о том, чем мы с тобой вот уже целый год тайно занимаемся? Неужели не хочешь досконально и этом разобраться?

Я замерла. Видя мою заинтересованность, Бланка продолжала:

— Не знаю, что тебе пообещали за содействие, но существуют люди, которые могут предложить больше.

— А вам? — неуверенно спросила я, устремив взгляд на ветряные колокольцы, четыре серебряные трубочки — дзинь-дон... — Клан Виенто, дом ветра сейчас в упадке. Я слышала, вы состоите в ближнем круге, то есть являетесь прямой наследницей гранда.

Бланка хитро улыбнулась и отпила из бокала.

— Откровенность за откровенность, ты мне — я тебе. Что тебе было обещано?

Я пожала плечами и рассказала.

Бланка смеялась, наверное, минуты три. Она схватила с туалетного столика веер, чтоб остудить пылающие щеки.

— Смешная, смешная девчонка! Интересно, из какого источника ты черпаешь свои оригинальные идеи?

Я обиделась и покраснела. Веера у меня при себе не было. Поэтому я просто щелкнула пальцами, призывая ветер. Стало чуть прохладнее, колокольцы беспокойно забренчали.

— Ваша очередь, донья, поведать о своем интересе.

— Если все произойдет так, как было задумано, следующей главой дома ветра станет женщина.

Я хмыкнула.

— И я даже догадываюсь какая. А вот сам дон Виенто не против, что его какая-то загадочная женщина подсиживает?

— Хочешь его об этом спросить? — Наставница отбросила веер и опять взяла бокал.

— Нет, — покачала я головой, припомнив пергаментную тонкую кожу гранда ветра, его

подернутые бельмами глаза. Дон Виенто застал еще пробуждение теперешнего Источника, и прошедшие с того времени триста лет для гранда даром не прошли.

— И все же...

— На сегодня достаточно откровений. Твоя роль в этом деле не настолько велика, чтоб обсуждать с тобой стратегию.

Я обиженно засопела; такого щелчка по носу от Бланки дель Соль я не ожидала.

— Ступай! — велела наставница. — Исполни свое мелкое задание. Вечером у врат тебя будут ждать. Человек с зеленым фонарем. Не перепутаешь?

— На это мне хватит ума, — вежливо поклонилась я. — Прощайте.

— Впрочем, — проговорила ветреница, будто про себя, — если смешная рутенская девчонка дойдет до всего сама, я вполне смогу ей все рассказать.

Я осторожно закрыла дверь, прислушалась, оглянулась — и припустила по коридору. Бежала так, что пятки сверкали, уже нисколько не заботясь о том, чтоб остаться незамеченной. Времени у меня было немного. В комнату свою ворвалась, уже порядком запыхавшись. Быстро убедилась, что соседки моей нет, заперла дверь изнутри и скинула кисейную занавесь с настенного зеркала.

— Могла и не торопиться, — кивнула Иравари из зазеркалья. — Мэтресса твоя сидит тихо, винишко глушит в гордом одиночестве.

— Слыхала, как она меня отбрила?

— А ты еще не привыкла, что ли? Элорийцы все высокомерные, особенно по отношению к вам, пришлым.

— Как думаешь, что она имела в виду? Ну, про смену герцога ветра?

— Да какая нам-то разница? — строго спросила Иравари. — Это их интересы, интересы четырех домов — кто там чем владеет и по какому праву. А наше дело маленькое. Вечером задание исполнишь, награду получишь — и сразу на боковую. А то ты бледненькая у меня что-то.

— Хорошо! — Я без сил опустилась в кресло. — Последи за Бланкой до вечера, ладно? Что-то на сердце неспокойно.

— Чего так? — хохотнула демоница волшебного блюдечка. — Из-за Мануэлюшки? Бланка-то уже про твои связи неподобающие разузнала?

— Мы связь эту особо не скрывали, — махнула я рукой. — Только вопрос времени был, когда о существовании кабальеро все узнают. Стратеги, ёжкин кот!

Все-таки обида на Бланку никуда не делась.

— И ладно, — согласилась Иравари. — Тем более юный кабальеро нам для денег только нужен и был. Ректор-то твой как? Проникся суммой? Я в кабинете появляться не решила. Мало ли какую защиту там на зеркала поставили.

— А то, — фыркнула я. — Чуть сознания не лишился. Жаль, ты не видела. Глаза чуть не выпали у нашего мэтра Пемьяте. Даже Зигфриду смешно было. А господина Изиидо со счетов списывать не торопись. Он нам еще пригодится.

— Кокетка ты! — хихикнула Иравари.

— Еще какая, — не возражала я. — Слушай, я устала просто зверски. Можно я спать лягу, а ты мне вслух считаешь? Там немного, страниц двадцать всего...

— Наша новая методика подготовки к экзаменам? — Иравари уже нацепила на нос очки и пробегала глазами невидимые мне строчки. — А нормально учиться мы как и не начнем?

Я устало опустилась на кровать, одновременно распуская шнуровку платья.

— Что ж поделать, если мне скучно? Когда мечтала, как здесь окажусь, да как вселенские тайны распутывать буду, все здорово было. А оказалось...

— Ладно, ладно, не оправдывайся. Все понимаю. Тем более разбитое сердечко...

— Изгоню, — пригрозила я. — Из всех зеркал повытряхиваю. Я же могу, ты знаешь.

— Знаю, знаю, — примирительно бормотала Иравари. — Ложись уже, неугомонная.

Я поправила подушку и зевнула.

— Спасибо тебе.

— Магическая война на сломе тысячелетий, — монотонно начала читать демоница, — заставившая магов всех четырех стихий объединиться и изолировать Элорию от влияния внешнего мира...

Я уснула почти сразу.

Больше всего во сне я любила переноситься сюда — на желтоватую циновку под навесом. Чтоб просто сидеть, подтянув колени к подбородку, любоваться размытым, будто акварельным пейзажем, легким туманом над поверхностью пруда. И ждать, бесконечно ждать, когда появится тот, кого я здесь когда-то оставила. Ветер покачивал кусты осоки.

— Ш-ш-ш... Ты же любишь его... Любишь и ждешь... С детства, с самой первой встречи. Только его.

Я вытерла рукавом мокрые щеки и кивнула.

— Так скажи ему-у-у...

— Что-то он не стремится со мной разговаривать.

— Откуда ты знаешь? Может, он тоже ждет, может, спугнуть боится? Позови его, сделай первый шаг. Ну!

— Влад, — шепотом сказала я, — услышь меня, пожалуйста.

— Вот и славно, — ответил ветер, — вот и хорошо... В вопросах передачи информации...

Я рывком вынырнула из сна и вскочила с кровати. Иравари в зеркале испуганно заметалась.

— Так вот, значит, чему ты меня во сне учить вздумала! — Я подбежала к зеркалу и саданула по нему со всей мочи. — Вместо того чтобы с учебой помочь, в душу мне лезешь?

Демоница, видимо решив, что нападение — лучшая защита, заорала в ответ:

— Потому что в нормальном состоянии ты со мной ничего обсуждать не хочешь! А я тебе добра желаю!

— Не хочу я твоего добра, я покоя хочу!

— Дракона ты своего хочешь! Себе хоть не ври! Университет ей не мил, родственники элорийские не по нраву. Как собака цепная на всех бросаешься. Поэтому на честном слове от учителя к учителю и кочуешь, поэтому и не даются тебе науки.

— Изгоню! — взвизгнула я. — Видеть тебя больше не желаю!

— Только попробуй! — скрестила руки на груди Иравари. — Я тогда твоей бабушке пожалуюсь. Вот потеха будет, когда Яга примчится тебе мозги вправлять.

Я замолчала. Кого-кого, а бабули я боялась. Не посмотрит моя родственница, что я уже

взрослая, без пяти минут мэтресса и пять минут как мужняя жена (пусть и понарошку), сразу начнет розги в рассоле вымачивать, еще в дороге. А уж как воочию объявится... За этот год я общалась с бабушкой всего несколько раз, с помощью зеркал. После того как мы с Иравари придумали способ учиться во сне, мои сновидения под завязку стали забиты формулами, датами и рецептами зелий, так что ни на что другое времени не оставалось. Да оно было и к лучшему, лгать или недоговаривать в полудреме получается не особо.

Я пнула табурет и разревелась.

— Ты бы обулась, прежде чем ногами махать, — ядовито пошутила демоница. — Ну не плачь, слезами горю не поможешь. Тебе еще с незнакомцем встреча сегодня предстоит. Что, вот такая зареванная и пойдешь?

— Думаешь, кого-то моя внешность интересует? — шмыгнула я носом.

— Еще как. — Иравари уже поостыла и, видимо, решила не продолжать скандала. — Я с утра по всем университетским зеркалам прошвырнулась. Много интересных бесед подслушала.

Я потянулась к умывальному кувшину, раздумывая, чего мне больше хочется — хлебнуть из него или в лицо водицей плеснуть.

— Красавчика Игоря помнишь?

Я отрицательно качнула головой и стала умываться.

— Как можно однокашников своих по именам не знать? — сокрушалась демоница. — Рыжий такой, с зелеными гляделками, букет тебе на той седмице подносил.

Я перевела взгляд на прикроватный столик, где в вазе печально увядала драконья дюжина пепельных роз.

— Начинаю припоминать. Игорь, говоришь, зовут? Странно. Мне казалось, он из Галлии, а имя какое-то совсем не галлийское.

— Он романин, — усмехнулась Иравари. — Что, сердечко не дрогнуло? Все, все, не буду подшучивать. Слушай! Игорь этот сегодня парням хвастался, что ему выпало с тобой инициацию проводить.

Я покраснела.

— Он же ветреник, как и я, наши медички не рекомендуют... ну, чтоб одной стихии...

Ёжкин кот! Ну чего это я не повзрослею никак! Почему до сих пор подобные разговоры вгоняют меня в краску? Тем более что для магов эти самые дела естественны, на манер еды, питья или сна. Что там Бланка говорила — «огонь страсти питает пламя магии».

— Короче, врет он, вот! — твердо встретила я взгляд своей подруги. — Как сивый мерин.

— И эпистолу с печатью этот мерин копытом начертал?

Я фыркнула:

— Ну, значит — совет им да любовь, с эпистолой этой. Глупости какие! Даже думать об этом не буду! Игорь еще какой-то...

— Как знаешь, — подмигнула мне демоница. — Новости про Влада интересуют?

— Ты его видела?

В Арад мы с Иравари пробиться не могли, как ни старались. Все замковые зеркала были заперты и зияли чернотой. До меня доходили слухи, что у Дарины с Михаем все в порядке, как и у крошечной Ленуты, появившейся на свет погожим осенним днем. Про Дракона тоже много чего говорили. И про то, что поднял черные знамена над Шегешваром, за две луны захватив цитадель, и про то, что ведет переговоры с Лузитанским кронпринцем, требуя выдать ему мачеху, и про то, что отбил нападение

Урхана у восточных рубежей своих владений. Мой несостоявшийся муж занимался своими важными делами, а я...

— Не совсем я и не совсем видела. Короче, я лучше покажу.

Зеркало подернулось рябью, поверхность искрила, разбрасывая во все стороны разноцветные солнечные зайчики. Я, затаив дыхание, ждала, что вот-вот мельтешение закончится и я увижу самые синие в мире глаза. Раздались равномерные щелчки, фырканье лошади, раздраженный возглас всадника, мне удалось рассмотреть край серебряного шитья...

— Все! — горделиво сообщила Иравари, появляясь в зеркале. — Ну как тебе?

— Никак, — тряхнула я головой. — Что это было?

— Бусины это были, они, родимые. Помнишь, тебе в храме Трехликого ими косы украшали?

— И что? — Я помнила, но картинка понятней от этого не становилась.

— А то, что некто их все до единой собрал и теперь при себе носит. Ты можешь меня спросить, почему я раньше через них ничего рассмотреть не могла. И я тебе отвечу: они лежали где-то в темном месте — в сундуке или шкатулке. А теперь их этот некто на свет извлек.

— А почему ты решила, что именно Влад?

— Лутона, — грустно проговорила Иравари, — я прекрасно помню, с какой прической ты отправилась на свою последнюю встречу с Драконом и с какой вернулась. И если ты дашь себе труд самой подумать...

Я кивнула:

— Ну да. Он мне сам говорил, что место тайное, что никто, кроме него, там не бывает.

«Иди сюда, птица-синица. Я на твои косицы уже смотреть не могу...» — будто наяву слышалось мне. И его сильные пальцы в моих волосах, и цокот хрустальных бусин о дощатый настил...

— Чего ты притихла? — окликнула меня демоница. — Радуетесь или грустите?

— Нечему радоваться, — пожала я плечами. — Ну, увижу я Влада, прощения у него попрошу. И за то, что без одежды неизвестно где оставила, и за то, что женила на себе без его ведома...

— Он тебя молниеносно простит, обнимет, поцелует, и будете вы жить долго и счастливо, — умильно закончила за меня Иравари.

— Зато я его не прощу, — вздернула я подбородок. — Своей вины не отрицаю, но и его до самой смерти помнить буду.

— Эх в тебе гордость элорийская бурлит, — покачала головой демоница. — И года не прошло, как из полевого цветка эдакая донья Терра получилась.

Я закусила губу, намереваясь поставить на место нахалку. Иравари же будто к чему-то прислушивалась.

— Твоя соседка с занятий возвращается. Прощай, после договорим. Без меня на встречу с таинственным незнакомцем не иди, вызова твоего ожидать буду.

Я набросила на зеркало кисейную занавесь, отперла входную дверь и завалилась на кровать.

Эмелина явилась в шлейфе густого цветочного аромата. Темный шелк платья оттеняли кружевной чепец и стихийная руна, приколотая в виде броши у самого ворота. Моя соседка, как и я, была ветреницей и так же, как и я, звезд с неба не хватала.

— Ты уже здесь? — звонко спросила она, осторожно огибая зеркало. — Невероятно!

В ответ я пробурчала нечто невразумительное и отвернулась к стене. Мое демонстративное нежелание общаться принято во внимание не было.

— Я пока сюда шла, много интересного узнала. Хочешь, расскажу?

Я медленно считала про себя с закрытыми глазами.

— Во-первых, я видела Игоря, и он...

— Ложь! — не выдержала я и села на кровати. — Что бы он там тебе ни поведал, все это измышления.

Эмелина сняла чепец и трянула рыжеватыми волосами.

— Вынуждена тебя разочаровать, моя дорогая подруга, но то, что я узнала от этого достойного во всех отношениях юноши, слишком похоже на правду. Он как раз держал путь из кабинета нашего ректора. Так что я узнала новость первой.

— Давай уж, не томи, — недовольно пробурчала я, разыскивая на полу свои туфли.

— Тебя не допускают к завтрашнему экзамену! — триумфально провозгласила она.

Интересно, чем я ей насолить успела, что она меня так ненавидит? Вроде нормально жили, без скандалов и склок.

— Причина? — Мои губы дрожали, и я закусила их, чтобы не заплакать.

— Причина, моя дорогая, в твоей несостоявшейся инициации. Один из элементов завтрашнего экзамена должен будет потребовать от адептов стихий всех сил, а ты на это пока, увы, не способна, — ядовито продолжала девушка. — Но Игорь, я уверена, поможет тебе справиться с этой бедой.

Я мотнула головой:

— Глупости! Помню, год назад тебе запретили проходить инициацию с ветреником, а доводом послужило то, что вас призвала одна и та же стихия...

Ёжкин кот! Я неожиданно прозрела. Вот она, причина ее нелюбви! Игорь этот, дракон его задери! Они же дружили первое время. Эмелина два дня тогда в подушку проревела. Потом смирилась и, если я ничего не путаю, перенесла свою нежную страсть на некоего огневика. — Так для особых магов и правила особые, — съязвила соседка. — У вас, аристократов, свои обычаи. Не правда ли, донья Терра?

А вот это она зря. У меня даже подушечки пальцев закололо от едва сдерживаемой злости.

— Ну, раз ты так говоришь, — пожала я плечами, — тогда пусть будет Игорь. Какая, в сущности, разница, кто поможет увеличить мой магический потенциал?

— Наверное, твой дедушка заплатит ему немалые деньги за помощь?

Эмелина в стремлении меня уязвить выглядела откровенно жалкой.

— Фи! — закатила я глаза в притворном возмущении. — Недостойно сводить беседу о великих таинствах инициации к меркантильным сплетням. Стыдитесь, донья Гутьеррес!

А про себя подумала, что со старого хрыча станется мне жизнь подпортить. А не отыскать ли мне этого рыжего романина да выяснить, какого лешего он задумал, по чьему наущению? И ежели за мзду какую, пусть делится, супостат. Эх, жаль, времени нет.

Я схватила с кровати свою мантилью и направилась к двери.

— Куда? — всхлипнула соседка.

— К экзамену завтрашнему готовиться, твое общество, знаешь ли, наукам не способствует.

И, оставив Эмелину в тягостных раздумьях о формах моей подготовки, я пошла в библиотеку.

По дороге обдумывая произошедший разговор, я успела проникнуться сочувствием к своей соседке и решить, что все-таки я не мешок денег, чтобы всем нравиться, и, если я не хочу никого никогда обидеть, мне лучше в подвале запереться и носа наружу не казать. Мантилью на голове я закрепила не глядя, просто воткнула гребень в прическу, поближе к затылку, и расправила на плечах тонкое кружево.

В библиотеке никого не было. Впрочем, как я и предполагала. Университетская читальня, несмотря на свой высокий статус, богатством книг не отличалась. То есть не так — книг было много; их золоченые и посеребренные корешки весело подмигивали с полка, но, по сути, добрую половину из них составляли куртуазные романы авторства нашего августейшего величества Карлоса Первого. Я как-то из интереса взяла парочку полистать на сон грядущий. Но на первом же пассаже неприлично заржала и захлопнула груд, чтоб не загреметь в кутузку за неуважение к августейшей особе. Потому что элорийский повелитель... как бы это помягче выразиться... Ну, я бы чтение его трактатов ввела в перечень наказаний для душегубцев, сразу после дыбы, но перед сожжением. Думаю, после эдаких нововведений преступность в славной Элории немедленно сошла бы на нет.

У меня при себе был крошечный шарик магического огонька — подарок Зигфрида, но активировать его я не спешила. Тайное дело было не для чужих глаз. Пахло пылью и немного мышами. Высоко над головой, у косых потолочных сводов, клубились тени, о происхождении которых задумываться не хотелось.

Осторожно прикрыв за собой дверь и пару раз моргнув, чтобы привыкнуть к темноте, я юркнула за стеллажи. Поворот, другой, третий. Слева посветлело, значит, я пробралась к окошку. Но этот выход был не для меня. Слишком он очевидный, а оттого слишком охраняемый. Я выглянула наружу. Россыпь крупных звезд переливалась в ночном небе. На привратной башенке угадывался силуэт стражника. Я отвернулась от окна, отсчитала двадцать шагов, опустилась на корточки и нащупала на полу дверцу потайного лаза. Здание Квадрилиума за свою многовековую историю пережило не один штурм, так что разных потайных штукovin здесь было в избытке. О некоторых строгое университетское начальство было осведомлено, но о многих оно даже не догадывалось. Этот ход был мой, личный, отысканный умелицей Иравари методом сравнения десятка разных планов.

Я набрала в грудь побольше воздуха и юркнула вниз. Скатилась по гладкой доске на целый этаж, потом спустилась по узенькой винтовой лестнице. Глаза начало пощипывать от запаха нечистот. Сточная груба пролежала поблизости. Я зажала рот и нос ладонью и припустила изо всех сил.

На поверхность я выбралась уже за пределами университета. Отряхнула подол платья, поправила волосы и чинно отправилась на условленную встречу, подходя к воротам с внешней стороны. На привратном пятачке клубилась тьма, да такая, что даже мое ночное зрение пасовало. Видимо, некто, не желающий быть замеченным, активировал заклинание невидимости. Я застыла, не желая идти в эту чернильную темноту.

— Донья Лутеция? — неуверенно спросил приятный баритон.

Я утвердительно чихнула. В двух шагах от меня разгорался желтоватый огонек потайного фонаря.

— Я должен завязать вам глаза, — с опаской приблизился ко мне невысокий господин в широкополой шляпе. — И пообещайте, что вы не будете считать повороты или пытаться снять повязку.

Я пожалала плечами. Неужели этот мужичок думает, что, если я захочу узнать, куда он меня ведет, обещание меня остановит?

— Вы боитесь?

— Кабальеро неверно расценивает мою нерешительность, — протянула я. — Мне неведом страх.

Пальцы посыльного дрожали, когда он затягивал на моем затылке тугой узел повязки.

— Вы позволите взять вас под руку? — уточнила я, сделав пробный шаг и чудом не растянувшись на мостовой.

Он крепко обхватил мой локоть:

— Пройдемте, донья.

Шли мы минут десять. Поворотов я не считала, только слушала всякий вздор, который шептал мой приятель ветер. Потомболтун резко исчез, из чего я заключила, что меня проводят воротами одного из городских храмов. Я давно замечала, что близость Источника поглощает стихию без остатка. Скрежет ключа в замке, скрип двери. Под ногами уже не брусчатка мостовой, а деревянный настил. Затем каблуки туфелек увязли в мягком ворсе ковра, и провожатый выпустил мою руку. В абсолютной тишине мне слышалось дыхание нескольких человек и громкий стук моего сердца.

— Развяжите ей глаза, — скомандовал чуть гнусавый мужской голос.

Я тряхнула головой и зажмурилась от яркого света. Мужчина был в маске, одной из тех, длинноносых, в которые состоятельные горожане любят насыпать благовония либо защитные порошки, призванные помешать заразе, передающейся по воздуху, добраться до них.

— Можешь быть свободен, Джузеппе. — Легкий кивок в сторону проводника. — Я позову тебя, когда ты будешь нужен.

Мы остались в комнате вдвоем — я и незнакомец в маске, но я готова была поклясться, что за шелковой ширмой скрывается, по меньшей мере, еще один человек. Его тяжелое прерывистое дыхание не могло мне померещиться.

Я слегка прищурилась, пытаюсь рассмотреть нити силы. Ничего! Я нащупала брошь. Обычно прикосновение к ветреной руне позволяло сосредоточиться. Снова неудача.

— Донья Лутеция хочет призвать ветер? — Глаза в прорезях маски, цвет которых я не могла угадать, были серьезны. — Пустое... Эти покои надежно защищены от стихий.

Сама донья в этот момент напряженно раздумывала, какого лешего она вообще ввязалась в авантюру, предложенную Бланкой. И еще у доньи поджилки тряслись от подступающего ужаса, но этот самый ужас она никому не собиралась демонстрировать. Завитушки на резных дубовых шпалерах могли с легкостью скрывать не одну дюжину смотровых глазков.

— Как говорят у меня на родине, попытка не пытка, — доверчиво сообщила я незнакомцу и, чинно расправив складки форменного платья, опустилась на предложенный стул. — А также на моей далекой родине матушки учат своих дочерей не разговаривать с незнакомцами.

Села я неудачно — на мантилью, тонкая ткань натянулась, гребень вцепился в волосы. Надеюсь, набежавшие от боли слезы послужили достойным завершающим штрихом портрета скромной сиротки.

Собеседник громко сопел, разглядывая меня со вниманием.

— Кому я обязана невыразимой приятностью общения? — Прозрачный намек граничил с дерзостью.

Кем бы ни был этот сопун, его положение в обществе явно было выше моего. Но мандражировать сейчас не время. Насколько я изучила элорийские порядки, дерзость мне простить могут, трусость — никогда. Яркий свет казался уже не таким резким. Мне удалось заметить, что из-под маски собеседника ему на грудь сбегает длинная черная борода колечками, а пальцы рук обильно украшены перстнями. Среди плоских, граненых, выпуклых камней я заметила несколько амулетов. Значит, передо мной не

стихийник, а адепт какого-то иного вида магии.

— Можете звать меня маркиз, — наконец гнусаво проговорил собеседник.

Он поднялся из-за стола и подошел к камину. Я оценила богатырское телосложение нового знакомого, как и отсутствие шпаги у него на поясе.

Раздался негромкий щелчок; раздавленный маркизом огненный шарик поджег дрова. Пламя высоко взметнулось, облизывая поленья, и сразу опало, становясь ровным и домашним. Я потянула носом воздух. Пахло хорошо — кедровой смолой и немножко сандалом. Видимо, среди заготовленного дровяного шалашика чья-то заботливая рука положила пару-тройку драгоценных щепок.

— Мне рекомендовали вас, донья, как очень разумную девушку.

Я кивнула, не отрывая взгляда от ширмы. Шелковая ткань трепетала. Казалось, еще чуточку, и из-за нее появится чей-то любопытный нос.

— А мне вас как человека, располагающего нужными мне сведениями, — поддержала я беседу.

— Причем рекомендовал человек, на чье мнение я привык полагаться.

— Внимаю вам, сударь, — поддержала я беседу. — Продолжайте. С нетерпением ожидаю оглашения имени рекомендовавшей меня особы.

— К сожалению, в данный момент я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Могу лишь сообщить, что особа сия наблюдала за вами с должным вниманием.

— Тогда я, в свою очередь, осмелюсь предположить — разумеется, с соблюдением строжайшей тайны... Имя ее начинается на Бланка, а заканчивается на дель Соль? Что ж, первая загадка разгадана, перейдем ко второй. Вам нужна магичка для какого-нибудь не совсем законного обряда? И меня вам рекомендовали как девицу умом не обремененную, зато с лихвой одаренную любопытством?

За ширмой явственно фыркнули. Я вздрогнула и, чтоб два рана не вставать, выдернула из-под себя злосчастную мантилью. Жить сразу стало легче. Маркиз застыл, сверля меня недобрым взглядом. Глаза у него были светлыми, серыми или голубыми, и сейчас выпученными от сдерживаемого гнева.

— От обряда мне, к сожалению, придется отказаться, любезный дон. До меня доходили слухи, что большинство этих действий носят оттенок несколько срамной, то есть никак мне не подходящий. Может быть, мы с вами лучше отбросим этот древний способ ведения дел «баш на баш» и я просто заплачу вам деньгами? Назовите сумму?

Стихийницам в Элории, конечно, позволено не в пример больше, чем простым дамам, но ходила я по тонкому льду. Если маркизу не удастся обуздать гнев, он мне двумя пальцами шею свернет. И никакой ветер не поможет, никакая Иравари... Может, зря я его дразню? Может, как-то осторожнее предложения нужно было излагать? Собеседник взял себя в руки довольно быстро.

— Вы являетесь прямой наследницей главы дома земли.

Это был не вопрос, а утверждение, поэтому я решила лишний раз не суетиться.

— Аристократическое происхождение позволяет вам вращаться в высшем свете столицы.

Я расслабила плечи.

— К сожалению, вторая линия моего... гм... происхождения закрывает передо мной многие двери.

— О вашей скромности меня тоже предупредили, — после паузы сообщил маркиз. — Донья Ягг, это ваше качество нам придется отбросить.

— Каким образом?

— Просто не принимать в расчет. Нам необходимо, чтобы вы как можно быстрее были представлены ко двору.

Вот этого я совсем не ожидала.

— Даже если на минуту предположить такую возможность...

— Вы помиритесь с дедом, и он с гордостью введет вас в общество.

— Ни за что! — вздернула я подбородок.

— Немедленно. Каким образом произойдет ваше примирение, меня мало волнует. Вы познакомитесь с нужными людьми, очаруете короля...

— Королю нашему сто лет в обед. — Незаметно для себя я перешла на простоватый мохнатовский говорок. — И прелести юных дев его волнуют меньше всего.

— Значит, вы найдете, чем его увлечь, и...

Собеседник запнулся, будто в последний раз что-то прикидывая. Я, в свою очередь, подавившись возражениями, наострила ушки.

Маркиз, заметив перемену моего настроения, не спешил. Он неторопливо проследовал за ширму и появился оттуда, неся в руке некий продолговатый предмет, в первое мгновение принятый мною за зеркало.

— Вот, полюбопытствуйте.

Я взглянула. Это был небольшой портрет, всего с ладонь величиной, выполненный масляной краской в тщательной манере элорийских живописцев.

— Вы узнаете изображенных здесь людей?

У меня закружилась голова, к глазам подступили слезы. Мужчина стоял за спиной хорошенькой дамы, приобняв ее за выглядывающее из пенных кружев плечико. Его черные как смоль волосы были небрежно отброшены за спину, ее — золотисто-медовые — забраны в высокую церемониальную прическу.

— Как видите, у меня есть что предложить вам взамен на наши услуги.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Картину?

— Информацию. Как только вы доставите мне «Мать четырех ветров», я сообщу вам, где находятся ваши родители.

Я сжала виски, в которых постукивали молоточки.

— Мои родители в фамильном склепе семейства Терра. Благородный дон Филиппе Алехандро, отказавший им в помощи при жизни, позволил поместить их тела туда.

Моя рука скользнула к затылку, освобождая гребень.

— Склеп? Восхитительная нелепица! Когда вы помиритесь с дедом, не премините посетить эту юдоль скорби. Думаю, вас там ждет немало открытий.

Я поднялась:

— Мне нужно о многом подумать. Я сообщу вам свое решение позднее.

Маркиз не возражал.

— Человек с потайным фонарем будет ждать у врат каждую ночь.

Я присела в поклоне, вежливо склонив голову.

— Обещаю не затягивать своих раздумий. Позволено ли мне будет напоследок кое о чем

спросить?

— Конечно, драгоценная донья Ягг, вопрошайте.

— Кто находится у вас за этой ширмой?

Длинный нос маски качнулся в указанную сторону.

— Здесь?!

Маркиз весело рассмеялся и потянул на себя раму. Ширма отодвинулась. За ней обнаружился блестящий лаком комод и плетеная корзина с подстилкой, на которой с видом грецкого императора возлежала лохматая псина.

— Это Парус, — пояснил хозяин. — Он слишком стар, чтоб стоя приветствовать гостей, и слишком дорог мне, чтоб я мог выгнать его на улицу. Парус, попрощайся с доньей Ягг, она уже покидает нас.

Тяжело дышащий пес вяло твякнул. Я покраснела. Маркиз вежливо сопроводил меня к двери, кликнул слугу, того самого Джузеппе.

— Буду ждать вашего решения, восхитительная донья. А пока позвольте передать вашему покровителю... эту вот безделицу.

Продолговатый сверток перекочевал из рук хозяина в мои.

— В конце концов, не зря же вы проделали этот путь. Надеюсь, никто из посторонних в подробности нашей беседы посвящен не будет?

«Чего это он под конец беседы так развеселился?» — подумала я, отвечая вслух нечто приличествующее случаю.

— Донья забыла свою мантилью? — спросил провожатый, надевая на меня повязку.

— Она мне давно не нравилась, — легко ответила я и пожала плечами. — В этом сезоне в моде другая длина.

К вопросам моего гардероба мы больше не возвращались. Джузеппе торжественно и молча сопроводил меня к воротам университета и, не прощаясь, растворился в ночных тенях.

Выбравшись из хитросплетений тайных ходов, я уверенно направилась в мужское крыло. Правда, по дороге пришлось отвлечься и оставить продолговатый сверток у двери с золоченым орнаментом. Без подробного отчета Бланка перетолчется, а вот без искомого предмета — вряд ли. Интересно, что же мы такое с ней по крупницам собираем? Амулет? Может, ту самую «Мать четырех ветров»? Вот бы посмотреть на него хоть одним глазком! Мысли были ясными и четкими. О своем аристократическом происхождении я потом подумать успею. И про родителей — тоже, и про амулеты с артефактами. А вот завтрашний экзамен — вещь неотвратимая и близкая. О нем озаботиться придется уже сейчас.

Два ряда одинаковых дверей ввели меня в недолгий ступор. Где же он живет, романин рыжий, самой медичкой Матильдой мне в супруги на одну ночь предназначенный? Здравую мысль ходить из комнаты в комнату в поисках суженого-ряженого я отмела быстро. А если испугаю кого из студентов, если стражу кликнут? Позора же не оберешься. Я прикоснулась к брошке, вызвав легкий порыв ветра. Ну, давай, родимый, ты же свою стихию чувствуешь! Ветреников среди сильного пола у нас раз-два и обчелся. Вот именно что два: Игорь этот и еще один, в очках все ходит. Как его там? Данила? Вавила? Ёжик кот! Что ж я никак своих однокашников по именам не запомню? Права, ох права Иравари! Ветер подтолкнул меня к заветной двери, из-под которой пробивался лучик света. Значит, не спят еще касатики? Мне же лучше.

Я ввалилась в помещение без стука, прерывая чинную полуночную трапезу, раздула ноздри, принюхиваясь к густым винным парам, и соколиным взором осмотрела диспозицию.

— Ты! — Мой указующий перст был грозен. — Зовут как?

— Д-д... Дементий, — постукивая зубами о край чарки, ответил тот. — Дементий Стихоплет.

— И чего, стихи пишешь? — начала остывать я.

Ветреник слегка покраснел, но утвердительно кивнул.

— Потом считаешь. А сейчас оставь нас.

До сего момента молчавший Игорь открыл было рот.

— Ненадолго, — предвосхитила я возражения. — На половинку часика всего. Дело молодое, понимать должен.

Дементий иронично хмыкнул, но удалился, прихватив с собой какой-то манускрипт. Я перевела взгляд на Игоря.

— Ты, наконец, решилась? — широко улыбнулся тот, раскрывая объятия. — Ну, так иди же ко мне!

— Лечу! — ответила я на улыбку и резко заехала ему кулаком в ухо.

Удачно получилось, что парень еще сидел, а то пришлось бы подпрыгивать и удар получился бы скользящий. А так романин сомлел, завалившись на подушку, а я, вытащив из-под кровати его сундучок, а из порядком уже растрепавшейся прически серебряную шпильку, принялась орудовать ею в аккуратной прорези замка.

— Уж тогда сразу лучше ключи на трупе поискать, — саркастично посоветовала из зеркала Иравари. — Чего уж мелочиться? Разбой полумер не терпит.

— Какой труп? Типун тебе на язык, — сдула я с мокрого лица прядь волос. — И никакой это не разбой. Я интересы свои блюду. Или мне теперь всякого воздыхателя с эпистолами на дуэль вызывать прикажешь?

Демоница, на словах мои действия порицающая, следила за ними с азартным любопытством.

— Ну, хорошо, благородный поединок нам не подходит. Кстати, тогда не понятно, зачем кавалер Изиидо оплатил твои занятия у двух учителей фехтования.

— Чтобы было, — кряхтя, пояснила я. Механизм, кажется, стал поддаваться. — Как говорит одна моя родственница, «знания за спиной не носить» и «все в жизни пригодится». Кстати, не твоя ли была здравая мысль — конкурентов для тренировок нанять?

Шпилька провернулась, замок щелкнул, я отбросила крышку сундучка. На пол вывалился ничем теперь не сдерживаемый ворох чулочных подвязок: простецкие веревочные, атласные, шелковые, расшитые бисером и стеклярусом. Ни одной пары я среди них не заметила. Но гораздо больше меня поразило то, что обнаружилось на самом дне сундучка. А была там ночная сорочка тонкого льна, с руной ветра у ворота и безобразной дырищей на груди, прямо напротив сердца. Когда я эту сорочку две седмицы тому назад потеряла, она была целехонькая и даже свежевывстиранная. Как сейчас помню длинные рукава, прощально помахивающие мне с веревочку сушильного дворика, где я ее, бедняжку, оставила.

— Ничего себе тайник! — присвистнула Иравари. — Давай приводи в чувство охламона, я сама допрос вести буду.

— Не смейся, — остановила я подругу. — Не стоит сейчас раскрываться. За вызов демона Тонкого мира меня никто по головке не погладит.

— Да любой из ваших студентов, да и магов тоже, спит и видит, как кого-нибудь из нас вызвать!

— Все равно — не поощряется, — качнула головой я. — Знаешь, как дальше все

раскрутится? Сначала Игорь проговорится кому-нибудь по хмельному делу. Потом ко мне этот «кто-нибудь» явится, чтоб я тебя на время ему одолжила. А потом некто третий или даже обиженный отказом второй донесут на меня ректору...

— У ректора свой демон есть! — не желала успокаиваться Иравари.

— И кто-нибудь, кроме тебя и теперь меня, об этом знает? — Подруга тяжело дышала, не желая соглашаться с моими доводами. — Мэтр Пеньяте очень-очень заинтересуется нашими с тобой делами, отсутствием кровавых приношений и другими... аспектами.

Мне самой понравилось, с какой легкостью я ввернула в разговор мудреное слово.

— Я передумала, — качнула Иравари высокой прической. Последнее время демоница для встреч со мной облачалась по последней элорийской моде, поэтому сегодня щеголяла в черной мантилье. — Бери все это барахло и отправляйся к ректору. Надо призвать к ответу рыжего развратника.

Тем временем сам развратник хрипло застонал. Иравари исчезла. Я повернулась к постели.

— Как вы это объясните, господин Стрэмэтурару?

Продолжать обвинительную речь я не могла, до крайности удивленная уже тем, что в моей памяти отыскалось заковыристое прозвище студента. Надо будет Иравари похвастаться.

Изумрудно-зеленые глаза смотрели на меня с дурашливой укоризной.

— А у тебя рука-то тяжелая.

— Никто не жаловался, — ответила я, уже после удивившись, что разговор рыжий соблазнитель начал на романском. — Повторить?

— Не стоит. Я и так сделаю для тебя все, что ты захочешь.

— Многообещающее начало... — Говорить на давно, казалось, позабытом языке было приятно, я ведь когда-то считала его родным. Только на нем, мягко перекатывая горловое «р», можно было произнести «дракон» так, что сердце сладко замирало...

— Повтори, я не расслышал, — оторвал меня от грез Игорь.

— Дракон тебя подери, говорю, — надулась я. — Если ты мне немедленно не объяснишь содержимое своего сундука, жалоба отправится напрямиком в кабинет ректора.

— А кому ты весточку оставила, что сюда идешь? — нисколько не испугавшись, спросил рыжий. — Стихоплета можешь в расчет не брать, он сделает все, что я ему велю.

— Ну что ты как маленький? — Я прикоснулась к ветреной руне, и из-под моих пальцев рванулась бледная птица, вроде тех галок, которые рисуют на полях рукописей нерадивые студенты. — У тебя ровно три минуты, потом я уже не успею ее отозвать.

Игорь колебался недолго. Расширенными от ужаса глазами он провожал плавные пируэты моей галки, кружащей у потолка.

— Что это такое?

— Я первая спросила.

— Ответ за ответ?

— Не в том ты положении, чтобы торговаться. — Но в голосе парня мне послышалось такое азартное любопытство, что устоять перед ним было невозможно. — Про портал последней надежды слышал?

— Это такой артефакт специальный, — подбадриваемый моим благосклонным кивком, начал Игорь. — Он открывает портал в Квадрилиум только для одного мага и в самом крайнем случае.

— Когда маг при смерти, — подтвердила я.

— Ты хочешь сказать, что твоя птица и есть этот портал?

— Нет, еще нет. Портал последней надежды — артефакт штучный, в производстве сложный и долгий. И одаривают им только самых-самых...

Туманная галка попыталась просочиться в неплотно прикрытое окно, и я развеяла ее щелчком пальцев. Игоря я не боялась, в отличие от незапланированного визита в мужское крыло ректора или отряда ночной стражи. К тому же продемонстрировать собеседнику свое доверие — шаг далеко не лишний. Теперь ветреник знает, что я не беззащитна, и должен мой щедрый жест оценить.

Игорь улыбнулся:

— Я все равно ничего не понял.

— У каждого из нас, студентов, есть руна стихии. Это не просто символ, не просто украшение — это основа того, что со временем превратится в портал последней надежды. И уже сейчас наши руны кое-что могут: помочь рассмотреть нити силы, призвать стихию... ну, или поднять тревогу.

— Как предусмотрительно, — хмыкнул парень. — Значит, одарить или не одарить нас возможностью сохранить жизнь, решать будут после, но готовятся к этому уже сейчас.

— Это очень сложное колдовство, для него придется смешать лечебную магию, личную силу объекта, стихии.

— Нас этому будут скоро учить?

— Думаю, никогда, — пожала я плечами. — Даже если мы с тобой будем знать, что да как, применить свои знания на практике не сможем. На месте наших преподавателей я бы гоже лишних телодвижений не делала.

— А если...

— Хватит пустой болтовни, — прикрикнула я на ветреника. — Немедленно отвечай, что у тебя за коллекция под кроватью обнаружилась?

Зеленые глаза воровато блеснули. Я демонстративно погладила брошь. Ниточка ветра, которую я использовала для создания тревожной птицы, была последней. Больше их в комнате не наблюдалось. Но Игорь этого, кажется, не заметил. Судя по красноватому следу на переносице парня, для этой волшбы ему нужны специальные магические очки. Помнится, когда я с Зигфридом познакомилась, он такие стекляшки повсюду за собой таскал. Теперь-то вырос мой огневик, заматерел, одним пальцем нити силы скручивать может. Л через что ему для этого пришлось пройти, даже думать не хочется.

Игорь отчаянно покраснел.

— Я стрегони, — наконец произнес парень. — Знаешь, что это такое? Ай, к чему спрашивать, конечно, знаешь. Ты же из наших, из горных. Я как тебя заприметил, сразу решил — славная девчонка, боевая. Я, может, всю жизнь такую искал — простую, без фанатерий. Я же ухаживал за тобой по-хорошему — цветы там, мадригалы...

— Цветы помню, — согласилась я: — А виршей не было.

— Были. Только я их сперва Стихоплету показал, он меня на смех поднял. «В своем ли ты уме, студент Стрэмэтурару? — говорит. — Это же не просто ваша романская бродяжка в Квадрилиум учиться пожаловала, это самого дона дель Терра внучка».

Глупые мальчишки! Внучка я бабушкина и ничья больше. И знали бы вы, какая могущественная ведьма моя бабуля, в штаны бы наложили от ужаса.

— Стрегони — это романские ведьмы? — перевела я разговор.

Игорь кивнул.

— Меня мама и тетка кое-чему научили. Вот и решил тебя приворожить, раз похорошему ты не хотела. Тельная рубаха, птичье перо, кровь, песок...

— Погоди, — начала злиться я, подозревая подвох, — стрегони ведьмы, не ведьмаки. Ваша богиня, не помню ее прозвания, вообще мужской род не жалуется. По женской линии у вас сила передается.

— Я не знаю, почему так получилось! — чуть не плакал парень. — И никто не знает. Может, пошутила она, может, не нашла в том поколении никого достойней? Меня девочки еще в детстве насмешками извели. Думаешь, мне приятно было с ними на шабаши летать? Да если я тебе сейчас...

— Ничего не хочу про ваши обряды знать! — прикрикнула я в ответ. — Дело ваше тайное, не для моих ушей.

— И то правда, — согласился он. — Прости, если что не так. Хотел приворожить, не получилось. Рубаху свою забирай.

— Ты от меня так просто не отделаешься, — зашипела я. — Подвязки чулочные — это, стало быть, памятки славных побед?

— От твоих тесемок я бы тоже не отказался.

Игорь наглед прямо на глазах. А ведь недаром Иравари его красавчиком назвала.

— Держи карман шире! К слову, о карманах...

Я протянула вперед раскрытую ладонь.

— Эпистолу отдай.

— Ни за что. Я еще и ректору на тебя нажалуюсь, что ночью ко мне ворвалась.

— А я тогда ему рубаху покромсанную предъявлю и твою коллекцию любовную присовокуплю!

— А ректор в ведовство не верит, потому что магии суть одна — стихийная, а все остальное — дикарское невежество и поклонение глиняным болванам.

У меня от злости в глазах потемнело. Потому что учиться надо было прилежнее, донья Ягг, занятиями не манкировать. Вот тогда бы вас этот рыжий недоросль цитатками-то не отбрил, вы бы тогда знали, что ему, похабнику, ответить.

Я медленно досчитала до десяти и твердо встретила хитрый взгляд ветреника.

— В отличие от высокого начальства, я в дикарскую волшбу верю. И если ты мне эпистолу не отдашь, наговорю тебе на нос три... нет, четыре чирья. За землю, огонь, воду и связующий их ветер. Посмотрим тогда, с какой быстротой твоя чулочная коллекция пополняться будет.

Ему очень не хотелось верить, но я легко натянула на себя первую пришедшую на ум личину. Перед пергаментно-бледным Игорем сидела теперь древняя морщинистая старуха, с длинным крючковатым носом и торчащими вперед желтыми клыками.

— Бумагу! — прошамкала я. — Быстро!

Романин нагнал меня уже в коридоре, когда я величественно шествовала вдаль, в одной руке держа свою рубаху, а в другой — злополучную эпистолу.

— Лутеция, подожди!

Я крутнулась на каблуках.

— Господин Стрэмэтурару, ваша настойчивость начинает мне докучать!

«Эх, жаль, руки заняты, — подумалось отстраненно. — Эффектный жест с поисками у пояса воображаемой шпаги пришелся бы сейчас очень кстати».

— Лутона...

Я удивленно наблюдала за его дрожащими губами.

— Отложи экзамен. Я сделаю для тебя все, что ты захочешь. Присягну под любой ложью, которую ты собираешься преподнести ректору. Только не нужно рисковать. Время терпит, в следующем году...

У меня защемило сердце.

— Не кручинься, добрый молодец, со всеми бедами справимся.

Игорь грустно улыбнулся:

— Хорошо. Раз ты так решила, так тому и быть. Только пообещай мне, что на башню пойдешь без пары.

— Это еще почему? — Я и про башню-то слышала сейчас впервые.

— Потому что твой партнер выпьет весь твой ветер.

В словах молодого человека был смысл. Ветер, связующий и мятежный, мог питать любую другую стихию. И не всегда для этого требовалось согласие адепта.

— Спасибо за совет, — кивнула я. — Тебе тоже удачи, Игорь.

Он вздрогнул, услышав свое имя, и долго глядел мне вслед.

А потом я, наконец, добрела до своей комнаты.

— Умаялась? — приветствовала меня зазеркальная Иравари. — Да уж, нелегкий денек был. Твоя соседка усвистала магические способности увеличивать, так что ночевать вряд ли зайвится.

— Мне все равно. — Я кулем свалилась на кровать поверх стеганого одеяла. — Мне бы еще завтрашний день как-то пережить, а дальше полегче будет.

— Ну-ну, — неопределенно то ли возразила, то ли согласилась подруга. — А маркиз не простой орешек оказался.

— А Игорь вообще ведьма... — почти засыпая, поддержала я беседу. — Что? Тебе удалось что-то выведать?

— А ты когда мантилью свою в чужом доме забывала, никаких коварных планов при этом не строила?

Я улыбнулась. Мантилья, конечно, была ни при чем, все дело было в гребне, которым она крепилась в прическе. Полированные серебряные вставки в этом украшении запросто могли служить вместо крошечных зеркал, а где зеркала, там моя подруга — демонесса Тонкого мира, девушка с зеркальным именем Иравари, не имела себе равных.

— Ну и кто он, — зевнув в ладошку, тряхнула я головой, — маркиз наш?

— Шпион. И на чистую воду его вывести непросто будет.

— Ты лицо его видела?

— Да.

— Тогда не вижу препятствий. И выведем, и заведем, и, если резво обернемся, еще и выгоду кое-какую от этого получим.

— Маленькая разбойница, — беззлобно ругнулась Иравари. — Ты себе остров надумала купить?

— Ага, Элорию, — поддержала я старую шутку и сменила тему: — А «Мать четырех ветров», которую маркиз заполучить хочет, это что?

Демоница с треском развернула веер.

— Я не успела изучить вопрос досконально, дай мне еще пару часов. Спокойной ночи.

Я так широко зевнула, что чудом не вывернула челюсть.

— Сладких снов... Думаешь, то, что он про моих родителей намекал...

— Лутона, некоторые люди очень хорошо представляют себе струны, на которых можно сыграть: страсть, любовь, ненависть, пропавшие родственники — все идет в ход.

— А мне почему-то кажется...

Моя фраза повисла в пустоте. Иравари молниеносно исчезла, первой услышав скрип двери. В комнату серой тенью проскользнула Эмелина. И чтоб не стать благодарной слушательницей изложения запутанных сердечных дел доньи Гутьеррес, я притворилась спящей.

Глава 2,

в которой являются потерянные супруги и повествуется о пользе зрелищ

Об императоре можно судить по тому, как танцуют во время его правления.

Скоморохова жена всегда весела.

Полдень. Колокол на башне Ветра огласил время дюжиной звонких ударов. Половина самого суматошного дня канула в Лету, и я надеялась, что все мои сегодняшние трепыхания были не зряшными. Большая часть экзамена была позади. Я бойко ответила на десяток заковыристых вопросов по магической истории, филигранно выписала все надиктованные учителем заклинания и, судя по тому, что по окончании руны на пергаменте мягко мерцали голубоватым светом, а не загорелись, ошибок не допустила.

— Ну, как дела? — поймал меня в коридоре Зигфрид.

Облачаться в форменную мантию сегодня огневик не стал. Поэтому в своем темно-синем колете выглядел как любой столичный кабальеро. Только руна огня, болтающаяся на длинной цепочке, выдавала магический статус барона фон Кляйнерманна.

— Со всеми заданиями справилась, — отрапортовала я с улыбкой. — Вот, результата жду.

— Может, мне стоит с твоими учителями переговорить?

— Была б охота ноги трудить! Я в себе уверена.

— А грустишь тогда отчего?

Я серьезно поглядела на друга.

— Зиг, вот у тебя бывает, что делаешь что-то, стараешься, жилы рвешь... А потом остановился на минуточку, дух перевести, и думаешь: «А какого лешего оно мне вообще сдалось?»

Огневик озадаченно потер переносицу кончиком пальца.

— Донья Лутеция позволит мне пригласить ее на прогулку в сад?

Я чинно присела в ответ и затрепетала ресницами.

— Вы заставляете меня краснеть, сударь...

От невинного кривляния грусть слегка померкла. Барон предложил мне руку, я покачала головой. В нашем двуличном университетском мирке прикосновения на людях не поощрялись. В конце концов, он — Зигфрид Кляйнерманн — преподаватель (хотя я, к примеру, ни разу не видела его за кафедрой), дипломированный маг и прочая, и прочая, и прочая. А я — нерадивая студентка с сомнительными манерами и постоянно прорывающимся просторечным говорком. Да и неприлично это, чтоб посторонний мужчина с девицей под руку прохаживался. Вот когда он, наконец, на своей Крессенсии женится, когда станет моим дядюшкой, тогда по-родственному...

— Что тебя так развеселило? Мы в этот момент как раз огибали заросший ряской пруд, поэтому я не ответила, сделав вид, что поскользнулась на влажных плитках дорожки.

— Желаешь прогуляться под кронами вековых сосен или посетим беседку? — все же подхватил мой локоток галантный кавалер. — Выбери.

— Беседка, — решила я после недолгого раздумья. — Полдень, самое время поддерживать местные традиции. Устроим сиесту.

Белоснежная мраморная ротонда возвышалась над обрывом, на самой окраине парка, и была местом часто посещаемым. Мной-то уж точно. Здесь было прохладно в самое жаркое пекло, соленый аромат близкого моря смешивался с терпким запахом сосновой смолы, а жизнь казалась легкой и приятной без зубрежки, сплетен и прочих прелестей моего теперешнего положения. А еще отсюда открывался восхитительный вид на бухту,

на пенные барашки волн, над которыми в любую погоду носились полчища крикливых чаек, на зубчатые гребни утесов, на бескрайнюю, тянущуюся до самого горизонта водную гладь.

— Лутоня, — серьезно проговорил Зигфрид, усаживаясь на скамью, шпага глухо брякнула, соприкоснувшись с мрамором, — я должен задать тебе очень серьезный вопрос.

— Задавай. — Улыбаясь, я ловила губами соленые поцелуи ветра.

— Что тебя связывает с Мануэлем Изиидо?

Я, не открывая глаз, покачала головой:

— Зиг, мы же с тобой договаривались: в душу друг другу не лезть.

— Он довольно загадочный персонаж, — продолжал меж тем настойчивый огневик. — Молоденький дворянчик, чье состояние составляли поначалу лишь конь пегой масти да шляпа с пером, за год разбогател и приобрел кое-каких покровителей при дворе. Настолько разбогател, что вызвал интерес у руководства университета.

— И что? — Я, наконец, соизволила открыть глаза и посмотреть на собеседника со всей доступной строгостью. — Тебя родители не учили в чужой мошне деньги не считать?

— И знаешь, что любопытно? — Зигфрид не захотел втягиваться в перебранку. — Неожиданный взлет благородного кабальеро совпал с появлением в Кордобе некой юной особы...

— Зиг, — изобразила я недоумение, — со мной в наш достославный университет еще два десятка человек прибыло.

— Не юли! Тебя постоянно видят в трактире, комнату в котором снимает Изиидо, ты распоряжаешься огромными суммами денег, которыми, видимо, он тебя снабжает. Скажи мне, вы любовники? Поэтому ты отказалась от всех предложений инициации, поэтому ты не боишься сегодня взойти на башню?

Я вскочила со скамьи:

— Барон! Вы оскорбляете меня!

— И что? — ухмыльнулся огневик. — Ты потребуешь сатисфакции? Может быть, в Элории найдется хоть один мужчина, согласный вступить за твою честь? Ах да, господин Изиидо, наверное, мог бы... Пошлем за ним?

Ёжкин кот! Да если бы сейчас при мне была шпага, даже не та, которая в плотной льняной обмотке хранится у меня под кроватью, а самая завалящая, уши барона уже украшали бы его же колет. Потому что как фехтует мэтр Кляйнерманн, я видела, и зрелище это на меня впечатления не произвело.

— Лутоня, — шепнул ветер, — Лутоня-а-а-а...

Значит, кто-то обо мне что-то говорит, и ветренный дружок спешит сообщить об этом. Потом я услышала несколько обидных словечек, произнесенных шуршащим баритоном Игоря, а потом... Просто разревелась, бессильно опустившись на скамью.

— Не плачь, — обнял меня Зигфрид. — Прости, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть.

— Не хоте-эл, — всхлипнула я. — А сам...

— Девочка моя, я очень встревожен. Твои странные знакомства за стенами университета привлекают внимание очень влиятельных особ. Если бы ты помирилась с дедом, я мог бы быть спокоен за твое будущее. Клан Терра смог бы тебя защитить от всех невзгод.

— Клан Терра отрекся от моих родителей, когда им требовалась помощь. Они умерли из-за того, что дон Филиппе Алехандро отказал им в крове.

— Это тебе бабушка сказала? — Ты хочешь обвинить ее во лжи? — опять попыталась

вскочить я.

Зигфрид мягко, но настойчиво меня удержал. Я прислонилась виском к его груди и закрыла глаза.

— Я понимаю, что там дело было темное. Война, моровое поветрие, голод. Я читала, тогда в Кордобе больше половины населения полегло, но он же мог помочь! Дед! Какой он мне дед? Так, дядька какой-то посторонний.

— Может, тебе стоило ему сначала наедине свои соображения изложить, а не на торжественном приеме в лицо плевать?

— Если ты хочешь со мной окончательно поссориться, так и скажи.

Огневик не ответил, продолжая гладить меня по голове.

— Зиг, я же везде про своих родителей сведения искала — и расспрашивала, и Иравари кучу документов перерыла...

— Ну, как твоя демонесса умеет информацию добывать, я осведомлен. А также о качестве этой самой информации.

— Она, конечно, не идеальна, — согласилась я, — но архивы клана Терра уже, наверное, назубок знает.

— Поговори с дедом.

— Не обещаю.

— И второе: про Мануэля Изиидо забудь. Это очень неподходящее для тебя знакомство, неподходящее и опасное.

Я неожиданно зевнула. Все-таки послеобеденный сон неглупые люди придумали. Неплохо было бы сейчас часок-другой подремать. Конечно, если бы еще поесть перед этим получилось.

— Забуду, честно забуду. Через седмицу наверняка, а через две — как пить дать.

Нежиться в сильных мужских объятиях было приятно, я откинула голову, прислонившись затылком к шершавой ткани колета.

— Зиг, а ты знаешь что-нибудь про «Мать четырех ветров»?

— Это что еще такое? — сонно переспросил огневик. — Какое-то стихийное заклинание?

— Мне кажется, скорее, некий предмет, возможно — артефакт. В одном разговоре недавно всплыло, а я уточнить не успела.

— Хочешь, чтобы я расспросил ректора или посмотрел в тайном архиве?

— Ты меня очень этим обяжешь.

— Маленькая интриганка.

— Бесстыжий льстец...

Издали донеслись два колокольных удара, потом еще два.

— Мне пора, — прошептал Зигфрид. — С сожалением вынужден признать, драгоценная донья, что наша прогулка подходит к концу.

— Ты иди, мне еще хочется здесь побыть. — Я с неохотой высвободилась из его длинных рук. — Все равно еще часа два результатов дожидаться.

— Хочешь, я закажу для тебя в канцелярии разрешение на свободный вечер? В городе появился известный кукольник, и сегодня он будет выступать на площади Розы.

— Было бы неплохо, — оживилась я. — Куклы какие, перчаточные? Ну, их еще здесь

буратини называют.

— Не интересовался такими тонкостями, — пожал плечами огневик. — Вот вечером и посмотрим. Договорились?

Я широко улыбнулась и кивнула, а потом долго провожала взглядом сутуловатую фигуру, неспешно спускающуюся с холма.

— ...Кляйнерманн все так же норовит залезть под каждый каблук, попадающий в поле его слабого зрения.

Тягучая интонация, мед и сталь. Я резко развернулась, чтобы, как в пропасть, рухнуть в синюю глубину его глаз. Манящих, пугающих, родных, но таких холодных сейчас. Сказочный Кашей, мой разлюбленный фальшивый супруг — валашский господарь Влад по прозвищу Дракон с безмятежным видом сидел на лавке, где только минуту назад я, обнявшись, беседовала с Зигфридом. Господарь выглядел свежим, будто только что выбрался из прохладной купели. На отросших ниже плеч волосах блестели капельки воды. И все так же остры были его скулы и причудливо изогнуты брови и тверды очертания губ, которые, я помнила, так приятно было целовать. Кружевная белая сорочка с широким воротом открывала ключицы, темные штаны заправлены в короткие мягкие сапоги. Ни плаща, ни шпаги, будто не в горячей Элории мы с ним повстречались, а на полонине, на горном пастбище, собрались овец выпасать.

Покраснела я отчаянно. Мне почему-то стало стыдно и за свои вольности с бароном, и за кокетство неуместное. А еще за то, что в последнюю нашу встречу с Владом я оставила его одного, беспомощного, незащитного и... ох-хо-хонюшки!.. нагишом. А когда я в своих воспоминаниях дошла до того места, где я вот этого самого господаря без его ведома на себе женила, смерть мне показалась не слишком строгим наказанием.

— Ты... вы... Какими судьбами?

— О, это непростой вопрос, — улыбнулся господарь уголком губ; от его кривоватой усмешки веяло холодом. — Дороги судьбы извилисты и мне не подвластны. О них скорее можете поведать вы, сударыня.

Ах, значит, «сударыня»! Значит, с ходу меня тут никто прощать не собирается? Не очень-то и хотелось, ёжкин кот! Я вздернула подбородок.

— Не соблаговолите ли уточнить, князь?

А вот так! Чтоб не думал лишнего, чтоб неповадно... чтоб впредь...

А слезы все равно солоно булькают в гортани, и зрение затуманилось. Ох, беда с девкой, то есть со мной. И хорошо-то мне было как без господаря, тихо, а явился, как гром среди ясного неба, покой мне порушил.

— Макошь, плетельщица судеб, которая с некоторых пор приходится вам родственницей, дергает за ниточки. Уточните у нее.

— Всенепременно, — ответила я равнодушно. — Я, пожалуй, по-другому сформулирую вопрос...

Неужели Влад прав и бабушка принимает постоянное участие в моей судьбе? Сомнительно это. Мы же с ней и видимся очень редко, и все как-то урывками. Да и Макошь, она Макошь и есть. Сидит себе где-то далеко на кисельных берегах, в молочных реках свою дородную красоту рассматривает. А бабушка — в Мохнатовке — травками да заговорами селян пользуется. А вдруг... Продолжать эту мысль было неприятно, у меня даже голова закружилась от дурного предчувствия.

— Что тебе надо, Влад? — устало спросила я и присела на лавку, теперь хоть не нужно было смотреть на него в упор.

— Редкое заклинание, древний артефакт, могучий маг, которого я, по твоему замыслу, должна найти и изничтожить?

Он фыркнул и осторожно взял мою руку ледяными пальцами.

— Мне очень жаль, птица-синица, но уже ничего не имеет значения.

— А у меня экзамен сегодня, — всхлипнула я. — И на башню скоро придется идти, на самую высокую в Кордобе. И, если верить слухам, еще и прыгать с нее принудят. А если я ветер не укрошу, если расшибусь насмерть? Ты хоть слезинку по мне уронишь? Или это тоже «не имеет значения»?

— Сегодня никто не поднимется на башню Ветра, никто...

В следующее мгновение господарь рассыпался мириадами брызг. На мозаичном полу беседки осталась только лужа, которая очень быстро подсыхала под жарким элорийским солнцем.

Четыре часа пополудни. От духоты не спасал даже ветренный поток, пущенный мною по кругу у самого потолка.

— Это не мог быть Дракон! — в тысячный раз повторяла Иравари, с тревогой наблюдающая за моими метаниями. — Ты просто очень хотела его увидеть, тебя разморило от жары.

— Ага. И я для потехи создала простецкого водяного голема!

— Скорее инкуба, — пожала плечами подруга. — Все потому, что женская сила в тебе бурлит. Послушалась бы меня тогда в Араде, сейчас была бы спокойна, как слон.

— Ты живых элэфантов хоть видела? — сварливо спросила я. — А я видела, три седмицы тому лицедеи приезжали. Так вот...

Эмелина вошла без стука, заставив Иравари замереть в потешной позе и пятиться на цыпочках за пределы видимости. Донья Гутьеррес едва сдерживала возбуждение.

— Всем было велено собраться в общей зале!

— И ты потрудились подняться по крутой лестнице только для того, чтоб это мне сообщить? Благодарю!

— Мне было не трудно, — шаловливо ответила ветреница. — Ректор решил поздравить нас с первым серьезным испытанием, и прислуга накрыла обед в комнатах, так что мы премило проводили время в соседнем крыле. Игорь передавал тебе...

Я сделала резкий шаг вперед. Эмелина взвизгнула и отскочила, так что я без помех смогла набросить шифоновое покрывало на зеркало.

— Так что Игорь? — спокойно обернулась я к соседке.

Та нервически вздрогнула и раскрыла веер. Ее пылающие щеки слегка подергивались, как при тике. Я, решив, что остудить эдакий пожар жалкими взмахами кружевного опахала дело безнадежное, изменила направление своей потолочной бури. Совсем другое дело! Правда, тик никуда не делся, а даже несколько усилился, а также поплыли черты лица, растянулся рот от уха до уха, пошла волнами шея, складываясь в некое подобие отвратительного жабо под подбородком. «Ёжкин кот! Я же сейчас ее надую!» — спохватилась я и щелкнула пальцами. Ветер с шепелявым хохотом исчез, видимо новая забава пришлась ему по вкусу. Представляю, сколько ни в чем не повинных прохожих подвергнется на улицах Кордобы подобной экзекуции.

— Так Игорь-то что? — повторила я вопрос. — Рассказывал в лицах, как я к нему в опочивальню этой ночью пробиралась?

Эмелина без сил рухнула на кровать.

— Может, еще подвязку какую демонстрировал? Мою, я уверена, что мою. И также уверена, что если я сейчас свой ящик с нижним бельем выверну, то одной точно недосчитаюсь!

— Лутеция, мне непонятна твоя агрессивность. Игорь достойный молодой человек, и, я

уверена, даже если между вами и произошли те невообразимые вещи, о которых ты мне только что поведала, нас бы он в них посвящать не стал.

И тут мне стало стыдно. В который раз за день, между прочим.

— Извини, — покаянно произнесла я, присаживаясь рядышком с соседкой и протягивая ей кружевную носовичок. — Я последнее время сама не своя.

— Заметно, — надула губки Эвелина, но платок приняла. — Кстати, раз у нас спокойный диалог завязался, может, поделишься подробностями? Уж не ты ли виновница ужасного кровоподтека, украшающего скулу нашего коллеги?

Я растерянно пожала плечами. Кто кого разукрасил? Какого коллеги? Игоря? Так не я, точно. Мы когда прощались, он жив-здоров был. Разве что синяк от уха перетек, но это было бы чудо, магии недоступное. Да и поделом ему, ведьме романской, за те обидные слова, которые мне ветер донес.

— Ну, раз ты предпочитаешь отмалчиваться, — разочарованно хмыкнула соседка, — предлагаю отправиться к месту общего сбора.

И тут нас тряхнуло. Пол заходил ходуном, жалобно тренькнули оконные стекла.

— Я здесь побуду, — сообщила я из-под стола, когда толчки, коих я насчитала не меньше дюжины, утихли. — У меня, предположим... неодолимый приступ мигрени.

— И у меня! — Растрепанная головка доньи Гутьеррес показалась на мгновение и скрылась под моей кроватью.

Мы немного помолчали, оставаясь каждая в своем укрытии.

— Говорят, что, когда сильные трясения земли происходят, — решила поделиться я знаниями, — нужно не в помещениях отсиживаться, а на открытое место выбираться. Потому как тяжелые каменные строения при разрушении и придавить могут.

— А у нас первым делом якоря поднимают, — поддержала разговор Эвелина. — Большой прилив, который сразу за тряской идет, — штука для кораблей опасная.

Моя соседка была родом из Гесперии, славной как своими судами, так и свирепыми абордажными командами, эти самые суда пользующими.

— А ты кем собираешься стать, когда университет закончишь? — Я легла на живот и положила подбородок на сложенные руки. Теперь для того, чтобы вытащить меня из-под стола, понадобилась бы конная тяга. — Мне вот сегодня в голову пришло, что я о будущем даже не задумывалась.

— У меня все просто, — ответила Эвелина. — Семейное дело продолжу, батюшка ждет не дождется, когда к нему в команду настоящая мэтресса пожалует. Он так возрадовался, когда у меня дар открылся, что никаких денег на обучение не пожалел.

— Для тебя это завидная доля — всю жизнь для кого-то паруса надувать?

— Вам, сухопутным, не понять, — кажется, обиделась соседка. — Море — это больше чем жизнь, больше чем судьба...

В коридоре что-то грохнуло, кажется, свалилась потолочная балка. Я подбежала к двери и изо всех сил ее толкнула. Ёжик кот!

— Есть кто живой?

Голос доносился из окна, и уже через мгновение в нашу комнату ввалился потрепанный Игорь.

Восемь. Вечер все того же бесконечного дня. Колокол на башне Ветра ничего такого не отбивал, а примерное время я уточнила у молоденького стражника, который с рвением первогодка проверял мои отпускные документы. Выбираться наружу официальным

путем, а не таясь и путаясь в лабиринте сточных труб, было непривычно. Зиг не подвел — разрешение на прогулку за пределами Квадрилиума ждало меня в канцелярии. Со всеми полагающимися подписями и даже сургучной печатью, на коей символически изображались все четыре факультета, сиречь стихии. Огненная саламандра, припадающая к земле на фоне перевернутого треугольника, держала в лапе кубок, олицетворяющий воду, а жирный эллипс, в который заключалась картинка, был ветром. Ну, или вроде этого.

— Все в порядке, — с сожалением сообщил мне стражник. — Мэтресса Ягг, прошу вас.

Но, вопреки ожиданиям, дорогу мне не уступил, а продолжал смотреть с какой-то мальчишеской обидой. Я в сотый раз, пытаюсь не трясти головой, расправила на плечах кружево новой мантильи и вопросительно приподняла брови.

— Говорят, университет с землей сровняло? — несмело спросил вояка.

Ах, вот в чем дело! Я улыбнулась с облегчением. Мальчик торчит здесь, у западных ворот, и ему ничегошеньки не видно, что там, в самом сердце Квадрилиума, происходит.

— Тряхнуло знатно, — с готовностью ответила я. — Внутренние перекрытия в нескольких корпусах порушило, только уже почти все починили. Маги, знаешь ли, ценят комфорт.

— Говорят, студенты из окон так и сыпались, как перезрелые мандарины.

Я важно кивнула, борясь с желанием потереть ноющее плечо. Потому что перезревшие мандарины, плохо призывающие ветер, приземляются на брусчатую дорожку с некоторым членовредительством. А что нам еще оставалось делать? Смерти своей дожидаться или спасателей? Это теперь мне уже ясно, что лучше было бы переждать. Здоровее бы были. А тогда обуюло меня чувство, названное по имени одного грецкого бога, паника то есть, вот я и скомандовала — прыгать. Высоко, далеко, страшно. Эх, трем смертям не бывать, одной не миновать! Невероятно послушный и предупредительный Игорь мое начинание с готовностью поддержал и даже вытащил из-под кровати упирающуюся всеми конечностями донью Гутьеррес. Эвелина, когда сообразила, кто ее помогает, не преминула упасть в картинный обморок. И соизволила очнуться от него, когда мы втроем уже летели вниз. Как же она орала, ёжкин кот! Кажется, обрушение западной мансарды теперь на ее, Эвелининой, совести.

— А что говорят? Что послужило причиной?

Я важно пожала плечами. О причинах нам никто сообщить не удосужился.

— Будьте осторожны, донья Ягг, — наконец уступил мне дорогу служивый. — В Нижнем городе неспокойно.

Я чинно семенила к калитке, опять поправив мантилью. Черепеховый гребень, одолженный мне ставшей невероятно предупредительной Эвелиной, был воистину огромен. Опасения, что шея моя не выдержит и надломится под его тяжестью, были не лишены оснований. Но отказаться от столь неудобной обновки я никак не могла. Эвелина с такой гордостью рассказывала, как ее героический папаша охотился в восточных морях на плотоядную черепаху-людоеда, чей панцирь и послужил материалом для украшения, что обидеть соседку просто язык не повернулся. Вот теперь и приходится ходить очень-очень прямо, как будто я элорийская селянка, несущая на голове кувшин с вином, или, наоборот, северный олень, изнемогающий под тяжестью ветвистых рогов, или...

Звякнул засов на калитке за моей спиной. А времени-то у меня не особо много. Зигфрид уже ждет меня у башни Ветра, а у меня еще денежный интерес в Нижнем городе. Ну да ладно, барону придется немного поскучать без своей подруги. Я решительно сдернула с головы мантилью, вызвав недовольное шипение проходившей мимо почтенной матроны, и припустила в направлении гавани. Нижний город, таверна «Три танцующих свиньи». Мануэль Изидо, я спешу к вам!

В трактире было душно и темно. После яркого закатного солнца мне пришлось долго моргать, пока глаза привыкали к перемене освещения.

— Что там, стоит Кордоба? — хрипло спросил трактирщик, выглядывая из-за стойки, будто рак-отшельник. — Или конец ей пришел?

— Стоит, и еще сто лет стоять будет! — громко ответила я, разгоняя царящий в пустом помещении сонный морок. — А у вас, как я погляжу, не густо сегодня с посетителями?

— Боятся. Как трясение закончилось, все по своим домам разбежались. Твой этот, недоучка, тоже сбежал, с рассветом.

— Мануэль? — недоверчиво подняла я брови. — Куда?

— А мне это неизвестно. — Трактирщик, кряхтя, выбрался из-за стойки. — Со вчерашнего дня его никто не видел. А может, и с позавчерашнего... И вообще, я к нему в няньки не нанимался.

Мне вспомнилось, что прозвище у хозяина неприятное — Плевок и сам он сейчас был похож на комок слизи — потный, жирный. И рожа его багровела самым неприятным образом.

— Это у тебя спрашивать надо, где твой милый друг обретается. И главное, в такой важный момент, когда маги в очередной раз что-то напугали, когда такой удачный переполох в городе случился...

Плевок колыхнул необъятным пузом, делая шаг ко мне. Я попятилась. Трактирщик, заметив мою растерянность, растянул лягушачий рот в гнусной ухмылке.

— А денежки-то он забрать не успел! Точно не успел, я бы заметил, почувствовал.

— Счастливо оставаться, — бодренько сообщила я, решив, что с меня хватит, и крутнулась на каблуках, с намерением выскочить за дверь.

Нос мой уткнулся в нагрудник из буйволового кожи.

— Куда, птичка? — глумливо протянул обладатель доспеха. — Муэрто будет осторожен, он всегда осторожен с птичками вроде тебя.

Острые даги, опасно покачивающееся у моего лица, несколько противоречило ласковым словам. Где-то в глубине трактира возбужденно дышал Плевок, мне это совсем не нравилось. Муэрто? Бретер? Наемный убийца? Моей магии они не боятся, видимо, где-то активирован ограничивающий амулет. Да и ветер, если уж начистоту, не особо боевая стихия. Если бы можно было сейчас подхватить пару-тройку нитей силы и улететь к лешему из этого паучьего логова!

Правой руки соперника мне видно не было, скорее всего, в ней шпага, а это значит, что времени на раздумья у меня не осталось. Я отшатнулась, вызвав придушенный смешок трактирщика. Кошачьи глаза Муэрто недобро блеснули из-под шляпы, кинжал описал полукруг, чуть не чиркнув меня по носу. Я присела, выбрасывая руку вперед и вверх. Два острейших черепаховых зубца вошли в тело точно под край кожаного нагрудника. Убийца завизжал, как свинья под ножом мясника, я упала и едва успела откатиться от змеиного удара шпаги.

— Ты пыталась оскопить меня, тварь!

Что я могла на это ответить? «Простите, дяденька?» Так вроде не за что. Все как планировала, так и получилось. Надо будет посоветовать бретеру в следующий раз нагрудник подлиннее подбирать или защиту от ударов снизу освоить. Чего ж он визжит так, ёжкин кот?

В верхке от моей головы с хрустом разломился табурет. Это напомнил о своем существовании трактирщик. Я, даже не попытавшись подняться на ноги, бросилась к стойке. Под руку скользнула случайная нить ветра, и я дернула изо всех сил. По-свиному ухнуло в трубе, соперники мои на мгновение отвлеклись, я перекатилась под защиту столешницы. Уфф... Можно было перевести дух. По руке текло что-то липкое, я присмотрелась и брезгливо отбросила окровавленный гребень. Второй раз никто меня на расстояние удара не подпустит.

Муэрто корчился на полу. Плевок попытался зайти справа, я швырнула в него тарелку и с ужасом подумала, что прорываться надо было в другом направлении — к двери. Из-за толстой доски, за которой я оказалась, было бы здорово отбиваться огненными шарами или еще какими заклинаниями. А у меня из оружия только стопка не очень чистой посуды.

— Где деньги, девка? — шипел трактирщик.

— А вот они! Подавись! — звонко отвечала я, продолжая кидаться тарелками.

Блюда были кособокими, деревянными, плохо отскобленными, но на точности попадания это никак не отражалось. Трактирщик дважды схлопотал по лоснящейся роже; увернулся, пополз, припадая к полу. Расстояние между нами неуклонно сокращалось. Я глубоко вздохнула, готовясь заорать во всю силу легких, и беззвучно выдохнула. Чего я так испугалась? Единственный в этой комнате боец ранен и опасности не представляет, гора жира, которая приближается ко мне, не вооружена даже кухонным ножом. Полноте, донья Ягг, пора бы уже научиться свои силы рассчитывать. Я уверенно пошла к лестнице, в комнате господина Изиидо у меня было еще небольшое дельце.

— Именем короля!

В трактир, недолго повозившись в узких дверях, ввалилась четверка городской стражи. Трактирщик посветлел лицом, из чего я сделала вывод, что блюстители порядка свои, прикормленные.

— Ваш постоялец Мануэль Изиидо, — сообщил капитан, одежда которого отличалась некоторым щегольством, — арестован. Соблаговолите сопроводить нас к нему.

Я рассеянно огляделась в поисках путей отступления, заметив мимоходом, что раненый Муэрто исчез, оставив после себя только бурое пятно на пыльном полу.

— Господин капитан, — лебезил тем временем Плевок, — нету вашего студентика, сбежал. И куда, вам не подскажу, но тут вот... подруженция... магичка...

Я бесстрашно встретила взгляд прозрачных глаз капитана.

— Донья?..

— Прошу! — Карманов в моем форменном платье предусмотрено не было, поэтому извлеченный из рукава пропуск был слегка измят.

— Я имею честь беседовать с доньей Лутецией Ягг? — почтительно снял шляпу капитан.

Я достала из другого рукава кусочек кружева (сколько у меня там еще всякого полезного припрятано, даже Царевне-лягушке не снилось) и набросила на голову прозрачную ткань. Девушке подобает скромность, тем более в такой щекотливой ситуации.

— Мэтр Кляйнерманн ожидает вас на площади. Прикажете сопроводить?

Капитан был долговяз и длиннорук, его заливчатские усы от уха до уха, видимо являющиеся гордостью своего хозяина, хищно дрожали, пока я всесторонне обдумывала ответ. Вернуться сюда я успею и после... А Зигфрид-то, каков жук! Ожидает он меня! Стражу прислал!

Я отчаянно покраснела, борясь с досадой. Капитан в пятисотый, кажется, раз подкрутил усы.

— Да, конечно, сударь. Буду вам очень признательна...

Мое платье было замарано кровью, пылью, паутиной и прочим мусором, которым обычно можно замараться, если валяться на грязном трактирном полу. Из вечерних теней, красноватых отблесков пламени и всего, на что падал мой пытливый взор, я сплетала простенький морок, пока капитан наскоро отдавал распоряжения стражникам. Из покосившихся дверей трактира на брусчатую кордобскую мостовую ступила не забияка-

драчунья Лутоня, а благородная студентка Лутеция Ягг — девушка скромная, опрятно одетая и втайне одержимая стремлением встретиться как можно быстрее с разлюбезным бароном фон Кляйнерманном и задать означенному барону... пару вопросов. Ах нет, просто задать.

Капитан, витиеватое представление которого я пропустила мимо ушей и имени поэтому не запомнила, пытался развлечь меня светской беседой. После разговора о погоде, в котором я принимала посильное участие в виде хмыканья и поддакивания, мой провожатый решил осведомиться у меня о послеполуденном происшествии.

— К сожалению, мне нечего вам поведать, сударь, — вежливо отвечала я. — Землетрясение для студентов стало такой же неожиданностью, как и для всех жителей Кордобы. По словам нашего почтенного ректора, мэтра Пеньяте, мы имеем дело с редким природным явлением.

— О, великолепная донья, — недоверчиво протянул вояка, — вы, видимо, недавно в Элории и не застали... Вот, помнится...

В другой раз я бы послушала местные сплетни с превеликим удовольствием. Мы неспешно обогнули стену, отделяющую Верхний город, и оказались на площади. Я замерла, прижав руки к груди. Башня Ветра кренилась по направлению к гавани, угрожающе нависая над фланирующей толпой. Кордобцы, видимо, привычные ко всяческому рода катаклизмам, воспринимали изменение архитектурного ансамбля с абсолютным спокойствием. Десяток рабочих суетились вокруг строения, укрепляя фундамент и устанавливая деревянные подпорки под покосившейся стеной. Отряд городской стражи безуспешно пытался отогнать любопытных, а также растащить дерущихся за лучшее место для мольберта площадных художников. Да, мой странно явившийся супруг оказался прав, на башню Ветра сегодня никто не поднимется, а может, и не только сегодня...

— Лутоня! — радостный возглас Зигфрида вырвал меня из оцепенения. — Лутоня-а-а!

Капитан изящно поклонился.

— О великолепнейшая донья Ягг, моя миссия подошла к концу. Вот ваш учитель.

— Да, благодарю, — рассеянно отвечала я, наблюдая, как через площадь, с грацией кузнечика-переростка, к нам спешит барон.

— Если когда-нибудь да пребудет с вами навеки сила Источника, благородной донье понадобится моя помощь, вы сможете осведомиться обо мне в казармах. Капитан Альфонсо ди Сааведра всегда к вашим услугам.

Я поблагодарила уже искренне. Уж не знаю, чем приглянулась я бравому вояке, но обещание его я оценила высоко. Не принято в Элории просто так подобными словами разбрасываться. Упоминание Источника придавало вежливой формулировке оттенок магической клятвы. А с магией у нас не шутят.

Капитан еще раз кивнул на прощанье и пошел прочь. Я нацепила на лицо самое строгое выражение:

— Соблаговолите объясниться, мэтр Кляйнерманн!

Серые глаза воровато забегали.

— И в чем я на этот раз провинился?

Я сдвинула брови.

— Давайте вместе подумаем над этим вселенским вопросом. Может быть, в том, что отправили по моему следу отряд стражи? Или в том, что шпионите за мной? Или, может, все дело в недоверии, которого я вовсе не достойна?

Пока я произносила свою гневную тираду, посетила меня некая простецкая мысль: «А какого... То есть по какому праву я тут ноздри раздуваю? Зигфрид мне вообще кто? Кум, брат, сват? То есть родственник или опекун? Нет! Он мой друг, пожалуй, единственный в

этом мире. Так почему я, требуя доверия с его стороны, сама ему не доверяю?»

Размышления эти меня несколько отрезвили, поэтому я смолкла буквально на полуслове.

— Я по своим делам посещал некое официальное заведение, которое по счастливой случайности находится около казарм, — разбил неожиданно повисшую тишину огневик, — и попросил капитана ди Сааведра, если он во время выполнения своей миссии встретит мою подругу, которой было строго запрещено посещать подозрительные места Нижнего города...

Запрещено мне было! Кажется, я слишком быстро кое-кого простила! Заведения он посещал! А что там у нас около казарм? Тюрьма да дом веселый. А в доме том веселом обитают развеселые девицы, холеные да нарядные. Мне-то до вкусов Зигфрида дела нет. Просто интересно, Крессенсия его разлюбезная как на эти «официальные визиты» посмотрит, если прознает?

Я фыркнула. Зигфрид строго посмотрел на меня:

— Зачем ты отправилась к Мануэлю? Предупредить его об опасности?

— Давай договоримся: ты не спрашиваешь меня зачем, а я не интересуюсь, как называется заведение, которое ты посещал.

Судя по быстро последовавшему согласию, мои подозрения оснований были отнюдь не лишены.

— Ну что, желаешь посмотреть представление? — подал мне руку огневик.

— Еще бы!

Ничем не закрепленное кружево поминутно сползло с головы, я завязала его под подбородком на манер деревенского платя. Мне Эвелина как-то рассказывала, что мантильи ввел в обиход прадедушка теперешнего нашего величества. И сперва их должны были носить те самые девы гулящие — ну, чтоб их сразу заметно было. Но кружева были так прелестны, что столичные модницы одна за другой, презрев приличия, начали их пользоваться. Сейчас уже ни одна благонравная дама с непокрытой головой на улицу не выйдет. Такая вот победа моды над мужским произволом.

— Ты о чем задумалась, девочка? — Зигфрид настойчиво сжал мой локоть.

Я осмотрелась. Пока в голове моей сновали необременительные размышления, мы с огневиком покинули площадь Ветра, и теперь нас кружило в вязи узких улочек.

— Куда мы идем?

— На площадь Розы. Комедианты обосновались там. Им разрешено давать представление даже в дни корриды, разумеется, до или после оной.

Мне показалось, что порыв ветра донес далекий гомон толпы.

— Мы не опоздаем? Давай поспешим!

Зигфрид послушно прибавил шаг.

Капитан Альфонсо ди Сааведра никогда не делал того, чего ожидали от него окружающие. Вот и сейчас вместо того, чтобы вернуться в таверну, где его подчиненные делали обыск в соответствии с полученными от начальства указаниями, или отправиться напрямиком в казармы, чтоб скоротать остаток вечера за чаркой доброго вина и игрой в кости, капитан миновал два квартала от площади Ветра и обошел казармы с другой стороны. Навстречу ему двигалась небольшая компания. Четверо — двое мужчин, две женщины. Кавалеры, уже нетвердо державшиеся на ногах от выпитого, были при шпагах, дамы, от орлиных взоров которых состояние спутников укрыться не могло, при веерах. Капитан, узнавший обеих женщин, почтительно поднес руку к шляпе. С той

преувеличенной почтительностью, которую можно было счесть оскорбительной насмешкой. Ибо о профессии встреченных дам ди Сааведра был осведомлен не понаслышке. Один из кавалеров потянулся к оружию, дабы призвать наглеца к ответу.

— Альфонсито! — всплеснула руками одна из жриц ночи. — Вы к нам? Как жаль, но сегодня я занята. — О, Розита, как приятно мне ваша жалость. Но, к счастью, я направляюсь в некое заведение по соседству.

Многозначительный взгляд прозрачных глаз капитана пригвоздил к месту кабальеро, так и не успевшего обнажить оружие.

— Веселой ночи, господа, — коротко поклонился капитан.

Розита проводила его прямую спину мечтательным взглядом.

Здесь дудели в дудки, здесь колотили в барабаны, и крошечные медные тарелочки, ударяясь одна о другую, разносили по площади свой пронзительный звон. А трещотки-то, трещотки! Их было так много, что площадь тарахтела, как тележка старьевщика, как тысячи таких телег. И пахло праздником — печеными каштанами, молодым вином, рыбой, жженым сахаром. А в глазах рябило от многоцветья мельтешащих огней. В центре толпы возвышался матерчатый купол.

— Приятно видеть, как алеют твои щеки, — сообщил Зигфрид, прокладывая нам путь. — Надо почаще выводить тебя в свет.

Я неловко оступилась, мимоходом подумав, что морок следует подновить, ибо сквозь румянец наверняка проступают уже пятна грязи.

Представления я любила. С самого детства, когда впервые увидела на деревенской ярмарке заезжих скоморохов. Пискалявый четырехпалый Петрушка, помнится, веселил народ в Мохнатовке скабрёзными шуточками. То, что я большую часть их по малолетству не понимала, нисколько не мешало получению удовольствия. И соперники у кукольного молодца были самые потешные — толстопузые бояре, жрецы, носатые романцы с кольцами в деревянных ушах. Эх, время-времечко!..

Мы с бароном протиснулись к настилу, на котором стоял матерчатый шатер. «Сцена», — вспомнила я слово из одного мертвого языка.

— Тебе хорошо видно? — обернулся предупредительный Зигфрид.

Я только кивнула в ответ, опасаясь пропустить хоть что-то из представления. Перед занавесью притопывала и хлопала в ладоши изящная танцовщица. В свете факелов ее длинные волосы отсвечивали синим, а лицо прикрывала черная кружевная полумаска. Я невольно залюбовалась ею.

— Бромиста! — вдруг крикнула девушка, воздев руки. — Бромиста! Бромиста!

Толпа подхватила четкий ритм.

— Бро-мис-та! Бромиста! — вопила я вместе со всеми и также притопывала в чудном ломаном ритме. — Бро!..

Занавесь распахнулась. Деревянная кукла, почти в человеческий рост, появилась под звон тарелок.

— А вот и я! — Пискалявый Петрушечный голосок перекрикивал толпу. — Я, великий Бромиста, весельчак и балагур, опять с вами!

Освещение изменилось; факельщики поднесли огонь к полированным медным щитам, и волна мягкого света затопила сцену. Танцовщица изогнулась, ринулась вперед, и юбка пеной алых кружев метнулась за ней. Теперь на помосте было две фигуры — воплощение жаркого огня и нескладный деревянный человечек, этого огня нисколько не боящийся.

— Ты этого ожидала? — переспросил Зигфрид. — Это буратини?

— Лучше, — ответила я. — Это марионетка. И насколько я могу судить, ее кукловод талантлив, как сам бог театра.

А представление между тем набирало обороты. Юная синеволосяя донья умело изображала внезапно вспыхнувшую страсть, игрушечный партнер отвечал ей взаимностью. Они станцевали милый пасторальный танец, по ходу дела объясняя публике, что деревянный Бромиста работает пастухом и намалеванные на заднике толстенькие овечки являются его стадом.

Я пыталась высмотреть нити, за которые дергает невидимый кукловод. Ночное зрение, обычное, опять ночное... Безуспешно. Мне захотелось познакомиться с человеком, который так продуманно расставил осветителей.

Идиллия не могла продолжаться долго, ей помешали. Зло приняло обличье подлого герцога, местного помещика, у которого красotka служила горничной. Антагонист скорее был персонажем комическим, но, когда он явился из тьмы кулис, путаясь в длиннейшей бороде и приволакивая ногу, мое сердце тревожно забилося. Герцог тоже был в черной полумаске, оставляющей открытой нижнюю часть лица.

— Кто посмел? Накажу! Не пощажу! — Подведенные кармином толстые губы злодея будто жили своей собственной жизнью, а голос был гулким, как из бочки. И каким-то смутно знакомым.

Я поехала.

Девушку разлучили с безутешным пастушком. Герцог кликнул двух стражников, которые немедленно появились под бряцанье оружия. Бромиста горестно стонал: «Сильвестрис! Любовь моя!» Гитара плакала вместе с ним, и так же всхлипывали многочисленные зрители. Да чего уж там, у меня самой в горле стало солоно. Пронзительный гитарный аккорд, падающий занавес... Я украдкой вытерла глаза.

— После перерыва они продолжают, — приобнял меня за плечи Зигфрид. — Тебе понравилось?

— Очень. Я никогда ничего подобного не видела. Хочу заплатить за удовольствие. Одолжишь пару монеток?

— Мой тощий кошелек к твоим услугам, — галантно ответил барон. — Сейчас вынесут блюдо для сбора денег, и мы...

Я поблагодарила кавалера кивком и дернулась, ощутив влажное прикосновение к щиколотке. Снизу на меня скорбно смотрели карие собачьи глаза.

— Парус? — недоверчиво прошептала я, наклонившись. — Хороший песик...

В ноздри ударил запах достойной собачьей старости.

— Это ведь ты был? Там, за ширмой?

Он ответил еще более скорбным взглядом. Видимо, моя непонятливость доставляла ему мучительное неудобство.

У меня в голове будто провернулись шестеренки диковинного механизма. Студентку Квадрилиума пытались нанять лицедеи? Да я готова съесть длинную бороду потешного злодея, если это не он беседовал со мной, спрятав лицо под длинноносой маской. Я радостно обернулась к Зигфриду, чтобы поделиться своим открытием и заодно пересказать историю своих ночных походов. Но кавалер был занят денежными делами. Он доставал монетки из потертого кошелька. В кожаном раструбе на мгновение показалась нить блестящих бус. И я умилилась, представив, как вечером барон будет дарить украшение своей даме сердца. Манерную Крессенсию я недолюбливала, но ведь главное, чтобы Зигфрид был с ней счастлив. В свои почти двадцать лет я понимала, что нам, женщинам, мужских пристрастий не понять.

Опять настойчивое влажное прикосновение. Пес дважды повел лобастой головой и затрусил прочь. Я колебалась. Меня явно куда-то приглашали, и явно одну, без спутника.

— Зиг, мне нужно отлучиться.

— Позволено ли мне будет узнать куда?

«На кудыкину гору!» — раздраженно подумала я, но ответила лишь удивленным взглядом.

— После захода солнца девушке опасно находиться за стенами Квадрилиума без сопровождения.

— Это ты мне сейчас какую-то инструкцию зачитываешь? Девушки бывают разными, и некоторые более опасны для ночного города, чем город для них.

— Ты думаешь, Мануэль Изиидо избежал ареста и ждет тебя в условленном месте? — проявил Кляйнерманн чудеса смекалки. — Тогда я провожу тебя. Мне не терпится познакомиться с этим кабальеро.

Я звонко рассмеялась.

— Да нигде он меня не ждет! И, если хочешь знать, ты — последний человек, которому я хотела бы представить этого разбойника.

— Так ты признаешь, что он преступник?

— Зачем такие жестокие слова, мой господин? — Если бы у меня был веер, я бы сейчас с большим удовольствием шаловливо отхлестала барона по хитрому носу. — Бедный провинциал слегка нечист на руку, но кто из нас без греха, в это беспокойное время, когда налоги короны так велики, а прибыли от земель ничтожны?

— Очень правильные слова, донья, — поддержал меня некий господин, стоящий неподалеку. — В тяжелое время живем. Не живем, а выживаем...

Зигфрид одарил говорившего остекленевшим взглядом и взял меня под руку.

— Мы возвращаемся в университет!

— Я хотела досмотреть представление, — хныкала я, пока мы пробирались сквозь толпу. — Да я бы вернулась быстро...

— Твой сын спрашивает, где папа! — вдруг преградила нам путь статная красавица, ее черные глаза метали молнии, грудь гневно вздымалась.

— К-какой сын? — слегка заикаясь, спросил Зигфрид.

— Все трое! — Незнакомка заговорщицки мне подмигнула и схватила барона за руку. — Дочери тоже по тебе тоскуют...

Я юркнула за чужие спины и пошла прочь, ведомая умной псиной по кличке Парус. Синеволодая танцовщица продолжала стенать, вызывая смех зрителей. Розыгрыш был похож на заранее подготовленный, и мне подумалось, что красotka каждый вечер высматривает себе в толпе жертву побезобиднее, чтобы всласть над ней покуражиться. Зигфрид, кажется, пока не сообразил, что над ним дурачатся. Он растерянно крутил головой, беззвучно по-лягушачьи открывал рот и представлял собой ожившую картину под названием «Простак обыкновенный».

Дощатый помост охраняли вооруженные стражники в блестящих гребенчатых шлемах и медных нагрудниках, на которых я с удивлением заметила отчеканенные шестиконечные звезды. Доксов знак? Не может быть! Никогда не слышала, чтоб многомудрые создатели големов разменивались на легкомысленные площадные развлечения. Да и обитают они далековато от наших пенатов. От любопытства у меня даже кончик носа зачесался. Пес подождал, обернувшись, и потрусил прямо на алебарды. Я вздрогнула, когда острие коснулось моей груди и прошло насквозь, будто не встречая сопротивления. Простенькая личина, выброшенная в трактире, лопнула, как мыльный пузырь в детской ладошке. Я рассмеялась; славное колдовство — не стихийное, Источник мороки не питает. Давным-давно, еще когда моим образованием занималась бабуля, я изучила несколько доксовых заклинаний, но такого среди них не припомню.

Это из чего они мороков тут наплели? Я почесала нос.

Пахло деревянной стружкой, псиной, благородными притираниями. Ароматическая какофония казалась вполне уместной, но чихнула я знатно, так что искры из глаз посыпались.

— Будьте здоровы, тетенька, — раздался из темноты низкий голос. — Вот и свиделись.

— Ваня, нельзя же так неожиданно. Она сомлеет сейчас с испугу...

Бромиста, деревянная марионетка, звезда кордобской сцены, говорил сейчас на рутенском. И в обморок я упала именно поэтому, а не от ужаса, — к сожалению, не успев ничего никому объяснить.

Капитан Альфонсо ди Сааведра спускался по винтовой лестнице, казалось, в самую преисподнюю. «Мой личный ледяной ад», — усмехнулся про себя капитан, запахивая плащ поплотнее. Не ощущать на бедре тяжести шпаги было непривычно. Но оружие пришлось оставить наверху, все оружие — два клинка, трехгранный кинжал, не раз выручавший его в ближнем бою, комплект метательных ножей, плоских, утяжеленных. Ситуация того требовала, и Альфонсо подчинился. Здание тюрьмы сегодняшней ночью было всего лишь прикрытием, одним из таинственных врат, местоположение которых постоянно менялось. Спуск закончился, капитан снял со стены чадающий факел и уверенно пошел по коридору. За его спиной легким пеплом осыпалась лестница, истаивая пролет за пролетом. Малый элорийский совет для соблюдения тайны мог позволить себе и не такое колдовство.

— Сильвестрис обещала держать шваба при себе, сколько потребуется, — вещал писклявый голосок. — Давай уж нашей девице солей каких нюхательных поднесем, чтоб в себя пришла. А то ничегошеньки не успеем. Мне, между прочим, еще вторую акту отыгрывать, а еще в образ войти, реплики повторить, горло яичным желтком смазать для благозвучности пения.

— Тебя, дядюшка, чем не смазывай, все равно как тележное колесо скрипишь, — добродушно отвечал Ваня. — Лутоня у нас крепенькая, сейчас оклемается. А ты заметил, как она заневестилась? Раскрасавица стала.

— Да ты меня рассказами про ее прелести неземные скоро в гроб вгонишь! Как увидел ее вчера, гак и трещишь без умолку! Окстись, Ваня, не в коня корм. Если ее маркиз в оборот взял...

— Что мы, все вместе на этого супостата управы не съедем, тем более теперь, когда Лутонюшку встретили? А может, давай я надежным дедовским методом красавицу оживлю? Поцелуем то есть...

Я протестующе заорала и резко села, напомнив себе тех умертвий, которых нам показывал мэтр Франкенштайн в качестве иллюстрации к уроку магической некромантии. В чувства пришла, называется. Вроде все на месте — слух, зрение, обоняние, осязание, вкус. (Во рту было, кстати, противно.) Покряхтывая, как столетняя старуха, посмотрела на Бромисту, отыскивая в раскрашенном кукольном лице черты склочного разбойничьего атамана Колобка, махнула дрожащей рукой и перевела гневный взор на покрасневшего Ваню. За два года, что мы не виделись, парень еще шире раздался в плечах (хотя, казалось, дальше некуда) и возмужал. На подбородке курчавилась русая порось, а в голубых глазах, некогда выражавших лишь добродушие, явственно проглядывала хитринка.

— И вам не хворать, добры молодцы! — саркастически поприветствовала я честную компанию. — Какими, так сказать, судьбами в наши Палестины?

На слове «Палестины», которое я ввернула для пущего эффекта, оба оглоода переглянулись.

— Лутонюшка, девица красная, ты-то как поживаешь? — проскрипел Колоб. — Все, как мечталось, содеялось? Стала владычицей ветра?

— А вот разговор переводить не надо, — лилейно пожурила я с той самой ласковостью, которая способна на лету мух бить. — Не стала, дядюшка, и не моя в том вина, много

времени впустую потратилось. Вы же меня в трудный момент колдунам на растерзание бросили.

Деревянные куклы не могут краснеть, даже если в их скрипучем нутре скрывается големская сущность сказочного рутенского Колобка, но я готова была поклясться, что бывшему атаману очень стыдно.

— Плохо дядюшке было, иструхлявился он весь, — попытался оправдаться Ванечка. — Мы как рассудили...

— Вы рассудили, что сбежать будет проще, что я одна со всеми закавыками справлюсь? Что заказ для валашского князя выполню и без помощи обойдусь, если хинская лисица нападет?

Ваня растерянно кивнул, глядя на меня с ребяческим вожделием, которое мне все меньше и меньше нравилось.

— Так мы же добрались до них, до палестин то есть, — с гордостью сообщил недоросль. — У доксов в гостях побывали. Скажи, дядюшка?

— Мне же кудель-мудель принять пора для голоса. — Марионетка, поскрипывая суставами, попыталась отступить в темноту. — Швабское средство, верное. Яичный желток с сахаром взбить надобно...

— Стоять! — припечатала я. — Пока вы мне все не объясните, никто с места не сдвинется. А захотите обмануть или умолчать чего, я стражников кликну, не ваших — морочных, а настоящих кордобских гвардейцев, у меня даже капитан знакомый есть.

Разбойнички опять переглянулись.

— Не мастак я рассказывать, — пожал саженными плечами Ванечка. — Хочешь, покажу?

— Это как?

Увалень придвинулся, протянув ручищи к моему лицу.

— Колдовство одно освоил, иноземное.

— Целоваться полезешь — в ухо заеду, — на всякий случай предупредила я. — Или на дуэль вызову. Знаешь, как я на шпагах дерусь?

— Знаю, — кивнул Ваня. — Я про тебя много в Квадрилиуме расспрашивал. Почитай, весь день там провел.

— Он твоего романина чуть не уколошил, — наябедничал Колоб. — Прямо в щепы!

— К-какого романина? — сладко ухнуло сердце.

— Рыжего, не помню, как зовут. Он про тебя скверности говорил, ну я по-мужски дело разрешил, без железок глупых. Рыжий сказывал, охранять тебя будет, пылинки сдувать и, если беда какая с тобой приключится, восточку мне с ветром отправит.

«Так вот кто Игоря разукрасил, — разочарованно думала я. — Мечталось-то вовсе о другом защитнике. Значит, права Иравари, сама себе встречу с Владом придумала. Умом девка повредила, не иначе от неудовлетворенности любовной. Вот ведь глупость какая!»

— Колдуй давай, — устало разрешила я. — Показывай, что с вами, шалопаями, приключилось.

Огромные пальцы обхватили мое лицо, прикрыв глаза и слегка защемив нос. Я от неожиданности дернулась, пытаюсь стукнуть обидчика побольнее, а потом замерла, размеренно дыша ртом. Магия Ванечки была мне незнакома, и была она такой яркой, такой пронзительно-прекрасной, что из-под шершавых ладоней здоровяка градом катились мои счастливые слезы. Это были картинки, полные цвета, запаха, звука. И они... двигались, как будто сама я, бестелесная, наблюдала за событиями, происходившими полтора года назад.

...Древнюю Рушалу укутывал ночной мрак. Скрылись во тьме от усталого путника знаменитые висячие мосты, золоченые крыши храмов, выбеленный мрамор ступеней. Двугорбый ездовой верблюд устал не меньше своего хозяина, но упорно переставлял ноги, влекомый только ему понятными верблюжьими инстинктами. Остановившись у крытой колоннады, животное опустилось на землю, поджав под себя колени. Всадник грузно спешился.

— Это ли дом досточтимого докса Шамуила? — громко проговорил он, стараясь не делать резких движений, разумно опасаясь, что в кромешной тьме, подступающей со всех сторон, запросто может прятаться с десятков лучников или вооруженных кинжалами слуг.

Пение цикад смолкло.

— По какой надобности потревожен покой учителя? — отозвалась темнота надтреснутым старческим голосом.

— Я пришел с миром. У меня нет оружия. — Посетитель медленно поднял руки над головой. — Мне нужно поговорить с мастером...

Раздался щелчок. Желтоватый огонек масляного светильника выхватил из тьмы длинноносое лицо слуги.

— Учитель сказал — гость, пришедший на закате, будет знать, что предъявить стражу.

— Покажи им меня, Ванечка...

Человек распахнул полы плаща, под ним, в сложной ременной конструкции, болтался почти бесформенный ком.

— Это мой родственник, — твердо проговорил пришелец. — Он голем, и ему нужна помощь.

— Учитель примет вас, — кивнул слуга. — Идемте за мной...

Ванечка убрал руки от моего лица.

— Вот так мы и познакомились с доксом Шамуилом — мастером големов.

— И он перенес сущность Колобка в ростовую куклу? Зачем?

— Он сказал, что с хлебом работать не приучен, — грустно ответил Бромиста. — Сказал, дедушка мой самородком был, гением. Что если бы какие записи магические у меня от родителей сохранились, доке мог бы попробовать. Ага, записи... По сусекам родитель помел, по углам наскреб, а грамоты-то как раз и не разумел. Но оно и к лучшему — так у меня хотя бы руки-ноги есть.

— А в лицедеи вас определили для какой надобности?

Ваня оторвался от удивленного рассматривания своих ладоней.

— Должники мы, по гроб жизни обязанные. Доксы ничего просто так не делают — не простое у них колдовство, не дешевое. Кроме дядюшкиного лечения они еще во мне способности открыли, не очень полезные, но приятные, сама видишь. Пришлось к маркизу в кабалу идти, отрабатывать по мере сил. Ты полынью пахнешь...

— И велика ли прибыль? — резковато спросила я. Очарованный дурачок вызывал во мне тревогу; насколько легче было, когда он меня «тетенька» называл, и о нежных чувствах и речи не было. — Неужто дождь золотодублонный на кукольников сыплется?

Бромиста резко шагнул к Ванечке, скрипнув суставами, и отвесил недорослю подзатыльник.

— Ну давай дальше признавайся! Я тебе говорил, не нужно нам раскрываться, говорил, стыда не оберемся?

Тот потянулся к затылку:

— Так мы и не лицедеи вовсе, Лутонюшка. Шпионы мы, для докового синода тайны вынюхиваем. Вот «Мать четырех ветров» послали разыскать. Маркиз говорит, доставим это чудо чудное, куда велено, нам все долги скостят.

У меня холодно заломило в затылке.

— «Мать четырех ветров» — это что?

Я спрашивала очень осторожно. Информация так часто ускользала от меня, что я опасалась спугнуть ее и на этот раз.

Ваня пожал сажеными плечищами.

— Ну, так Источник новый, я так разумею, старый-то иссяк...

— А врешь ты, племянничек, и не краснеешь. Все с ним хорошо, с Источником то есть. Я же нити силы вижу — у тебя на макушке уже целый колтун из них, а еще в храме была седмицу тому назад.

— А видала ли ты когда-нибудь, как речка в великую сушь пересыхает? Не вдруг ведь дело делается. Сначала воды становится все меньше и меньше, а которая остается, зарастает ряской и илом, а потом потихоньку, полегоньку... Думаешь, почему Кордобу сегодня тряхнуло? Как вам, студентам, катаклизму эту начальство пояснило?

— Подземные толчки, вызванные сдвигом гранитных плит.

— Нет здесь гранита, — проскрипел Бромиста. — Весь остров ходами подземными изрыт, значит, порода мягкая.

Пререкаться я не стала, вечером с Иравари посоветуюсь. Тем более что, судя по доносящемуся сюда гомону толпы, настало время продолжать представление и разговор пора было сворачивать.

— Спасибо за познавательную беседу, — поднялась я. — Меня ждет кавалер, который, я надеюсь, уже вырвался из цепких ручек вашей поделницы.

— Да, Сильвестрис свое дело знает, обещала барона придержать, сколько понадобится, — улыбнулся Ваня. — Так ты поможешь нам?

— С огромным удовольствием. — Я отряхнула жесткую юбку и плавно перешла на элорийский. — Но, к сожалению, возможности скромной студентки Квадрилиума не позволяют ей ввязываться в шпионские авантюры.

— Лутоня! — ахнул Бромиста. — А как же наша дружба?

— Как вовремя вы, господа, о дружбе вспомнили, — вздернула я подбородок. — О такой удобной, такой односторонней. Наивная деревенская простушка, которую вы бросили, тоже упала на дружбу. Всего доброго, кабальеро! Надеюсь, те медяки, которые я оставляю за представление, приблизят светлый миг вашей свободы.

Я резко развернулась на каблуках, ощутив напряженной спиной движение увальня. В следующее мгновение я намеревалась присесть, увернувшись, и ударить противника по колену.

— Не надо, Ванечка, пусть уходит, — рассудительно сказал Бромиста. — Ей подумать надо, охолонуть. Мы же, правда, не по совести с ней поступили... Лутоня, если передумаешь, приходи. Мы каждый вечер здесь представление даем. А с маркизом поаккуратней — гадкий он человек. Если узнает, что мы с тобой знакомы — никому не поздоровится. И хитрый очень, если прознает какие болевые точки...

— Чем он вас держит? — Я все-таки не выдержала и испортила свой величественный уход. — Магия, угрозы?

— Долговые расписки.

— Он колдун?

— Если и колдун, то не стихийник. Но мужик очень непростой, в своем деле лучший. Совет ему доверяет.

Я даже не кивнула, ныряя за деревянную панель. Слова бывшего атамана повисли в воздухе.

Глава 3,

в которой поверяются сердечные тайны, плетутся интриги и мороки, а также происходят неожиданные встречи

Eine Stunde Schlaf vor Mitternacht ist besser als zwei danach.

(Один час сна до полуночи — лучше двух после).

Вышла царица из-под полицы:

«Где наш царь Кесарь?

Он придет к нам в полночь ночевать?»

— Ты спать-то сегодня собираешься? — недовольно спросила Иравари, уже битый час наблюдавшая за моими метаниями.

Эмелина опять с кем-то «возжигала огонь страсти», что, впрочем, было очень кстати, так как комната была в нашем с демоницей распоряжении. Если бы моя соседка обладала менее горячим темпераментом, мне давно пришлось бы съехать.

— На том свете отоспимся, — огрызнулась я. — Пока не придумаю, куда этого маркиза определить, не будет мне покоя. Слишком много игроков у нас в партии заявлено. Я только-только разбираться начала, тут — бах! — шпионы.

— Это и есть настоящая жизнь. А ты что думала, все просто получится — ты ход, противник ход, и отбой посчитали?

Тут не один десяток лет каша заваривалась, и почему ты вдруг решила, что сможешь ее в одиночку разгрести.

— Твои кулинарно-игровые аллюзии слишком прозрачны.

— А ты свой словарный запас для дворцовых интриг побереги, нечего на мне искусство риторики оттачивать, — надулась Иравари. — Я тебя сразу предупреждала: не для юной девы задача.

— То, что не для девы, Мануэль на себя взял.

— Скоро никакие мороки не помогут, — не уходила от темы Иравари. — Все заметят и синяки твои под глазами, и щеки впалые. Совсем себя не щадишь.

— Мне красота ни к чему, — просто ответила я. — Люди прочь с криками ужаса не бегут — и слава богам.

Я подошла к зеркалу и пальцем провела по его поверхности. Картинка с Иравари съезжилась и забилась в уголок, а я смогла изучить свое отражение. Странно, когда я еще девчонкой была, бабушка чего только не делала, чтоб «красоту мою от глаз чужих сокрыть». Слишком моя внешность не вязалась с образом деревенской простушки. Теперь пришло время о другом заботиться — чтоб никто следов моих еженощных бдений не заметил. И чего Иравари ругается? Ну да, бледненькая и с лица спала, отчего глаза кажутся еще больше, ключицы торчат. Но это не от недосыпу, а от того, что ем мало. А ем мало потому, что времени на трапезы особо нет...

— Я тебя Зигфриду сдам, — вдруг пискнула из своего уголка демоница. — Ты меня с ним знакомила когда-то, значит, я ему без проблем являться могу. — Все ему расскажу: и про то, что ты с собой делаешь, и в какую авантюру ввязалась.

— Только попробуй! — Я сделала раздраженный пасс, Иравари опять появилась в полный рост. — К тому же мэтр Кляйнерманн обижен на меня безмерно.

— За то, что ты его на растерзание лицейке оставила? — оживилась собеседница. Когда я ей в лицах «про сыночков да дочек» рассказывала, она хохотала до слез.

— И за это тоже. Знаешь, он вообще в последнее время какой-то беспокойный и смотрит

на меня уж очень... Знаешь, я, наверное, личину надевать больше не буду. А то поклонников образовалось — не продохнуть.

— Ну-ка, ну-ка... — потеряла руки демоница, ее длинные алые когти хищно блеснули. — Давай пальцы загибать. Значит, Игорь, толку от которого немного, рутенский знакомый Ванечка — а подведи-ка ты его к зеркалу какому-нибудь, очень интересно посмотреть, как он изменился, — загадочный капитан стражников, почти родственник Зигфрид и законный супруг. Я никого не пропустила?

— Супруга можешь смело вычеркивать, — мотнула я головой. — Даже если он явится пред наши светлы очи и будет петь серенады, это будет говорить лишь о том, что ему что-то нужно в Кордобе.

— Тут мне возразить нечего, — погрустнела Иравари. — Но ты тоже пойми: его не для любви воспитывали, а чтоб княжеством править.

— Думаешь, он уже развелся со мной? — Я спрашивала осторожно, эту тему с подругой мы никогда не обсуждали, и мне не хотелось, чтоб она думала, что меня занимают такие девчоночьи мысли.

— Нет.

— Не думаешь или не развелся? — Я дышала ртом, чтобы не шмыгать носом.

— Тут такое дело, любезная княгиня, — сладким, просто-таки сиропным тоном ответила демоница. — Замуж-то выскочить можно и без наличия супруга, а вот для развода должны оба присутствовать.

— Но я думала, ему достаточно будет указ издать.

— Вас маг венчал, благословления Источника испрашивал, так что Источник вас и развести должен.

— А почему ты раньше мне об этом не говорила?

Иравари поправила мантилью.

— Просто к слову не пришлось. К тому же это ничего не меняло. Твоя жизнь была под угрозой, и даже если бы тебе для спасения нужно было гарем на восточный манер себе завести, я бы все равно не возражала. Кстати, о гаремах. Давай поговорим о капитане. Как он тебе? Хорош?

— Да обычный дядька, — задумчиво ответила я. — Не урод и не красавец, не маг. Боец он хороший. Это я тебе точно говорю, он так движется, что понятно — фехтовальщик. Я бы с ним с удовольствием...

Я зевнула просто отчаянно.

— Ладно, наверное, спать пора.

— А с маркизом мы ничего так и не придумали? — Почему не придумали? Мы его властям сдадим, пусть с ним король разбирается.

— На каком основании?

— Обыск надо у касатика устроить, основания сразу отыщутся. Надо только его логово тайное найти. Я повороты не считала, но думаю, с закрытыми глазами, куда меня вели, вспомню. Вот в доносе точный адрес и укажу.

— Да его десять раз предупредят, он все перепрятать успеет. Скорее всего, у него в страже свои шпионы имеются. Ты же знаешь, какие тут люди продажные, за горсть дублонов маму родную продадут.

Я с хрустом потянулась и опять зевнула.

— Ты права, никого в эти планы посвящать нельзя. Где, говоришь, у нас эликсир бодрости?

— Лутона, прекрати! Ты его, эликсир этот, как ключевую водицу хлебаешь, так и помереть недолго. Ты, наверное, и чувств поэтому сегодня лишилась. Никакой же организм такого напряжения не выдержит...

Но я уже доставала из пристенного сундука бутылку и вытаскивала притертую пробку. Терпкий запах полыни защекотал ноздри.

— Вот честное слово, в последний раз. Завтра целый день спать буду.

— Надень что-нибудь блестящее, я тебя подстрахую.

Я выдохнула и отхлебнула горькое питье.

— Я тебе потом все подробно расскажу; все равно, если что-то случится, на помощь ты не прилетишь.

— Ну хоть шпагу возьми.

— Поучи жену щи варить, — весело огрызнулась я, уже вытаскивая из-под кровати сверток с оружием и удобные кожаные ботфорты, в которых бегать во время ночных вылазок было гораздо удобнее, чем в туфельках.

— И морок при мне сотвори, чтоб я со стороны его оценила, — никак не хотела отпустить меня подруга.

Я послушно напряглась, притягивая к себе решетчатую лунную тень и далекие отблески звезд. Материал для личины был первосортный, кокон получался плотным, почти осязаемым.

— Прекрасно! — одобрила Иравари после внимательного осмотра. — Удачи тебе! И если ты, маленькая разбойница, обманешь меня и целый день завтра в кровати не проведешь...

Я не дослушала, ускользая в темноту коридора. Невежливо удаляться, кажется, входило у меня в привычку.

Капитан Альфонсо ди Сааведра был счастлив. Представление его скромной особы тайной курии прошло успешно, и будущность бравого вояки рисовалась в самых радужных тонах. Гранды стихийных домов одобрили его кандидатуру, и должность кордобского алькальда, пустовавшая уже несколько десятков лет, сегодняшней ночью оказалась занята. Занята им, Альфонсо Фонсега Диас Кентана ди Сааведрой. И может быть (бывший капитан городской стражи очень на это надеялся), со временем ему будет позволено присоединить к цветистой фамилии матери небольшое дополнение — Акватико, ибо один из четырех стихийных грандов приходился ему отцом. Как всякий элорийский бастард, дон Сааведра к вопросам чистоты крови относился крайне щепетильно и мог порвать глотку любому наглецу, осмелившемуся усомниться в его благородном происхождении. Достоянная матушка нового алькальда, терпеливо ожидающая вестей в своем поместье, являлась светской супругой дона, супругой неофициальной, ибо благословения Источника на сей брак испрошено не было. Дон Акватико, уже будучи в летах, увлекся светлоглазой прелестницей не на шутку. И не остановило его, что избранница магической силой не обладала. А донья Мария, единственная дочь провинциальных дворян... Бывает, ведь бывает такое, когда молоденькая девушка влюбляется во взрослого мужчину, почти старика. Потому что он умен, потому что обладает властью, потому что... Ах, к чему искать причины там, где все решает любовь, чувство загадочное и логике неподвластное? Алькальд мысленно пообещал себе сегодня же отписать матушке, чтоб она поделила с ним радость триумфа. «Ах, Альфонсито, — часто говаривала она, на мгновение подняв глаза от сложной вышивки или отведя в сторону кисть, которой наносила тонкие линии на отрез восточного шелка. Юный Альфонсо любил в такие минуты сидеть рядом с ней на устойчивом трехногом табурете и наблюдать за сосредоточенным прекрасным лицом, за четкими движениями тонких холеных рук. — Дорогой мой, тебя ждет великая судьба, я верю в это всем сердцем». Ну, теперь ее душа может быть спокойна, сын достиг определенных высот и с вершин этих сможет оказать некую помощь своей семье. Дон Сааведра счастливо вздохнул и поднял взгляд к благоволящим к нему небесам.

В целях сохранения тайны выход из залы заседаний находился довольно далеко от входа. И если попасть на собрание стихийных домов, называемое еще тайной курией, можно было, спустившись из здания городской тюрьмы, то на поверхность Альфонсо выбрался в полуразрушенную часовню, стоящую почти на окраине города. Пустая алтарная ниша красноречиво свидетельствовала, что храм давно не используется. Алькальд спустился наружу по сбитым ступеням, осмотрелся и быстро юркнул под лестницу. Прозрачные глаза капитана прекрасно видели в темноте, позволяя своему владельцу не плутать в лабиринте кордобских переулков, но сейчас эта способность Альфонсо не пригодилась. На выступе торцовой стены здания горел фонарь. Двор заброшенного храма был как на ладони. «Мьерда, — раздраженно шепнул капитан. — Засада!» Он старался дышать бесшумно. Заранее раскрываться перед человеком, подготовившим столь хитроумную ловушку, было бы глупо. На своем веку капитан повидал достаточно прекрасных фехтовальщиков, попросившихся с жизнью от коварного ножа наемного убийцы. Ибо когда на охоту выходят рыцари плаща и кинжала, благородное искусство поединка лучше забыть. «Однако кто мог знать о том, что я появлюсь здесь именно в это время? Ни одна живая душа не была о том осведомлена, включая меня. И либо я неверно расценил благосклонность тайной курии, либо вовсе не меня здесь поджидают». Капитан осторожно выглянул из своего укрытия. Его взору открылся фрагмент кирпичной стены, по которой двигалась тень лошади и всадника. Глухой топот копыт, видимо предусмотрительно обернутых тканью, был еле слышен. Капитан осторожно потянул из ножен шпагу, одновременно другой рукой нащупывая кинжал. Как только лошадь поравняется с его укрытием...

— Выходи! — разнесся в тишине громкий возглас. Всадник обнажил длинный клинок и отбросил капюшон. — Даже если ты злодей, охочий до чужого имущества и жизни, дерись как мужчина!

Альфонсо медлил. Черноволосого человека он узнал; не раз и не два он скрещивал с ним шпаги в учебных залах фехтовальных школ. Давненько это было, и сейчас капитан не отказался бы повторить опыт, узнать, чему научился его давний знакомый за прошедшие... Погодите, сколько же времени прошло? Десять лет? Двенадцать? Не меньше. Интересно, каким новым трюкам выучился за эти годы благородный дон? Да не просто дон. Если верить слухам, доходившим до Сааведры, юный щеголь, некогда с позором изгнанный из Квадрилиума, теперь князь, и даже шипящая романская фамилия, под которой его знали в Элории, всеми забыта. Осталось только прозвище — черное и полное магии, как и его обладатель. Князь Влад Дракон в напряженной позе восседал сейчас на вороном жеребце и грозно смотрел в темноту.

Выйти или подождать? Ведь некто, поставивший фонарь, подкарауливал именно князя. Тогда почему хитрец медлит? Время для неожиданной атаки упущено. Почуввав любое движение в темноте, всадник всадит каблуки в бока лошади и умчится со скоростью ветра. «Мьерда, — опять ругнулся алькальд. — Какая нелепая засада!»

Князь склонил голову и принюхался, даже в полутьме было заметно, как расширились ноздри точеного носа.

— Покажись!

Длинный шуршащий прыжок — и всадник спешил и отбросил в сторону плащ. Расшитый серебром колет князя послужил бы сейчас неплохой мишенью для любого лучника. Альфонсо про себя подивился такой неосторожности. Влад сделал несколько шагов в сторону, на мгновение пропав из вида. Капитан изменил положение, на его широкополоую шляпу посыпались мелкие камешки. Еще раз выругаться вояка не успел — откуда-то сверху, завывая, как стая разъяренных кошек, на освещенный пятачок двора выпрыгнул убийца. Уже наблюдая за пируэтами, которые выписывала гибкая фигура ночного разбойника, Альфонсо догадался, что прятался тот под той же лестницей, что и он сам, но на пролет выше, в небольшом провале, где разрушенные ступени оплел дикий виноград. Выбор места капитан одобрил — там был лучший обзор и свобода для маневра. Шпаги встретились с гонким звоном. Удар, финт, пережат... Две одетые в черное фигуры будто плясали в полутьме.

Фонарь догорел и, фыркнув напоследок, погас, и теперь только луна освещала место поединка. Противник князя тяжело дышал, пытаясь недостаток роста компенсировать напором. Капитан внимательно изучал внешность незнакомца. В конце концов, в должностные обязанности алькальда входит борьба с преступниками. И то, что

непосредственно поиском и поимкой будут заниматься альгвасилы, а ему достанется ответственная роль судии, дела не меняет. Он должен быть лучшим — самым хитрым, самым умным, самым информированным. Именно этих качеств ждет от него отец, именно на них рассчитывает курия. «А мальчишка-то ловок, — невольно восхитился Сааведра, — ему бы еще удар поставить лаконичней, без театральных фортелей, и я бы сам поостерегся скрестить с ним шпаги». Убийца был молод, лет двадцати на вид. Костюм его, видимо специально подобранный для тайных ночных делишек, был узко скроен и подчеркивал худобу. Темные волосы забраны в косицу, несколько прядей выбились от резких движений и прилипли ко лбу. Над верхней губой топорщились усики. Сааведре показалось, что князь дерется не в полную силу; его выпады были блестящи и заставляли противника отступать шаг за шагом, но к сокрушительной победе не приводили.

— Маэстро Бертолотти? — вдруг весело спросил Влад Дракон, с трудом парируя эффектный крученный удар. — Узнаю его стиль. Старый демон до сих пор обучает местных лоботрясов?

Мальчишка зарычал нечто утвердительное и отпрыгнул в сторону, меняя направление атаки.

— Этот опознаешь? — крикнул он, на мгновение зависая в воздухе и устремляясь к противнику, кажется, не касаясь земли.

— Что-то островное, — через десяток звонких ударов ответил Дракон, перебрасывая шпагу в левую руку. — А, точно — маэстро Микумура. Я брал у него несколько уроков...

Клинок князя просвистел у самого уха противника. Тот оскалился, отбрасывая в сторону начисто срезанный воротник.

— Меня его техника не впечатлила, — с усмешкой продолжал князь. — Но цену твою достижения. Если на минуточку остановишься, я даже отложу шпагу и удостою тебя аплодисментов.

— У лекарей похлопаешь, если обе руки работать будут, — огрызнулся мальчишка, и клинки скрестились вновь.

Сааведра напряг глаза. На кусочке ткани явно проглядывала бельевая метка — извивающаяся саламандра. Парень огненный маг? Усики, темные волосы, худоба, невысокий рост, карие глаза. Последний пункт капитан уточнить был не в состоянии, слишком быстро двигались соперники, но и того, что он успел рассмотреть, хватало для опознания. Мануэль Изиидо — заноза в заднице игровых воротил и небольшая проблема для тайной курии. Именно его ди Сааведра должен был арестовать, еще будучи капитаном. Пожалуй, если он исполнит поручение сейчас, это будет неплохим началом новой карьеры. К тому же помочь континентальному князю, даже находящемуся в Кордобе инкогнито... А затем элегантно уточнить у спасенного, что его связывает с нашим дворянчиком, какие отношения? Пока новый алькальд раздумывал, как с наибольшим достоинством появиться из развалин, полуночная дуэль неожиданно закончилась. Князь, которому, кажется, наскучил поединок, провел сокрушительную контратаку и резким движением выбил шпагу из руки противника. Мальчишка проводил улетающий по широкой дуге клинок грустным взглядом и беспомощно прислонился спиной к стене. Сааведра, которому юный вертопрах нужен был живым, уже приготовился открыться и даже встал в полный рост, но то, что произошло дальше, заставило его прирасти к месту подобно соляному столбу из старинной легенды. Влад Дракон молниеносно приблизился к юному разбойнику и заключил того в объятия. Нет, благородный дон ди Сааведра слышал о подобных пристрастиях некоторых мужчин, но раньше ему никогда не приходилось наблюдать этого непотребства лично. Мальчишка сдавленно пискнул и со страстью ответил на поцелуй. Алькальд снова укрылся под лестницей.

— Тебя в вожделенной Элории не кормят, что ли? Одни кости торчат, — донесся до взволнованного алькальда шепот князя. — Пошли, горемыка, приглашаю на ужин.

— Это еще зачем? — хмыкнул мальчишка, поднеся руку ко рту, то ли стремясь стереть с него следы поцелуя, то ли, наоборот, пытаясь удержать при себе воспоминание. — Здесь поговорить нельзя?

А потом они перешли на странный язык, изобиловавший шипящими звуками, но, несмотря на это, довольно мелодичный, и ди Сааведра перестал их понимать. Бывшие противники проговорили недолго. Мануэль Изиидо нашел свою шпагу и даже несколько раз пытался наставить ее на князя. Затем последний, будто потеряв терпение, сгреб мальчишку в охапку, забросил на лошадь, предварительно закутав в свой плащ, и сам вскочил в седло. Добыча по-девичночь повизгивала и сыпала, судя по всему, страшными ругательствами. Жеребец мягко тронулся с места.

— Иногда за невмешательство благодарны больше, чем за помощь, — на прощанье громко проговорил Влад Дракон по-элорийски.

Фонарь зашипел, фыркнул и зажегся вновь. Но ни князя, ни его странного спутника на пятачке перед разрушенным храмом уже не было.

...Я размеренно шла по темной, пустынной улице. Предположительно пустынной, потому что плотную тканую повязку, прикрывающую глаза, лишний раз трогать не хотелось. Я и так уже пару раз напортачила, надеясь на память и свернув вовсе не в ту сторону, куда вел меня прошлой ночью провожатый. Эта попытка, я поклялась себе, будет последней. И если и сейчас мне не удастся отыскать дом, в котором происходила беседа с доксовым шпионом, я просто плюну. Вернусь в Квадрилюм, поплачу от бессильной злобы и, успокоенная, засну часиков эдак на двадцать, а лучше — на все двадцать пять. А потом пойду выяснять у начальства, лезть мне на башню или не лезть, чтобы подтвердить высокое звание студентки университета, а может, чего-нибудь надуть в доказательство управления стихиями. Почему-то захотелось надуть маркиза — не фигурально, а по-настоящему. Я представила, как держу его за кончик длинной бороды, а он летит надо мной, как воздушный шар, покачиваясь в теплых волнах дневного бриза, и хихикнула. В этот момент пропал ветер, будто оказалась я внутри огромного башенного колокола, окутанная звенящей тишиной. Под этой аркой меня точно вчера ночью проводили, и я точно так же подумала, что Источник близко. Я сняла повязку и прислонилась к каменной ограде. Небольшой зеленый фонарь, пристроенный на выступе полуразрушенного здания, освещал проем ворот. «Вот мы и вернулись, детка», — как сказал бы настоящий Мануэль Изиидо в моем положении. «Не прошло и года», — подумала я сама за себя. Это же уму непостижимо — полночи потратить на легкую, в общем-то, задачу. Что мы видим? Покинутый храм. Но кое-какая остаточная магия в нем сохранилась — немногочисленные нити силы, пытающиеся пробраться с улицы, перерезались оградой, будто ножницами. А фонарь-то до боли знакомый... Я чувствовала спиной каждый кирпичик стены. Ну и что мне теперь делать прикажете? Горделиво пройти через освещенный двор и схлопотать от ночного татя отравленную стрелу под мышку или нож под ребро? Защитный нагрудник я по глупости не надела и теперь раскаивалась в своем легкомыслии. И морок мелковат, надо было кем-то повыше и посолиднее представляться. Обреченно опустила руку и достала из-за отворота сапога флажку. Иравари меня до смерти заругает, если прознает обо всех моих заначках, а потом еще больше — за то, что слово разбойничье употребляю. От полынного зелья заломило виски. Но мне удалось сплести еще один морок — недолговечный кокон невидимости, под прикрытием которого я серой тенью прошмыгнула через двор. Уже поднимаясь по лестнице, вспомнила, что сразу после арки повернуть надо было направо — к двери, на удивление добротной среди повсеместного запустения. Сбежать вниз по ступенькам времени не было, невидимость растворялась в лунном свете, как сахар в кипятке. Ёжкин кот! Я плюхнулась на живот и забилась в ближайшую щель. Ну и ладно, все, что ни делается, к лучшему. Я же шпионское логово собиралась только отыскать, а не врываться туда со шпагой наголо. Все равно теперь ждать, пока фонарь погаснет, на новый покров невидимости силенок мне уже не хватит. Я тихонько зевнула. Мыслей никаких особо не было, видимо сказывалась усталость, в голову лезли всяческие перевертыши, еще называемые палиндромами. Иравари такие выраженьица ценила очень высоко — в ее зазеркальном мире они становились именами, позволяющими демонам путешествовать среди отражений. Именно придумыванием новых имен я расплачивалась за информацию, щедро поставляемую моей подругой. «Я ем змея, — подумала я по-рутенски. — Мёд ждём. А собака боса». Фонарь ярко вспыхнул, я поднялась на четвереньки и раздвинула лозы дикого винограда, пытаюсь рассмотреть, что происходит во дворе. И тут мне чуть было не наступили на голову тяжелым кованым сапогом. Ёжкин... Я замерла в неудобной позе. Давешний мой знакомый, капитан ди Сааведра, со сноровкой уходящего от смерти таракана, сбежал по лестнице.

— Засада, — донеслось до меня его бормотание.

— Ну конечно, засада! — осторожно, чтоб не шуметь, хлопнула я себя по лбу. — Вот ведь бестолковка! Получается, я тоже в этой засаде участие принимаю, наравне с сообразительным и шустрым капитаном. Интересно, что он-то здесь забыл? Неужели с маркизом заодно? А еще интересно, сколько нас здесь, участвующих? Сколько еще пар глаз выглядывают из щелей, сколько рук сжимают рукояти кинжалов?

Я раздумывала, прикидывая и так и эдак, ожидая, когда же погаснет треклятый фонарь, и ни к какому выводу не приходила. Может, и не засада вовсе, может, просто угрюмый слуга забыл светильник на улице. Или знак кому подает, чтоб с дороги по пути в логово не сбился. Или...

— Покажись!

Возглас застал меня врасплох. Я смотрела на своего ненастоящего супруга и, кажется, даже забыла дышать. Этот Влад Дракон, чьи острые скулы и горящие синие глаза я узнала бы, кажется, с любого расстояния, был самый что ни на есть настоящий. Не водный элементаль, не инкуб, не плод моего воспаленного воображения. Он еще что-то говорил, прыгивая с лошади и обнажая клинок, но слов я не слышала, замороженная движениями его губ и тем, как прихотливо отражался свет от его волос и как билась голубоватая жилка у самого виска. Время для меня почти остановилось, растянувшись в янтарную смоляную ленту. Я смотрела, смотрела и не могла насмотреться, как не может утолить жажду страждущий, даже зная, что потом ему будет плохо.

Я хрипло вздохнула. Шершавый тесаный кирпич, на который я опиралась ладонями, подался вперед, увлекая за собой мелкие камешки. Наваждение кончилось. Я сгруппировалась и вытолкнула свое тело из расселины. А что еще делать прикажете? Не в кошку же перекидываться для маскировки? С боевым кличем маэстро Микумуры я обнажила заскучавшую в ножнах шпагу и прыгнула, поднимая тучи мусорной пыли. Ну что, князь, потанцуем?

Влад был очень хорош, я имею в виду — как фехтовальщик. С полувзмаха разгадывал изящные комбинации и парировал удары со злой растерянной улыбкой. Злыдень! Мне не хватало времени даже на то, чтобы дух перевести, а он еще умудрялся поддерживать светскую беседу. Когда моя шпага, жалобно тренькнув, укатилась в темноту, я ожидала чего угодно, только не поцелуя. А всего более не ожидала, что отвечу на него с такой страстью, прижмусь всем телом, чтобы не отпускать, присвоить, подчинить...

Какой еще, к лешему, ужин?

— Здесь поговорить нельзя? — Мое сердце билось пойманной в силки птицей.

— Ты предпочитаешь общаться при свидетелях? — с сарказмом спросил Дракон по-рутенски. — Лицедейские таланты открылись?

Я многозначительно повела глазами в сторону лестницы, мимоходом восхитившись тому, с каким искусством спрятался под ней капитан. Вот что значит военная выучка!

— И не только, — кивнул Влад. — В привратной башенке засели лучники. Я успею отвести от нас одну-две стрелы, прежде чем мы с тобой превратимся в любимых тобою ежей, а вон за теми розовыми кустами...

— Это шиповник, — проследила я взглядом.

— К демонам ботанику!

— Погромче ори! Стрелки имеют все шансы свалиться тебе под ноги вместе с башней. Постройка ветхая, и от звуковых колебаний...

Я молола какую-то наукообразную чушь, неспешно отыскивая свое оружие.

— Уходи, Дракон, — проговорила я, приставляя острие к его груди. — Я сама здесь справлюсь, а завтра встретимся. Я все бумаги подпишу, какие скажешь...

И вот тут мне стало по-настоящему страшно.

— Никогда. Не смей. Мне. Приказывать.

Он говорил ледяным тоном, от которого захотелось сразу же зарыться в землю хотя бы головой, как поступает в таких случаях иноземная птица страус. Я глубоко вдохнула, с досадой замечая, что шпага в моей руке ходит ходуном. Повисла страшная звенящая тишина, в которой я слышала только частые удары своего сердца. Влад прищелкнул пальцами. Я испугалась, ожидая полного онемения членов (в наложении чар недвижимости господарь равных себе не знал), и облегченно выдохнула. Источник, благородные доны, это вам не еж чихнул, это блокировка стихийной магии, ибо черпать из себя силы он позволяет только на расстоянии.

— Пфф... — К удивлению, неудачное колдовство князя не расстроило, а позабавило. — Усы еще себе наколдовала, сумасбродка. Не вздумай сопротивляться...

Я и не собиралась. Интересно, чем он стрелы отводить собирался, пустозвон? Обзывается еще...

Влад закутал меня в свой плащ и перекинул через высокую лошадиную холку. Моя... гм... спина, а точнее, нижняя ее часть, трогательно поднялась к небесам. Было очень стыдно и неудобно. Поэтому я немного повсхлипывала, переживая о позорной ситуации, а потом уснула, убаюканная мерным ходом лошади.

Мне было по-настоящему хорошо. Просто закрыть глаза — не для того, чтобы припомнить обрывки фраз, подслушанных за день, не для того, чтобы просчитать очередную комбинацию или повторить мудреный термин...

Эй, осади! Что ж это творится, люди добрые? Чего это меня с лошадушки снимают? За какие такие прегрешения лиходеи отдыха лишают?

— Эскад! Прочь! Пусти, каброн безрогий!

Глаза не хотят открываться, но я изо всех сил отмахиваюсь, пока некто очень сильный не обхватывает меня за плечи.

— Простите, сударыня, недостойное поведение моего друга. Кабальеро сегодня злоупотребил за ужином...

«Чего это он перед ней лебезит? Обольститель континентальный! Сударыне я тоже сейчас вломлю так, что мало не покажется!»

— Ах, сударь, пустое. Молодые люди часто проявляют невоздержанность, с возрастом это обычно проходит. Прикажете приготовить юному кабальеро отдельную спальню?

— Нет, любезная хозяйюшка, мой юный друг проведет ночь у меня.

«Ха! Держи карман шире!»

— А как же вы, господин? — Меня ожидают в другом месте, и как только мы устроим юношу со всеми удобствами, я вернусь к друзьям.

Они там еще что-то щебетали, волоком втаскивая меня по какой-то лестнице и укладывая на кровать. Я сразу свернулась калачиком на пахнущей свежестью простыне и почти без возражений позволила снять с себя ботфорты.

— Молодец, крепко морок держишь, — шепнул мне на ушко Влад, поправляя одеяло.

Скрипнула дверь, повернулся ключ в замке, и наступила тишина. И одновременно пропал сон — напрочь, как отрезало. Я рывком села на постели. Вот ведь какая незадача! Как там говорится: видит око, да зуб неймет? Или это вообще про что-то иное мудрость народная сложена? Голова была тяжелой, и мысли в ней копошились какие-то улиточные — склизкие и неповоротливые. Одна была особенно противной: какого лешего я танец со шпагами устроила? Трудно было поклониться князюшке в пояс, про погоду поговорить и тихонько удалиться, позвякивая шпорами? Ведь не узнал бы он меня в смуглом, вполголоса бормочущем кабальеро. Ну ладно, шпор-то у меня отродясь не было — лошадь Мануэля, дивный одр попугайной масти, выкупленная вместе с личностью владельца за горстку дублонов, доживает свою лошадиную старость на городской конюшне. (Не бесплатно, между прочим, доживает.) А так фейерверк устроила, дона иностранного в свои делишки втягиваю... Не дело это.

Я решительно поднялась с постели. Сейчас улизну подбру-поздорову, а через пару дней уже в спокойной обстановке с Драконом встречусь. Ботфорты нашлись под кроватью, шпага — прислоненной к резному лакированному стулу. Я на прощанье оглядела комнату (умеет князь обустроиваться, ничего не скажешь) и толкнула оконную створку. Прыжков с высоты я с некоторых пор не боялась вовсе.

Полная луна нависала над крышами, как огромный ноздреватый апельсин, соленый морской бриз нес прохладу, а густой аромат садовых роз скрадывал обычный смрад сточных канав Нижнего города. Ах, какая это была ночь! Созданная для любви и наслаждений, для чтения мадригалов и нежной музыки, для легкого шелка и охлажденного вина. Барон фон Кляйнерманн удовольствия от ночной прогулки не испытывал. Щеки горели то ли от поцелуев наглой лицедейки, то ли от смущения, этими поцелуями вызванного. Хитрая Лутоня обвела его вокруг пальца, заставила испытать стыд перед толпой народа. Строптивая девчонка! Если бы мэтр Пенънте серьезнее относился к его, Зигфрида, опасениям, следующие три года его любезная подруга повела бы под неусыпным надзором специально обученных людей. На всякий случай. Пока гранды стихийных домов в ней не заинтересованы, но кто знает, что будет через некоторое время? Дедушка сердится и не общается с внучкой, потом передумает, простит, и на шахматной доске кордобских интриг появится новая фигура. Пешка? Полноте, любая пешка может в этой игре стать ферзем. А уж эта-то, с мраморной кожей и бледным незащитным ртом... Зигфрид тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли. Для великих мужей женщины служат не объектом вождения, а лишь средством для достижения цели. Любовь и страсть проходят, в лучшем случае оставляя привязанность, так зачем размениваться на мелочи?

— Прекрасная ночь!

Из-под укрытой цветущим плющом арки показалась фигура мужчины.

— Мы должны были встретиться в другом месте, Влад, — недовольно ответил Зигфрид. — Я, к сожалению, опоздал, но...

— Ах да, — хищно блеснули в улыбке зубы князя, — двор разрушенного храма, где невозможно использовать стихийную магию. Там, представь себе, оказалось слишком многолюдно. Кстати, дорогой барон, знал ли ты, направляя по мою душу наемных убийц, что именно в таких местах, в местах с остаточной магией, городские катакомбы имеют обыкновение выходить на поверхность?

— Ты попал в засаду? — фальшиво изумился огневик. — Городской совет давно обсуждает необходимость увеличения числа ночных дозоров...

— Думаю, новый алькальд быстро решит эту насущную проблему, — перебил Дракон собеседника. — К сожалению, ввиду своего отсутствия, я не смогу разделить народное ликование по этому поводу.

Зигфрид молчал, переваривая новую информацию. Новый алькальд? Алле драхен тренне! Валашский змей и здесь успеваешь узнавать все первым!

— Не бойся, Кляйнерманн, — задушевно проговорил князь, беря барона под руку. — Подумаешь, убийцы. Разве может такая мелочь разрушить нашу многолетнюю ненависть? Ты попробовал, у тебя не получилось. Может быть, в следующий раз судьба будет к тебе более благосклонна.

— Ты не сможешь меня убить. Без меня тебе не выбраться с острова!

— И прибыть сюда без твоей помощи мне тоже вряд ли бы удалось. Я тебе искренне благодарен. Очень неудобно быть персоной нон грата в магической столице мира. Да прекрати ты дергаться, в конце концов!

— Куда ты меня тащишь?

— В укромное местечко, дорогой, — веселился Дракон.

За аркой оказался небольшой дворик, заросший сорняками.

— Час до рассвета, — пояснил князь. — Ночная стража совершает последний обход,

подобный башне Кляйнерманн обязательно привлечет ее внимание. Тихо! Сейчас они пройдут.

За стеной уже слышался топот и позвякивание оружия. Князь замер в шутовской позе: «Тсс!»

Выглядел он до безобразия довольным, его словно распирало от радости. Зигфрид многое бы отдал, чтоб узнать, какое событие привело Дракона в такой дикий восторг. Когда барону предложили доставить в Элорию валашского князя, он сомневался недолго. Деньги никогда не бывают лишними. К тому же, проанализировав ситуацию, Зигфрид пришел к выводу, что Влад Дракон стремится на остров, чтобы потребовать развод у своей фальшивой супруги. Холостой князь был лакомым кусочком на матримониальном столе континента, и, зная Влада, можно было предположить, что свободу свою он продаст очень недешево.

— Когда будет открыт транспортный портал? — спросил Дракон, когда шаги стражников затихли вдали. — Организуй это как можно быстрее.

— Ты хочешь возвращаться? Но я переговорил с ректором, он согласен аннулировать твое наказание на некоторых условиях. — Зигфрид достал из рукава трубочку пергамента.

— Планы изменились, — криво улыбнулся Дракон, но послание развернул. — Мне сейчас не ко времени в ваши дрызги вмешиваться, на континенте дел полно. Два университета открываю — в Романии и в Лузитании.

— Магические?

— Зачем? Колдунов и так развелось как собак нерезаных. Чиновников мне грамотных не хватает. Империя большая, умных людей мало. Налоги, воинская повинность, суды — все внимания требует. А через годик-два я и до вас доберусь. Ха! Ты это читал?

Зигфрид покраснел. Неужели сломанная, а потом восстановленная печать так заметна?

— Твой, Кляйнерманн, во всех отношениях достойный учитель оценивает давний позор в полторы тысячи дублонов. Войдешь в долю? Ты же тоже участвовал.

— На закате я открою путь в алтарной нише заброшенного храма, — холодно проговорил Зигфрид. — У меня есть право на один личный портал, остаточной магии места должно хватить. Надеюсь, ты там все не разнес?

— За кого ты меня принимаешь? — рассеянно ответил князь, продолжая читать. — Вот если бы мне за уменьшение поголовья кордобских убийц платили... В третьем пункте многоуважаемый мэтр Пеньяте требует, чтобы я закончил обучение?

— Мэтром станешь. Тебе же всего год оставался до выпуска. А второй пункт тебя не взволновал нисколько?

Влад поднял на барона затуманенный взгляд.

— Через два года мы это с ректором еще раз обсудим. Что я тебе должен за услугу? Нет, погоди, я сам догадаюсь. На этот раз ведь это будут не деньги?

Синие глаза, казалось, прожигали дыры в высокой фигуре огневика.

— Понятно, — кивнул, наконец, Дракон. — Судя по свежим шрамам на запястьях и общей бледности, ты пробовал призвать демона Тонкого мира. А красноватый след на переносице говорит нам о том, что способность видеть нити силы тебя покидает и ты пытаешься удержать ее при помощи магических очков.

Зигфрид молчал.

— Помогу я твоему горяшку, добрый молодец, — подражая шамканью деревенской колдуньи, кривлялся Влад. — Очки можешь выбросить — они тебе не понадобятся. Это не ты нити не видишь, это их становится все меньше. Ты еще не понял? Даже после сегодняшнего землетрясения? Источник иссякает, Зиг, магия четырех домов уходит из

этого мира.

— К-как? — прокашлялся барон. — Как скоро она иссякнет?

— На твой век, может, и хватит. Но ты правильно делаешь, изучая и другие виды магии. Как говорят в одном государстве, сопредельном моей державе, «свято место пусто не бывает». Ну что, барон, до скорой встречи, мне еще ценный груз упаковать надо.

— Ты собираешься отделаться от меня общими фразами?

— Имя зазеркального демона я сообщу тебе, стоя одной ногой в портале. Уж прости мне легкое недоверие.

— Свободного, не связанного ни с одним магом демона, — не давал сбить себя с мысли Зигфрид. — Я знаю одно имя. Но она... он не является.

— Оттачиваешь на мне четкость формулировок? Не обману, не бойся. Будет тебе одинокий демон.

Барон ожидал появления густого тумана или водных брызг — Влад Дракон любил эффектные исчезновения, — но князь просто запахнул плащ и, насвистывая, направился к арке.

— Ты не хочешь увидеть Л утоню? Мне казалось, ты прибыл сюда ради нее.

— Дурацкое слово — «кажется». Мужчине не пристало испытывать неуверенность, — послышался злой ответ. — Помнится, Крессенсия предпочитала неколебимых кабальеро.

Зигфрид досчитал до десяти и нанес решительный удар:

— Осталось выяснить, кого предпочитает донья Лутеция Ягг. Ее партнер по инициации как раз является твоим подданным. Если у тебя будет возможность навести справки, ты узнаешь, что собой представляет Игорь Стрэмэтурару.

Влад смерил барона презрительным взглядом.

— У меня другие планы на сегодняшний день.

Зигфрид фон Кляйнерманн с непередаваемым наслаждением наблюдал сгустившийся туман, брызги, а также крошечные серебристые молнии, знаменовавшие уход валашского господаря. Словом иногда можно ранить больнее, чем кинжалом, и сегодня барону удалось достичь цели.

Я толкнула оконную створку. Ничего не произошло. Стекло было мутным, будто затянутым синеватым бычьим пузырем. За ним угадывался полный диск луны и горошины звезд. Меня заперли. Вот как прикажете интриги интриговать, если вокруг одни великие колдуны шастают? Для проформы я подергала раму в разные стороны и даже изо всех сил стукнула кулаком в самую смальтовую серединку. Больно-то как, ёжкин кот! Я раздраженно отбросила шпагу и завалилась на постель. Надо было подумать. Валашский господарь два раза себя на мякине провести не позволит. Как там пишут в наших студенческих грамотках? К обучению горазд! Я рассеянным взглядом осмотрела комнату. Образчик аристократической обстановки, не чета грязной клетушке в таверне Плевка, где мне приходилось время от времени ночевать под личиной Мануэля Изиидо. Жаль, но, кажется, придется расстаться с юным кабальеро раньше, чем планировалось. А как он был удобен — флиртовал со служанками, обвешивая тех чудесными зеркальцами слежения под видом побрякушек, подслушивал разговоры в кабаках, знакомился с нужными людишками, деньги зарабатывал, наконец. Где я теперь дублоны добывать буду, если студентам на корриде ставки запрещены? Я раздраженно фыркнула и закрыла глаза. Дельные мысли все не появлялись. Вот ведь... Иравари не поверит, когда я ей об этом расскажу. Я вскочила с постели и ринулась к огромной занавешенной раме, прислоненной к глухой стене. Сейчас демоницу свою призову, пусть сама придумывает, как мне отсюда выбраться. Ёжкин кот! Зеркальная рама была пуста. Господарь и здесь постарался! Я отшвырнула парчовую занавеску и нервно огляделась. Ничего блестящего или глянцевого в комнате также не было, и вообще никаких личных вещей не наблюдалось — ни тебе сундука, ни сменного платья, ни даже дорожного несессера. Только на прикроватном столике стояло серебряное фруктовое блюдо, из тех,

на которых так аппетитно смотрятся сочные абрикосы или янтарные ягоды спелого винограда. Блюдо было пустым, и это добавило мне раздражения. В кои веки аппетит проснулся и тот не ко времени.

Я заколотила в дверь.

— Кто-нибудь! Выпустите меня! — Я скрючилась, пытаюсь что-нибудь рассмотреть в замочную скважину.

— Прекратите шуметь, молодой человек, — наконец донеслось из коридора.

Голос хозяйки доходил до меня искаженным, будто сквозь толщу воды. Кажется, я была под настоящим колдовским колпаком.

— Сударыня, будьте так любезны, отоприте дверь! — Изображать вежливость было затруднительно, орать приходилось будь здоров. — Мне необходимо посетить места уединения. Потребности у меня!

— И не просите, сударь, — орала в ответ дама. — Для удовлетворения ваших потребностей под кроватью стоит чудесная ночная ваза, воспользуйтесь ею. Господин Ягг запретил мне даже приближаться к этой двери. Не устраивайте скандала, другие постояльцы могут выразить недовольство, и тогда мне придется пожаловаться господину Яггу, а он...

Дальше я не слушала, меня скрутил приступ хохота. Ха! Господин Ягг! Прибывший в Элорию инкогнито Дракон жил в Кордобе под моей фамилией?

Все так же похохатывая, я вернулась к кровати. Ваза действительно стояла на указанном месте — огромная, как собачья конура. Пользоваться этим шедевром зодчества? Нет уж, увольте! Пружинно поднявшись, я слегка покачнулась и зацепила рукой прикроватный столик. Блюдо полетело на пол. Костяшки пальцев, которые я расшибла об окно, опять закровили. «Срочно спать! — баюкая ушибленную руку, решила я. — Эдак я скоро от усталости и разговаривать не смогу». Закутавшись с головой в одеяло, я принялась считать барашков. Средство верное, ни разу меня не подводило...

— О моем здоровье вообще никто не думает?

Недовольный голос отвлек меня от сто двадцать пятого муфлона, не желающего прыгать через жердочку.

— Сплошное страдание, — согласилась я, выныривая из уютного гнездышка. — Надо бы королевский приказ издать, чтоб все жители Кордобы о твоём здоровье думали, хоть два-три раза в день. Можно еще повелеть колокольным звоном время для раздумий отмечать. Ты кто, чудо чудное?

У парня, который смотрел на меня из зеркальной рамы, были зеленые волосы. Неровно остриженные пряди торчали в разные стороны, радуя глаз оттенками от оливкового до изумрудного.

— А ты кто?

— Я первая спросила.

Скосив глаза на пол, к серебряному блюду, я убедилась, что на нем засыхает капля моей крови. Значит, я невольно вызвала личного демона Влада. А зеркало, значит, у нас появляется, только когда есть необходимость в беседе? Очень удобно. Давным-давно князь мне показывал эффектный фокус — создание зеркальной линзы. Кажется, именно это колдовство используется сейчас.

— Мое имя тебе ни за что не узнать, ведьма! — поджал и без того тонкие губы парень. — Забудь, что ты видела меня, и прощай.

Был он очень худощавым и, кажется, состоял из одних углов. Длинный нос с горбинкой, близко посаженные глаза, уши лопухами. Отнюдь не красавец. Но, если его услугами пользуется сам господарь, в иерархии демонов Тонкого мира этот занимает не последнее место. А ведь уйдет, ёжкин кот! Знала бы имя, могла бы удерживающее слово молвить...

— Ты Ирвари знаешь? — быстро спросила я, пока зеленоволосый демон не исчез. — Мне вообще-то с ней поговорить надо.

Он заинтересовался и опустил руку, занесенную для колдовского пасса. Молча посмотрел куда-то мне за плечо. Глаза будто бегали по строчкам. Но мы такое уже проходили, сейчас он дочитает и...

— Нет, — ответил он. — Прощай.

— Ленинел!

— Откуда?..

Пока он растерянно хлопал гляделками, я облегченно выдыхала. А еще говорят, что в девичьих разговорах «за жизнь» толку нет. Вот он — толк, уши удивленно потирает. Ты-то, может, голубчик, подружку мою и не помнишь, а вот она тебя — прекрасно. Ты бы знал, оглоед, сколько она слез из-за тебя пролила! Ленинел Беспалый, вот как тебя студенты твои называют. Потому что мизинца на правой руке нет. А еще называют Зверь, потому что на экзаменах зверствуешь.

— Ты можешь связать меня с моей демоницей? — строго проговорила я, оставив его вопрос без ответа.

Он не мог — правда, не мог. Я не очень хорошо понимала устройство зазеркального колдовства, но, кажется, друг с другом демоны могли общаться только лично. Я расстроилась, попеняла неумехе, немножко поторговалась. Ну, как немножко... Знатное представление устроила — с заламыванием рук, недоверчивыми похмыкиваниями и прочим арсеналом успешного менялы. Мы сошлись на том, что играть в старинную демонскую игру «Три ответа на три вопроса и попытки объехать собеседника на кривой кобыле, найдя лазейку в неточности формулировок» сегодня не будем. А будем общаться как давние приятели, тем более что у Ленинела, как и у меня, была бессонница и заняться особо было нечем.

— А я догадываюсь, кто ты, — добродушно заявил собеседник, когда все тонкости предстоящей беседы были оговорены. — Ты — «наша дражайшая супруга»!

— Что значит «ваша»? — отчего-то испугалась я.

— Ну, он про тебя именно так и говорит: наша дражайшая супруга Лутеция Ягг. И глазами еще так делает...

Ленинел показал как, закатив глазные яблоки. Я прыснула.

— Налей еще крови. — Демон пригубил крошечный бокал тонкого стекла. — Связь нестабильна.

— Я чувств лишусь от кровопускания. Другая жидкость не подойдет?

— Для представителя классической школы твой вопрос оскорбителен.

— Тогда прощай, — пожала я плечами. — У меня и воды-то под рукой нет. А использовать ту жидкость, которую я могу добыть из себя без ущерба для здоровья, вообще святотатство.

— Так птичка, наконец, в клетке? — скабречно захихикал демон. — А я Дракону давно говорил: поймать, запереть, и будешь как шелковая.

Я надулась:

— Еще одно слово, и я тебя напою. Деревенские знахари как раз таким способом желчность характера излечивают.

Он продолжал смеяться, делая какие-то пассы правой рукой.

— Шпалеру за изголовьем кровати в сторону сдвинь!

Я подошла к стене, часть которой подалась вбок под моей ладонью.

— Там где-то вино было, — руководил Ленинел. — Темное бери, элорийское.

За тайной дверью оказалась еще одна комната. На выложенном разноцветной мозаикой полу стояла на ножках большая лохань, в уголке еще одна — поменьше. Сундук с откинутой крышкой был заполнен дорогими тканями, благовониями и притираниями. Бутылку я нашла в другом сундуке, над замком которого пришлось немного попотеть.

— А чего ты в обморок не упала? Уверен, ты таких купален в жизни не видела.

— Таких, может, и не видела. — Я вернулась в спальню и щедро плеснула из бутылки на чеканную поверхность блюда. — Но похожие — приходилось.

— Вкусное у вас вино, — одобрил демон. — Только Владу об этом не рассказывай, а то разленится, перестанет мне кровь давать.

— А что в ней такого, в крови, что вы ее любите? — лениво спросила я, раздумывая, как бы побыстрее закончить разговор и уединиться в соседней комнатке.

— Да разное в ней, магическое, — охотно отвечал Ленинел. — А кровь Дракона вообще ценна безмерно, очень трудно божественный сосуд разыскать.

— Что ты имеешь в виду? Влад — бог?

— Наполовину. — Вино начинало действовать, впалые щеки демона слегка покраснели.

Я быстро собирала вместе все, что знала о своем суженом. Отец его покойный был романским князем...

— Кто его мать? — отпила я прямо из бутылки. — Богиня?

— Я думал, ты знаешь, — пожал плечами демон. — Бог вероятностей — Трехликий.

— Ха, — твердо сказала я. — Ты хочешь сказать, что его мама — папа? Я видела Трехликого, целых двоих. Один — согбенный старец с мертвыми глазами, второй на котика рыжего похож... Ты хочешь сказать, что третий лик — женщина?

— Почему бы и нет?

— Так, может, ты мне и истинную его сущность показать сможешь? Ту, которой меня всегда пугали?

— Запросто!

В бутылке оставалось уже на донышке, я допила и поплелась за второй.

Когда я вернулась, в огромном настенном зеркале мне продемонстрировали черного трехголового дракона. Пробка вылетела от удара по дну.

Через полчаса мы с моим лучшим другом Ленинелом решили, что бывают и более неравные браки, чем между деревенской ведьмой и полубогом. Затем я пообещала его познакомить со своей подругой, умницей и красавицей, сердце которой как раз свободно. (Тут я слегка кривила против истины, но, зная большое сердце Иравари, допускала, что в нем хватит места еще на нескольких демонов.) Еще через полчаса я стала сбивчиво прощаться, намереваясь принять ванну (устройство купальни мне к тому времени уже любезно пояснили) и отойти ко сну. Демон махнул рукой, заверив, что спать ему еще не хочется, а хочется пить. И что угол его, демона, обзора не захватывает уютную комнатку со всеми удобствами. Так что мне было предложено вкусить негу, так сказать, в компании.

— Бултыхайся там на здоровье, — икнул зеленоволосый. — Только не забывай аплодировать и подбадривать исполнителя.

— Ленинел! — проорала я, уже опустившись в исходящую паром лохань.

— Что? — ответили из спальни, прерывая трогательную песню об ожидающем суда разбойнике.

— Знаешь, кто я?

— Кто? Умница, красавица и студентка? Дражайшая супруга? Внучка бабы Яги?

— Хуже! У меня свекровь — дракон трехголовый, значит, я — невестка Змея Горыныча!

От громовых раскатов демонского хохота заходил ходуном весь дом.

Глава 4,

в которой происходит то, что давно должно было произойти, раздаются долги и проливается кровь

Купил, нашел, едва ушел, хотел отдать — не мог догнать, оглянулся — а они уж далеко.

Nochmut kommt vor dem Fall.

(Высокомерие приходит перед падением).

Пансион госпожи Пинто, вдовы бакалейщика, был заведением во всех отношениях респектабельным. Никаких подозрительных личностей, хороший повар, оплата вперед. Ценящий комфорт Влад облюбовал это местечко еще в юности. Когда ему надоело общество друзей-товарищей или наклеивалась интрижка за стенами университета, он останавливался здесь. Кто мог ему в этом помешать? Преподаватели? Ректор? Ставить свои желания выше желаний окружающих было так естественно, что о чьих-либо запретах он даже не задумывался. Госпожа Пинто ни в чем не отказывала молодому постояльцу, бледный синеглазый кабальеро будил в ней не только материнские чувства. Ведь тогда хозяйка была еще молода, пикантно округла в нужных местах и... Нет, нет! Между ними ничего никогда не было. Но обжигающие взгляды из-под веера, но трепет ресниц, но пышная грудь...

Влад насмешливо вздохнул. Хорошо, что память доньи Пинто оказалась короче, чем его. Новоприбывший на остров господин Ягг не вызвал никаких подозрений. Даже то, что понадобилась ему комната в северном крыле, выходящая окнами на улицу Аль-мар, даже то, что для удовлетворения этого желания пришлось переселить в другой номер пожилого сасьедатского купца, никого не смутило. Когда, наконец, вся суета с обустройством улеглась, Дракон ободрал шпалеру с глухой стены комнаты и с удовлетворением обнаружил глубокие бороздки пентаграмм, оставшихся еще со времен студенчества. Тогда он увлекался пространственной магией, увлекался небезуспешно, и без ведома хозяйки «пристроил» к своим апартаментам еще несколько комнат.

— Поторопитесь, — бросил Влад через плечо.

— Как прикажете, господин.

Семенящий за ним слуга, нагруженный разномастными свертками, коробками и коробочками, едва поспевал за широкими шагами князя.

Площадь называлась Серка-дель-Мар и была бойким торговым местом. Влад поморщился от запаха готовящейся здесь же рыбы и скользнул равнодушным взглядом по фруктовым рядам. Подле мгновенно материализовался торговец — необъятный кражистый дядька.

— Чего желает господин?

Господин желал яблок, винограда, желто-оранжевых ягод мушмулы. Слуга, в ожидании переступавший с ноги на ногу, мысленно взвыл, наблюдая, с какой скоростью наполняется плетеная корзина.

— Позвольте предложить вам свежайшую черимойю. Вызревает она зимой, но я сохранил ее с помощью охлаждающих заклятий. Это чудесный фрукт. И пусть сердце вашей невесты станет таким же мягким, как его сладкая сердцевина.

Под ударом ножа сложный сегментированный плод распался на две половинки, явив розоватую мякоть с блестящими черными семенами. Черимойя действительно напоминала формой сердце.

Князь улыбнулся банальности символа и покачал головой. Кому нужны замороженные «на потом» чувства?

Госпожа Пинто радушно пожелала вернувшемуся постояльцу доброго полдня.

— Ваш юный друг очень шумел, — скользя взглядом по вощенной бумаге свертков, пожаловалась она. — Я уже намеревалась послать слуг на ваши поиски. Прикажете

сервировать вам завтрак?

— Нет, благодарю, любезная донья. Нам предстоит серьезный разговор с юным кабальеро. Проследите, чтоб до заката нас никто не беспокоил.

Дракон учтиво поклонился хозяйке, наградив взмокшего от усилий слугу горстью монеток и, подхватив покупки, поднялся к себе. Прежде чем отпереть дверь, внимательно осмотрел замок. Кажется, его добыча действительно пыталась вырваться из заточения, но, к счастью, ей это не удалось.

В комнате пахло полынью, бергамотом, морской солью и пряным виноградным вином. Кровать была пуста. Влад резко захлопнул за собой дверь и безотчетно возобновил блокирующее заклинание. Птица-синица обнаружилась на полу. Закутавшись в простыню с головой, она спала, обняв подушку. Рядом лежало серебряное блюдо. Смешная девчонка... Он перенес ее на постель, удивляясь тому, как приятно ощутить в руках тяжесть девичьего тела. От вида ее обнаженных лодыжек на мгновение перехватило дыхание. Замороженные чувства... Она пробормотала что-то по-рутенски и попыталась свернуться калачиком, будто прячась от нескромных взглядов. Он закрыл глаза, чтобы не разбудить, не потревожить, и широким пассом соткал над кроватью полог беззвучия.

Блюдо было как будто липким и отчетливо пахло вином. Влад хмыкнул, накалывая палец острием трехгранного кинжала. Ленинел появился минуты через две, всем своим видом выражая неудовольствие.

— Кажется, кто-то решил, что я бочка бездонная? Даже крови иногда бывает слишком много.

Зеленые растрепанные волосы, воспаленные глаза, огромная исходящая паром кружка в четырехпалой руке. Хохот мешал Владу говорить.

— Ты пытался вырастить на голове куст каннабиса?

Демон смешался.

— Это? Ну... — Он дернул себя за торчащие пряди. — Это, скажем так, расплата за легкомыслие. Ну чего ты ржешь? Женщины тебе никогда не мстили? Романтические отношения с личным парикмахером оказались очень опасной штукой, особенно на этапе их прекращения. Вот теперь придется еще и новую мастерицу искать. Перестань смеяться или я разорву связь!

— Одну ты уже очень удачно разорвал!

Ленинел гневно раздул ноздри тонкого носа.

— Погоди, погоди, — всхлипывал Влад. — Ты сначала сообщил даме, что в ее обществе больше не нуждаешься, а потом доверил ей свои волосы? Очень тонкий ход! Она, наверное, искала подвох в твоей покладистости все время, пока точила ножницы и смешивала краски. И сколько ты собираешься носить на голове свидетельство мужской глупости?

— Я бы обрился давно, если бы меня постоянно не отвлекали, — желчно ответил демон. — Кстати, у твоей супруги оригинальный способ призыва.

— Я знаю, — ответил Дракон. — Год назад она прошла по спиральному лабиринту Трехликого и ее наградили способностью работать с отражениями.

— Очень талантливая девочка, — кивнул Ленинел. — Странно, что смыслом ее жизни стало ожидание светлого мига, когда ты обратишь на нее свое внимание. Ты ее не стоишь.

— Предполагается, что такого неуклюжего хода достаточно для того, чтобы перестать обсуждать твои сердечные дела? Хочешь поговорить о моих?

Демон пожал плечами, всем своим видом демонстрируя нежелание развивать тему. Влад помассировал виски.

— На закате Кляйнерманн откроет портал, и мы с Лутоней уберемся отсюда.

— Ты уверен, что в Шегешваре ей будет безопасно? Придется караулить день и ночь.

— Я спрячу ее в Араде. Твоя защита там работает безукоризненно, никто из темных тварей не посмеет сунуться.

— Неплохо, — одобрил Ленинел. — Усилить гарнизон отрядом местных вовкудлаков, углубить ров и... ах, чуть не забыл! — заковать твою благоверную в кандалы, чтоб не отправилась искать неприятностей на свою... гм... голову.

Влад рассеянно разглядывал серебряную вязь на рукояти кинжала.

— Мы хорошо вчера рассчитали вероятности, Ленинел. Все ниточки сошлись в одном месте самым причудливым образом.

— Лутоня мне рассказала, — кивнул демон. — Засада была на тебя?

— Кляйнерманн не смог отказать себе в удовольствии сделать мелкую пакость. Ну, знаешь — время идет, а люди остаются прежними. Раньше было толченое стекло в сапогах или дохлая крыса под кроватью, а теперь — бестолково организованная засада. И место выбрал нелепое. Представь себе — разрушенный храм с остаточной магией. Хаос! Там даже алтарь где-то был, судя по запаху. Я боролся с искушением обрушить все к драконам.

— Хаос? Перекрестки? Туда ведь должны по идее устремляться все стихийные ходы. Неудивительно, что туда принесло твою ветреницу.

— Что она тебе еще рассказала?

— Мне слышится ревность в твоем голосе? — поднял белесые брови демон. — Я в любом случае не смог бы наставить тебе рога, о великий Дракон. От подобного конфуза тебя надежно защищает граница наших миров.

— Сейчас эта граница защищает тебя от оплеухи.

Влад обернулся через плечо. Лутоня спала. Темные волосы разметались по постели.

— Она очень устала, — проговорил Ленин ел. — Последние пол года держится только на эликсирах, почти не спит...

— Кляйнерманн говорил, что учебой она себя не утруждала.

— Ею кто-то управляет, кто-то очень для нее важный, — ответил демон. — И для этого кого-то ее учеба не являлась приоритетом. А вот то, что она ведьма, умеющая изменять внешность, варить зелья... Она действительно умненькая девочка, но очень наивная в некоторых вещах. Чего стоит только ее привязанность к Зигфриду фон Кляйнерманну — лучшему другу. Я уже не говорю о любви к тебе.

Влад молчал.

— А здесь, в Кордобе, ведется сложная многоходовая игра, — продолжал зеленоволосый, так и не дождавшись ответа. — Все уже сообразили, что Источник скоро иссякнет, и лихорадочно принялись за поиски нового. Его называют «Мать четырех ветров», и гранды стихийных домов грызут друг другу глотки за владение им. Не хочешь принять участие в гонке? Свой Источник тебе бы пригодился. Источник и весь мир.

— Плевать! Пусть пауки жрут друг друга без моего участия. Я пришел за своей женщиной, больше меня в Элории ничего не интересует.

Тонкие губы демона растянулись в улыбке.

— Не буду вам мешать. Вызови меня в полночь, когда путешествие будет уже позади. И пусть не встретятся вам темные твари.

Дракон развеял зеркальную линзу и подошел к кровати. Его птица-синица смотрела свои важные птичьи сны, а он рассматривал высокие скулы, тонкую кожу щек, тень густых

ресниц на них. Когда это произошло? Когда он понял, что эта девочка значит для него больше, чем просто забавный человечек, случайно очутившийся в эпицентре вовсе не касающихся его событий? Когда в заснеженной Рутении она открыла для него путь в мир единорогов? Или еще раньше, когда выскочила под копыта разгоряченной лошади Михая? Или... «Вы и есть мой суженый, дяденька?» Зря он отпустил ее в Элорию. В этот закрытый клановый мирок, цепляющийся за прошлое и не желающий понимать, что изменения неизбежны. Но у девочки была мечта: Кордоба, Квадрилум, стихии... Валашский Дракон знал, что нет ничего горше, чем мечта, которой не позволили осуществиться. Бледные губы шевельнулись. Лутона бормотала сквозь сон. Что она говорит? Лоскутки полога беззвучия разлетелись, как осенние листья.

— Раз, два, три, четыре, пять... Нет, бабуля... Я знаю, что слишком много... Что значит — зачем? Чтобы было! Нет, сейчас никак... Здесь дел невпроворот... Что за твари?.. Остерегусь... Я сильная, я справлюсь...

Влад присел на краешек постели, вслушиваясь в обрывки разговора. Старуха все-таки нашла способ связаться с внучкой. Великая ведьма, рутенская баба Яга, земное воплощение богини судеб пыталась защитить свою кровинушку даже на расстоянии. «Прости, Варвара, но это теперь не твоя забота. Я заберу отсюда твою внучку, даже если для этого мне придется ее связать. Я утащу ее в свое логово, и она будет только моей. Потому что я так хочу, потому что это правильно. Я наплюю на возражения и слезы, я буду жесток, если понадобится». Лутона всхлипнула и затихла. Влад следил, как успокаиваются напряженные черты лица, выравнивается дыхание и на бледные щеки возвращается румянец. «Спи, девочка, тебе нужно отдохнуть...»

А вот снов никаких мне нынче не показывали. Буро-серые разводы перед глазами и безостановочно повторяемый на разные голоса детский стишок:

Конь ретивый долгогривый
Скачет по полю, скачет нивой.
Кто коня того поймает,
С нами в салочки играет.

Ритмичный, быстрый, непрерывный, надоедливый, но странно успокаивающий...

Раз, два, три, четыре, пять.
Будем в салочки играть!

Когда водить выпало мне, я открыла глаза. Трехрожковая люстра на потолке с лепниной, гомон толпы за открытым окном. Как я оказалась на кровати, в памяти не сохранилось.

Последнее воспоминание: я, закутавшись в простыню и подложив под спину подушку, обсуждаю с Ленинелом прибыль от продаж пятнадцати пудов иноземных благовоний. Сложная двухходовая сделка должна была сыграть на разнице цен и Кордобе и в провинции и теоретически могла принести почти тысячу дублонов. Теоретически, потому что с девицей, даже и магичкой, никто на сговор не пойдет. Я с тоской вспомнила Мануэля Изиидо и решила, что еще на один-то раз его можно вернуть. Эх, где бы сейчас принадлежностей писчих раздобыть? Всю аферу расписать надобно, пока не забылось.

Мой пытливый взор наткнулся на лицо некоего господаря и воровато забежал, перескакивая с предмета на предмет. Я зажмурилась, чтоб не выдать охватившее смятение.

— У тебя в роду пьяниц не было? — буднично спросил Влад. — Страсть к вину могла передаться по наследству.

— Нет никакой страсти, — возразила я, покраснев. — Случайность просто. Или примета такая: стоит мне к чарке приложиться — ты тут как тут.

Я мысленно взвыла, подсчитав, сколько раз по схожим поводам оказывалась в постели князя. В Рутении, потом в Араде, а еще был охотничий домик с драконьим флюгером на башне... Стыдобушка! Пока я страдала, Влад неторопливо разбирал какие-то свертки, сваленные прямо на полу.

— Здесь одежда, — сообщил он. — Твои лохмотья мне пришлось уничтожить.

— Кто тебя просил? — разозлилась я. — Думаешь, так легко в Кордобе найти мужской колет, который правильно по груди скроен? Я его на заказ шила! Пока портному объяснила, что мне нужно, чуть умом не тронулась. Лохмотья? Да он дорогой, как мантия горностаевая!

Влад раздраженно отбросил с лица волосы.

— Оденься! Нам нужно поговорить.

— И не подумаю! Ты решил, что достаточно меня запереть, чтоб добиться послушания? Говори так!

Кровать жалобно скрипнула, когда я вскочила, придерживая простыню двумя руками и борясь с почти болезненным ощущением собственной наготы. Влад оказался неожиданно близко, я наткнулась на него и отступила.

— Общение с голыми женщинами обычно происходит в другой плоскости, — проговорил он, глядя почему-то на мои губы. — Не ищущай меня, птица-синица.

Я фыркнула, глаза Дракона потемнели. Грудь его высоко вздымалась под тонким шелком сорочки, под очень тонким шелком... Я отвела взгляд.

— Глупости...

Влад протянул ко мне руку, на безымянном пальце блеснул ободок венчального кольца. У меня закружилась голова. Это колечко я помнила — его двойник лежал в моей комнате под подушкой, его я доставала по двести раз на дню, чтоб провести кончиками пальцев по полированной поверхности, повздыхать и уронить две-три слезинки о том, чего не было, но могло бы случиться. Значит, Дракон помнил обо мне? Значит, наш понарошечный брак не был для него таким уж фальшивым? Во мне как будто лопнула ледяная перегородка — та, за которую я загнала воспоминания и чувства и мечты. Разлетелась, позвякивая, унеслась водоворотом. И стало тихо. От этой тишины что-то разгоралось у меня внутри, что-то грозное, неотвратимое, требующее немедленного выхода. Снизу вверх я рассматривала необычные синие глаза, в которых отражалось бушующее во мне пламя. Влад хрипло пробормотал «Лутоня» и обхватил мои плечи. Ненужная простыня отлетела в сторону белым парусом.

Слова были пустыми и лишними. Где кончается он, где начинаюсь я? Мы вместе, мы одно целое, мы здесь, сейчас, всегда... Рушатся и возрождаются миры... Здесь, сейчас... Время остановилось. Раскаленный диск луны, горячий песок, соленый ветер... Бесконечность... Утесы, пенные великаны выступают из-за горизонта. Бурлящая темнота, рассекаемая вспышками молний. Здесь, сейчас, всегда... Реальность искажается, мой крик изменяет ее, плавит, как железо в кузнечном горниле. Солнце вспыхивает кристально чистой болью. Алмазная донья... Всегда... У наслаждения самые синие глаза. У наслаждения есть имя. Еще чуть-чуть, еще мгновение, и я его вспомню. Имя... Я люблю тебя, Влад.

За стеной капала вода. Размеренный монотонный звук вернул меня к жизни. Кап-кап-кап...

— Господин Ягг, у вас что-то случилось? — донеслось из коридора. — Я могу чем-то помочь?

— Благодарю вас, любезнейшая донья Пинто, но помощь мне не нужна, — спокойно ответили с соседней подушки. — Я сам справлюсь.

Я прыснула и зажала ладонью рвущийся наружу смех.

— Ваш гость опять буянит? Попросите его утихомириться, другие постояльцы могут выражать недовольство.

Влад изогнул бровь и задумчиво уставился в потолок. Трехрожковая аляповатая люстра висела там несколько криво.

— Обед сервируют в столовой. Если молодой человек голоден, он может разделить с вами трапезу.

Звук грузных шагов хозяйки стих. Влад притянул меня к себе.

— Ты голоден, молодой человек?

— Ага, — ответила я на поцелуй. — Если ты меня не покормишь, попытаюсь отгрызть кусочек от тебя.

— Я принес фрукты, но в этом бардаке найти их будет затруднительно.

— Трудности меня не пугают.

— Левее, — развалившись на постели, направлял Дракон мой азарт. — Еще левее, наклонись!

Яства валялись на полу вперемешку с одеждой и деревяшками, некогда служившими предметами мебелировки. Не пострадала только массивная зеркальная рама, если не считать того, что теперь она была уголком прислонена к другой стене. Да уж, не повезло любезнейшей госпоже Пинто с гостями...

— Там еще посмотри!

— Передай мне сорочку, — попросила я, наконец догадавшись, что вызываю в Драконе воодушевление несколько другого рода, не связанное с едой. — Пожалуйста.

— Какая нечеловеческая жестокость! — Взгляд Дракона патетично поднялся к потолку. — Заставлять двигаться изможденного, истощенного, потерявшего силу мужчину...

— Тебе плохо? — встревоженно приблизилась я к страдальцу.

— Очень, — согласился тот, ухватив меня за щиколотку и забросив на постель. — И так как виновница моего бедственного положения именно ты...

Через некоторое время, спустя еще одну яростную бесконечность, нам удалось поесть. Фрукты на серебряном блюде смотрелись очень аппетитно, и излишними церемониями никто себя утруждать не хотел. Мы лежали в той же многострадальной постели, и я была возмутительно счастлива.

— Ты говорил что-то о покинувшей тебя силе? — откусывая от сочного яблока, спросила я. — Ты имел в виду стихию воды? Это потому что...

Слов для выражения обуревавших меня мыслей не хватало просто трагически. Я краснела, как маков цвет. Влада моя застенчивость, кажется, забавляла.

— А ты думала, легко провести инициацию? Вот так вот, с бухты-баряхты, без предшествующего поста, без благословения ректора? Недели две нити силы будут мне неподвластны.

— И что теперь?

— Ждать до вечера и надеяться, что за это время ты не разнесешь Кордобу по камешку.

Я движением пальца запустила под потолком небольшой вихрь, мгновение подумала и добавила в него аромат цветущих магнолий. Этого показалось мало.

— Тебе нужно быть осторожнее, птица-синица. Филигранное колдовство требует многих усилий, направляй мощь в изящную магию, придумай что-нибудь посложнее.

Разделенный на три струи поток заплелся косицей. Воздух менял свою плотность, захватывая по пути крошечные капли воды. Радуга! Если еще вот эдак повернуть, да закрутить, а потом сразу отпустить целый пучок нитей силы... Красиво! Многоцветный мерцающий купол вращался над кроватью, как ярмарочный навес. Магия давалась мне совсем без усилий. От этой простоты становилось даже немного страшно.

— Значит, целых две недели гордый Дракон будет рассчитывать только на помощь своей супруги?

— Мы проведем это время в Араде, — кивнул Влад. — Помнишь охотничий домик? Там нас никто не потревожит. Мы разгоним слуг, велим чете Димитру ждать нас в замке...

— Я соскучилась по Дарине и Михаю, — сказала я, отбирая у мужа простыню, которую он уже почти успел с меня стащить. — Мы с Иравари пытались связаться с ними, но безуспешно.

— Я закрыл замок от любого внешнего воздействия.

— Зачем?

Он пожал плечами и не ответил. Я не стала настаивать.

— Погоди, если мы разгоним слуг... Кормить нас кто будет? Я мяса хочу и хлеба, и сыра, и сметанки, и ряженки, и мамалыги. Знаешь, Дарина так вкусно умеет ее готовить.

— Не волнуйся, маленькая обжора, — рассмеялся Дракон. — В моих интересах поддерживать твои силы.

В купальне нашлась последняя бутылка вина, и мы отпивали из нее по очереди.

— Ленинел сказал, что это еще твои студенческие запасы?

— Я был очень домовитым юношей, — усмехнулся Влад. — Превыше прочих благ ценящим удобное ложе, чистую постель и хорошее вино.

Мне хотелось узнать про женщин, которые были здесь до меня, но я бы скорее умерла, чем показала, что меня это интересует.

— Как же ты откроешь портал? — спросила я вместо этого. — Или это предстоит сделать мне?

— Если бы это было так просто, Элория давно бы пала. Их полная изоляция является лучшей защитой и залогом побед. На мне запретная метка, местные порталы мне не подчиняются. На тебе вовсе никакого знака нет, студентам этого не положено. Так что воспользуемся порталом, любезно предоставленным правой рукой ректора, господином Кляйнерманном. Он возьмет на себя ответственность и временно блокирует смертельную магию.

Про запретную метку я читала в студенческом уставе и в одном древнем фолианте, в котором также почерпнула сведения про тревожных птиц и обязательную лечебную магию. Метка эта была невидимой и неосязаемой до того момента, когда владелец ее по скудоумию или недомыслию не пытался пройти элорийским порталом. Тогда она появлялась на теле, вспыхивала и сжигала нарушителя на месте. Только вот что нужно было натворить, какую каверзу, чтоб заслужить столь строгое наказание, мне даже в голову не приходило. Имена носителей метки (а было их, судя по слухам, не более двух десятков) вписывались в черную «Книгу запретов» и оставались в ней навсегда.

— И за что же мэтр Пеньяте тебя так облагодетельствовал?

— Зигфрид тебе не рассказывал?

— Я его спрашивала. А он вместо ответа к скоморохам меня отвел. Как раз бродячий театр в Кордобе представление давал, не кукольный, обычный. У них даже актеры ни одной не было, только мужики.

— Что за представление было?

— «Про голого короля» называлось, только нам досмотреть его не позволили. Стража лицедеев арестовала, а зрители сами разошлись. Я еще тогда подумала, что нашему августейшему величеству неприятно, когда его голым представляют.

— Скорее ректор своей досады показать не хотел, — возразил Влад. — Надо же, столько лет прошло, а пьесу до сих пор ставят... Не смотри на меня так. Это наша пьеса — моя и Зигфрида. Два юных вертопраха острым пером сатиры решили весь мир облагодетельствовать.

Я слушала внимательно. Дракон, обычно с неохотой что-то о себе рассказывающий, говорил сейчас свободно и с удовольствием.

— Для начала мне хотелось бы, чтоб ты поняла: история, которую я собираюсь поведать тебе, абсолютно детская. Я был молодым, непримиримым и считал, что искреннего желания достаточно для великих свершений. Учеба давалась мне легко, я даже подумывал сдать экзамены экстерном, чтобы стать самым молодым выпускником за всю историю Квадрилиума. Свободного времени тоже хватало, и развлечения, предлагаемые Кордобой богатым мальчишкам, не оставались без моего внимания. — Влад мечтательно вздохнул. — Дуэли, интрижки, гульба, театры и состязания поэтов... Мы хлебали жизнь большой ложкой и считали это правильным. До момента появления нового ректора. Был он пришлый, в университете до своего назначения не преподавал. И прислали его на замену милейшему мэтру Грабовски, пожилому магу земли, который чем-то насолил всеильным адептам первого круга — грандам четырех домов.

Я придвинулась поближе и положила голову на плечо своего супруга; от задумчивой грусти рассказчика мне самой стало не по себе.

— Первым делом Пеньяте переписал университетский устав, запретив свободное перемещение за стенами Квадрилиума, а также посиделки, состязания. Исключил из расписания уроки поэзии и всемирной истории. У нас изъяли все книги, могущие отвлечь от учебников, предметы для рисования и музыкальные инструменты. Обыски в наших комнатах устраивались по два раза в день, — усмехнулся Влад, крепко обнимая меня за плечи. — Наследники самых аристократических семей континента должны были в нижнем белье стоять в коридоре, пока университетская стража перетряхивала их пожитки. Ректор покровительствовал наушничеству и доносительству, выделял любимчиков, мстил несогласным и в очень короткое время восстановил против себя всех студентов. О боги, как же я ненавижу его! Так могут ненавидеть только в юности.

— И ты придумал ославить мерзавца на весь свет?

— Эту идею он невольно предложил мне сам. Я тогда готовил трудоемкую работу для занятий практической магией. Плащ-невидимку. Не смейся, это было очень эффективное стихийное колдовство. Единственной проблемой использования было то, что одеяние следовало носить на голое тело.

Я все-таки не выдержала и расхохоталась, за что получила укоризненный взгляд и еще один поцелуй.

— Ректор изъял у меня магическую вещицу в день полевых испытаний, и мне только оставалось ждать, когда мэтр Пеньяте попадет в ловушку. Как ты знаешь, наши с ним стихии находятся в постоянном противодействии. Огонь и вода — что может быть антагонистичнее?

— Ты знал заранее? Кто был первой жертвой? Неужели Зигфрид?

Дракон кивнул.

— Зигфрид и еще двое огневики с факультета две недели залечивали ожоги. Но с мэтром Пеньяте получилось гораздо забавнее. Однажды вечером в купальне девушек на втором этаже жилого крыла разразился громкий скандал. Когда наши будущие мэтрессы готовились ко сну, смывая с себя дневную усталость, в клубах пара перед ними материализовался визжащий от боли голый ректор.

— Именно за это тебя исключили?

— Никто не мог доказать злого умысла. Студенты-огневики молчали, а Пеньяте попытался всеми силами замять дело. Изгнали меня позднее, когда на празднике осеннего равноденствия мы представили почтеннейшей публике шуточный спектакль — сказку «Про голого короля». Кляйнерманн, мой любезный соавтор, вышел сухим из воды, вовремя подмазав руководство.

— Так ты за это не любишь Зигфрида?

— Я к нему равнодушен. Это он лихорадочно ищет, чем меня уязвить.

— Почему?

— Это уже другая история, — хитро улыбнувшись, ответил Дракон. Его руки пришли в движение, и я поняла, что время для разговоров прошло. — Иди ко мне, птица-синица.

— Кто-то, кажется, на бессилие жаловался, — лукаво пробормотала я.

Гомон толпы за окном стихал. В Кордобу пришла сиеста, жители спешили переждать самое жаркое время дня под навесами, потягивая охлажденные напитки, лакомясь сорбетом или отдавшись сладкой послеобеденной дреме. Я смотрела на своего уснувшего супруга и не могла насмотреться. Гордый Дракон. Даже не спросил меня, хочу ли я отправиться с ним. Зачем? Мой ответ и так был очевиден. Супруг явился за мной, презрев опасность, преодолев трудности. Я пойду с ним, куда бы он меня ни вел. Кордоба? А нужна ли мне она без него?

Влад шевельнулся и вздохнул, закинув руку за голову. Венчальное колечко на безымянном пальце... На глаза навернулись счастливые слезы. Я свое кольцо носить не решалась, боясь показаться смешной. Какая глупость!

Я решительно поднялась с кровати. До заката еще много времени. Я пять раз успею вернуться в университет и отыскать под подушкой свою вещь. Если потороплюсь, Влад даже не заметит моего отсутствия.

Принесенная Драконом одежда очень пригодилась. Шелковое белье льнуло к телу, шнуровка платья находилась спереди, поэтому я смогла одеться без посторонней помощи. Волосы я скрутила жгутом и на ощупь воткнула гребень поближе к затылку. Закутавшись в мантилью, мысленно сокрушаясь из-за невозможности посмотреть в зеркало, я выскользнула в коридор. Запирающих заклятий на двери уже не было. Я набросила на ручку пучок нитей ветра, чтобы не оставлять комнату совсем без защиты, и осторожно спустилась по лестнице. В доме мне никто не встретился. Сиеста... Улица тоже была пустыня. Вдали виднелись верхушки мачт, из чего следовало, что выбираться мне предстояло из портового квартала.

Ветер услужливо подхватил меня под локотки.

— Побеж-ж-жали?

Я щелкнула пальцами.

— Быстрее!

Это было похоже на катание на коньках. Так и представлялся заснеженный берег Смородины и гладкий лед под ногами. Вжик... вжик... вжик... Эдак я самое большее за четверть часа до университета домчусь! Было очень весело. Ветер кружил меня, тормозил, играл волосами, и я знала, что окружающим я представляюсь эдаким пустынным маревом, пыльной воронкой, на которой взгляд не останавливается, скользя дальше. Колдовство было очень трудоемким, но мне требовалось хоть на что-то потратить переполнявшую меня мощь. С силой ведь как — чем больше ее, тем разнообразнее соблазны. Мысли устроить гигантское цунами и затопить к лешему целый остров уже приходилось подавлять. Ах, какая бы получилась из меня темная властелинша! Ломать, крушить!левой рученькой махну — улочка, правой — переулочек! Вжик... вжик... вжик...

Бум! Я упала на спину, выпустив нити силы. Ушибленный лоб саднил.

— Смотреть надо, куда прешь!

— Прощения прошу, красавица, — ласково проговорил Ванечка. — Лутона? Ты чего здесь делаешь? Студентов вроде днем за ворота не выпускают.

Я пожалала плечами. Вот, казалось бы, такой большой город, столица элорийская, а без того, чтоб знакомцев встретить — никак. Студентов не выпускают! Пфф... Если б мы все распорядки блюли, так и состарились бы над фолиантами.

— Порядочным людям в сиесту отдых положен, — едко сообщила я. — Не слыхал о таких обычаях?

Ваня кивнул радостно, будто урок правильно ответил, и помог мне подняться.

— Мы уж с дядюшкой думали, совсем ты нас бросила, эпистола даже составили повинную.

Я слегка покраснела. А ведь прав недоросль. Если бы мы с ним сейчас случайно не встретились, и не вспомнила бы ни разу. Эх, не ладно-то как, не по-людски.

— Слушай, — хлопнула я собеседника по необъятной груди, — думала я о вашем горюшке, и так и эдак размышляла...

Голубые глаза смотрели на меня с благоговением.

— И чего? Прихлопнешь нашего супостата?

Я покачала головой:

— Сначала хотела на него донести, чтоб в каталажку упечь. Но арест-то делу не поможет, долговые расписки все равно действительны будут. Выкупить вас с дядюшкой надо по-простому — деньгами.

— Ты представляешь, какие для этого деньжищи надобны?

— Более-менее... Значит, так. Сию минуту пойдешь через квартал шорников, на второй улице от рыночной площади отыщешь таверну «Три танцующих свиньи»...

Так... Пока все было просто.

— Хозяина зовут Плевок. Мутный человечиска, поосторожнее с ним будь — в откровения не пускайся. Скажешь, на постой к нему определиться хочешь, задаток дашь.

— Так у меня с наличностью совсем туго, — покачал лобастой головой собеседник.

Я мысленно взвыла. Часики тикают, а воз и ныне там! Нет у меня времени разговоры разговаривать! От расстройства даже дышать стало трудно, и я поднесла руку к горлу. Пальцы царапнуло дорогое шитье. Я дернула себя за воротник, с мясом выдирая жемчужную прошивку.

— Вот, — протянула пластину Ванечке. — Здесь дублонов на десять камушков, как раз на первый взнос.

Он схватил подношение.

— И дальше чего?

— Комнату выберешь на втором этаже, сразу над лестницей. На другую не соглашайся. В ней зеркало стоит в медной кованой раме. Запрешь дверь изнутри, проверишь, чтоб никто не подслушивал...

Недоросль слушал меня со вниманием, даже моргать забывал.

— Проведешь по зеркалу ладонью. Вот так. — Я показала — как, растопырив пальцы и изогнув запястье под острым углом. — Появится личина страшная. Не пугайся, она ничего тебе сделать не может. Вежливо поздоровается и скажешь: «Лутоня тебе обещала меня к зеркалу подвести. Вот я каков стал — Ванечка».

— Любопытственно-то как! А что мне личина на это ответит?

— Не знаю, — улыбнулась я. — Под настроение у нее беседы происходят. Ты вели ей сундук с деньгами тебе выдать. Там сумма немаленькая.

Хитрый зазеркальный тайник был нашей с Иравари гордостью. Для его создания мы использовали только магию отражений, не прибегая к стихиям. Хорошее, практичное, скрытое от всех колдовство. Одно тревожило: и прятать, и доставать припрятанное можно было только через это самое зеркало. Иногда я в холодном поту просыпалась от мысли, что кто-нибудь трактирное зеркало расколотит и все нажитое так и останется

незнамо где.

— А потом от тебя все зависит, от твоего умения торговаться. Выкупи вас с дядюшкой у маркиза и... Будь счастлив, Ванечка.

Наскоро попрощавшись, я призвала ветер и за считанные минуты домчалась до северных ворот университета. Пыльный вихрь, не заметный взгляду. Эх, хорошо! А еще хорошо, что между делом удалось друзьям помочь. Ваня мужик основательный, все у него получится. Не останавливаясь, перепрыгнула стену, прошуршав шелком платья по шлемам стражников, и опустилась на брусчатку двора. А еще можно пустить над островом три — нет, четыре воздушных потока, закрутить их в небесах. Перед глазами пронеслось видение: в получившуюся воронку затягивает пришвартованные корабли, дома, людей... Я тряхнула головой и отпустила ветер. Не хватало еще Квадрилюм порушить. Быстро найду кольцо и вернусь к Владу, пусть он с моими планами по захвату мира разбирается.

Лестничный пролет, другой... Полутьма университетских коридоров была прохладной.

— Вот так встреча, — выпрыгнула на меня из-за угла Эмелина. — Ты чего крадешься?

Соседка выглядела усталой, но довольной. Я внимательно рассмотрела ее припухшие губы, растрепанные волосы и небрежно зашнурованное платье. Она вернула мне столь же снисходительный взгляд.

— Кажется, наша скромница пустилась во все тяжкие?

Я покраснела, поправив разодранный ворот, и пожала плечами.

— От вас, донья Гутьеррес, мне не приходилось ждать осуждения.

Эмелина расхохоталась.

— Подробностей! Я требую подробностей!

— Тебе придется умереть в неведении, — пробормотала я, толкая дверь нашей комнаты. — Что здесь такое?

Застоявшийся воздух заставил поморщиться. Под ногами скрипели осколки зеркала, когда я подходила к своей кровати. На постели лицом вниз лежал мужчина. Широко раскинутые руки, обнаженные плечи с разметавшимися по ним волосами. Рыжие кудри, бледная, очень бледная, какая бывает только у рыжих, кожа в россыпи золотистых веснушек. А вокруг головы — маковым цветочным нимбом пятна крови. Еще до того, как я перевернула тело, я знала, кто передо мной, и понимала, что Игорь Стрэмэтурару, мой незадачливый поклонник, смешной романский мальчик, абсолютно, необратимо мертв.

Я осторожно присела на краешек постели, пережидая истошный крик моей соседки, игнорируя прибежавших на зов стражников, чьи-то расспросы. Отмерла я, только услышав голос Зигфрида.

— Лутоня, девочка, что произошло?

— Он был ведьмой, представляешь — мужчиной-ведьмой...

— Это ты его убила? — визжала Эмелина. — Ты! Признайся, ты!

За окнами бушевал ураган.

— Позовите лекарей, — отдавал приказы Зигфрид. — Быстрее! Учитель, что нам делать?

— Арестуйте ее для дальнейшего разбирательства, — гнусаво отвечал ректор. — И блокируйте стихию, даже если придется подключить к этому весь преподавательский корпус. Вы что, не видите? Она инициированный маг!

Холодные ладони медички доньи Матильды...

— Выпей это, девочка. Так надо. Тебе станет легче. Пей.

Горький вкус во рту. А там, за пыльными облаками, за штормящим морем, у самого горизонта опускается за край его раскаленный шарик солнца. Прости, Влад, кажется, я не смогу уйти с тобой. Мне очень жаль...

Глава 5,

в которой происходит дознание, публику ожидают скандальные признания и некоторым героям предстоит вспомнить значение слова «компромисс»

Вчера было, сегодня есть и завтрабудет.

An ill wound is cured, not an ill name.

(Тяжелую рану залечишь, а недобрую славу — нет).

Пансион госпожи Пинто блистал новыми окнами, свежей побелкой стен, и даже цветущие плети дикого вьюна свисали с крыши нарядным плюмажем.

— Прикажете подавать на стол? — приветствовала хозяйка постояльца, показавшегося на пороге.

Господин Ягг очнулся от задумчивости.

— Через три четверти часа, моя прелесть, — ответил он с равнодушной улыбкой, которая так не вязалась с теплотой слов. — Я займусь корреспонденцией, а затем отдам должное кулинарным талантам вашего повара.

Донья счастливо вздохнула, провожая стройную фигуру иностранца приветливым взглядом. Досадный инцидент, произошедший неделю назад, нисколько не изменил ее доброго отношения к нему. Нисколько. Этому, конечно, способствовала и кругленькая сумма, выложенная господином Яггом за ремонт помещений. «Ох уж эта молодежь! — пожалала пухлыми плечиками хозяйка. — Всегда за их бесчинства приходится расплачиваться нам, людям взрослым и солидным». Госпожа Пинто, одним махом сбросившая со счетов десяток лет и сравнив свой возраст с возрастом любезного постояльца, поправила перед зеркальцем непослушные кудряшки и энергично отправилась отдавать хозяйственные распоряжения. Ибо кулинарные таланты повара требовали неусыпного надзора. Каждодневного, ежечасного.

— Ты тратишь слишком много крови, — недовольно проворчал Ленинел, появляясь в клубах серебристого дыма. — Тем самым, возможно, замедляя регенерацию.

Дракон раздраженно поправил манжеты и уселся перед зеркалом.

— Не нужно учить меня расставлять приоритеты, демон! В магической столице мира стихийной магией никого не удивишь, местные мэтры столетиями учились обуздывать зарвавшихся колдунишек. Накопленная сила воды вряд ли пригодится бедному континентальному князю, если он попытается здесь применить свои таланты. Что с Арадом?

— Там все спокойно. — Движением руки демон развеял окутывающий его дым и поправил головной убор. — Я усилил защиту, но эти действия кажутся мне избыточными. Твари здесь — то есть там, в Кордобе. Убийство студента подтверждает мои предположения.

Влад задумался.

— Решай быстрее, — поторопил его Ленинел. — Тебе нужно либо выходить из тени, либо...

— Либо что? — усмехнулся князь. — Бежать в Арад и оставить Элорию перед лицом опасности?

— Элорию или одну хорошенькую местную барышню? Ты чувствуешь вину за то, что древнее зло вырвалось на свободу?

— Может быть, немного. Если бы я мог вернуться в прошлое... Ай, к демонам сантименты! Местная барышня сделала свой выбор, и не в мою, заметь, пользу. Так что все обязательства по ее безопасности...

Демон расхохотался.

— Да уж, какой удар по самолюбию! Дева сбежала после бурной ночи... ах, прости, — бурного дня! Может, ты плохо старался?

Влад сжал челюсти и проигнорировал вопрос.

— Я встретился уже со всеми грандами; четыре дома согласны на мое пребывание в Кордобе. Единственным условием является мировая с ректором и вымарывание моего имени из черной «Книги запрета». Как только Пеньяте сообщит свое решение, я отправлюсь к королю.

— Ты заплатил?

— Да. Деньги уже доставлены и подтверждение получено. Кляйнерманн, выступающий посредником в переговорах, передал расписки...

— А как же продолжение учебы?

— Я написал трогательное прошение, думающего тоже удовлетворят. О дате спектакля, который так жаждет лицезреть старый сморчок, Зигфрид сообщит сегодня.

— Ты многое успел, — одобрил Ленинел. — Пожалуй, уничтожить тварей здесь, не позволив им вернуться в Валахию, — верное решение. Остается еще небольшая проблема: как ты собираешься вытаскивать свою дражайшую супругу? Зеркала Квадрилиума молчат, но, по слухам, она находится под арестом в одной из университетских башен.

— Ах да... Супруга у меня будет недолго. Дом Терра в лице своего владельца, дона Филиппе Алехандро, требует нашего развода. У дома земли наметился некий матримониальный план, в котором донья Лутеция дель Терра играет значительную роль.

— И ты просто так на это согласишься? Отдашь свою женщину, даже не попытавшись...

— Я собираюсь платить по счетам, — перебил Влад страстную речь демона. — Только и всего. Я уничтожу тварей, потому что чувствую свою вину, а затем вернусь на континент и продолжу начатое. Мне нужен весь мир, не больше и не меньше.

Повисла пауза, во время которой Ленинел раз двадцать дергал завязки своего головного убора, как будто на что-то решаясь.

— Ты поторопился, — наконец осторожно проговорил демон. — Тебе нужно было сначала притащить свою жену в Арад. Как мужчина я тебя понимаю, но ты проявил легкомыслие. Сейчас ее головку вскружило неожиданное могущество, из вас двоих...

— Я скажу одну вещь, и мы больше не будем возвращаться к этой теме, — опять перебил князь. — Я люблю ее. Лутоня — великолепная женщина, она добрая, мудрая, в ней кипит страсть, и, уверен, больше никто и никогда не разбудит во мне этих чувств. Но я уважаю ее выбор. Понимаешь? Она убегала от меня всегда, выскальзывала из рук, как речная рыбешка, оставляя крошечную надежду на то, что мы встретимся вновь. Но это все бессмысленно. Ее тянуло сюда — к соленому ветру, бескрайнему морю, к родным людям, в конце концов. Знаешь, как все будет дальше? Она выйдет замуж, объединив клан Терра с кланом Фуэго, или Акватико, или с голодранцами-ветрениками Виенто. Она с головой окунется в местные интриги и даст сто очков вперед любому политикану. Потому что к такому напору, изобретательности и прекраснодушию хитрая старушка Кордоба просто не готова. Может быть через десяток лет, если этот драный остров не отправится к праотцам раньше, моим основным противником станет именно она, Лутеция, а не его величество Карлос или гранды стихий.

— Значит, тебе так и не удалось выяснить имя мужчины, которому обещали ее отдать?

Глаза Дракона холодно блеснули.

— Прощай. У меня назначена встреча. И прошу, следи за Арадом день и ночь. Михайл пытается разыскать гнездо тварей; если ему понадобится совет, он исполнит призыв.

— Кровь твоего братчика отдает псиной. — Длинный нос Ленинела брезгливо сморщился. — Нужно было предупредить меня об этой досадной особенности его

организма, прежде чем связывать нас.

— Ну так попроси его налить вина, прошлогодний урожай винограда был в Романии на редкость удачен. Не нужно изображать удивление — мое серебряное блюдо до сих пор благоухает «Красным элорийским».

Демон смущенно засопел, а потом, будто торопясь, забормотал:

— А если в будущем все будет совсем не так? Что, если твоя девочка выйдет замуж за достойного человека, нарожает ему детишек и, избегая интриг и заговоров, просто будет счастлива? Выдержит ли твое сердце, в существовании которого многие сомневаются, этого счастья?

— Да, — просто ответил Влад.

— А если она не сможет полюбить своего нового мужа? Если будет страдать? Забери ее! Слышишь?

Дракон не ответил. Зеркальная линза лопнула со звонким щелчком. Господин Ягг поправил слегка замаранные манжеты и отправился отдавать должное яствам госпожи Пинто.

Меня окружили комфортом. Хоть ложкой этот комфорт жуй, хоть на хлеб намазывай. Только вот ни ложки, ни ножа мне положено не было. Полутьма в комнате поддерживалась плотными гардинами на окнах, постельное белье меняли каждый день, и каждый день две неразговорчивые медички отвязывали мои руки от столбиков кровати и помогали совершать омовения. Сестра Матильда приходила ненадолго, чтоб пробормотать надо мной пару-тройку заклинаний, рассматривала в лорнет пальцы, уши, заставляла высунуть язык и постоянно делала пометки на хрустком листе пергамента.

— Почему ты не послушалась меня? — сокрушалась медичка. — Все можно было гораздо проще сделать.

— Мы, Ягги, простых путей не ищем.

— Заговорила наконец, — обрадовалась сестра. — Я уж думала, обет молчания приняла.

Я бы пожала плечами, да веревки не пускали.

— Вы же меня успокоительными зельями все это время пичкали.

— А как без этого? Ты и так весь порт порушила. Волна до неба поднялась...

Я сглотнула.

— Кто-нибудь погиб?

Выцветшие глаза медички потеплели.

— Нет, обошлось. Не в первый раз, знаешь ли, Квадрилиуму стихии усмирять пришлось.

У меня немного отлегло от сердца. Сестра Матильда была из местных, причем происхождения самого простого. Я даже представить себе не могла, как обычная девчонка, дочь деревенского рыбака, достигла таких высот. Старшая медичка — это вам не ежик чихнул, должность завидная.

— Твоя магия еще не самая разрушительная. Вот помню, с десятков лет назад пожар был, от юной огневицы... Два квартала как языком слизало. Или вот провал, который сразу за северными воротами. Видала?

Я кивнула. Провал этот был местной достопримечательностью и, по слухам, проваливался так глубоко, что при определенном освещении можно было рассмотреть панцирь огромной черепахи, несущей земную твердь.

— Так что не реви, — продолжала успокаивать медичка. — Наука тебе будет, что

старших слушаться надо.

— Мне эта наука уже не пригодится, — все-таки всхлипнула я.

— Так детям своим передашь.

Детям? Мне поплохело еще больше. А если?.. А я тут снадобья хлебала чуть не мисками...

Сестра Матильда поняла причину моих терзаний с полувзгляда.

— Я тебя осмотрела. Можешь успокоиться, не в тягости ты. Но когда вся эта катавасия закончится, приходи — научу тебя, что делать, чтоб случайно не понести.

— Я и так знаю.

— Чего ты там знаешь, девчонка?

— Просто не нужно этого делать. Ну, этого самого...

Я отчаянно покраснела.

— Ты что ж, решила, что больше ни с кем и никогда? Или любовь у тебя приключилась? Ну, так это пройдет.

— У меня не пройдет, — твердо возразила я. — Мы, Ягги, однолюбы.

Медичка ощупала мой лоб, ее руки пахли вкусным травяным дымом.

— Знаю, знаю. Мать твоя такая же была...

— Вы ее помните?

— Как же забудешь? Такие тут баталии за юную ветреницу были — только успевай разбитые сердца склеивать. Беленькая была, ладная. Наши чернушки только что не лопались от зависти, когда она юного Алехандро заарканила.

Сестра Матильда чуть ослабила веревки и помогла мне сесть на кровати. Из складок просторной робы был извлечен черепаховый гребень. Я с удовольствием ощутила, как расплетается моя неряшливая коса. А медичка продолжала рассказ:

— Дед твой против был, конечно. Гранды очень не любят свою аристократическую кровь разбавлять. Поэтому у них и дети такие получаются — ни то ни се, ни рыба ни мясо...

По волосам моим проскакивали искорки, их потрескивание вплеталось в просторечный говорок сестры Матильды. Я догадывалась, что волосы она мне вовсе не для красоты расчесывает, а выбирает мою силу, ту самую, которую я так неосторожно призвала к себе. А вот интересно — я же, наверное, до самого доньшка Источник вычерпала? А еще интересно, ушел ли Влад? Почему Зигфрид не явился меня навестить? Я бы у него разузнала, открыл он для князя портал или не открыл.

— Да только молодые все тайно обустроили и родителя перед свершившимся фактом поставили. А уж когда наше величество брак одобрил, скандал решили замять. Красивая они пара были, родители твои.

Я улыбнулась, припомнив портрет, который показывал мне маркиз. Анна и Алехандро. Они были счастливы вместе, пусть недолго, а только до того момента, как моровое поветрие пришло на остров. Оно забрало их жизни, но не разлучило. Наверное, любовь и должна быть такой — одной-единственной и до самой смерти.

Сестра Матильда отбросила в сторону горящий гребень и, не мешкая, достала следующий. Скосив глаза, я смотрела, как плавится черепаховая пластина, пока на полу не осталась только кучка серого пепла.

— Завтра тебя выпустят, — сообщила медичка, закончив действие и туго натягивая веревки. — До вечера отдыхай, ректор распорядился в пояс тебя обрядить. А это дело не быстрое. На закате приду, запечатывать твою силу будем.

— Что за пояс? — равнодушно спросила я. Нежданно навалившаяся усталость держала меня в кровати крепче веревок. — Мы, кажется, такого не учили.

— А вам оно и не надо, лишними знаниями голову забивать. Есть такой обряд специальный — на чистом железе проводится. Я против была, но Пеньяте что-то совсем перепугался. Обуздать, говорит, надо, или пусть до старости в заточении сидит.

— А голову мне отсечь ему мысль не приходила? — разозлилась я. — Чтоб уж наверняка? За какие такие прегрешения я должна свободы пожизненно лишиться?

В белесых глазах читалось неподдельное участие.

— Я тебе так скажу, нинья, дурак ректор наш, вечно не с тем воюет, с кем надобно. Потому и власти у него особой нет, от недалекости. Вот этот мальчик швабский, который при нем собачкой бегаёт, тот далеко пойдет, помнишь мои слова.

— Зигфрид? — удивленно переспросила я. — Думаете, он ректора подсиживает?

Сестра Матильда не ответила, сжав губы куриной гузкой и от этого сразу напомнив мне бабушку.

— Отдыхай, донья Лутеция. На закате тебе нелегко придется.

И она ушла, оставив меня одну. А я, вместо того чтобы представлять себе барона фон Кляйнерманна за ректорским столом, стала думать о том, почему со мной никто не говорит об Игоре, как будто и не было его никогда.

Как только серебряная ложка с длинной витой ручкой окунулась в густой ахо-бланко, для которого миндаль доставляли с западного побережья, в дверь пансиона госпожи Пинто постучали. Точеные ноздри господина Ягга дрогнули, он поднес ложку ко рту и продолжил трапезу. Хозяйка суетливо вскочила и, извинившись перед гостем, отправилась к источнику шума. В дверь уже колотили с такой силой, что она грозила слететь с петель.

— В чем дело? — строго спросила хозяйка, с высоты крыльца взирая на четверку стражников. — Я пожалуюсь на бесчинства дону Скарцезо!

Вышеозначенный дон являлся одним из четырех кордобских альгвасилов и состоял с хозяйкой пансиона в самых дружеских отношениях. Но на сей раз, к удивлению госпожи Пинто, волшебное имя не сработало.

— У вас инкогнито проживает романский дворянин. Нам приказано сопроводить его в резиденцию алькальда для дознания.

О назначении алькальда донья Пинто была наслышана, как и о том, что новая резиденция обустроилась неподалеку от городской тюрьмы.

Пока женщина собиралась с мыслями, стражники оттеснили ее от двери, чтобы, топая и бряцая оружием, ввалиться в дом. Из столовой раздался шум, там разговаривали на повышенных тонах. Хозяйка некоторое время не решалась войти следом, переминаясь на пороге, но когда ее ушей достиг жалобный треньк разбитой тарелки, дама не выдержала. Подобно демону мщения ворвалась она в столовую, ибо если и была в жизни пухленькой госпожи Пинто страсть к красивым мужчинам, то она меркла по сравнению с любовью к дорогому хинскому фарфору.

— Вы как всегда вовремя, моя прелесть, — сообщил синеглазый постоялец. — Будьте любезны распорядиться, чтобы принесли еще приборы — господа остаются на обед. И велите подать «Красного элорийского». На улице сегодня жарко, а господам стражникам пришлось идти целых два квартала. Наверняка их мучает жажда.

Бравая четверка с несколько пришибленным видом восседала за столом. Примерно с таким же видом хозяйка заведения отправилась исполнять желания постояльца.

— Заклятия недвижимости всегда удавались мне прекрасно, — сообщил романин в

пространство, с изяществом придвигая к себе тарелку. — А теперь, господа, посидите тихонько и позвольте мне насладиться едой.

— Как долго? — пискнул один из стражников, кашлянув. — Алькальд ждет вас...

— А мы подождем его, — последовал ласковый ответ. — Я, знаете ли, не юная донья, чтоб бежать на свидание по первому зову. А вот, кстати, и наша любезнейшая хозяйка. Угощайтесь, господа, повар сегодня превзошел самого себя.

Закатное солнце золотило покосившиеся шпили кордобских башен, когда взбешенный дон Альфонсо Фонсега Диас Кентана ди Сааведра, топорща усы и поминутно поправляя парадную перевязь, появился в пансионе. В столовой царила самая непринужденная атмосфера. Раскрасневшаяся от бокальчика вина госпожа Пинто наигрывала на мандолине, ее постоялец, расположившись за прибранным столом, рассеянно просматривал какие-то бумаги, а четверо — нет, уже шестнадцать городских стражников чинно сидели в удобных креслах, на стульях и даже на простецких тесаных табуретах, по случаю многолюдья доставленных из кухни.

Алькальд замер, окидывая диспозицию внимательным взглядом.

— Ну, наконец-то! — поднялся валашский князь. — Ваши люди утомлены ожиданием и потребностью в уединении. Кстати, посылать к моей скромной персоне один за другим четыре отряда городской стражи было опрометчивым решением. Вы позволите отпустить их?

Ди Сааведра выдохнул. Дракон взмахнул рукой, и мандолина смолкла. Одновременно шестнадцать стражников ринулись к двери. Алькальду пришлось проворно отскочить, чтоб не быть раздавленным. Замыкала процессию хозяйка пансиона с музыкальным инструментом наперевес.

— Доброго вечера, — мило поздоровалась она и выскользнула за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Ди Сааведра вдохнул.

— Присаживайтесь, — предложил князь. — Как говорят в одном сопредельном с моим княжестве, в ногах правды нет.

Алькальд подошел чеканным шагом к столу, отыскал взглядом чистый бокал и наполнил его до краев. Вино было крепким.

— Я требую объяснений.

— Нет, — покачал головой князь, — это я требую объяснений. Объясните мне, господин алькальд, почему в просвещеннейшей из столиц нашего мира некто безнаказанно убивает моих подданных? А также будьте любезны удовлетворить мое любопытство, почему до сих пор не установлен виновник?

Пояс был железным, с массивным запором и ушками для висячего замка. Больше всего он походил на корсет — плотный, без зазоров, с безобразными, похожими на шрамы следами ковки.

— Да он пуда два, наверное, весит! — возмутилась я. — Глупости какие!

Сестра Матильда взгромоздила конструкцию в изножье кровати и заправила под косынку седые прядки.

— Не преувеличивай, сорок фунтов всего, считай, вполовину меньше. Вы готовы к обряду, сестры? — обратилась она к сопровождающим ее медичкам.

Те уважительно кивнули. Сестер было двое; рослые барышни, лет двадцати на вид, красивые дородной сельской красотой, со свекольным румянцем на тронутых загаром щеках и густыми сросшимися бровями. А уж ширина плеч моих посетительниц недвусмысленно предупреждала о том, что, если придет мне в голову покуражиться,

сестры меня поймают, скрутят и подпояшут, даже не притомившись. А потом пойдут еще быка на арене завалят, чтоб задор молодецкий даром не пропал.

Сестра Матильда достала из складок робы аккуратный сверток.

— Пояс носить будешь под одеждой, снять его никак нельзя. Поэтому, чем раньше ты приучишься с ним все естественные надобности справлять, тем легче тебе будет в дальнейшем.

Сверток развернулся в длинную льняную ленту.

— На первое время я тебя тканью оберну, чтоб не шибко натирал, потом привыкнешь.

— А долго мне с этой громадиной ходить придется?

Я невольно хихикнула, когда одна из сестер ловко принялась меня раздевать. Щекотки боюсь страсть как!

— Ректор про сроки не уточнил, — буркнула Матильда. — Та огневица, которая до тебя его носила...

— Которая пол Кордобы после инициации пожгла?

— Да, та самая. Так вот, она... Погоди... Так она до сих пор его, что ли, носит?

Медички дружно заржали, видимо, шутка эта была для них не новой, но любимой.

Я мысленно взвыла.

— Ну а побледнела чего? — дружелюбно спросила Матильда, делая первый виток вокруг моей талии. — Тебе же никто не запрещает пытаться его снять.

— Тогда в чем подвох?

— А в том, что, если тебе это удастся, не забудь процесс расписать в подробностях, лично для меня. Я на твоём опыте следующие поколения медичек обучать буду.

— Обязательно в письменном виде? — переспросила я. — Может, на словах лучше передать?

Одна из младших сестер хлопнула меня по плечу.

— А она наглая! Молодец девчонка!

От этого дружеского жеста у меня сбилось дыхание, и я кашляла все время, пока дружная троица ослабляла (только ослабляла, а не развязывала) мои веревки.

— Сейчас смирно сиди, — скомандовала Матильда. — Дернешься, придется перedelывать, а тебе лишняя боль ни к чему.

«Ёжкин кот! Это еще и больно?» — подумала я и заорала, потому что тело мое будто обхватила раскаленная добела лента, казалось, она сейчас прожжет меня до костей.

— Тихо, тихо, нянька, еще чуть-чуть потерпи...

И сестра Матильда щелкнула дужкой замка.

— Ключ к нему конечно же не полагается?

— В нем даже замочной скважины нет. Как ты? Полегчало?

Боль не ушла, а как будто затаилась, и от этого ощущения было немного не по себе. Я кивнула, затем послушно вытерпела еще один осмотр. Моя грудь по контрасту с темным железом смотрелась вызывающе. Замок болтался где-то на уровне пупка, и я подумала, что под одеждой его выпуклость будет очень заметна.

— Можешь одеваться, — наконец вынесла вердикт медичка. — Сестры тебе помогут. Не благодари.

«И не собиралась!» — мстительно подумала я, потирая наконец освобожденные запястья.

— Кстати, — донеслось уже от двери, — советую поторопиться. Тебя ожидают для дознания.

— Какого такого дознания? Железяки с меня довольно не будет?

— Ты уже забыла, что в твоей постели нашли мертвого мужчину? — укорила меня Матильда.

— Так это было седмицу, то есть неделю тому. Я думала, с этим делом уже разобрались, хотела расспросить, как виновных наказали.

— Не разобрались. Ожидали, когда алькальд в должность вступит. Дело серьезное, без главного судии решать нельзя.

— А подозревают кого?

— Тебя, милая, тебя. Так что придется тебе сейчас докладывать, кто тебя, такую ветреную, инициировал, да доказывать, что это не покойный Игорь Стрэмэтуруру.

«Это ты его убила! Признайся, ты!»

— Сестра Матильда, вы ведь понимаете...

— Да все я понимаю, нянька, — раздосадовано перебила меня медичка. — И они тоже это понимают, но этот поганый мир придуман мужчинами. Смирись и попытайся оправдаться.

— Тем более что мы на тебя деньги поставили, — шепнула рослая сестрица, как раз склонившаяся к моему плечу, чтобы прикрепить студенческую брошь. — Торо, Лутеция! Торо!

За мной пришли как раз в разгар вечернего моциона. Пытаясь как можно быстрее вернуть подвижность ослабевшим за неделю конечностям, я наматывала круги вокруг кровати. Ходить приходилось осторожно — семеня мелкими шажочками, по-гусиному переваливаясь. Пояс сидел на талии довольно плотно, будто на меня ковали, и нещадно врезался в тело при любом резком движении. А вот интересно, если я совсем есть перестану да исхудаю, удастся мне эту громадину через бедра стащить? Я задумчиво подпрыгнула и сморщилась от резкой боли в боках. А если наоборот, дородности прибавлю, железяка в тело вроснет или лопнет под напором округлостей? Фу! Даже думать о таком не хотелось.

За дверью долго возились, отодвигая засовы и отпирая замки. Наконец в комнату просунулась голова в гребенчатом шлеме.

— Донья Лутеция, просим пройти с нами!

Стражники были незнакомые, но это не помешало мне попытаться начать разговор.

— Какие погоды нынче стоят?

Мое дружелюбие никто поддержать не торопился; те двое, которые шли впереди, даже голов не повернули. Я оглянулась на замыкающих. У каменных статуй, что стоят хороводом вокруг фонтана на рыночной площади, и то лица поживее будут. Спуск по винтовой лестнице стал для меня настоящим испытанием. И дело было даже не в тяжести этого пресловутого пояса, а в том, что я не могла в нем наклоняться. Совсем, ни на пядь, ни на вершок. А для того чтобы ступить с верхней ступеньки, надо было пригнуться. Авангард наш, один за другим, нырнул в темный зев лестничного проема, только чиркнув гребнями шлемов по каменной кладке, меня же заклинило там намертво.

— Кто так строит? Ну кто так строит? — раздражалась я сначала про себя, потом в полный голос. Попыталась прогнуться чуток назад, чтоб поднырнуть... — Ах, ёжкин кот!

Да какого лешего меня в башню-то поселили?

— В чем причина задержки? — замогильным голосом осведомился один из уже спустившихся стражников. — Арестованная сопротивляется?

— Арестованная не пролазит в эту дыру, — любезно проорала я. — И вынесут меня отсюда только на руках — других вариантов я не вижу.

Через пару мгновений я уже всю командовала кампанией по своему спасению.

— Заворачивай! Заворачивай! Куда пошел? Ногами вперед только покойников выносят! Развернитесь, кому говорю!

Восемь витков, четыреста двадцать ступеней, полукруглый лестничный потолок, покрытый живописными мазками копоти...

— Я же на самом деле вовсе не такая тяжелая, как может показаться, — вещала я, изящно скрестив руки на груди. — На мне железа сорок фунтов.

— У тебя язык, наверное, тоже столько весит, — пропыхтел тот стражник, которому досталась почетная обязанность поддерживать мои плечи. Страдальцу приходилось спускаться спиной вперед, и хорошего настроения это ему явно не добавляло.

— Вас, кабальеро, никто не заставляет на эту работу соглашаться, — укорила я. — Знаешь, как у нас в Рутении говорят? Назвался груздем — полезай в кузов!

— Кузов — это что такое?

— Такая плетеная корзина, на кухню еще в них провизию передают, — любезно пояснила я. — Вино или окорока свиные, которые хамон называются. Я бы от ломтика другого мяса вяленого сейчас не отказалась...

— Ты в такой момент о еде можешь думать? Мьерда! — ругнулся стражник. — Мы могли использовать подъемник и спустить ее вниз через кухонную шахту!

Под сводами винтовой лестницы раздался разочарованный вскрик. Меня вынесли на открытую галерею и осторожно поставили на ноги. Горячий соленый ветер поцеловал меня в щеку. «Эх, дружок, не чувствую я тебя и на поцелуй не отвечу. Злые люди Лутонюшку обидели, в железо заковали, с гобою разлучили. Но это ничего, мы привычные, отомстим и забудем». В том, что из создавшейся ситуации мне удастся найти выход, я даже не сомневалась.

— Привал! — скомандовала я служивым. — И одежду поправьте, а то будто на сеновале полночи кувыркались.

Они смотрели на меня с каким-то суеверным удивлением, но послушно поправляли перевязи и придавали гребням шлемов правильное направление. А я, опершись о деревянные тесаные перила, думала о том, что мне срочно нужно зеркало, и новее не для того, чтоб красоту свою неземную осмотреть.

— Ну что, отдышались? Тогда продолжим прогулку!

Галерея опоясывала внутренний двор и вывела нас к другой лестнице.

— Я сейчас умру, — сообщил самый молоденький стражник. — Может, давайте ее просто вниз сбросим, а начальству доложим, что она бежать пыталась.

— Разговорчики! — прикрикнула я, заранее скрещивая на груди руки. — Вы меня куда вообще ведете, выдумщики?

— В северное крыло, там зала малого совета, ну знаешь, где гербы дутые на окнах.

Я кивнула, вызывая в памяти план построек.

— А путь через галерею вам кто подсказал?

— Начальство.

— А сейчас пойдем через двор, — развернулась я на каблуках. — Вперед!

— Там тоже лестница.

— Обычная, не винтовая. Успокойся, задохлик, я своими ногами спущусь.

Он так обрадовался открывающимся перспективам, что на «задохлика» даже не обиделся. Я давно замечала, что совместно преодоленные трудности сближают. Мы почти дружески болтали, минуя пролет за пролетом. Ребят звали без затей: Пако, Пабло, Панчо и Просперо. И они, так же как и я, недоумевали по поводу странного внутриотрядного распределения.

— Может, вашему капитану просто трудно вас всех вразнобой по именам запоминать? — предположила я. — А так очень удобно получается.

Пабло пожал плечами.

— У нас есть еще «А-четверка»: Альберто, Асканио, Азазелло и Арт, и на «Д»...

— А кто студенческое крыло патрулировал, когда Игоря Стрэмэтуруару убили? Не вы?

— Нет, мы как раз отдыхали в казарме, — ответил Просперо, тот самый «задохлик», которому во время спуска досталось нести мою самую важную часть — голову, полную умных мыслей. — С утра сменились, нас уже потом вызвали.

— А слухи какие ходят? Почему с дознанием на целую неделю затянули? Алькальд распорядился?

Просперо, кажется, был самым осведомленным молодым человеком из бравой четверки.

— Это ректор придумал. Говорят, алькальд наш — сынок дона Акватико, вот начальство и решило с домом воды задружиться. Велено было на комнату замораживающее колдовство набросить, чтоб сохранить все как было. Рассказывают, даже коридор выстудило, сосульки с потолка свисают. Патрульные в плащи кутаются, вино подогретое бутылками хлещут, но все равно зубами от холода стучат.

Большая часть пути была пройдена, за кованой решеткой калитки начиналась последняя лестница с широкими ступенями, вытесанными из камня. Очень скоро я явлюсь пред светлы очи дознавателей.

— Ребятушки, — начала я осторожно, — а не могли бы вы товарищей своих расспросить, кого они ночью той в коридорах видели? Может, кто-то что необычное, непривычное заметил? Из посторонних, может, кто шастал?

Просперо кивнул:

— Исполним. А тебя спросить можно?

— Я его не убивала, — твердо встретила я взгляд темных глаз. — Жизнью клянусь!

Стражник моих оправданий будто не слышал.

— Ты ведь покойника видела близко?

— Да.

— И что сама скажешь?

Я задумалась, вызывая в памяти неприятную картину. Голый торс Игоря, россыпь оранжевых веснушек, волосы, прикрывающие шею. Вот я трогаю его за плечо, удивляясь закостенелости. Пахнет соленым железом и почему-то мышами. Я с усилием переворачиваю мертвое тело, рыжие локоны скользят за спину...

— Ему вскрыли яремную вену, — наконец сказала я. — И кажется — зубами.

Ребята перекинулись встревоженными взглядами.

— Ты хорошо все рассмотрела?

— Там был ножевой разрез, аккуратный, как по ниточке, а поверх — рваная рана. Как будто кровь недостаточно быстро выходила, а убийца не мог ждать. И кажется, он ее сцеживал во что-то, потому что...

Иссушенная, будто пергаментная, кожа, несколько пятен на подушке, похожих на цветочные лепестки...

— Маловато ее было, крови то есть.

Мне стало очень страшно. Все воспоминания, задвинутые в самый дальний угол памяти, вылезли наружу, вызывая головокружение и тошноту.

Просперо поддержал меня за локоть.

— Не безумствуй, мэтресса, не время сейчас. Давай днем встретимся, поговорим. Может, я тебе что-нибудь важное сообщить смогу.

— И чем же я вашу благосклонность заслужила? Служивый люд студентов не особо жалуется.

Стражник улыбнулся:

— А за что нам их любить? Стихийники — отпрыски аристократических семейств, благородные доны и доньи, для которых жизнь простого люда сродни страшной сказке. А ты, говорят, простая девушка, даже с прислугой на короткой ноге.

Парень был в чем-то прав. Я могла не помнить по именам большую половину своих однокашников, но твердо знала, что девушку-прачку, которая добела отстирывает мои сорочки, зовут Илька и влюблена она в чашника Хесуса, а повариха дона Сибил прибыла в Элорию еще в младенчестве, любит грустные баллады и не любит сливовый сорбет. Также знакома я была с горничными, посудомойками, конюшими, лакеями и поварятами. И эти милейшие люди в меру своих сил помогали мне в моих делишках, не задавая лишних вопросов и часто отказываясь от мзды.

Щекастый Панчо взял меня под свободный локоток.

— У Просперо бабушка — бруха, ведьма деревенская. Мы хотели к ней в гости заглянуть, за советом.

— Были и другие смерти? — замирая от предчувствия, спросила я. — О которых в Квадриллиуме не известно?

— В рыбацких деревеньках часто люди пропадают. Море близко... Поэтому и особых дознаний никто не проводит. Только в последний год стали наши утопленники домой возвращаться. Не все, правда, и не живыми.

— И до плоти человеческой жадными?

Я дрожала вовсе не от холода.

— Не может обычный человек в такую нежить превратиться. Я встречала упыря, вы таких еще «некрофаго» называете. Мне говорили, только маг, который попробует кровь...

— Значит, либо ты слышала не всю правду, либо... — начал Просперо.

— Время для бесед неподходящее, — поторопил нас Панчо. — После полудня к беседке приходи, которая у двух сосен на утесе.

— Обязательно, — пообещала я. — Может, у вас сказки какие про нежить есть или предания народные? Должен же быть способ от упырей защититься. Осиновые колья вроде помогают.

— Еще огонь, соль и чеснок, — кивнул Просперо. — Вот и все, что сейчас припомнить могу. Думаю, абуэлита — бабка моя — еще что-нибудь подсказать сможет. Мы пришли,

донья Лутеция. Удачи!

Я кивком поблагодарила бравую четверку.

— До встречи, кабальеро!

И, гордо держа тяжелую от мыслей голову, вошла в залу заседаний.

Здесь мне раньше бывать не приходилось. Разноцветные витражные стекла, которыми я любовалась при каждой удобной возможности, снаружи производили совсем другое впечатление. Окон было много — по четыре с каждой стороны, закатное солнце причудливо дробилось в многоцветий богатых гербов. Под потолком ярко горели две огромные люстры, каждая из которых, размером с мельничное колесо, поддерживала сотни свечей. Камин, утопленный в глухую стену, был полон пылающих дров. Я даже зажмурилась на мгновение, привыкая к жару и свету, и присела в церемониальном поклоне, насколько позволяло впивающееся в плоть железо. Ну как в поклоне... Просто согнула колени и опустила очи долу, вытянув шею с беззащитной грацией. Ну чисто лебедушка или иноземный зверь камелорпард.

— Донья Лутеция Ягг, — возвестил некто зычным голосом. — Пройдите, донья, вас ожидают!

Я сделала несколько шагов по блестящему наборному паркету. Справа от камина, перекрывая оконную нишу с узенькими боковыми лавками, стоял массивный круглый стол. К нему я и направилась. Как в тумане я видела три силуэта; как под водой, с усилием приближалась к ним. Мужчины, в одном из которых я без удивления узнала Зигфрида фон Кляйнерманна, встали, ректор остался сидеть, зябко кутаясь в меховой плащ. Я сдула с потного лба прилипший локон и еще раз согнула колени.

— А вот и виновница, — проскрипел Пеньяте. — Поведайте нам, девушка, каким образом вы лишили жизни одного из самых способных студентов Квадрилиума?

«Еще кого-нибудь убили? — подумала я. — Ах нет, это он Игоря покойного „способным“ величает. Ну что ж, о покойниках либо хорошо, либо ничего, но только если рыжий романин в науках блистал, то мне уже можно выпускной экзамен держать».

Я безуспешно пыталась разогнуться, чтоб ответить ректору гневным взглядом, но суставы только жалобно скрипнули и я поняла, что через мгновение позорно растянусь прямо на полу. Вот так вот на спине растянусь и буду сучить лапками, как насекомый хрущ, в ожидании неминуемой смерти. Показалось, что некто, скрытый в оконной нише, сейчас поспешит мне на помощь. Но первым успел Зигфрид. Он рывком подтянул меня за плечи и осторожно усадил на стул. Рук так и не убрал, так и остался стоять рядом, придерживая меня большой ладонью, в которую мне сразу же захотелось впиться зубами. И вовсе не от голода, а от переполнявшей меня злобы. Спину приходилось держать очень прямо.

— Учитель, она слишком слаба. Будьте милосердны.

Видала я его милосердие... в домовине в белых портянках!

Ноздрей коснулся аромат вина — Зигфрид поднес мне кубок. Я отпила, наслаждаясь прохладным питьем. Рука дрожала, тремя большими глотками я опустошила бокал, чтоб не расплескать, и просто разжала пальцы. Огневик погладил мое плечо успокаивающим жестом.

— Здесь никто не желает тебе зла, Лутеция.

Никто? Ну, может, вот этот вот смутно знакомый усач, сидящий по левую руку от ректора, и не желает. А вот в вас с Пеньяте, дорогой барон, я очень сомневаюсь.

— Дон Сааведра, наш алькальд, задаст тебе несколько вопросов, а затем ты сможешь отдохнуть.

Прозрачные глаза дон Сааведры смотрели на меня с неподдельным участием. Ба! Да мы же знакомы! Еще неделю назад главный судья был всего лишь капитаном городской стражи. Надо же, как некоторые люди умеют по службе продвигаться. Даже завидно.

— Приятная встреча, — улыбнулась я, подумав, что как раз приятного здесь очень и очень мало.

— Я тоже рад вас видеть, драгоценная донья, — кашлянул алькальд. — И несмотря на то, что дело, приведшее меня в стены сего учебного заведения...

Он запнулся, видимо не в состоянии подобрать слова. Да уж, красноречию ему придется еще учиться и учиться.

— ...И убедиться, что вы все так же прекрасны! — выпалил Сааведра после длинной паузы.

Ректор явственно вздрогнул, видимо не разделяя мнения алькальда по поводу моей красоты.

— Что вы можете сообщить о случившейся трагедии? — спросил ди Сааведра несколько невпопад.

— Только то, что не имею никакого отношения к смерти Игоря Стрэмэтурару. В ту роковую ночь я находилась вдалеке от Квадрилиума, моя соседка донья Эмелина Гутьеррес наверняка это подтвердила.

— Видишь ли, девушка, — проговорил ректор, отбросив всяческую вежливость, — донья Эмелина по несчастливой случайности также в это время отсутствовала. Она уже строго наказана за нарушение правил распорядка. А против тебя нами собрано немало улик. Во время обыска в комнате убитого нам удалось обнаружить несколько принадлежащих тебе вещей довольно... гм... интимного свойства. Что ты на это скажешь?

— О том, каким образом мои подвязки попали в сундучок покойного студента, можно узнать у прачек, — пожала плечами я. — Каждый волен проводить свое свободное время так, как ему нравится. Некоторые студенты собирают коллекции бабочек или гербарии редких растений, Игорь коллекционировал предметы женского туалета. К тому же его ведь не подвязкой задушили?

Алькальд сидел красный, как вареный рак, было заметно, что разговор его скандализует.

— Опять же, — продолжала я, плюнув на приличия, видимо молодое вино, которое я с таким удовольствием выпила, ударило в голову, — если я приложила руку к смерти Игоря, куда я, по-вашему, могла деть его кровь? За окно выплеснуть?

— Мои люди осмотрели двор, — проговорил ди Сааведра. — Донья Лутеция, я далек от обвинений. Наша встреча вызвана скорее необходимостью в консультации. Вы были гой, кто обнаружил тело. И я был бы признателен вам за любую мелочь, о которой вы сможете мне сообщить.

Ректор явно был недоволен поворотом беседы, его гримасы могли испугать человека менее подготовленного или более трезвого, чем я.

— Рваная рана на яремной вене, — проговорила я, обращаясь к дону ди Сааведра. — Тело было полностью обескровлено.

— Как вы это определили?

— Трупные пятна появляются очень быстро — оттого, что кровь перестает циркулировать. Я переворачивала тело, кожа была абсолютно чистой.

— В университете изучают признаки насильственной смерти? — пролепетал удивленный алькальд. — Я, честно говоря, опасался, что во время дознания нам придется иметь дело с обмороками.

— Я не боюсь покойников, — с улыбкой сообщила я. — А также мышей и насекомых. Кстати, о грызунах. Когда я открыла комнату, там пахло именно мышами. Тогда меня это не удивило, но теперь вызывает недоумение. В зданиях университета нет никаких паразитов — руководство борется с ними магическими способами.

— И каковы ваши выводы? — проигнорировав фыркanye ректора, спросил алькальд.

— От решения этой задачи я все еще далека. Все, что у меня есть, — догадки, воспоминания...

Я обернулась и посмотрела туда, где с видом статуи, олицетворяющей защиту, стоял Зигфрид.

— Ты помнишь? Помнишь Рутению, заснеженный тракт, постоянный двор, где нам пришлось сражаться сначала с разбойниками, а потом с нежитью?

Кляйнерманн кивнул.

— Мы имели дело с упырем. Маг-перерожденец, а точнее — мэтресса. Она оставила после себя сферу воды, видимо бедная девушка при жизни принадлежала к дому Акватико.

Альфонсо ди Сааведра смотрел на меня с таким видом, будто я сама собиралась вскрыть ему яремную вену.

— Эта подвеска до сих пор со мной, — кивнула я. — Зиг, это сейчас не главное. Ты помнишь, каким образом нас лишили магической силы? Помнишь, почему ты не смог призвать огонь и спалить всю эту хибару к драконам, как только нас попытались пленить?

— Болиголов! — воскликнул огневик. — Конечно! Местная колдунья пользовалась травяной настойкой, и во всех комнатах висели сушеные букеты. Ты еще постоянно носила морщилу — жаловалась на мышинный запах. Так ты думаешь, что здесь, в Квадрилиуме, орудует упырь?

— Нет, Зиг, у упыря ума бы не хватило пробраться в охраняемую комнату. После перерождения ничего человеческого в нем не остается. Я думаю, некто пытался переродить Игоря, для того и болиголов понадобился, чтоб стихийной силой его лишить. И этот некто... Ёжик кот! Ничего не сходится! Кому мог понадобиться ветреник-упырь?

Я даже застонала от разочарования. Из задумчивости меня вывели вялые аплодисменты. Ректор несколько раз энергично хлопнул в ладоши.

— Спасибо за страшную сказку на ночь, Лутеция. Надо будет поведать этот рассказ его августейшему величеству, чтоб он использовал его для написания новой книги.

— Его величество снова допускает вас к аудиенции? — не удержалась от шпильки я.

Судя по помрачневшему лицу Пеньяте, укол достиг цели.

— По моему мнению, все было гораздо проще, без потусторонней ерунды, — поджал тонкие губы ректор. — Игорь Стрэмэтуару пытался за тобой ухаживать. Ты его порыв не поддержала, продолжая кокетничать. Он подкупил чиновника канцелярии. Виновные уже строго наказаны, — в сторону алькальда уточнил ректор. — Продажный чиновник оформил для ветреника бумагу, дающую право провести твою инициацию. Отпираться бессмысленно — данный документ мы обнаружили в твоих вещах.

Если бы Зигфрид не держал меня за плечо, я бы уже перелетела через стол и вцепилась в длинный нос ректора ногтями. Меня колотила крупная дрожь.

— Бедный влюбленный юноша пришел к тебе. Затем, после того как все произошло...

— Он умер от переполняющего его счастья, вскрыв себе яремную вену своими же зубами, — закончил вместо ректора знакомый голос. И из оконной ниши, отодвинув парчовое драпри, появился Дракон. — Этот сюжет также достоин увековечивания в литературе. Драгоценнейший дон Пеньяте, с прискорбием вынужден вас разочаровать — донья Лутеция провела роковую ночь, а также последующий за ней день со мной.

Сердце остановилось, потом забило, как обезумевшая птаха. Влад явился мне на помощь, и теперь... Только почему так холоден его взгляд, почему губы кривит сардоническая усмешка?

— Здравствуйте, донья Лутеция. Рад видеть вас в добром здравии и в кругу друзей. Думаю, нашу небольшую тайну пришло время обнародовать. Неожиданная трагедия — убийство моего подданного — заставила меня отложить дела, что, видимо, пришлось очень кстати.

Я вскрикнула от боли — Зигфрид неистово вцепился мне в плечо.

— Так это был ты? Я догадывался, с кем она была, но...

— Барон, давайте отложим выяснение отношений, — ласково предложил Дракон. — Думаю, ни почтенному ректору, ни почтеннейшему дону ди Сааведра наши разговоры не интересны. Дама была в затруднении, я это затруднение разрешил в меру своего разумения. Теперь донья Лутеция может продолжать изучать силу ветра.

— Я убью тебя, — устало проговорил Зигфрид.

— Дуэль? Что ж, думаю, после дознания я выкрою пару минут для сатисфакции.

— Да ты...

Я не могла говорить, душили слезы. Я посмотрела на алькальда, тот раздраженно подкручивал свои огромные усы.

— Позвольте проводить вас? — вдруг спросил ди Сааведра, поднимаясь. — Если возникнут еще какие-нибудь вопросы...

Я приняла его руку и с благодарностью на нее оперлась.

— Донье Ягг выделили новую комнату? — спросил алькальд ректора. — Даме нужен отдых.

— Я предпочла бы остановиться в лекарском крыле, — прошептала я. — Только хочу забрать некоторые вещи.

Идти было больно. И дышать было больно. Жить было больно. Я уговаривала себя, что обо всем подумаю потом — когда останусь одна.

— Донья Ягг, нам необходимо поговорить, — властно произнес Дракон. — И совместно подписать документы.

— Я сообщу вам, как только буду готова к беседе, — не оборачиваясь, бросила я. — Можете пока заняться очинкой перьев.

— Прощу, — пропустил меня в дверях алькальд. — Вы очень бледны, моя дорогая. Вы позволите пригласить вас на ужин? Если в отсутствие дуэньи встреча с мужчиной для вас неприемлема...

— Бросьте, капитан, — рассмеялась я. — Какие дуэньи при моем реноме? Я правильно употребила это слово? Меня и так на весь мир ославили. Куда мы пойдём?

У него явно отлегло от сердца.

— Мне предстоит еще несколько дел, за это время вы сможете немного отдохнуть. А через час я пришлю портшез. Вы согласны?

— Да, — просто ответила я. — Буду ждать.

Глава 6,

в которой не находят ключей, зато подбираются замки, героиня идет на свидание, и подписываются некие бумаги

Осень — перемен восемь.

El que madruga coge la oguga.

(Ранняя пташка получает гусениц).

Комнатка оказалась крошечной, но очень уютной. А то, что предназначалась она для меня одной, несомненно, перевешивало все возможные ее недостатки. С декором сестры не усердствовали, отдав предпочтение простоте и удобству. Небольшая кровать с гобеленовым балдахином, толстая оплывшая свеча на прикроватном столике. Ни зеркал, ни картин. Умывальный таз с кувшином в углу; узкое стрельчатое окошко, похожее на бойницу, расчерченное квадратиками решетки, но не застекленное. Видимо, балдахин предполагалось плотно задерживать на ночь во избежание сквозняков.

Я легла животом на постель. Было очень плохо. Я тихонечко повила, жалея себя, с каким-то нехорошим сладострастием мысленно перебирая все фразы, брошенные Владом. И выражение его глаз, и каким ледяным презрением он окатил меня, и мои нелепые ответы... Потом, покряхтывая, поднялась. Надо было отправляться к сестре Матильде за советом. Времени на бесполезные терзания не было, поэтому я пообещала себе при первой удобной возможности прореветься всласть. Если медичка ничем не сможет мне помочь, требую у нее хотя бы зеркало. У Иравари наверняка уже есть паратройка идей по каждой интересующей меня теме.

В дверь тихонько постучали и, не дожидаясь ответа, толкнули створку. Я в этот момент стояла на четвереньках, пятясь к краю постели, и головы повернуть не могла.

— Лутеция? — осторожно донеслось от двери. — Тебе плохо?

— Какая нечеловеческая пронизательность! Помогла бы лучше, чем глупые вопросы задавать.

Эмелина свалила в изголовье ворох какой-то одежды и попыталась подхватить меня за талию. Я взвыла.

— Мне больно! Ты чего вообще сюда явилась?

— Руками сильнее упрись! — совсем не обиделась моя бывшая соседка. — Давай на раз-два-три. Я потяну, а ты оттолкнешься. Раз... два...

И под мой истошный вопль нам удалось придать мне вертикальное положение.

— Да уж, врагу такого не пожелаю, — отдуваясь, сообщила Эмелина. — Меня мэтр Кляйнерманн к тебе отправил, велел платье занести и принадлежности туалетные. Я теперь с другой девушкой живу, с водяницей Агнешкой, меня в ее комнату переселили.

— Это которая из ляхов, княжеская дочь? — ревниво осведомилась я. — У нее еще родимое пятно на щеке?

— Та самая, Брошкешевич ее зовут. Я пока все эти «шчш» выговаривать научилась, чуть не поседела. А она, представь, спать мне не позволяла, пока я весь этот шипящий комплект правильно не произнесу. И, главное, заявила: «Я старше, значит, покорности и послушания от тебя жду». Заноза белобрысая! Думает, раз через неделю мэтрессой станет, ей надо мной издеваться позволено!

Мы немного помолчали.

— Я прощения попросить хотела, — наконец проговорила Эмелина. — Ну, за то, что в смерти Игоря тебя обвиняла.

Я пожала плечами и засемила к двери. Без ежеминутного моциона мои мышцы расслаблялись и пояс врезался в тело.

— Чего молчишь?

Я крохотными шажочками отправилась к окну.

— Жду, когда ты извиняться примешься. Начинай!

Расставленные на манер коромысла руки придавали моей походке непередаваемое изящество.

Донья Гутьеррес возмущенно надула губки, гладкая кожа лба собралась складочками.

— А что я должна была подумать? Являешься вся такая... А он там, весь такой... А мы с ним, между прочим...

Соседка зарыдала, будто опустила какую-то внутреннюю заслонку, и достала из рукава шелковый платок. Я приблизилась и погладила ладонью ее блестящие волосы.

— Мне очень жаль бедного мальчика. И жаль, что у вас с ним ничего не получилось.

— Я тебя ненавидела, — всхлипнула Эвелина, схватив меня за руку. — За то, что он за тобой ухаживать принялся, а ты его будто не замечала. А он красивый был и умный очень и забавный.

— А помнишь, как он нас спасать явился? Глаза горят, сам весь такой благородный, — шмыгнула я носом. — А как мы с ним из окна сиганули, а ты в обморок брякнулась?

По щекам потекли слезы; те, которые я не смогла выплакать по своему прошедшему счастью, теперь лились из-за чужой оборванной жизни и были они горькими и очень искренними. А Эвелина продолжала бормотать:

— Кровавая пелена глаза застит, будто бычья ярость напала, в ушах только шум какой-то, ору, а слов своих не слышу. Прости меня, Лутеция! — Темпераментная соседка полезла обниматься. — На вот платочек, он еще с одной стороны сухой. Слезы утри.

— Ты с Иваном, что ли, дружишь? — удивленно шмыгнула я носом, разглядывая вышитых красных петушков на шелковом канте. — Просто один мой рутенский знакомый именно такими птицами носовички украшает.

Я припомнила, как удивилась, узнав, что Ванечка, в свободное от «холинья и лелеянья» дядюшки Колоба время, вышиванием увлекается. Представить в его огромных ручищах тоненькую иголку было делом нелегким.

Эвелина чуточку посвежела лицом, отвлекшись от скорбных дум. Тень улыбки тронула пухлые губки.

— Не знаю я никаких рутов, кроме тебя. Мало ли у нас платков этих? Даже ты, известная скряга, на прошлой неделе дюжину новых себе заказала.

— Ага. Только я всегда простые беру, без вышивки, они дешевле. И ничего я не скряга. Просто лишних трат не люблю.

— Ну, так, может, ты этот платок к нам и притащила, раз говоришь, твоего знакомого вещица, а потом прачки что-то напутали... Точно ты! Чудо бережливости — абсолютная прибыль! Не заплатил, значит, сэкономил!

Я не смогла терпеть эдакие поклепы и щелкнула Эвелину по лбу, она схватила меня за плечи и повалила на кровать. Я завывала от боли, прекращая потасовку.

— Ты не находишь, что мы слегка отклонились от темы разговора?

Запыхавшаяся соседка поправляла прическу.

— Мертвое к мертвому, живое к живому. Мы, люди моря, долго скорбеть не привыкли. Наши печали вода забирает.

Я на секундочку задумалась.

— А ведь мне узнать нужно, кто Игоря убил.

— Зачем? — недоуменно спросила уже совсем пришедшая в себя девушка. — Для разбирательства специально обученные люди есть, а мы студенты, у нас другие обязанности.

— Ты не понимаешь? Пока настоящий убийца не отыщется, надо мной подозрение висеть будет. Как меч над тем парнем из греческого мифа.

— Понимаю, — задумчиво протянула Эвелина. — Думаешь, стоит знакомых о той ночи порасспрашивать?

— К Бланке дель Соль зайди, ее охранные заклинания по всему Квадриллиуму развешены.

— Хорошо... — Эвелина опять поправила локон извечным женским жестом. — Зеркала у тебя нет?

— А ты принести не могла, хоть ручное?

— Меня не предупредил никто. Мэтр Кляйнерманн велел одеждой подобающей тебя обеспечить. А свидание у тебя с кем? С милым другом, который тебя инициировал?

— Нет, с другим человеком, — покраснела я. — Только, кажется...

— Вот ведь шустрая какая! — то ли восхищенно, то ли осуждающе ахнула соседка. — Как ты умудрилась под арестом еще одного поклонника себе наколдовать? Научишь?

— Меньше интереса к подобным вещам демонстрировать надобно, — раздался от двери серебристый голосок. — Поскольку мужчины по природе своей ближе к диким животным и предпочитают азарт охоты безмятежному существованию.

Серьезный взгляд голубых глаз остановился на мне.

— Помнишь меня?

Я кивнула. Спуталась с кем-нибудь, как же. Русалочьи волосы, разделенные прямым пробором, прозрачные глаза и звездочка родимого пятна на правой скуле. Ляшская княжна, которой мы с Эвелиной не так давно перемывали косточки, меж тем продолжала:

— Сеньор ди Сааведра попросил меня быть твоей компаньонкой на сегодня.

Я невольно улыбнулась; забота алькальда о моем добром имени была приятна. Дуэнью вон придумал для соблюдения приличий.

— Передай кабальеро, что я сегодня встретиться с ним не смогу, здоровье не позволяет...

— Страдает Лутеция, — пояснила Эвелина. — Слишком тесный пояс ей надели, то ли по ошибке, то ли в назидание. За те полчаса, что мы вместе, она раз пятнадцать лишится чувств порывалась.

Агнешка призадумалась.

— А ну-ка, покажи! — Тонкопалая ручка пробежалась по шнуровке моего платья. — Лечебная магия во многом пересекается с силой воды, может быть, мой беспристрастный взгляд что-нибудь заметит.

— У тебя с алькальдом близкое знакомство? И давно?

Я послушно потянула за ворот, освобождаясь от плотной одежды.

— Сегодня познакомились, — серьезно отвечала девушка. — Просто, как у каждого стихийника, у меня есть некие обязательства перед домом.

— Гранды Акватико княжне нашей место при дворе предложили, — завистливо пояснила Эвелина. — Хорошо быть аристократкой, даже иноземной.

— Мои успехи в учебе мне в том помогли, — назидательно промолвила донья Брошкевич. — А вовсе не родители. Может, и вас через несколько лет стихийный дом на службу призовет.

— Уж задрипаннее Виенто семья в Элории вряд ли сыщется. Так что у нас с Лутецией одна дорога... Ну, что скажешь?

Требовательный вопрос обращен был к Агнешке, которая уже бесцеремонно разглядывала мой закованный в железо живот.

— Работа неаккуратная, — протянула водяница. — Как будто наспех делали. Видите, как неравномерно нити силы собираются?

Мы с Эмелиной переглянулись.

— Нитей ветра там нет, — наконец сказала бывшая соседка. — Ни одной, будто ножом отсекли.

— А я вообще никаких теперь не вижу, — призналась я.

— Минуточку, — распрямилась Агнешка. — У меня кое-что при себе есть. Ну, где же он...

Из крошечной атласной сумочки девушка достала большие очки в толстой проволочной оправе, но совсем без дужек. Вместо них сбоку была приделана витая палочка, отчего устройство походило на чудной леденец.

— Лорнет! — с гордостью сообщила княжна. — Настроен на все четыре стихии одновременно. И если кто-нибудь из вас, драгоценные доньи, сообщит об этой вещице ректору...

И снова тяжелый взгляд плавно перешел с меня на Эмелину и вернулся обратно.

— ...Я отомщу.

— Мы никому не скажем, — поспешно пообещала я и протянула руку. — Дай попробовать!

Я поднесла лорнет к глазам. Стеклышки были мутноватыми, но было видно, как в воздухе магия кишмя кишела. Голубые нити воды гроздьями свисали с балдахина, под потолком свивался клубком серебристый ветер, а красноватый огонь оплетал оконную решетку, спускаясь на янтарный мох, укрывающий весь пол. Я перевела взгляд на себя. Глухо. Железо будто отталкивало от себя любые частицы магии, только у самого замка кривоватой сосулькой застывали силы воды, изменившие свой цвет на мутно-серый. Что-то мне эта картина напоминала, только я не могла припомнить что.

— Понятно, — кивнула я, передавая вещицу пританцовывающей в нетерпении Эмелине. — Что скажешь, на что это похоже?

— На замочную скважину, — последовал неожиданный ответ. — Если вот здесь и здесь чуть дорисовать...

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовалась Агнешка.

Для того чтобы видеть свою стихию, никаких магических стеклышек ей не требовалось. Я с мученическим сопением озидала два разномастных затылка, склонившихся друг к другу у моего живота. До слуха доносился бойкий разговор девушек, от участия в котором меня освободили.

— Вот здесь, видишь. Если ты еще пару-тройку нитей силы притянешь...

— Я тебе кто? Великий маг? Это не мой уровень, тут адепт первого круга нужен, гранд стихийный. Все, что я могу, — заклятие ржавчины наложить. Рано или поздно железо раскрошится.

— Как быстро?

— Лет через десять... Через пятнадцать точно.

— Это все твои успехи в учебе? — презрительно фыркнула Эвелина. — Да любая деревенская ведьма лучше тебя с железом работает. Якорь испортить или гарпун до полной негодности загупить.

— Я ведовством не занимаюсь, ибо это есть ересь и отклонение от основ магии. Даже говорить при мне об этом не смей!

И разгорелся безобразный скандал. Эвелина шипела рассерженной кошкой, Агнешка отбрехивалась визгливо и неуверенно. Надо было прекращать безобразие, пока они в волосы друг другу не вцепились.

— Накладывай! — скомандовала я деловито, отбирая лорнет. — Ржавчину накладывай. Море рядом, климат влажный, осень опять же скоро, а с ней дожди... Авось природа делу поможет, раз нашей аристократической магии недостаточно.

А когда водяница, нашептывая и поводя в воздухе растопыренной пятерней, начала волшебство, меня посетила одна весьма недурственная мысль.

— Донья Брошкешевич, — высказала я ее, когда девушка уже поправляла прическу, присев на краешек кровати, — чисто умозрительно... Ну так, для смеха... Если некто послужит для тебя источником, усилит твои силы, сможешь ли ты...

Агнешка искривила бледные губы.

— Вы, ветреники, уверены, что особое место в стихийной иерархии занимаете. Думаешь, любой из вас источником служить может?

— Неужели не каждый?

— Ты, наверное, могла, — кивнула княжна. — Сейчас-то это никак не проверишь, но слухи ходили разные. И знаю, что каждый из твоих однокашников хотел с тобой во время экзамена на башню идти, потому что существует мнение, что с сильной ветреницей маг может испытать настоящий полет, подобный птичьему парению. Сам испытать.

Голубые очи подернулись мечтательной поволокой. А я вспомнила, как прыгали мы с рыжим Игорем Стрэмэтурару из окна моей комнаты, не о свободе полета помышляя, а только чтоб о землю в лепешку не разбиться. Бедный мальчик-ведьма! Отчего так все неладно получилось? Какая гадина жизнь твою оборвала? Но я узнаю, обязательно узнаю. И отомщу. Слышишь, ведьма?

И с моих губ сорвалось еще одно обещание:

— Агнешка, клянусь, если ты мне поможешь, как только мне удастся этот пояс проклятуций с себя снять...

— Тут ведь даже не в силе ветра дело, — не слушала меня девушка. — Бывало, что и маг сильный, и амулеты добротные, а все не то...

— Лутеция права, — вдруг подала голос Эвелина. — Я поделюсь с тобой ветром, девушка, сейчас — для дела, а потом — в благодарность. Полетаешь над волнами, чайка ты наша. Две ветреницы тебе в этом клянутся.

Потом мы еще некоторое время спорили об обряде передачи силы. Со мной это всегда случалось спонтанно, и более всего восприимчивы к неожиданным моим подаркам были маги земли. Агнешка считала, что для такого дела необходима была полная квадра — земля, вода, огонь и ветер, потому что на занятиях ее учили именно так. Эвелина своего мнения по вопросу не озвучивала. Только в какой-то момент, когда голубоглазая княжна остановилась перевести дух, донья Гутьеррес приблизилась к ней, властным жестом схватила за подбородок и одарила чувственным поцелуем. «Огонь страсти питает костер магии», — ошарашенно успела подумать я еще до того, как, сдавленно пискнув и резко оттолкнув от себя соседку, Агнешка подняла к потолку широко разведенные руки. В лорнет мне было видно, каким бурлящим потоком устремилась к ней сила.

Ах, как она была хороша, ляхская княжна донья Брошкешевич, каким безумным огнем польхали ее очи! Золотистыми водорослями разметались волосы, и длинные тонкие пальчики одним движением подчиняли стихии. Не юная дева стояла сейчас перед нами,

а небожительница — богиня.

Когда все закончилось, она без сил повалилась на постель.

— Если хоть кто-нибудь узнает... Хотя один человек...

— Ты отомстишь, мы поняли, — деловито кивнула я, рассматривая в лорнет результат водного колдовства. Теперь точно по центру висячего замка красовалась серебристая воронка, по форме напоминающая фигурную замочную скважину.

— А мне понравилось! — задумчиво протянула Эвелина, проводя по губам кончиками пальцев. — Такое ощущение было... необычное.

— Убью! — взвизгнула Агнешка.

— Я не поцелуй имела в виду, мономанка.

Мудреный грецкий термин я слышала впервые, но даже тяга к знаниям не могла заставить меня выпустить лорнет.

— Не ссорьтесь, барышни, — пропела я вполголоса. — Где бы теперь под этот замочек ключик раздобыть, такой хитренький — с зубцом и загогулиной по краю? Есть у кого предположения?

Девушки переглянулись и, отложив на время разногласия, набросились на меня.

— Ты, Лутеция, жадная, — сказала Эвелина.

— И неблагодарная, — поддержала ее донья Брошкешевич. — Мы тут ради тебя основы свои стихийные попарили, занимались всякими непристойностями...

Услыхав слово «непристойности», донья Гутьеррес фыркнула, демонстрируя полное презрение как к обывательским нормам морали, так и к мелким людишкам, этих норм придерживающихся. Для свободолюбивой дочери моря сегодняшний поцелуй был всегонавсего интересным опытом, или шагом на пути познания, или страстным подношением Источнику, но уж никак не бесчестным деянием. И краснела сейчас Эвелина вовсе не от жгучего стыда, а от не менее жгучей ярости.

— Спасибо, подруги, — присела я в шутовском книксене, — за помощь и поддержку, тем более приятные, что, кажется, каким-то образом вам удалось облегчить мои страдания.

Дышалось и вправду гораздо легче, и даже при ходьбе не приходилось морщиться от боли.

— Мне удалось твой пояс немного растянуть, — горделиво сообщила Агнешка. — Он у тебя на манер гарроты действует, только медленно очень.

— Гарротой же у нас казнят вроде? — переспросила я. — И на шею ее надевают, а вовсе не на галию.

— Точно. Варварский способ. Твой пояс тоже сжимается. Если регулярно не подколдовывать...

— Это за что меня медички наши невзлюбили? — ахнула я.

— Они тут ни при чем, — покачала головой княжна. — Им что выдали, в то они тебя и обрядили.

— Значит, ректор?

— Огневик? Вряд ли...

Тут в дверь опять постучали. Обе мои посетительницы вскочили с постели, лихорадочно поправляя одежду и растрепавшиеся прически.

Не дожидаясь моего тоненького «войдите!» в комнату просочилась незабвенная наставница Бланка дель Соль.

«Проходной двор какой-то», — раздраженно подумала я, лучезарно улыбаясь.

— Какими судьбами?

— Алькальд просил тебе напомнить...

Вот ведь оборотистый кабальеро господин ди Сааведра оказался. Уже пять раз сам мог бы за мной зайти. Нет, он посыльных одного за другим ко мне отправляет. Вот как разозлюсь сейчас, как вожжу под хвост поймаю...

— У меня на днях важная беседа, — донесся до меня шепот Агнешки. — В резиденции дома Акватико, в полдень.

— А мне-то что? — так же шепотом фыркнула Эмелина.

— За полчаса до этого чтоб в комнате была. Целоваться будем.

— Понравилось?

— Нет, но мне себя с самой лучшей стороны перед грандами показать надо.

— Признайся, что понравилось...

— Девушки могут быть свободны! — громко сообщила донья дель Соль, сверкнув очами.

Но ляшская княжна умела сверкать глазами ничуть не хуже.

— Я сопровождаю донью Ягг сегодня вечером! По приказу алькальда и с разрешения ректора.

— Тогда будьте любезны в данный момент отправиться... Где ты хранишь сферу воды? — обернулась ко мне ветреница.

Я довольно быстро сообразила, что толкует она о подвеске, которую давным-давно в Рутении нашла я на постоялом дворе. Наследство бедной перерожденной мэтрессы. Поэтому ответила не задумываясь:

— В шкатулке резной под кроватью.

Бланка кивнула.

— Вы слышали? Отправляйтесь туда вдвоем. Стражникам сообщите, что по моему поручению.

Эмелина зябко поежилась.

— Но ведь заклинания холода там наложены.

— Уже нет. Сегодня проводилось расследование и... Прекратите дрожать! Труп тоже убрали, так что пугаться нечего.

Мои подруги удалились, возбужденно перешептываясь.

— У нас четверть часа, — деловито проговорила Бланка, как только за ними закрылась дверь. — Пояс покажи!

Я выпятила живот и протянула наставнице лорнет.

— Понятно... Сама одеться сможешь?

— От помощи не откажусь.

Сильные руки доньи дель Соль ловко справились со шнуровкой.

— С подругами тебе повезло. Лучше Агнешки в Квадрилиуме мага воды нет.

— Я знаю.

— Про ключ я постараюсь разузнать. Ты на встречу ходила?

— На какую? У меня за последнюю неделю этих встреч было...

Я охнула, когда сообразила, что Бланка имеет в виду полуночное свидание с хозяином театра. «Вы познакомитесь с нужными людьми, очаруете короля...»

— Ваш протезе на меня впечатления не произвел, — ответила я нейтрально.

— А он старался?

— Чересчур. Необычное место и время. Пустой, но многозначительный разговор. Я на минуточку почувствовала себя актрисой на сцене, а не...

— Проженной интриганкой? — иронично заполнила паузу донья дель Соль. — И чьи интересы, по-твоему, представляет этот человек?

— Маркиз? Рискну предположить, что занимается он шпионажем в пользу доксов, которые, в свою очередь, заинтересованы в «Матери четырех ветров».

Бланка с треском раскрыла веер, пустив по комнате прохладный, пахнувший фиалками ветерок.

— Надо же, как быстро распространяются слухи.

— Так это правда? Новый источник существует?

Наставница шаловливо пожала плечами:

— Разве тебя сейчас должны интересовать подобные вещи? Мне тут одна птичка напела, что ты собиралась покинуть нас. Оставить ради большого чувства. И если бы не досадная смерть студента...

— Я собиралась предупредить.

— Не важно. Сейчас это не важно. Наш покровитель встревожен сложившейся ситуацией и в ближайшее время посетит Квадрилюм, чтобы лично во всем разобраться.

— Когда?

— В день осеннего равноденствия, на праздник урожая.

— До того времени я хотела бы избавиться от пояса.

— Я постараюсь, девочка, — тепло улыбнулась Бланка. — Но ты тоже не опускай рук. Твоя удача такова, что полезные люди выныривают, как по волшебству.

— Донью Ягг ожидает портшез. — Покрытая белым платом голова сестры на мгновение показалась из-за двери и сразу же исчезла.

Гонять медичек с мелкими поручениями считалось среди университетской публики дурным тоном, и я это мнение от всей души разделяла.

— Всем рассказывай о том, что хочешь снова почувствовать стихии, что тяжелый металл ранит кожу (это, я уверена, соответствует действительности), что заточение твоей силы несправедливо. Ведь это не наказание, тебя не за что наказывать, — размеренно поучала меня наставница.

Я послушно кивала, следуя за ней по коридору. Куда запропастилась Агнешка? На брусчатой подъездной аллее, освещенный факелами, стоял портшез, поблескивая глянецом лакированного дерева и посеребренным гербом дома Акватико. Четверо носильщиков переминались с ноги на ногу, а в тени развесистого маслячного дерева мне удалось рассмотреть силуэты лошади и человека, видимо должностящего сопровождать меня к дону ди Сааведра.

— Лутеция! — По ступеням цокотали каблучки туфельек. Запыхавшаяся водяница несла на вытянутых руках шкатулку, Эвелина семеняла следом. — У меня не получилось ее

открыть.

Я поблагодарила вежливым кивком и отщелкнула хитрый замочек. Заклинание было плевком, но не стихийным — предосторожность в наших пенатах отнюдь нелишняя. Стрекот цикад на мгновение смолк, когда я отбросила крышку. Сапфировая сфера воды лежала на самом дне, под ворохом бумаг и разной важной для любой девушки мелочовкой. Гребень, кинжал, пузатая баночка с притираниями, ароматические палочки, моток ниток, длинная костяная игла, вязальные спицы, клубок белой шерсти, полированная дубовая дощечка с вытравленным знаком...

На внутренней поверхности крышки поблескивало зеркальце. Я взглянула в него, встретив встревоженный взгляд Иравари. Демоница всплеснула когтистыми лапками и покачала головой. Недоумение мое при виде этой пантомимы длилось недолго. Зазеркальная подруга скрылась, явив мне мое отражение. Ох и страшна была донья Лутеция Ягг! Краше, наверное, в домовину кладут. Обветренные губы, лиловые синяки под опухшими от постоянного рева, потухшими глазами, бледная пергаментная кожа, которая, казалось, порвется от любого движения. Я ахнула.

— Кажется, вам следует как можно быстрее набросить морок, — интимно шепнули мне из тени масличного дерева. — Займитесь этим в портшезе, чтобы не привлекать внимания.

Я вздернула подбородок и кисло улыбнулась. Мой супруг ответил мне такой же равнодушной улыбкой.

— Дон ди Сааведра велел вам сопровождать меня?

— Истинная правда, — покладисто ответил Дракон, поглаживая лоснящийся круп лошади. — Вашей дуэнье я могу предложить отправиться верхом.

Если Агнешка и обиделась на «дуэнью», то вида не показала. С самым скромным видом приблизилась она к Владу, ожидая, видимо, что он поможет ей сесть в седло. Седло было мужским, глубоким, и я догадалась, что поедет в нем княжна отнюдь не в одиночестве. Я скрипнула зубами.

— Бери свою сферу и отправляйся, — поторопила Эмелина. — Я шкатулку у медичек оставлю, по возвращении заберешь.

Мне очень не хотелось отдавать зеркало, но держать на коленях набитую хламом коробицу тоже не улыбалось.

Я потянула за тоненькую цепочку и спрятала подвеску в рукаве, затем извлекла деревянную дощечку.

— Эмелина, не в службу, а в дружбу...

Уголком глаза я видела, как напряглась Иравари. Деревяшка, оказавшаяся сейчас в моих руках, была личным дворянским знаком, и именно за нее я отвалила кабальеро Изиидо немаленькую сумму. Потому что просто изменить внешность на мужскую было недостаточно, мне нужно было право договариваться, вести торговлю, брать в долг у ростовщиков. Женщина, даже мэтресса, всех этих возможностей была лишена. Мануэль, встреченный мною в портовом трактире во время вылазки в Нижний город, подходил для моих целей идеально. Он был холост, не обременен возлюбленной и близкими друзьями, родители его обитали в провинции и навещать отпрыска в столице не собирались. К тому же кабальеро был беден, как помойный кот, и почти так же жаден. Он, не задумавшись ни на мгновение, уступил свое имя на год, пообещав разыскать меня по истечении срока. Время пришло.

— Если будет меня спрашивать некий элорийский дворянин... — протянула я дощечку Эмелине.

— Изиидо? — по слогам прочла соседка травленную вязь. — Я с ним знакома, обязательно передам. А ты что, не собираешься в университет возвращаться?

Я не стала сообщать девушке, что знакома она с несколько другой ипостасью бесшабашного кавалера.

— Эмелина, я не знаю даже, что произойдет со мной через час. Если до моего возвращения Мануэль не объявится...

— Объявится, он уже давненько тебя разыскивает. И сегодня приходил. Только я тебе не сообщала, рассудив, что твоего внимания требуют дела более неотложные.

Мне стало невероятно стыдно. Ведь я собиралась бежать из Кордобы, не задумываясь об обязательствах.

— Отправляйтесь уже, — устало поторопила нас Бланка, все это время чинно ожидающая в отдалении. — Сколько можно?

— Еще минуточку, — пробормотала я, глядя в зеркало. Иравари махала руками, пытаясь привлечь мое внимание. Как мне сказать ей?

— А это кто, — повела подбородком Эмелина, — который с Агнешкой любезничает?

— Маг воды, — уверенно ответила за меня Бланка. — Причем...

Тут донья дель Соль взвизгнула абсолютно неприлично и одним длинным прыжком кинулась на шею вышеозначенному магу. Влад, слегка покачнувшийся под таким напором, все же заключил Бланку в объятия.

— Почему ты не предупредил?! — поскуливала радостная ветреница. — Я была уверена, что ты на континенте.

Дракон что-то отвечал, но я не слушала.

— Это валашский князь, — сообщила я Эмелине, уголком глаза кося в зеркало. — Мой бывший возлюбленный.

— Тот самый?! — ахнула соседка. — С которым ты... Инициация?

— Именно. Только главное слово здесь — бывший. Мы расстались.

— Он тебя бросил?

Демоница в зеркале очень четко проартикулировала: «Дура!»

Я кивнула, отвечая обеим. Да, он меня бросил. Да, я дура. Что еще скажешь? Как там у модного поэта говорится? «Ах, любовь, ты прошла, словно ветер! Ах, любовь, ты исчезла навеки!»

— Какой мужчина! — протянула мечтательно соседка. — Если ты не собираешься его возвращать, я, пожалуй, попробую атаковать.

— На здоровье, — разрешила я. — Только тебе придется разогнать окружающий его курятник.

Эмелина расправила плечи и лучезарно улыбнулась.

— Для начала необходимо разузнать, как долго в столице пробудет этот господин и где он остановился.

Соседка отправилась на штурм, а я юркнула в портшез и уставилась в зеркальце.

— Что произошло? — негромко спросила Иравари. — Ты обещала не влипать в неприятности.

— Не удалось. То есть выпалась я хорошо, а вот с неприятностями...

Я быстро сообщила демонице новости. В окошко портшеза мне было видно лошадь. Любезная беседа, отголоски коей доносились до моих ушей, настроения мне почему-то не улучшала.

— Значит, ты успела познакомиться с личным демоном князя, — загибала украшенные разнообразными колечками пальцы моя зазеркальная подруга. — Исполнить

супружеский долг, как я подозреваю — неоднократно, сбежать от мужа, найти труп, подвергнуться аресту и развестись?

— Нет, развестись не успела, но за этим дело не станет. Князь всячески подталкивает меня к подписанию бумаг.

— Понятно, — протянула демоница. — Хотела бы я тебя утешить, но не могу. Ленинел очень встревожен вашим с Драконом разрывом.

И тут я поняла, что все действительно кончено. Где-то в глубине души я надеялась, что это просто недоразумение, ссора, которую можно разрешить долгим разговором, извинениями и объяснениями. Но если Иравари говорит...

— А ему какое дело? — шмыгнула я носом. — Ленинелу твоему?

Демоница пожала плечами:

— Говорит, ты забавная.

— Сам он забавный, поганка зеленоволосая.

— Значит, первым делом надо с тебя пояс снять, — не поддержала мою обличительную речь Иравари. — А то деформируется твоя сила, потом управлять ею не сможешь. Говоришь, вода запирает? Ну так попроси дону Акватико в счет приданого обряд провести.

— Какого приданого? — испугалась я.

— Ты что, не в курсе? Клан Терра в лице твоего незабвенного дедули отдает тебя замуж в дом Акватико.

— А моего мнения старый сморчок спросить не удосужился?

— У тебя день грибных ругательств сегодня? — разозлилась Иравари. — Сморчок, поганка... Давай сядем и над твоей нележкой судьбой порыдаем. Времени же у нас хоть ложкой ешь!

Я хватала ртом воздух.

— Молчи уж, бестолочь, — продолжала бушевать Иравари. — Если хотела спокойной жизни, надо было в Рутении оставаться! Полезла своим пяточком в калашный ряд — будь добра соответствовать!

Портшез заходил ходуном. Видимо, милая беседа наконец закончилась, и носильщикам было велено отправляться. Интересно, Агнешка сидит сейчас в седле вместе с князем, обмирая от мужской близости? А шкатулку Эмелина у меня забрать забыла...

Я слегка отодвинула занавеску. Мимо степенно проплывали едва освещенные стены домов. До паляссо дель Акватико дорога была не близкой.

— Не реви! — приказала демоница, выхватывая из воздуха лист пергамента. — Сходишь замуж, тебе не привыкать. Супруга тебе подобрали на редкость безобидного, даже не мага.

Она взмахнула рукой, расправляя лист.

— Смотри!

Да уж, назвать дону ди Сааведра миленьким могла только моя зазеркальная подруга.

— Я на него скоро и так посмотрю, — фыркнула я. — Это же алькальд наш новый, к нему на встречу я и направляюсь. А дед все равно сморчок.

— Как скажешь, — забирая пергамент, заявила Иравари. — Жених наш, судя по слухам, кабальеро страстный и в любовной науке поднаторевший.

— Фехтовальщик он еще хороший, — кивнула я. — Только...

— Перестань! Утешать тебя не буду, и не надейся. За свои ошибки нужно отвечать. Если бы ты...

Она еще что-то говорила, но я уже думала о совершенно других вещах.

— Иравари! — прервала я страстную тираду. — Не могла бы ты отвлечься от моих любовных дел и бухгалтерию свести?

— Это так срочно?

— Да. Я собираюсь закрыть все элорийские аферы как можно быстрее. Будем новую жизнь начинать.

— Ну в принципе с твоими финансами это будет не сложно. А где? На континенте?

— Есть у меня одна задумка, я тебе потом сообщу, — деловито сказала я. — Закончим дела и можем отправляться.

— А как же университет? И что скажет твой покровитель?

— Как-нибудь без диплома проживу. Это ответ на первый вопрос. А по второму... Мне все надоело, я же не раба, в конце концов, могу свою жизнь по своему разумению обустроить.

— Хорошо. Вот такой ты мне нравишься. Теперь огласи мне список оставшихся дел.

— Во-первых, я должна найти убийцу Игоря, а во-вторых...

Портшез покачнулся, шкатулка на коленях заходила ходуном.

— После договорим, кажется, мы прибыли.

— Удачи! — шепнула Иравари, прощаясь.

На разноцветную мозаику подъездной дорожки я ступила неуверенно. В дороге меня растрясло, как ту «лягушонку в коробчонке», да и громоздкая шкатулка, которую я с независимым видом держала под мышкой, ловкости мне не добавляла.

По двору сновала целая толпа слуг — помогающих, встречающих, принимающих лошадь, расстилающих ковер под ноги прибывших. Мои каблучки моментально увязли в длинном ворсе. Ночной ветерок играл листьями финиковых пальм и разносил по двору сладковатые мускусные ароматы. Почему-то невероятно захотелось есть.

Влад спешил первым и подал руку спутнице. Агнешка приняла услугу с притворной скромностью, не забыв бросить призывный взгляд из-под опущенных ресниц. Курица, ёжик кот! Я перехватила шкатулку поудобнее и отвернулась. «Курочки бы сейчас или свининки копченой ломтик пожевать!» Неожиданно вернувшийся аппетит я расценила как предвестник абсолютного выздоровления. «В конце концов, дорогая донья Лутеция, вечной любви вам никто не обещал, так что в обмане винить некого. Время лечит и все такое... И плакать при нем не смей! Ты уже не деревенская колдунья, а дама во всех отношениях солидная». Уговаривая себя подобным образом, я рассеянно поглядывала по сторонам.

Паляссо дель Акватико был, пожалуй, самым грандиозным сооружением Кордобы. Расположенный почти у черты города, он расползался своими толстыми стенами, высокими башенками и длинной извилистой галереей по поверхностям прибрежных скал. Донжон дворца возвышался подобно чудовищному маяку на фоне темно-фиолетового ночного неба.

Агнешка, вдруг вспомнившая о своих обязанностях, подошла ко мне:

— Ты не будешь возражать...

— Делайте все, что вам будет угодно, — раздраженно ответила я. — Любитесь, женитесь, размножайтесь! Совет да любовь!

— Я намеревалась помочь тебе со шкатулкой, — недоуменно пояснила водяница. —

Князь думает, что в ней у тебя зеркало.

— Даже если так? Его сиятельство хочет поправить локоны?

Влад прислушивался к разговору, иронично приподняв бровь.

— Во дворец Акватико запрещено проносить зеркала, — терпеливо объясняла Агнешка, кажется, удивленная моим поведением. Я думала, ты об этом осведомлена. В конце концов, студентам читают ознакомительные лекции о других стихиях.

— Вы позволите? — Дракон, преодолев небольшое сопротивление, отобрал мою ношу. Зеркальце блеснуло в свете факелов, и мне показалось, что Иравари заголошнно пытается набросить на себя какую-то завесу.

— Донья Брошкешевич, — медово проговорил князь, — не будете ли вы столь любезны показать нам дорогу? Мы с доньей Ягг последуем за вами в некотором отдалении. А зеркало... Что ж, мы у крыльца передадим его слугам.

Голубые глаза княжны затуманились, будто оконные стеклышки в мороз.

— Конечно, как вам будет угодно...

Наша небольшая процессия двинулась по ковровой дорожке.

— Почему именно вы сопровождаете нас? — светски спросила я, прикидывая, что никакого морока натянуть на себя уже не успею, так страхолюдиной и прохожу. — Неужели у Дракона нет других дел?

— О, это просто дань уважения сиятельному дону Акватико. — Влад нес шкатулку перед собой, будто позабыв захлопнуть крышку. — Являясь, как вы знаете, магом воды, я попросил убежища в своем стихийном доме. Так что, некоторым образом, вы, дорогая донья, находитесь в гостях и у меня.

Долгих десять шагов мы молчали, долгих десять ударов моего сердца.

— Я хотела попросить прощения.

— Не стоит, — прервал меня спутник. — Вы использовали меня. Не скрою, эта роль была для меня непривычна, но бесценный опыт, который я приобрел...

— Что значит — использовала? — шепотом воскликнула я. — Вы, человек, который всегда преследовал в наших отношениях только свои интересы, смеете меня в этом обвинять?

— Не обвинять, — блеснули зубы в злой усмешке. — Я смею выразить вам свое восхищение, Лутеция. На некоторое недолгое, но сладостное время я поверил в искренность ваших чувств и, представьте себе, действительно собирался похитить вас из Элории, презрев свои интересы. К счастью, мое ослепление не зашло далеко. Благодаря вам, любезная донья. Своим поведением вы недвусмысленно указали мне на мои заблуждения.

— Князь, вы дурак, — устало прошептала я.

— А вы интриганка.

— Один — один.

— Желаете отыграться?

К этому моменту мы уже подошли к колоннам крыльца. Агнешка беседовала с представительным мужчиной в серебристой ливрее.

— Игры кончились! — зашипела я. — Отдайте шкатулку!

Он попытался увести короб из-под моих рук; я сделала резкий шаг, крышка захлопнулась. Влад вскрикнул — кованый замочек прищемил подушечку пальца. Струйка крови потекла по полированному дереву. — Ну вот, теперь придется ее

чистить, — раздраженно бросила я, передавая многострадальную шкатулку серебряннику.

— Сохраните ее, уважаемый. Мне хотелось бы со временем получить ее назад.

Господин корректно пообещал проследить за сохранностью моих вещей. Дракон молчал, запеленывая палец в шелковый платок. Так тебе, злыдень, и надо!

Агнешка Брошкешевич, ляхская княжна, была кем угодно, только не дурачком. И хотя ее голубые, как горные озера, очи и золотистые локоны ввели в заблуждение не одного благородного кабальера, свои шаги стихийница умела рассчитывать с ювелирной точностью. Поэтому, когда во дворе Квадрилума повстречала она таинственного незнакомца, бросающего страстные взгляды в сторону Лутеции Ягг, которая, кажется, вообще ничего вокруг себя не замечала, Агнешку осенило: вот он, шанс, как называют его галлы, — великолепная возможность быстро поправить свое положение. Еще в детстве, деля огромную сырую спальню Казимижского замка с шестью сестрами (ибо плодовитость князя Витольда уже вошла в народные предания наравне с его бедностью), Агнешка решила, что никогда не будет испытывать лишений. Ни за что, ни за какие коврижки. В славной блондинистой головке, в которую также с детства, наравне с точными науками, вбивались геральдические знания и генеалогия всех княжеских семей континента, за считанные секунды родился чудесный план. Инкогнито синеглазого кабальера было раскрыто без труда. И Агнешка, приблизившись к мужчине, прошептала по-романски:

— Низкий поклон сиятельному Дракону.

Князь вздрогнул, на мгновение оторвав пылающий взор от бледной ветреницы, и приветливо улыбнулся.

— Мы знакомы?

— Не смею надеяться. — Знания романского ограничивались у Агнешки всего одной-двумя фразами, поэтому беседу она предпочла вести на элорийском. — Когда вы гостили в Казимижском замке, вряд ли обратили внимание на чумающую девчонку.

— Так вы одна из дочерей князя Витольда? — весело осведомился Дракон. Ноздри точеного носа дрогнули, как будто пытались уловить какой-то аромат. — Мэтресса воды? Не могу передать, как меня радует наша встреча, ваше высочество.

— Агнешка. Друзья называют меня так.

— Почту за честь, ваше высочество, — низко поклонился Дракон, но называть себя по имени не предложил.

Донья Брошкешевич облегченно вздохнула. Адюльтер в ее планы нисколько не входил, поэтому то, что валашский господарь несколько дистанцировался, ее обрадовало.

— Я не удержусь в седле без вашей помощи.

— Мы решим эту проблему, — улыбнулся князь.

Продолжить ему не дали — в разговор благоухающим вихрем ворвалась донья Бланка дель Соль.

— Почему ты не предупредил меня? Я была уверена, что ты на континенте! Влад! Как я рада нашей встрече!

Уголкем глаза Агнешка заметила, как напряженно прислушивается к их разговору Лутеция. «Кажется, мне придется стать наперсницей влюбленных, — весело подумала княжна. — Любопытно, какая кошка между ними пробежала и почему они делают вид, что едва знакомы? Это какое-то представление для посторонних глаз? А остальные дамы? Ну, с Бланкой все как раз понятно — она была студенткой примерно в то же время, что и Влад Дракон, так что отношения их должны связывать самые дружеские. А вот интерес Эмелины надо пресечь в зародыше. Эта вершина ей не по силам».

Бланка вырвала у князя обещание скорейшего свидания и удалилась. Эмелина, взволнованно дыша, осталась у подъезда, провожая портшез и двух всадников завистливым взглядом. Агнешка, сидящая в седле перед Владом, рассеянно помахала ей рукой.

— Я приглашена ко двору Акватико в качестве одного из магов, — сделала первый ход ляхская княжна.

— Мои поздравления. Для юной девы это немалая удача. Большой шаг во взрослую жизнь.

— Вы действительно так думаете? — иронично переспросила Агнешка. — Девушка, да еще иностранка, среди элорийских аристократов может добиться большего?

Влад не ответил. Рассмотреть выражение его лица не представлялось возможным, поэтому княжна тоже замолчала.

Свою будущность, несмотря на браваду в разговорах с другими студентками, она прекрасно себе представляла. Донью Брошкешевич придержат до поры до времени, чтобы в удобный момент использовать в качестве разменной монеты в борьбе четырех домов. Родственной поддержки у нее в Элории нет, поэтому в самом лучшем случае ее выдадут замуж за представителя другого дома для укрепления межстихийных связей, а в худшем...

— До острова доходят слухи, что на континенте вы открываете новые учебные заведения, — не выдержала, наконец, девушка, ощутив затылком движение мужской груди. Всадник то ли засмеялся, то ли вздохнул. — Я бы хотела просить у вас место в одном из них.

— Вы хотите обучать студентов?

— Я хочу стать ректором лучшего в мире университета. Вы можете возразить мне, что я еще слишком молода, но надо же с чего-то начинать.

— Вы разумная девушка, — благосклонно отвечал князь. — Но я не могу вам сейчас ничего обещать. Мне нужно больше информации для принятия столь серьезного решения.

— Я понимаю и буду ждать столько, сколько понадобится. И пусть сиятельный Дракон будет уверен: я сумею доказать ему свою преданность.

Князь подобрал поводья и склонился к ушку прелестной доньи.

— Тогда начните доказывать ее прямо сейчас.

Агнешка замерла. Пока в ее воспаленном воображении проносились картины разной степени пристойности, на каком-то другом уровне сознания велась кропотливая, почти математическая работа. На записного сердцееда князь не походил, а походил он на осторожного игрока, шаг за шагом разыгрывающего сложную комбинацию. Он проверяет ее?

— В данный момент вы слегка растеряны, князь, не понимая, почему ваши стихийные силы не спешат восстанавливаться, — холодно проговорила княжна. — И можете не тревожиться, на ваше сердце я претендовать не намерена, как и на вашу руку.

Дракон облегченно засмеялся и отпустил повод. Лошадь замедлила шаг.

— Не могу передать, как приятно слышать мне ваши слова, любезная донья Брошкешевич. Причину моей тревоги вы определили точно. Я восхищен.

— Тогда, рискуя усилить ваш восторг, сообщу вам, что некто хитростью или по случайному стечению обстоятельств лишил вас силы воды.

— Каким образом?

— Если верить слухам, наша общая знакомая была инициирована неким могучим

колдуном. Мы с вами знаем, что природа инициации такова, что в момент ее происходит обмен силами, когда более сильный маг отдает действию все свои силы без остатка...

Слова подбирались с трудом, Агнешка очень старалась не сбиться на простецкую площадную ругань.

— Затем, со временем, инициированный возвращает позаимствованную силу с процентами. Только наша с вами, князь, общая знакомая этой возможности лишена. По приказу ректора на нее надели магический пояс.

Восклицание Дракона относилось к тому самому виду площадной ругани, которую порядочной девушке понимать не полагалось. Поэтому покрасневшая Агнешка сделал вид, что она ничего не слышала.

— Благодарю вас, княжна. Сейчас вы на шаг ближе к ректорскому креслу, — наконец проговорил Влад.

— Значит, я могу считать договор между нами заключенным? Должность в обмен на преданность?

— О да, я могу вам это обещать.

— Но ваша теперешняя слабость, князь, видна любому магу воды, — настойчиво продолжала девушка. — Нити силы как будто избегают вас. Может быть, я могла бы каким-то образом...

Ей припомнились поцелуи Эмелины, которыми та усиливала ее магию, и Агнешка снова покраснела.

— О нет, моя дорогая сообщница. Люди обожают чужую слабость, особенно когда ей подвержен некто могучий и грозный. Роль жертвы мне даже нравится. Мы продолжим наш разговор в другое время и в более подходящем месте. Мы почти прибыли. И, донья Брошкешевич, отберите у вашей подопечной зеркало, в которое она так сосредоточенно любовалась всю дорогу. Дом Акватико не терпит зеркал. Да, да, оно в увесистой шкатулке, с которой донья Ягг не пожелала расстаться.

Агнешка изящно спешила и отправилась исполнять поручение. Новый работодатель ей импонировал не в пример больше истеричного дона Акватико.

Когда танцы вокруг шкатулки, устроенные неугомонной Лутецией, завершились, ветреница стала подниматься по ступеням.

— Сохраните ее, уважаемый. Мне хотелось бы со временем получить ее назад.

Валашский Дракон оглянулся на мажордома.

— И не пытайтесь ее открыть. Заклинаю Источником, даже не пробуйте.

Бумаги я подписала, почти не вчитываясь. «Некие», ёжкин кот, бумаги. Алькальд так их именовал, как только появился на пороге крошечной приемной залы, в которой я рассеянно ощипывала лепестки роз. Ваза была большой, букет обширным, время... Его тоже было более чем достаточно. Влад, не прощаясь, исчез уже на первом лестничном пролете. Разговаривать с Агнешкой мне не хотелось, и она скромно сидела в уголке, излучая такое довольство жизнью, что вызывала только желание вцепиться ей в волосы. Поэтому я скрипела зубами и портила цветы в ожидании, когда мне поднесут на подпись документы.

— Не соблаговолите ли вы, Лутеция, подписать некие бумаги?

Я по-новому взглянула на своего, если верить Иравари (а не верить ей у меня причин не было), жениха. Ну, правда — нормальный мужик. Не красавец писанный, но и не урод. Что-то такое в нем было, что наверняка заставляет замирать сердечки элорийских чаровниц. Усы вот только... Я мысленно сбрила дону ди Сааведра растительность на лице и мысленно же полюбовалась делами рук своих. Но, увы — вместе с усами пропало некое

разбойничье очарование, алькальду присущее. Ах, пусть ходит, как хочет — в конце концов, мне с ним не целоваться, так что и тревожить меня это не должно.

Я раздраженно прикусила кончик пера. Пера? Мамочки, мне же «некие» бумаги подписывать надо, а не мысленным мастерством цирюльника развлекаться.

«Донья Лутеция Ягг, с одной стороны, и маркиз де Карбабас, с другой стороны...»

— Это, извините, что такое? — Я обвинительно наставила перо в сторону алькальда. — О чем идет речь в документе, который я сейчас читаю?

— О владении театром, — добродушно улыбнулся кабальеро. — На днях меня посетил некто, представившийся доном Хуаном (его дальнейшее прозвание я, к сожалению, не запомнил), и принес на заверение купчую. Со стороны продавца уже все подписано и заверено печатью, расписка о получении договоренной суммы прилагается. Так что позвольте вас поздравить, моя дорогая. С этого момента вы полноправная владелица целой труппы лицедеев. Более того, помещение, которое снял оборотистый кабальеро Хуан...

— А дон Хуан — это такой светловолосый голубоглазый господин, который, чтобы войти в помещение, поворачивается боком и слегка пригибается? — перебила я алькальда. — Он у вас перед лицом платочком с вышитыми петушками не размахивал?

Ди Сааведра удивленно кивнул в ответ на первое предположение и решительно возразил на второе. Ну, хоть без петухов на этот раз обошлось. Я заскрипела пером. Ну, Ванечка, человечие ты... Честный-то какой! Денежки не прикарманил, а все в дело пустил, да еще и аристократической поддержкой доньи дель Терра, то есть моей, заручился. Ловкач! Надо было сумму поменьше ему давать, чтоб на выкуп целого театра не хватило, а только на двух страдальцев. Я потянула цепочку, вытаскивая из-за ворота личную печать, и приложила ее к пергаменту. Что ж мне с вами, лицедеями, теперь делать прикажете? Эх, недаром пословица народная говорит: «Во многих владениях много печалей». Вру, нет такой пословицы, это я ее сама только что сочинила. Но ведь к месту? И к тому же я тоже народ. Поэтому на сочинение пословиц, а также поговорок, потешек, считалок и пыхтелок право имею. Эх, попадись мне этот дон Хуан сейчас, на косую сажень в плечах не погляжу — таких оплеух надаю!

— Кабальеро еще передал вам письмо, — предупредительно посыпая мои каракули песком, сообщил алькальд. — Оно на рутенском, видимо, чтобы сообщенные в нем сведения не достигли посторонних глаз.

Я усмехнулась про себя. Судя по информированности доня ди Сааведра, предосторожность Ванечки лишней не была. Я рассеянно пробежала глазами убористые строчки. Ничего тайного, о прибыли мне сообщают. За неделю они умудрились провести четыре представления и получить вперед за спектакль в честь праздника Урожая. С ректора, заметьте, получить! С мэтра Пеньяте! Вперед! Мое уважение к Ванечкиным деловым качествам выросло по прочтении отчета безмерно.

Аккуратно свернутые бумаги опустились в мой рукав. В ближайшее время надо будет лицедеев посетить — разобраться, что к чему, да выяснить, не замыслил ли прежний хозяин каких темных делишек.

— Благодарю вас, любезный дон ди Сааведра.

— Пустое... Освидетельствование подобных договоров является одной из моих обязанностей.

Я поднялась со всем доступным изяществом, побряхтывая от усилий. Агнешка предупредительно поддержала меня под локоть.

— Желаете отдохнуть перед ужином?

Взгляд льдисто-серых глаз алькальда ощущался щекоткой на скулах, плечах, от подбородка до кончиков пальцев. Опасность! Какой, к лешему, отдых? Бежать надо, да так, чтоб только пятки...

— Желаем, — ответила за меня Агнешка и ойкнула, ощутив, как мой каблук наступает на

ее ножку. — Лутеции нужен отдых.

Не знаю уж, какие великие планы на ближайшее время были у дона ди Сааведра, но Агнешка их пресекла на корню. Вежливо отказавшись предоставить меня заботам алькальда, отдала распоряжение слугам и под руку дотащила меня до какой-то полутемной спальни. Я без сил упала на застеленную атласным покрывалом кровать.

— В полночь, говорят, звездопад намечается?

— После ужина будем им на террасе любоваться, — ответила водяница, ослабляя шнуровку моего платья. — Тебе для полного счастья зрелищ недостает?

— Желание загадать хочу заветное, — серьезно ответила я. — Чтоб distinguished мэтр Пеньяте в таком же поясе, в который меня обрядить велел, сам пожил — недолго, седмицы две всего.

— А потом?

От прикосновений тонких пальцев девушки мне стало немного легче.

— А потом я на его могиле летку-енку сбациаю!

— Неужели все настолько плохо? — В серебристом голоске мне послышалась искренняя тревога. — Может, тебя обрадует, что Дракон осведомлен о твоих затруднениях?

— Рыдаю от счастья! — фыркнула я. — Валашский господарь мизинцем не пошевелит, если в том его выгоды не будет.

— Не плачь, ну не плачь, пожалуйста. Он что-нибудь обязательно придумает. В конце концов, его сила вместе с твоей заперта.

Я приподнялась на локте и грозно шмыгнула носом.

— Мне приятно твое сочувствие, только я князя давно знаю. У него этой силы — хоть ложкой ешь. Знаешь, какие он чудеса при мне вытворял?

— Какие?

Водяница сосредоточенно творила какую-то волшбу.

— Ты, Лутеция, подробно мне про его чародейства рассказывай. И не шевелись пока. Говори, только не дергайся. На спину ляг, вот так... Расслабь члены...

Я прикрыла глаза.

— Агнешка, ты единорогов когда-нибудь видела?

— Нет. А ты?

— А я видела, и князь наш мне в этом немало поспособствовал...

История моя выходила запутанной и многословной. Воспоминания о зеркальных лабиринтах, тысяче радуг, индриковом племени, которое вернулось в наш мир, духе серебряного озера и старой колдунье извергались из меня бурным потоком.

— И оказывается, вассальную клятву поцелуем скреплять требовалось. Вот тогда я первый раз увидела, как двое мужчин целуются.

Агнешка расхохоталась и прилегла рядышком.

— А сегодня твое образование пополнилось еще и зрелищем целующихся женщин. Что, донья Ягг, можешь теперь сказать, что все в этой жизни повидала?

— Не могу. В этом мире еще столько всего! И не только в этом мире — есть же и другие... У меня планов-то громадье.

— Я тоже многое успеть хочу, — кивнула княжна. — Только в Элории у меня это не

получится...

Тихая дрема исподтишка утаскивала меня в далекие дали. Магичкой Агнешка была отменной — своей железной сбруи я почти уже не чувствовала. Скрыть протяжный зевок не получилось.

— Я тебе столько всего наговорила, кроме главного: не рассказала, какой Влад сильный колдун.

— Великий колдун Влад Дракон, — так же сладко зевнула девушка. — Пример для подражания... Ходят слухи, он женат?

— Ненадолго. Как только его случайная супруга соизволит с ним поговорить, будет твой эталон свободен как ветер.

— Ну, значит, ты эта «случайная супруга» и есть? Демон тебя раздери, Лутеция, я из-за твоих секретов кругленькую сумму товаркам проспорила!

— Никто ничего не знал! — обиженно возразила я. — И не узнал бы никто, если бы...

— Наивное дитя! Что значит — никто? На твои поиски лучшие боевые маги направлены были. Ты, что ли, с каждого клятву молчания требовала?

— Нет, но...

— Кому надо было, тот осведомлен, уж будь уверена! Погоди... Ах, какая комбинация! Почему мне сразу это в голову не пришло?

Я села на постели и уставилась на раскрасневшуюся водяницу.

— Поделись мыслями! Ну, давай же, не томи! Что за комбинация?

Агнешка вскочила на ноги и взволнованно заходила по комнате. Каблучки туфель отбивали веселую дробь, как бы отмечая важность всего сказанного.

— Что у нас имеется? Один великий колдун и...

— Кто еще?

— А больше никого не надо. На нашем великом колдуне лежит печать запрета, поэтому, если хочешь его где-нибудь запереть, лучшего места, чем остров Элория, не сыщешь. Попасть он сюда попал с чьей-то помощью, но это сейчас не важно. Значит, цель номер один — заманить — достигнута. Цель номер два — лишит магических сил. Тоже исполнено. По удачному стечению обстоятельств на этом острове оказывается возлюбленная великого колдуна, и он не в силах сдерживать страсть... Лутеция, прекрати меня с мысли сбивать! Твои чувства мы сейчас не обсуждаем! Колдун инициирует свою... ну, хорошо, не возлюбленную — девушку, просто девушку, и на время теряет свои силы. И тут приходит черед цели номер три — сделать так, чтоб магические силы к нему не вернулись. На девушку надевают пояс, и сила воды надежно заперта!

Я следила за мыслью Агнешки с открытым ртом.

— Что скажешь? — горделиво спросила та, останавливаясь напротив. — Разве я не умница?

— И дальше что?

— А дальше я сделаю такую головокружительную карьеру на континенте, что все местные колдунишки лопнут от зависти!

— Я не о том. С Драконом что? Он здесь, он обессилен. Что дальше намеревается сотворить с ним этот «великий комбинатор», чьи планы ты сейчас так правдоподобно изложила?

— Не знаю, — пожалала плечиками княжна. — Но обязательно выясню. Мне очень хочется с этим человеком поговорить, свое восхищение выразить.

Слышала я, что любой мастер, который в своем деле поднаторел, становится странноватым. Сейчас передо мной стояло и притопывало в нетерпении живое тому подтверждение. Комбинаторша ляшская!

Вся дрема слетела с меня в мгновение ока. Какой сон, когда тут такие дела творятся!

— А ты, оказывается, не только в магии сильна, донья Брошкешевич! Выражаю тебе свое восхищение. Bravo!

Довольная Агнешка ответила мне шутовским поклоном.

— Надо теперь Дракону об этом всем сообщить.

Я не возражала.

— Когда беседовать с ним будешь, разузнай, пожалуйста, зачем он в Кордобу явился, кто ему эту мысль подсказал.

— Непременно. Тогда мы сможем понять, кто за всем этим стоит. А ты...

— А я в уголке посижу, — усмешка получилась кривоватой, — с семечками. У меня, любезная донья, ворох других дел, никак с валашским господарем не связанных. Так что сами свои проблемы решайте, коллегиально, так сказать, внутривосточийно.

— Об Игоре ты позабыла, что ли?

— А убийство-то здесь при чем? — раздраженно переспросила я и чуть не зашипела, осознав собственную глупость. Если бы не смерть романского ветреника, ничего бы не было — ни дознания, ни ареста. — Не отвечай! Я поняла. Только никто не знал, что я в Квадрилюм вернусь — ни единая живая душа. Это просто случайность.

— Ну, ну... — покачала головой собеседница. — А ведь если на мгновение допустить, что это ты за всем стоишь... — И движением руки заставив меня подавиться возражениями, продолжала: — Некая донья, подвижная чувством мести, вызывает своего супруга, проводит с ним ночь, а затем виртуозно разыгрывает роль жертвы, запирая в себе всю отобранную у Дракона силу. Здорово, правда? А что же теперь? Убить мерзавца, пока он развода не добился, и самой на трон взойти. Вдовствующая императрица Лутеция. Звучит?

И тишина, тяжелая и душная, повисла между нами в этот момент. Потому что получалось, ёжкин кот, очень складно. Я и так и эдак вертела в голове известные мне факты, и при любых раскладах история, только что придуманная ляшской княжной, выглядела очень достоверной. Выглядела бы, если б я была не я, а некто более практичный и бессовестный.

— Тебе нужно аудиенции у его величества Карлоса Первого добиваться. Ему в литературных трудах такие трагические сюжеты очень быгодились.

— По крайней мере, так получается гораздо интересней, — не обиделась водяница. — А то мэтр Пеньяте в роли главного злодея смотрится несколько бледновато.

— Конечно, оскорбленная женщина и жажда мирового господства выглядят не в пример ярче.

Агнешка хихикнула. Кажется, моя новая подруга относилась к тому типу людей, для которых осознание собственного ума было самым большим жизненным удовольствием. Что ж, пока крошечное самолюбование не раздулось в отвратительное высокомерие, я готова относиться к этой черте характера с симпатией.

— Думаешь, мы достаточно отдохнули? — поднялась я с кровати. — Мне хотелось бы побеседовать с доном Акватико как можно быстрее.

— Не терпится познакомиться с будущим тестем?

Я промолчала. Надо же, все обо всем знают. Все, кроме меня. Чем вообще моя личная демоница занимается? Почему заранее не предупредила? Хотя, если припомнить,

сколько непривычных обязанностей свалилось за последний год на бедную Ирвари, ничего удивительного...

Агнешка сосредоточенно поправляла мои волосы. В отсутствие зеркал ее помощь была просто неоценимой. Сама донья Брошкешевич выглядела превосходно. Локоны, разделенные прямым пробором, обрамляли круглое личико и изящными волнами спускались на отложной плечевой воротник. На платье не было ни складочки, будто минуту назад прошлись по нему раскаленным валиком. А еще княжна была свежа, как утренний ветерок, и глаза ее сверкали, и алели губы, и когда она улыбалась, на щеках появлялись восхитительные пикантные ямочки.

— Чего смотришь? — Золотистые брови вопросительно приподнялись.

— Любуюсь, — не стала скрывать я. — Ты очень хорошенькая.

Ее взгляд стал внимательным, будто водяница пыталась разглядеть, не шучу ли я.

— Тогда понятна твоя привязанность к зеркалам.

— Поясни.

Я сделала несколько пробных шагов по комнате, оглянув туалетный столик, и подошла к окну. Огромная луна нависала над зубчатой стеной замка.

— Раз ты такая поклонница красоты, на свое отражение ты должна смотреть ежесекундно. Не понимаешь? — Агнешка серебристо рассмеялась. — Мы в университете с девушками спорили, кто ты, донья Ягг, — задавака или дурочка. Не может ведь женщина не осознавать всей своей силы. Или может?

Я пожала плечами, не оборачиваясь. Силуэт стражника медленно двигался вдоль стены.

— Интересно, в палатке дель Акватико подземные ходы есть? Не может не быть — песчаник порода ноздреватая, всяким изменениям подверженная. Вон за той стеной — в скалах — должен быть удобный проход к морю. Потому что где море, там и лодки. А где лодки — там контрабандисты, людишки морской удачи...

— Ты уходишь от разговора! Не хочешь говорить о своей красоте? Смущаешься?

Я провела рукой по слюдяным стеклышкам.

— Глупости все это, донья Брошкешевич, пустое...

— Ну почему же. Женская прелесть — это тоже оружие. Многие войны в древности происходили из-за женщин. Из-за красивых женщин.

— Нет, — горячо возразила я. — Это уже потом менестрели да сказители историю приукрасили. Потому что народу приятнее думать, что не на жажде власти да выгоде все держится.

Агнешка опять расхохоталась.

— Девушка с разбитым сердцем! Это обида в тебе говорит. Тебе сейчас кажется, что ты всю грязь жизни постигла. Представляешь себе эдакой пресыщенной дамой. А на самом деле...

— Прошу тебя, перестань. Я не хочу это обсуждать!

От продолжения неприятного разговора меня спас слуга. В дверь постучали, и ливрейный господинчик пригласил нас следовать за ним. Я рванула к выходу, как лошадь к водопою.

— А на самом деле из-за таких, как ты, Лутеция Ягг, войны и случаются! — оставила за собой последнее слово Агнешка. — И когда в следующий раз задашься вопросом, зачем Влад Дракон примчался в Элорию, просто посмотри в зеркало!

Как хорошо, что можно было сделать вид, что я ничего не слышала. С очень прямой спиной я неслась по коридору, поминутно оборачиваясь и подгоняя гневными взглядами

запыхавшегося слугу.

Что там у нас по плану — короткая беседа с доном Акватико или ужин? Есть хотелось очень, но еще больше хотелось, чтобы разговор с грандом воды был уже позади.

— В какую залу вы ведете нас, уважаемый? — обернулась я, резко остановившись.

Слуга обогнул меня по малой дуге и прислонился к стенке. — Ох, и горазды вы, донья, бегать!

Я переждала, пока он восстановит дыхание, и повторила вопрос.

— Дон Акватико ждет вас в кабинете.

Я разочарованно поплелась дальше. Три корочки хлеба и водица, а лучше — сыр, виноград, бокал охлажденного вина.

— Донья дель Терра и донья Брош... — сообщил слуга в приоткрытую дверь.

Я оттерла его плечом, избавив тем самым от позора, — выговорить заковыристое прозвание ляшской водяницы не каждому было под силу, и юркнула в кабинет.

За дверью была квадратная небольшая комната, выдержанная в спокойных коричнево-золотистых тонах. Стены украшали тканые гобеленовые шпалеры в окантовке из полированного ореха, у окна — громадный письменный стол с креслом. В кресле восседал благородный дон самой разбойничьей наружности. Наверняка любезнейший ди Сааведра лет через сорок превратится в такого вот лихого старикашку — с хохолком снежно-белых волос, задорно торчащими усами и хитрым взглядом абсолютно желтых тигриных глаз. Одет благородный дон был вовсе не для официального приема. Ни плоеного воротника, ни бархатных буфов на костлявых плечах. Все просто и очень домашнему — атласный халат поверх белой сорочки.

— Добро пожаловать, красавицы.

Взгляд желтых глаз перебежал с меня на стоящую чуть позади Агнешку и ощутило тепло. Слово «красавицы» их обладатель выговорил с таким придыханием, что заставил на секундочку усомниться в своем преклонном возрасте. А папаша-то у нашего алькальда тот еще шалунишка!

— Вы, наверное, голодны? Альфонсито конечно же не догадался вас угостить. Я отдам распоряжения.

И, игнорируя стоящий на письменном столе серебряный колокольчик для вызова прислуги, дон резвой гончей выскочил в коридор. Промедли он еще хоть мгновение, мы успели бы возразить, покраснеть, заверить, что ни капельки не голодны, и проделать еще десяток положенных в таких ситуациях глупостей. Но дверь захлопнулась, а мы с доньей Брошкешевич остались стоять соляными столбами в центре ворсистого охряного ковра. — Быстро! — скомандовала Агнешка. — Я на страже постою, а ты просмотри документы!

Точеный подбородок водяницы указывал в направлении письменного стола.

— Ты ополоумела, что ли?

— Он специально нас здесь оставил. Как по нотам все разыграл. Там что-то такое быть должно, что тебе обязательно увидеть надо.

— Не буду! Стыд-то какой!

— Стыдно, когда видно! Не хочешь — я сама. — Агнешка решительно отодвинула кресло и склонилась над какими-то бумагами. Я отвернулась, всем обликом демонстрируя неучастие, но на дверь все-таки посматривала. — Та-ак, — шуршала документами княжна. — Пока ничего необычного. Благословение на ваш с алькальдом брак от грандов земли, грандов воды, целая тетрадь непонятных закорючек...

— Дай посмотреть, — не выдержала я. — Это хинский. Язык то есть. А текст — что-то

вроде предсказаний. У хинских мудрецов такие штуки в соответствии с движением небесных тел составляются.

— Ты понимаешь, что там написано? — восхитилась водяница.

— А то! Это же простецкий мандаринский диалект, на нем купцы дела свои ведут.

— Торгашка!

— Не надо завидовать. Меня этому языку еще бабуля в детстве обучала.

— Тогда ладно. А что предсказывают?

— Ничего особенного. Небо, оно свою волю очень обтекаемо формулирует, типа — «Сильная черта на втором месте. Появившийся дракон находится на поле. Благоприятна встреча с великим человеком».

— И что бы это значило?

— Некто встретит важного в своей жизни человека. То есть, например, идешь ты на экзамен, а по дороге какая-нибудь служанка масло на лестнице разлила. Ты поскользывается...

— А потом у медичек, поломанные конечности баюкая, думаешь: какая важная служанка в моей жизни появилась, можно сказать — судьбоносная! — в голос заржала Агнешка.

— Тихо ты! — шикнула я, продолжая читать. — «Сильная черта на третьем месте. Благородный человек до конца дня непрерывно созидает. Вечером он бдителен. Опасность. Но хулы не будет».

— Записать бы для памяти, — прошептала водяница.

— Обойдешься, — строго возразила я. — «Сильная черта на четвертом месте. Точно прыжок в бездне. Хулы не будет».

— Сколько их всего, черт этих?

— Шесть. Погоди...

— Первая, пятая и шестая нужна. Быстрее! Не медли, Лутоня.

От напряжения испарина выступила у меня на лбу.

— «В начале сильная черта. Нырнувший дракон. Не действуй. Возгордившийся дракон. Будет раскаяние...»

— Дальше!

До нашего слуха уже доносился звук шагов.

— «При действии сильных черт смотри, чтобы драконы не главенствовали. Тогда будет счастье...» Все! Назад!

Мы успели отскочить от стола и даже поправить растрепавшиеся локоны, когда хозяин кабинета снова осчастливил нас своим присутствием.

— Главное, что хулы не будет, — прошептала водяница, встречая дона Акватико нежной улыбкой.

Я не успела ответить, только подумала про себя: «Хула — это как раз не самое страшное. Главное, чтоб дракон оказался символическим иносказанием, а не настоящим валашским господарем. Потому что иначе предрекаемое счастье ждет меня только с его поражением. А это мне совсем не нравится».

Гранд воды привел с собой аж четверку слуг, которые с муравьиной скоростью и трудолюбием сервировали для нас уголок письменного стола. Непорядок в бумагах от внимательного взгляда хозяина кабинета не укрылся.

— Как говорил великий хинский полководец Сун Цзи, — хищно улыбнулся дон Акватико, — «Война любит победу и не любит продолжительности».

Я разозлилась. Потому что на столе нас ожидали виноград и сыр и темные бутылки, покрытые тонкой изморозью, и миндальные порожные в шапках сахарной пудры, а мне предлагали какую-то бессмысленную беседу, сдобренную щепоткой интриг. Поэтому я прямо взглянула в желтые глаза и проговорила со значением:

— Также ему приписывают изречение: «Бывают дороги, по которым не идут, и бывают армии, на которые не нападают».

И цитатку я ввернула на том самом мандаринском диалекте, чтоб ни у кого из присутствующих никаких сомнений не оставалось. Да, грешна, да, в чужих бумагах рылась. Стыд мне и позор! Можно теперь чего-нибудь пожевать?

— Эксито! Точное попадание! — хлопнул в ладоши гранд воды. — Донья Лутеция, я сражен наповал вашим умом. Клянусь, будь я лет на двадцать моложе...

В ответ я склонила голову, решив скользкую тему ухаживаний не поддерживать, и достала из рукава синюю подвеску.

Глава 7,

в которой происходит объяснение, ведется расследование и проверяются как границы женской дружбы, так и мужского терпения

Das Wasser ist König, sogar das Feuer hat Angst vor dem Wasser.

(Вода — король, даже огонь ее боится).

Много ли человеку надо для счастья? Мне, как оказалось, надо немного. Вкусная еда и ни к чему не обязывающая беседа с доном Акватико подняла мое настроение на недосягаемую для мелких неприятностей высоту. Маячивший в ближайшем будущем ужин тоже радовал.

— О чем задумалась? — спросила Агнешка, растягиваясь на кровати. За время нашего отсутствия в комнате прибрали, заправили постель, освежили воду в умывальных кувшинах и заменили цветы. Теперь на прикроватном столике красовался букет кремовых роз.

Я пожала плечами. Сносить очередные насмешки над моим здоровым аппетитом не хотелось.

— Тебя несколько не расстроило, что дом воды не в состоянии снять твой пояс?

— Я и не надеялась, что все так просто будет. Все же несколько толковых советов я получила.

— Ага. Той же глубины и обтекаемости, что и хинские предсказания.

Я присела на краешек постели.

— А то, что дон Акватико пригласил здесь погостить, тебя тоже ни капли не тревожит? — продолжала гнуть свою линию водяница.

— Мне без разницы, где время коротать. Понадобится — сбегу, и никакие запреты меня не остановят. Завтра у меня встреча с одним юношей, стражником из Квадрилиума. Бланку опять же навестить надо бы.

— Проводим дознание по всем правилам?

— Ах, брось! Если бы они существовали, правила эти, а то ведь просто тыкаюсь туда-сюда, как слепой щенок.

Голубые очи Агнешки были задумчивы.

— Должны же уложения для дознаний существовать. Убийства, лиходейства разные в больших городах каждый день, наверное, происходят. И люди должны быть специально для розыска обученные, и приемчики всякие.

— Есть городская стража, альгвасилы, суды. Алькальд, наконец.

— Мало, да все не то... Знаешь, Лутеция, сдается мне, человек, который процесс дознаний каталогизирует, еще не появился.

— Время еще не пришло.

Княжна нравилась мне все больше и больше — ее светлый строгий ум вызывал восхищение.

Агнешка вскочила с постели и позвонила в колокольчик.

— Подайте принадлежности для письма, — велела прислуге. — И уберите цветы, их аромат мешает сосредоточиться.

Я повела носом. Пахло скорее приятно.

— Доньи желают напитков? — осведомилась молоденькая служанка, послушно подхватывая вазу.

— Вина, — решила я. — Нет, лучше воды или сорбета лимонного принесите. Если уж нужна свежая голова...

— Мы можем сварить для доний каффа, — улыбнулась в ответ девушка. — Дон Акватико предпочитает этот напиток всем прочим, когда занят в кабинете.

Я чуть не взвизгнула от радости.

— Да, да, да! Вы просто умница! Несите! — И, видя недоумение подруги, пояснила: — Тебе должно понравиться. Его варят из специальных коричневых зерен, и даже лекари считают, что каффа способен очистить ум и придать бодрости. Он не очень популярен в Элории, но это всего-навсего дело времени. Как только король подпишет указ о новом морском торговом пути, через грузовой портал, каффа наводнит сначала столицу, а затем...

Я запнулась под укоризненным взглядом княжны. Да что ж это у меня сегодня язык за зубами не держится? Нашла кому про торговые аферы рассказывать — магичке да аристократке. У-у-у, болтушка рутенская, мало тебя в детстве пороли!

— В общем, тебе обязательно нужно попробовать, — закончила я невпопад. — Это вкусно.

Круглый поднос с чашечками, плоской с тягучим медом и изящной медной далла — сосудиком с носиком и длинной ручкой, в котором каффа получается самым вкусным, стоял перед нами на месте вазы уже через пару минут. Рядом лежали писчие принадлежности.

— За работу! — провозгласила я, разливая по чашкам густую коричневую жидкость. — Сначала с медом попробуй, а то горьковатый вкус может отпугнуть с непривычки.

Княжна сняла пробу, удовлетворенно кивнула и взялась за перо.

— Дело номер один, об убийстве студента Квадрилиума Игоря Стрэмэтурару, объявляю открытым.

Писала Агнешка споро, разделяя в два столбика известные нам факты и домыслы. Отдельной строкой вносила список имен тех, с кем необходимо было переговорить в первую очередь. Мой «главный свидетель» ждал меня в зазеркалье, но о его существовании никому рассказывать не хотелось.

— Что могло послужить причиной убийства? — спросила водяница, проводя внизу листа жирную черту.

— Так их обычно только две, — с готовностью ответила я. — Алчность да ревность. Первую мы сразу можем вычеркивать. Богатством покойный похвастаться не мог, все его достояние — ворох дамских подвязок.

— Ну, тогда еще третья причина вырисовывается, — встрепелась Агнешка. — Кто-то мог захотеть навсегда закрыть рот нашему герою-любовнику.

— При наших вольных студенческих нравах? Брось! Разве что Игорь замужнюю даму в счет своих побед внес.

— Или наградил кого-то ребенком... Нет! — От резкого движения локоны Агнешки взметнулись золотистой волной. — Любая столичная финтифлюшка знает, что делать надо, чтоб случайно не понести.

Я этого не знала, но на всякий случай утвердительно промычала.

— На тебе, Лутеция, будет допрос стражников. Ты умеешь с парнями из Нижнего города разговоры разговаривать.

— Хорошо. К завтрашнему вечеру тебе отчет предоставлю. В произошедшем убийстве

еще одна странность имеется.

— Ты про обескровливание и болиголов? — понимающе улыбнулась водяница. — Не смотри так удивленно, любое слово, в Квадрилиуме сказанное, своего слушателя найдет. Мне твой разговор с ректором до последней буковки передали. Так что подготовиться удалось — парочку книг по данной теме я достала. Если удастся до своей комнаты в университете добраться...

— Еще чего! — возмутилась я. — Бросить меня здесь хочешь? Назначили опекуной, будь добра соответствовать.

— А где я еще, по-твоему, о кровавых обрядах узнаю?

— Отправим за книгами кого-нибудь из слуг. Я сейчас...

Колокольчик музыкально тренькнул.

— Подожди! — остановила мой порыв Агнешка. — У меня есть ученый человек на примете.

Давешняя молоденькая служанка почтительно застыла на пороге.

— Нам хотелось бы знать, когда нас пригласят на ужин.

Я хмыкнула. Кажется, мой нечеловеческий аппетит становится заразным.

— Не позднее чем через три четверти часа. Доньи прикажут помочь им переодеться? Я могу позвать еще двух горничных.

Мы с Агнешкой переглянулись. Голубые глаза водяницы тщательно осмотрели мой немаркий, неброский и... еще десяток «не» туалет. Переодеться? Разве вот в скатерть завернемся, причем обе в одну. А служаночка явно получала удовольствие от нашей растерянности. И в ее взгляде читалось едва заметное презрение к двум университетским замарашкам. К слову, а чего это мы оделись так... простенько? На свидание же вроде отправлялись. Ну, хорошо, только я отправлялась, Агнешка всего лишь в сопровождении шла. Но все равно... Я еще раз взглянула на платье княжны, такое же неброское, как и мое, но с едва заметной обтрепанной бахромой по подолу, там, где ткань постоянно соприкасается с обувью. И туфельки совсем сбиты... Нет, это не похоже на скромность, скорее на бедность. Я ужасно разозлилась на свою невнимательность, а еще больше — на высокомерие здешней прислуги.

— Дон Акватико любезно пригласил нас с княжной Брошкешевич погостить в замке, — произнесла я таким холодным тоном, что казалось, изо рта вырывались не слова, а клубы морозного воздуха. — Будьте добры завтра на рассвете отправить в Квадрилиум двух — нет, лучше трех слуг, чтоб они доставили наши вещи не позднее восьми часов утра. Вашей... компетентности достаточно для организации этого процесса?

Девушка открыла рот. Заковыристые слова, я уверена, раздавались сейчас в ее голове набатным колоколом. Бам! — компетентности — бом! — организации — ба-бам! — процесса...

Служанка пролепетала нечто утвердительное.

— К ужину мы переоденемся самостоятельно, — продолжала я морозить несчастную. — И очень надеюсь, что слуга, долженствующий нас к нему сопроводить, явится вовремя. Мы с княжной Брошкешевич любим пунктуальность.

Бах! Это слово было финальным аккордом. Ошарашенная служанка вывалилась за дверь, а я повернулась к водянице.

— Не дергайся! Времени мало.

— Что ты задумала?

— Ответную любезность. Ты надо мной сегодня много колдовала, теперь и мне позволь.

— Это же не стихийная магия! — испуганно вскрикнула Агнешка, когда я начала плести

морок.

— Именно поэтому она у меня все еще есть. Не бойся, ни один из здешних грандов, я уж не говорю о простых мэтрах, наш обман не раскроет.

Хорошо рассмотреть свой морок я не могла, но очень уж четко представлялось мне, как должна выглядеть ляшская водяница по завершении волшбы, поэтому наводила я его вдохновенно. Агнешка была настолько хороша собой, что никаких изменений в ее внешность вносить не требовалось. Я занималась только платьем. Пустила по плечам и подолу серебристый позумент, чуть изменила цвет ткани — с серого на серовато-голубой. От смены тона глаза водяницы засияли, как яркие звезды. И мантилья ее стала из серебряного кружева, и туфельки украсились драгоценными пряжками. Княжна ошарашенно глядела на подол своего, еще полчаса назад бывшего скромным, платья, поднимала руки, чтобы рассмотреть кружевные манжеты, доходящие до кончиков пальцев. Потом ее лицо озарила улыбка.

— Спасибо, Лутеция...

Как я могла забыть народную мудрость, что встречают по одежке? Вот теперь никто из дома Акватико не скажет, что юная водяница приживалкой к ним пришла. Вот так-то! Знай наших!

— Не за что, — легко ответила я. — Обращайся, если что.

В этот ночной час главный кордобский храм Источника был почти пуст. Большая часть служителей спала, лишь один из них стоял на страже перед мерцающей завесой, прикрывающей вход к порталу. Служитель был дипломированным элорийским магом, мэтром земли. Он стоял, прислонившись к резной мраморной колонне, и мечтал о том сладком миге, когда явится его сменщик и можно будет, наконец, вытянуться на удобной лежанке. Звук неторопливых шагов по мраморному полу раздался подобно грому небесному. Мэтр обернулся на звук, развевая подол янтарной мантии.

— Кто здесь? Храм закрыт и возобновит свою работу с рассветом.

— Я информирован о часах работы, но дело мое не терпит отлагательств. — Из тьмы выступила огромная фигура посетителя. — Доброй вам ноченьки! Меня зовут дон Хуан, и я извиняюсь за неудобства, которые причинил своим визитом.

Громила неловко поклонился, снимая шляпу, которая размерами соперничала с колесом телеги.

— Имею честь разговаривать с мэтром Тодо? Мне рекомендовали вас как человека, который может мне помочь.

В огромной ручище, как по волшебству, появился увесистый кошель.

Хитрые глазки мага земли загорелись вожделением.

— Кто? Кто меня вам рекомендовал?

Дон Хуан склонился к самому уху стража и прошептал заветные слова. Через несколько минут кошель перекочевал в складки янтарной мантии.

— Еще столько же вы получите после моего возвращения, — ворковал дон Хуан, тесня мага к арке портала.

— Так, говорите, обратно ждать вас на рассвете?

— Именно так я и планирую.

— В Романию и обратно?

— Именно. И надеюсь, причины моего поведения вас не интересуют.

Мэтр Тодо размышлял в этот момент вовсе не об этом, а о том, что он скажет сменщику,

делиться с которым вовсе не хотелось. Борьба между жадностью и честностью завершилась поражением последней, и маг по-деловому спросил:

— Только вас или еще кого-то?

— У меня при себе только пара почтовых голубей. Это важно?

— Да, придется немного перенастроить пентаграмму. Переброска живых существ...

— Приятно иметь дело с мастером! — Еще две монетки поменяли владельца. — Видимо, о том, что мне хотелось бы сохранить события сегодняшней ночи в тайне, я могу даже не упоминать?

Мэтр Тодо кивнул.

— Я обязан открыть двери храма с первыми лучами солнца. Вы должны успеть до рассвета.

Дон Хуан отнесся к предупреждению со всей серьезностью.

Ночь шла своим чередом. Теплый ветерок ворошил документы, покрывающие письменный стол. Дон Акватико сидел в удобном кресле и внимательно рассматривал расположившегося напротив человека. Встреча этих двоих представлялась лишь пустой формальностью. Вопреки обыкновению, собеседникам сегодня друг от друга ничего не было нужно. Гость и хозяин. Вежливое приветствие, витиеватый ответ — и все, каждый из них отправится заниматься тем, что его действительно интересует.

— Рад приветствовать вас в своем скромном жилище, князь.

— Безмерно благодарен за ваше любезное приглашение, — ответил валашский Дракон, криво улыбнувшись. — Вижу, вы в добром здравии.

— Да уж, время идет... С нашей последней встречи вы возмужали, я постарел, и только Кордоба стоит, как и стояла.

— Неужели? Мне показалось, что ее величие несколько пошатнулось.

— Ах, вы говорите о недавнем землетрясении? Вам ли не знать, что в местах скопления силы такое случается.

Взгляд синих глаз князя рассеянно перебежал с предмета на предмет, остановившись, наконец, на подвеске, лежащей на столе у пузатой серебряной чернильницы.

— Вижу, донья Ягг уже засвидетельствовала вам свое почтение?

— Вы имеете в виду донью дель Терра? Да, мы мило с ней побеседовали буквально полчаса назад.

— Ах вот как...

— Она поведала мне о последних мгновениях моей бедной сестры и передала эту вещицу. На удивление, подвеска полна силы...

Дон Акватико провел ладонью над синим сапфировым шариком. Комнату заполнили сполохи разноцветных радуг. Дракон саркастически изогнул бровь.

— Донья дель Терра при всем желании не смогла бы черпать силу из этого артефакта.

— Мне показалось, она его наполнила. Сила ветра благородной Лутеции необычайно сильна, даже сейчас, когда ее способности ограничены таким варварским способом...

Застывшее лицо князя побледнело. Дон Акватико с удовольствием подумал, что в этом мире существуют вещи, способные взволновать эту глыбу льда.

— Кстати, — гранд воды сменил тему разговора, — для нас большая удача, что вы

решили нанести нам визит именно в это время. Нас взволновали слухи о недоразумении, возникнем у доньи дель Терра на континенте. И мы намеревались отправиться в Шегешвар, чтобы вы подтвердили отсутствие претензий на руку моей будущей невестки. В этом случае вам не пришлось бы покидать своих владений.

— Мне захотелось развеяться, — равнодушно произнес Дракон. — Власть очень утомляет.

— Мне ли об этом не знать...

Беседа уже продолжалась дольше, чем требовали формальности, но никто из собеседников не собирався ее прерывать. Заглянувший в кабинет слуга шепотом напомнил гранду о необходимости переодеться к ужину. Дон Акватико, покряхтывая, поднялся из кресла.

— Ну, раз все так удачно сложилось, давайте сегодня же оформим все разводные документы, чтобы вы могли продолжать развлечения, не отвлекаясь на скучное крючкотворство. Говорят, в Кордобе появилась новая театральная труппа. Молодые люди в восторге от их представлений. Полюбопытствуйте, кто-нибудь из моих придворных дам с удовольствием составит вам компанию.

— Непременно, — рассеянно отвечал Дракон. — Дамы Акватико во все времена славились красотой.

— Я сообщу Лутеции о наших планах, и после ужина мы все вместе соберемся в этом кабинете для оформления бумаг.

— Жду с нетерпением, — улыбнулся Дракон, отрывая взгляд от письменного стола.

Дон Акватико с опозданием подумал, что при беседах подобного рода важные документы лучше прятать.

Альфонсо ди Сааведра отлетел от меня со скоростью выпущенного из арбалета болта. На щеке алькальда расцвело алое пятно.

— Боюсь, что в этом вас уже опередили, кабальеро!

Ладонь горела; пощечину такой силы я, кажется, давала впервые.

Ну кто мог вообще представить, что прекрасный, почти семейный ужин закончится этой пошлой сценой? Я была довольна жизнью и сыта. Агнешка блистала, хотя особой необходимости в этом блеске не было. За огромным столом присутствовало от силы человек семь. Сам дон Акватико, несколько приближенных к нему персон — мужчин пожилых и не очень приветливых, донья Акватико — официальная супруга гранда, мы с Агнешкой, дон ди Сааведра (так сказать, официальный бастард дома воды) и лучащийся от самодовольства Влад Дракон, удачно расположившийся на дальнем от меня конце стола. Я в его сторону даже не смотрела, увлеченная беседой с обходительным алькальдом. Мы говорили о корриде, о введении нового королевского налога, о возможности снятия запрета на морское сообщение с островом. Дон ди Сааведра мыслил здраво и мысли свои излагать умел. Я слушала его, иногда забывая жевать. Как впоследствии оказалось, вести себя нужно было на порядок скромнее. Сразу после десерта меня твердо взяли под руку, отгеснили к окну и, предусмотрительно опустив тяжелое драпри, чтобы скрыть от посторонних взглядов, наградили страстным поцелуем. Алькальд любил — как сражался. Он набросился на меня с таким неистовством, что я растерялась.

— Пустите, — бормотала я, упершись ладонями в его грудь. — Я не хочу...

— Захочешь! — Он легко покусывал мою шею. — Какая ты сладенькая...

Я уворачивалась изо всех сил, но закуток был таким крошечным, что свободы маневра у меня было немного.

— Со мной все будет иначе, чем с твоим валашским дикарем, — продолжал шептать

алькальд. — Я сделаю тебя женщиной.

И тут я успокоилась и залепила ему пощечину. Женщиной он меня сделает, прыщ усатый!

— Боюсь, что в этом вас уже опередили, кабальеро!

Прозрачные глаза ди Сааведра остекленели, он тяжело и часто дышал.

— Ты не понимаешь. Инициация — это всего лишь необходимость, предписанная твоей магической сутью. Как горькое лекарство во время болезни. Если бы не господин Дракон, мы нашли бы для наших целей другого мага.

Мне стало еще противнее, хотя, казалось, куда уж больше.

— Наверное, это прибыльное дело в Элории — на заказ аристократок невинности лишать? Деньжищ можно заработать...

Алькальд моего отвращения к теме разговора не прочувствовал.

— Мне говорили, что ты склонна к финансовым авантюрам. Отца это твое пристрастие очень интересует.

— Ну еще бы, он так прогорел на коммерческих спекуляциях, что...

Я в тысячный раз за сегодня прикусила язык. Что я несу? Может, меня опоили чем? Например, зельем откровенности? А что, если такого не существует — изобрести надо. Полезнейшая в хозяйстве вещь получиться может. Правда, тогда палачи останутся без работы — пытки-то без надобности окажутся. При любом допросе заливаешь в подследственного подобное зелье — и только успевай признания записывать. Мое пламенное воображение быстренько нарисовало картину: я, подобрав подол, улепетьваю от плотной группы заплечных дел мастеров. А в спину мне несется: «Без куска хлеба оставила!», «Пожалей наших детушек!», «На костер ведьму!».

— Как только мы поженимся, ты перестанешь забивать свою хорошенькую головку этими глупостями, — покровительственно сообщил ди Сааведра. — Дети и хозяйство займут все твое время; два раза в год — выходы в свет; университет я тебе закончить позволю, но занятия будут проводиться privately...

Рука у меня зачесалась просто зверски — захотелось украсить плюхой и вторую щеку моего будущего повелителя. А ведь алькальд казался таким приятным человеком поначалу. Помощь и поддержку мне обещал, Источником клялся. Что же произошло с моим рыцарем? Или служение прекрасной донье продолжается ровно до тех пор, пока дама не становится собственностью кавалера? Замуж я, конечно, не пойду — я там уже была, теперь калачом не заманишь. Детей, конечно, хочется, но вовсе не от человека, стоящего сейчас в локте от меня. Стукнуть его, что ли? Или на дуэль вызвать, раз уж больше некому? Ладно, пусть живет.

— Ты обязательно понравишься моей матушке. Ей как раз необходима наперсница, совместное вышивание и другие дамские развлечения сделают твой нрав кротким. Мы будем прекрасной супружеской парой.

— Жалованье мне будете отдавать до сантима, — перебила я размечтавшегося алькальда. — И если позволите себе вернуться домой навеселе, — поколачивать буду. Поварешки у вас дома есть? Вот ими и буду. Рука у меня тяжелая, как вы уже имели возможность убедиться.

И пока до алькальда доходил посконный смысл моей шутки, я любовалась его удивленным лицом — выпученными глазами, приоткрытым ртом. Примерно так мог выглядеть деревенский дурачок, застывший перед ярмарочным балаганом.

— К-какие поварешки? — наконец, запинаясь, спросил собеседник.

— Я вам преподнесу несколько в качестве свадебного подарка, — глумливо произнес некто голосом валашского господаря, и драпри поехало в сторону.

Мне стало жалко лицедеев, вообще всех, а не только своих. Занавес открылся. Я была как на сцене — перед нишей полукругом стояли все участники ужина, кто с неодобрением, а кто с интересом устремив на меня свои взоры. Страшно-то как, мамочки! Я вздернула подбородок.

— Мы с Альфонсито будем вам признательны, князь. — Я обернулась к стоящему позади алькальду. — Не правда ли, дорогой?

Дорогой вздрогнул, но кивнул. Я перевела взгляд на Дракона.

— Может, ваша благосклонность к молодоженам простирается так далеко, что вы готовы исполнить роль посаженного отца? Дон дель Терра, мой дед, мужественно сражающийся с приступами подагры, к сожалению, не сможет отвести меня к алтарю.

Синие глаза обдали меня ледяным холодом.

— Пойдемте, Лутеция. Не будем заставлять ждать сиятельного дона Акватико.

Зрители расслабились и начали расходиться по зале. Чета хозяев величественно удалилась, сопровождаемая десятком слуг. Только Агнешка продолжала наблюдение, переводя встревоженный взгляд с меня на Дракона и обратно.

В кабинет? Уже? Так скоро? Чтоб скрыть свою растерянность, я шагнула вперед. Дорогу мне уступать никто не собирался; плечом я коснулась темной ткани княжьего колета и вздрогнула, как от ожога.

— Тебе нехорошо? — Предупредительный алькальд схватил меня за руку. — Дорогая, ты вся дрожишь. Может, стоит отложить дела и отдохнуть? Я провожу...

— Обуздайте свою страсть, дон ди Сааведра, — прорычал Дракон. — Благородный муж обязан сдерживать случайные порывы.

Алькальд вспыхнул.

— Извольте объяснить!

— С удовольствием. Раз уж тонкое искусство беседы вам недоступно, мы можем перенести общение в более привычное для вас русло. Желаете в кабак?

Я стояла в сторонке, стараясь не стучать зубами.

— Вот примерно об этом я тебе и толковала, — обняла меня за плечи Агнешка. — Все войны начинаются из-за женщин. Успокойся ты! Они оба без шпаг, разве что на кулачках подерутся.

«На кулачках» — это прозвучало так не по-элорийски, так по-нашему, что я прыснула.

— Не знаешь, куда мою шкатулку отнесли? — шепотом спросила я водяницу, искоса наблюдая пылкое общение моих гипотетических супругов. — Мне срочно оттуда одна вещица понадобилась.

Ди Сааведра напоминал сейчас темпераментного бойцового петуха. Недостаток роста он компенсировал таким неистовством, что, останься во мне хоть немного теплых чувств к господарю, я могла бы начать волноваться.

— Шкатулку? Догадываюсь, — ответила Агнешка. — Скорее всего, в одну из привратных башен — так она осталась за границей владений воды.

— Ну, тогда я до утра свою шкатулку искать буду, этих башен здесь как снега зимой.

— Разум задействуй! Слугам делать нечего — только бы подальше твое имущество оттаскивать! В самой ближней поспрашивай, которая из окна видна.

Мужской разговор тем временем приближался к апогею. То есть к рукопашной.

— К тому же всем известно, что вы предпочитаете мальчиков.

— Также я предпочитаю, чтоб моих... гм... мальчиков не трогали руками посторонние. Я внятно выразился?

Агнешка отбросила с лица непослушные локоны.

— Будем разнимать!

— Каким образом?

Донья Брошкешевич подмигнула мне, затем картинно взглянула в окошко, ахнула и развернулась на каблучках. Воскликнула: «Вы только подумайте, какой кошмар!», сделала два неверных шага и упала в обморок. По «счастливой случайности» ее прекрасное бесчувственное тело оказалось точнехонько в объятиях алькальда. Дон ди Сааведра только крикнул под весом красавицы, но рук не опустил. Не петух — орел!

— Что она там такого страшного увидела? — недоумевали присутствующие.

— Наверное, мышь, — предположила я, борясь со смехом. — Летучую!

В дверях залы появился слуга.

— Донья дель Терра, вас ожидают!

— Пойдем! — Дракон властно схватил меня за руку и повел к выходу. Наши пальцы сплелись, и мне показалось, что под моей кожей беснуется целая орда крошечных искорок.

— Вверяю тебя заботам князя, дорогая, — съехидничал алькальд. — Все знают, что он абсолютно безопасен для молодых благородных дам.

Влад не обернулся, лишь остановил взгляд на моих губах.

«Ничто так не врет, как молва», — подумала я, отчаянно краснея.

Дон Акватико сидел в кабинете за тем же самым столом, с тем же самым приветливо-лукавым выражением на длинноносом костистом лице.

— А вот и наши супруги! Проходите, располагайтесь. К демонам формальности, давайте просто подпишем вот здесь и здесь, а потом сразу отправимся в часовню. Мой личный смотритель Источника незамедлительно проведет обряд расторжения брака.

В отличие от моего последнего визита, теперь перед грандом воды на столешнице лежал всего один пергамент, заполненный чуть более чем наполовину. Не много же нам понадобится для полного и окончательного расторжения... Я осторожно вдохнула, борясь с тошнотой.

Дракон отпустил мою руку и предупредительно придвинул стул; без опоры я сразу почувствовала себя сиротевшей, но послушно присела.

— Не будете ли так любезны подать мне перо, князь?

Я сильная, реветь не буду, пусть никто и не надеется.

— Не буду, — ответил Влад, оставаясь стоять. — Для начала, сиятельный дон, нам бы хотелось остаться с супругой наедине. Некоторые наши семейные дела требуют незамедлительного обсуждения.

Заявление граничило с наглостью, но хозяин кабинета, наблюдавший за нами с азартом заядлого рыбака, неудовольствия не выразил.

— Конечно, князь, как вам будет угодно. Как только закончите, отправьте за мной слугу.

На требовательный трезвон колокольчика явился ливрейный господинчик, и дон Акватико покинул кабинет, по дороге отдавая приказания.

Мы с Драконом молчали. Я разглядывала, как тени ресниц трепещут на бледной коже острых скул. Он на меня не смотрел — его взгляд блуждал по комнате. В углу за плотной

драпировкой угадывалась массивная рама какой-то картины. Видимо, во Владе разыграло любопытство. Художественная, так сказать, жилка. Или просто мой вид был для него настолько неприятен...

— Мне нужно многое объяснить, — несмело начала я.

— Не трудитесь.

Какой неживой у него голос. Сталь и лед, холод и смерть.

— В отличие от других ваших страстных поклонников, я обойдусь намеками.

— Как вам будет угодно.

— Мы будем говорить о делах, Лутеция. — Мой почти бывший супруг изящным движением отвернул манжету и извлек из рукава несколько тончайших листов бумаги. — Мне хотелось бы уточнить у вас некоторые цифры. И молю вас всеми известными богами говорить только правду, никаких уверток.

Агнешка мчалась по коридору, как подгоняемая попутным ветром каравелла. То есть не встречая препятствий и взяв сразу крейсерскую скорость. Именно сейчас, в эти мгновения в хозяйском кабинете, за массивными дубовыми дверями, происходило много интересного, и ничего из этого «много» пропускать не хотелось. Агнешка была от природы не только любознательна, но и любопытна. И если любознательность, стремление к новым знаниям, являлась чертой врожденной, то любопытство — следствием опыта, уверенности в том, что выигрывает тот игрок, у которого есть более полная информация. Иногда княжна даже завидовала избранникам ветра, которые благодаря своей стихии являлись непревзойденными шпионами, но приходилось жить с тем, что есть, и справляться со своими трудностями наилучшим образом.

Комическое представление с алькальдом прошло без сучка без задоринки. Даром что про любовные приключения усатого кабальеро ходили самые что ни есть завлекательные слухи, перед хитростью водяницы он оказался беззащитным, как новорожденный котенок. Агнешка все рассчитала филигранно. И расстояние, и время, и как ослабить шнуровку платья ровно настолько, чтобы продемонстрировать заинтересованному лицу ложбинку между грудей — таких молочно-белых, таких экзотических для солнечной Элории. Как только Влад Дракон со своей спутницей покинули залу, к донье Брошкешевич чудесным образом вернулись чувства.

— О, благодарю вас, благороднейший дон, о-о-о... — прошептала она, не забывая глубоко прерывисто дышать.

Зрачки светлых глаз алькальда пульсировали в такт ее дыханию. «Вот ведь бабник, пся крев!» — подумала Агнешка.

— Нет, благодарю, я найду дорогу сама. Да, простите, мне необходимо отдохнуть. Да, спасибо, не стоит...

Она выскользнула за дверь и опрометью бросилась в сторону кабинета. Поворот, другой... Никого по дороге не попадалось. Коридоры были хорошо освещены — в потолочных люстрах пылали свечи. Дом Акватико в удобствах себе не отказывал. Хотя, если собрать воедино все сведения, оговорки и недомолвки Лутеции, можно сделать вывод, что как раз об экономии им и следовало бы задуматься. Агнешка хмыкнула. Загадочной девушкой оказалась маленькая рутенская ведьма! Стоит вспомнить, какой отстраненной и грустной она была поначалу, только попав в университет, как жалась к мэтру Кляйнерманну, как старательно посещала лекции и пропадала в библиотеке. Они с товарками не раз и не два собирались подшутить над зубрилкой, но все попытки упирались в такую стену безразличия и равнодушия, что желание продолжать издевательства очень быстро покинуло старожилы. А потом... Отчуждение никуда не делось, но ветреница быстро и незаметно приобрела уверенность и какой-то столичный лоск. Агнешка с завистью замечала новую одежду, туфельки телячьей кожи, тончайшее кружево мантилий, драгоценные побрякушки, время от времени украшающие то длинную шею, то запястья, то ушки доньи Ягг. Эта новая Лутеция не нравилась

студенткам пуще прежней. Тем более что стала она захаживать к мэтрессе Бланке, той еще кокетке. Разумеется, признанные красавицы Квадрилуума такое спустить не могли. И одна из них — избранница огня, донья Рената Риоскери, решила на открытую конфронтацию. Дуэли среди дам Кордобы не были чем-то из ряда вон выходящим, даже служили неким признаком аристократического свободомыслия, избранности, если можно так выразиться. Агнешка прыснула, припомнив эту дуэль. Осторожная водяница тогда не была в гуще событий, но наблюдала за ними с немалым удовольствием. Это был день сразу после прошлогоднего праздника Урожая. Прохладный осенний рассвет встретил дуэлянок на заднем дворе за хозяйственными постройками. Зрители, не только дамы, но и несколько десятков студентов, расположились на балюстраде, возбужденно заключая пари, на какой минуте отважная донья Риоскери загонит в угол рутенку. Сама донья прохаживалась по брусчатке, помахая шпагой и демонстрируя шелковое белье в разрезах удобной рубы. Ее секундантка, донья Корселес, семенила рядом, оказывая всяческую поддержку. Лутеция явилась минута в минуту, но почему-то вовсе не с той стороны, откуда ожидалось. Появление второй дуэлянки зрители встретили возбужденным гомоном. На ней была мужская одежда — узкие штаны, сапоги, колет, плотно облегающий грудь, шпага в ножнах на поясе. Длинная толстая коса подпрыгивала в такт шагам. Костюм выгодно подчеркивал все изгибы и выпуклости девичьего тела, и выглядела юная ветреница так соблазнительно, что даже у Агнешки перехватило дыхание.

Донья Риоскери наблюдала приближение соперницы с кислой миной.

— Никто не согласился быть твоим секундантом? Неужели во всем университете у тебя не нашлось ни одного друга? Лутеция улыбнулась уголком рта.

— Мне не хотелось никого затруднять.

— Ах, какая скромность! — Донья Рената говорила громко, чтобы было слышно на балюстраде. — Видимо, именно такое притворное целомудрие пользуется успехом у кабальери Нижнего города? Признайся, Лутеция, ты не ночевала дома, якаясь с разным сбродом, поэтому и не нашла себе секунданта. И поэтому пришла ты сюда от Северных врат, а вовсе не из жилого крыла.

— Ты лучше дыхание береги, — посоветовала рутенка, становясь в позицию. — А ты... Корселес тебя зовут, что ля? Да, донья Николеса Корселес, точно. Объявляй!

Шелковый платочек взмыл вверх, обозначая начало дуэли.

— Все равно что с ребенком драться, ёжкин кот! — сразу вслед за этим проговорила донья Ягг, провожая взглядом выбитую из рук соперницы шпагу. И широко, от души, зевнула. — Ты бы потренировалась, прежде чем занятых людей от дел отрывать. Еще и в такую рань...

Девушка крутнулась на каблуках, опуская оружие в ножны. Рената взвыла и попыталась вцепиться сопернице в волосы. Лутеция пригнулась, уворачиваясь от захвата, одновременно выбрасывая правую руку в сторону. Донья Риоскери взвыла в несколько другой тональности — теперь от боли и растянулась на брусчатке.

— Тебе ухо на память отрезать? — серьезно спросила ветреница. — Или нескольких синяков хватит? Запомни: меня трогать нельзя. Никогда. Никому. Кстати, это всех касается...

Карие глаза Лутеции серьезно обвели взглядом группу зрителей. Потом донья Ягг еще раз сладко зевнула, развернулась и медленно направилась к жилому крылу. Коса подпрыгивала в такт шагам.

И все. С тех самых пор университетские дамы от Лутеции отстали. Сплетничали, конечно, куда без этого, но проявлять вражду в открытую никто не решался. А посрамленная донья Риоскери поспешила выйти замуж и покинуть стены учебного заведения.

Агнешка так увлеклась воспоминаниями, что чуть было не попалась. Быстро миновав последний поворот, она вышла навстречу сиятельному дону Акватико, шествующему по коридору в сопровождении слуги. «Пся крев», — аутентично ругнулась княжна и

отпрыгнула назад. Спрятаться было решительно некуда, и девушка лихорадочно придумывала более-менее достоверное оправдание. Шаги гранда отдавались болью в висках — один, другой, третий... Агнешка вздохнула и растянула рот в радостной улыбке, готовясь произнести приветствие. Шаги — один... другой... третий... стали удаляться.

— Неужели вы думали, что мой достойный батюшка позволит кому-нибудь подслушивать под дверь? — вкрадчиво прозвучало над самым ухом. — Разумеется, он собирается заняться этим лично.

Вскрикнуть, как и обернуться, прекрасная княжна не успела. Она грохнулась в обморок прямо в услужливо подставленные руки донна ди Сааведра. Опыт сделал свое дело — во второй раз кабальеро даже не покачнулся, ощутив приятную тяжесть.

Я в двадцатый, наверное, раз пробегала глазами по строчкам. Но смысл прочитанного от меня ускользал. Потому что не понимаю я по-галльски, ёжкин кот. Да и франкское наречие мне не знакомо. А странички, которые трепетали в моих дрожащих пальцах, именно на одном из этих языков написаны и были.

— Что это значит, князь?

Дракон растянул губы в отвратительной покровительственной улыбочке. Так бы и врезала вражине!

— Это означает, любезная моя супруга, что время, прошедшее с нашей последней встречи, я провел не без пользы, посетив некоторых известных в Кордобе ростовщиков, купцов, и даже некоего высокопоставленного чиновника элорийского казначейства.

— Для чего? — Я отбросила бумаги. — Убедиться, что мои финансовые дела в порядке и я не буду надоедать вам просьбами о ссудах? Или, может, вы сами желаете занять у меня денег?

Я говорила с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. А чувствовала я себя так, будто стою на морозе в чем мать родила. Он издевается, что ли, надо мной, злыдень романский? Хочет мою простонародность подчеркнуть? Ну конечно, не к лицу аристократке денежный интерес иметь, даже и такой, как я — половинчатой. Нам, благородным доньям, надобно в соляриях вышиваниями заниматься да космы на солнце выжаривать, чтоб посветлели. Кстати, о волосах... Кое-кому из казначейства скоро на гребешки тратиться не придется, лысым они ни к чему. Эх, дон Касильерес, особа моя доверенная, зря я вам, стало быть, доверялась...

— Донья Ягг, это правда, что в вашем владении находится пять кораблей? — веселился Дракон. — Пять! Настоящих, а не рыбацких утлых лодочек или долбленок, на коих любят промышлять речные разбойники на вашей далекой родине?

— Четыре, — отвечала я неохотно. — Четыре корабля. Но если бы не ваше, князь, неожиданное появление, их было бы на один больше.

— А земли?

— Ой, ну прямо «земли»! — всплеснула я руками. — Так, клочок суши на западной оконечности острова. Там вообще нет ничего — скалы да песок. Да за это место вообще денег не хотели!

— Видимо, предыдущие владельцы не были осведомлены о грядущей отмене запрета на ведение морской торговли? Королевский указ огласят со дня на день.

Я слегка смущенно пожала плечами.

— Кто успел, тот и съел. Я же не оставила дом Фуэго без куска хлеба. Тем более что юный кабальеро, уступивший мне свои владения, так стремился продолжить партию в карты, что готов был буквально на все.

В синих глазах князя плясал легион дурашливых демонов. Влад Дракон веселился.

— Я не собираюсь ни в чем раскаиваться, — пробормотала я.

— От вас этого не требуется.

— Тогда что вам сейчас от меня нужно?

Спрашивая, я думала о другом. Теперь, когда первый азарт спал, припомнила, что в бумагах, кои мне предлагалось прочесть, никаких цифр проставлено не было. Кто-то пытается оставить меня в дураках? Или, напротив, предлагает сыграть партию на своей стороне? Осторожно, Лутоня, подумай, осмотришься...

— Все! — пожал плечами Дракон. — Мне нужно все. Ваше движимое и недвижимое имущество, ваши корабли, вместе с командами, ваша строящаяся верфь, ваши лошади, ваши вложения в мануфактуры, ваш театр, в конце концов.

— Вы в своем уме, князь? — закричала я, позабыв об осторожности. — По какому праву?!

— По праву вашего супруга, донья. И оно безгранично, можете проверить. Что вы скажете на это?

Влад схватил перо и что-то вывел на полях верхнего листа. Написанное расплывалось у меня перед глазами. Я моргнула; как будто сквозь туман проступили крупные угловатые буквы: «д», «у», «р», «а». Там было написано «дура»!

Я всхлипнула и посмотрела в лицо мучителя. Тот понял, что привлек мое внимание, и продолжал писать.

«Ты ушла. Зачем? Цель?»

Я уже открыла рот для хлесткого ответа, но Влад почти насильно вручил мне перо.

— Предложите ваш вариант, Лутеция. Только учтите, я нуждаюсь в свежих денежных вливаниях едва ли не больше нашего любезного хозяина. Власть дорого стоит.

«Я хотела забрать кольцо», — черкнула я строчку на полях и громко произнесла:

— То есть вы намереваетесь отпустить меня замуж за дона ди Сааведра без гроша?

— Конечно! Ведь его любовь к вам так безгранична, что он примет вас, даже приди вы босиком и в рубище.

«Какое? — раздраженно царапал меж тем господарь. — Я тебе сто таких подарю!»

Я посмотрела на безымянный палец князя и покачала головой. Влад фыркнул и подчеркнул самое первое свое слово двумя жирными линиями.

— Нет, Лутеция. Ваше предложение не принимается!

Я тряхнула головой, пытаюсь собраться с мыслями. Следующей реплики я даже примерно себе представить не могла. Каких слов он от меня ждет? Но больше неведения меня злило, что, стоило Владу только намекнуть мне на некую измышленную им каверзу, и я сразу же ринулась на помощь. Без плана, без прямых указаний, без уговоров с его стороны. Может, это и есть любовь, но я скорее бы назвала свои действия следствием бабской глупости. Две жирные линии...

— Давайте закончим побыстрее. Мне хотелось бы отправиться в постель.

— Разделяю ваше желание...

Предательский румянец опалил щеки — таким интимным тоном была произнесена эта фраза. Князь сидел очень близко, и наши колени соприкасались. Я попыталась отодвинуться, он не позволил. Его левый локоть твердо упирался в столешницу, правая ладонь оказалась на моей талии, видимо, господарь определял качество запирающих чар. Я быстро достала из рукава Агнешкин лорнет. Точно, все, как она и говорила — нити воды избегали Дракона, как огня.

Синие глаза твердо встретили мой взгляд. Они не просили сочувствия или послушания.

Скорее в них читалось предвкушение, какое мог испытывать мальчишка перед началом азартной игры.

— Ступайте, Лутеция. Может быть, утром вы сможете решить, что вам дороже — ваши деньги или блистательный алькальд.

— Да вы... да я...

«Эх, будь мы с Драконом при равных условиях, то есть будь я также мужчиной, могла бы у него в честь развода пару-тройку княжеств оттяпать. Лузитанию там или Угр... О чем я думаю? Мне дали время! Все время мира! При условиях, только что оглашенных хитрым Кашеем, я дому Акватико не интересна. В бумагах, которые мы с Агнешкой ворошили на хозяйском столе, были даты. И я их прекрасно помню. Благословения на брак от домов Терра и Виенто подписывались еще в позапрошлом году. Но меня под венец никто гнать не спешил. Я в тот год вообще в Валахии жила-поживала под крылышком воинственной Дарины, с вещунами сражалась да артефакты разыскивала. Получается, женит дон Акватико своего бастарда вовсе не с целью замирения домов, а по финансовой необходимости. И значит...»

Пока я боялась пошевелить полной умных мыслей головой, Дракон опять взял перо, но ничего написать не успел. Двери распахнулись. Хозяин кабинета почтил нас своим неожиданным возвращением. Тигриные глаза дон Акватико пылали гневом.

— Да вы скаред, сударь! — бросила я Дракону, вскочив со своего места. — Какая невероятная мелочность!

Тонкие листы бумаги исчезли в рукаве господаря, и он тоже поднялся.

— Не смею более задерживать. Видимо, пришло время мужского разговора.

Гордо прошествовала я к двери и, бросив через плечо «жадина!», отправилась в свою комнату. Мне предстояло очень серьезно поразмыслить.

Влад Дракон проводил свою супругу мечтательным взглядом и вернулся к столу.

— Как прикажете это понимать, князь? — грозно спросил хозяин кабинета.

— Как вам будет угодно, — пожал плечами гость. — На вашем месте я бы отправил весточку в замковую часовню — ожидающие могут расходиться, сегодня обряда не будет.

— Но почему?

— Я передумал. Донья Лутеция Ягг, как вы сами могли убедиться, прелестная девушка, она удачлива в делах и образованна. Кто же в здравом уме откажется от такого сокровища?

Дон Акватико ослабил:

— По слухам, дошедшим до меня из самых достоверных источников, вы, любезный князь, получили матримониальное предложение такого уровня, отклонить которое невозможно. Хинская императорская династия, если не ошибаюсь? С политической точки зрения этот брак помог бы вам закрепить свое влияние на востоке континента.

— Сиятельный дон, избавьте меня от перечисления вещей очевидных, а оттого скучных, — расслабленно взмолился Дракон. — Ваши источники все так же достоверны, а ваша дальновидность в стратегических вопросах вызывает во мне зависть. Что ж, извольте... Я подпишу документы о расторжении брака с Лутецией... при условии, что все ее имущество отойдет ко мне в качестве отступного. Вы согласны? Давайте пошлем слугу вдогонку, донья Ягг не могла далеко уйти.

— Но... Щекотливая ситуация, в которой мы все оказались...

— Примите мое искреннее сочувствие, ваше сиятельство. Скорблю вместе с вами, можно

сказать. Нелегкое это дело — финансировать государственный переворот. Да еще в Лузитании, где каждый дворянин спит и видит себя монархом. Риск, знаете ли, риск...

Желтые глаза гранда воды помутнели.

— Не думаете ли вы...

— Что вы, что вы! — Дракон вытянул руку в жесте отрицания. — Я не посмел бы подозревать в таком недостойном деле своих... соратников по стихии, учителей, в конце концов. Не посмел бы, если бы не «сведения из достоверных источников».

— Но, князь...

Дракон резко поднялся со своего места.

— Ваша неудавшаяся реконкиста, дон Акватико, довольно дорого мне обошлась. Поэтому ответ отрицательный. Лутеция перестанет быть моей женой, только искупив вашу ошибку, сиятельный дон.

— И вам не жаль девушку?

Влад Дракон покачал головой и, поклонившись, вышел за дверь.

— С каким удовольствием я разнесу твою тупую башку, щенок, — прошептал хозяин кабинета. — Скоро... Очень скоро...

Что меня раздражает, так это люди, которые для любовных утех выбирают абсолютно неподходящие места. Поэтому парочка, застигнутая мной за этими самыми утехами за ближайшим поворотом коридора, рисковала получить увечья. Дама распласталась прямо на полу, а кавалер нависал над ней. Я уже открыла рот для гневной тирады и даже подскочила поближе, но, рассмотрев, что на самом деле происходит, только ахнула:

— Вы что это творите, алькальд?

В прозрачных глазах ди Сааведра плескался ужас.

— Донья Брошкешевич, она... Лутеция, ваша подруга, кажется, умирает!

Бледное личико Агнешки застыло фарфоровой маской.

— А зачем вы ее из зала сюда притащили? — подозрительно спросила я, опускаясь на колени и осторожно отыскивая пульсирующую жилку на тонком запястье. — Надругаться собирались?

Сердце прекрасной водяницы билось сильно и ровно, с дыханием тоже все было в порядке. Хороший, глубокий... сон или обморок? Или и то и другое. Кажется, моя в том вина. Загоняла я ляшскую княжну, как лошадей, бывает, загоняют.

Она сегодня за один вечер столько пережила, что хватило бы на целый год обычной жизни.

— Я понимаю, что это звучит несколько странно, — начал смущенно оправдываться алькальд, — но это уже второй раз, когда прелестная донья лишается чувств. Первый был еще в зале, а вот этот... Моя вина. Я неожиданно окликнул ее в темном безлюдном месте. Любая девушка...

Дон ди Сааведра говорил с таким искренним раскаянием, что мне стало чуточку жаль усатого кабальеро.

— Поможете мне ее до комнаты донести? — прервала я самообличительные речи. — Я одна не справлюсь, Агнешка у нас барышня рослая. Давайте я под мышки возьму, а вы вот здесь...

Алькальд ответил мне безумным взглядом и подхватил княжну на руки. «Не иначе нервический прилив сил с алькальдом приключился», — подумала я и засеменила

следом.

— Вот здесь, на кровать уложите... Благодарю!

Слуг мы по дороге не встретили, и поэтому, как только добрались до комнаты, я схватила серебряный колокольчик.

— Воды со льдом в умывальном тазу принесите, — начала я перечисления появившейся на звонок служанке, — льняную простыню и ножницы...

Алькальд, пытаясь отдышаться, свалился в кресло. Я продолжала:

— Также мне хотелось бы каффа. И еще я пробовала у донна Акватико особый розовый сыр, такой... с прожилочками. Вот его тоже принесите.

— И вина! — подала голос с кровати Агнешка. — И кусок мяса!

— С возвращением в мир живых, донья Брошкешевич, — приветствовала я подругу. — Это ты ледяной ванны испугалась?

— И хлеб, — не дала себя сбить с мысли водяница. — И каких-нибудь фруктов. Квашеной капусты в этом месте наверняка нет? Как же я о родном доме скучаю, матушка моя такую капусту квасит...

— Воду со льдом можно не нести? — предупредительно спросила служанка.

Этого я не знала. А ну как алькальду поплохеет, тут как раз и пригодилось бы. Дон ди Сааведра самолично избавил меня от излишних раздумий. Покряхтывая, он поднялся с кресла.

— Позвольте откланяться, любезные доньи.

Служанка, следуя моему знаку, удалилась. Я проводила кавалера к распахнутой двери.

— Вы знаете, об этом в приличном обществе распространяться не принято, но избранницы стихий вынуждены много есть. Это одна из особенностей использования сил. Донья Брошкешевич крайне истощена, так что плотный поздний ужин — то, что лекарь прописал, — улыбаясь, объяснила я. — Благодарю вас за помощь, любезный ди Сааведра. Искренне благодарю.

Мы стояли в дверях. Он попытался взять меня за руку, но я покачала головой.

— Вы кажетесь мне неплохим человеком, кабальеро, поэтому давайте говорить начистоту. Мое сердце, так же как и моя рука, никогда не смогут принадлежать вам. Давайте примем это за аксиому и не будем требовать у судьбы доказательств.

— Я должен просить у вас прощения, донья дель Терра. Мое поведение сегодня было недостойно благородного человека.

— Предстоящее объяснение с батюшкой послужит вам достаточным наказанием, — лукаво проговорила я. — Признаться, мне немного жаль, дорогой дон. При других обстоятельствах мы могли бы стать хорошими друзьями.

— Лутеция!

Он все-таки сграбастал мою руку и запечатлел на сгибе кисти почтительный поцелуй.

— Альфонсо! — Я выдернула ладонь и матерински потрепала его по голове. — Обратите свой взор на какую-нибудь другую барышню. Уверена, что многие из них...

Алькальд молодцевато поклонился и бросил прощальный взгляд поверх моего плеча, вглубь комнаты. Кажется, новый предмет внимания отважного кабальеро в это самое мгновение валялся на кровати и предвкушал, как ее жемчужные зубки будут кромсать буженину.

Я закрыла дверь и велела мечтательнице подвинуться. Чувствовала я себя богиней любви, которая одним движением брови соединяет влюбленные сердца.

— Ну что там у тебя? — зевнула Агнешка. — Развелись? — Нет. Господарь потребовал отступного.

— А ты?

— А я не дала.

— Скареда!

— Я ему то же самое сказала.

— Да я вообще-то тебя имела в виду, — хихикнула водяница. — Сколько там с тебя возьмешь? Разве что, как с той паршивой овцы...

— Ну не скажи.

Потом мы замолчали, пережидая, пока явившиеся слуги сервируют наш поздний ужин. Я вежливо их поблагодарила и пригласила подругу к столу.

— Не хочешь поведать, — с набитым ртом продолжила беседу Агнешка, — как тебе удалось свои финансовые дела поправить? Ведь родственники дель Терра тебя вроде золотым дождем не осыпали?

Я прикинула, что таиться особо нечего, вины за мной никакой не было, так что...

— У меня королевский патент на торговлю пряностями имеется.

— И что?

— Только у меня, понимаешь? У единственной. Раньше никому такого права в Элории не предоставлялось.

— Монополия? — вернула грецкое слово водяница. — И как тебе это удалось?

— Меня наняли, а за работу этим самым патентом рассчитались.

— Кто нанял, на какую работу?

— Об этом я пока ничего рассказать не могу, но, поверь, ни во что противозаконное...

— Подожди. Ну хорошо — бумажка с королевской печатью. Но тебе еще воспользоваться ей нужно было. Вот если бы мне такое счастье привалило, я бы этот патент просто продала какому-нибудь купцу.

— Это было бы слишком скучно, — покачала я головой. — Тогда просто деньгами взять можно было бы и не морочиться.

— И много ты в пряностях понимаешь?

— Теперь много, поначалу, конечно, трудно пришлось — я в обучение к хинскому купцу поступила, потом еще с контрабандистами познакомилась. — А с ними-то зачем?

— Чтобы пресечь. Знаешь, сколько королевская казна от их делишек теряла? Да что там казна — мне прямой убыток от этого был.

— А училась ты когда?

Я пожала плечами.

— Вот на это времени как раз почти и не оставалось.

Водяница укоризненно покачала золотоволосой головкой.

— Не понимаю. Променять университет... Личины надевать, другими людьми притворяться — только для того, чтобы...

Мне стало очень грустно.

— Ты меня осуждаешь?

— Может быть, немного... Не обращай внимания.

Я моргнула.

— Совсем худо мне тогда было, будто сердце из груди вынули, а на место поставить забыли. А потом я подумала: к лешему страдания! Если я для кого-то не хороша, для себя хороша буду.

От воспоминаний во рту сделалось солоно. День тогда был по-летнему жаркий, и, чтоб ощутить хоть немного прохлады, я отправилась в библиотеку — туда, где ни людей, ни нелюдей, я знала, в этот час не встречу. Я ошиблась. Именно там, в бесконечном лабиринте книжных полок, я повстречала своего покровителя.

— И как вам, нравится? — спросил он, кивнув на раскрытую в моих руках книгу.

Я внимательно оглядела худенького мосластого старикашку в пестром плаще и честно ответила:

— Не особо...

Я вынырнула из воспоминаний. Агнешка налила еще вина.

— Ну хорошо, перестань носом шмыгать! Не осуждаю я тебя, таинственная ты наша, может, даже слегка завидую. Потому что в моем бедственном положении привыкла винить обстоятельства, жадного родителя, судьбу, но только не себя. Впрочем, хватит уже о деньгах, тема скучная.

— О чем беседовать желаешь?

— О любви! Какие у нас планы на нежную страсть в ближайшем будущем?

— Донья Брошкешевич! Вам, кажется, дон ди Сааведра приглянулся? — шутивно всплеснула я руками.

— Ты же не собираешься сразу нескольких мужей завести? — шаловливо спросила подруга. — Или, может, хочешь алькальда себе? Тогда Дракон...

— Замолчи!

— Какая ты, оказывается, страстная, донья Ягг, — увернулась от захвата Агнешка. — Успокойся! Мне мужчины с усами больше нравятся.

Я присела на постель, отдуваясь.

— Не зли меня, водяница. Я в гневе страшна.

— Ты в гневе прекрасна, дурочка. Давай спать. Как там у вас говорится, утро вечера... День предстоит трудный. Я за книги пораньше засяду, а потом отправлюсь Альфонсито утешать, если твой Дракон ему дырок не наделает.

— Ты вообще сейчас о чем говоришь? — оторвала я от подушки тяжелую голову. — Какие дырки?

— Дуэль у них на рассвете, у мужей твоих. Руку твою, сердце и прочие внутренности делить будут. Чем ты вообще слушаешь, девица рутенская? При тебе же вызов был, в обеденной зале. — Агнешка закутывалась в покрывало, как в кокон. — Контрабандистов она отлавливает... Наверное, они из жалости к тебе разбежались. Какая невнимательность...

И сколько я ни расталкивала размеренно сопящую княжну, больше ни слова от нее в эту ночь не добилась.

Глава 8,

в которой звенит сталь, идут в ход личины и мороки, раскрывается обман и строятся козни

Играть не устать, не ушло бы дело.

Убил бобра, а не нашел добра.

Рассвет застал меня в привратной башенке. Факелы уже едва чадили, но света было достаточно — кинжальные лучи солнца проникали внутрь сквозь бойницы восточной стены.

— Есть кто живой? — жизнерадостно прокричала я, карабкаясь по высоким ступеням. — Служивые! Мне сказали, моя шкатулка у вас на сохранении пребывает. Ау!

Площадка второго этажа была забита оружием. В настенных креплениях висели ряды арбалетов, луков и длинных копий с острыми наконечниками, а в центре помещения возвышался куб из сложенных стрел. Я присвистнула, на глазок прикинув их количество. Паляссо дель Акватико с этими припасами мог выдержать недельную осаду. Два-три лучника, если расположить их вот у этих бойниц, перекрывают все подходы к восточной стене. К слову, а сами-то охранники где? Прикорнули на посту?

Я запрокинула голову. Лестница поднималась выше — туда, где, судя по звукам, располагалась голубятня. Может, стражники решили встретить рассвет на свежем воздухе в компании зубастых почтовых голубей? Сама я этих полезных птичек на дух не переносила. К счастью, подниматься к нерадивым охранителям мне не пришлось. Когда я обогнула кладку, чтобы продолжить восхождение, на глаза мне попала шкатулка. Она стояла на полу под нижней ступенькой. Чтобы добраться до нее, я опустилась на четвереньки.

— Вы кто? И что здесь делаете? — грозно донеслось сверху. Скрипнули ступени, на макушку мне посыпался какой-то мелкий сор.

Я схватила свое имущество и быстро разогнулась, отряхивая волосы свободной рукой.

— Я гостя сиятельного дона — студентка Квадрилиума Лутеция Ягг, — встряхнув шкатулкой, будто в доказательство своих слов, ответила я. — И так как... А впрочем, я уже получила то, из-за чего пришлось вас потревожить. Позвольте откланяться.

Собеседника своего я толком не видела, только темный силуэт на фоне опускной двери.

— Ну, иди, с-студентка...

Неожиданная фраза застала меня уже на середине спуска. Я замерла, оглянулась и осторожно посмотрела вверх ступеней. Давешний серебристоливейный мажордом оскалится и махнул рукой.

— Уходи, девчонка! Кыш, я сказал!

Все-таки не следят в доме Акватико за манерами челяди, ох не следят!

Я пожала плечами, решив, что не мое это дело — взрослых элорийских дядек уму-разуму учить, и сбежала по ступеням.

Во дворе было свежо и пахло близким морем. Мне захотелось немедленно снять туфли, чулки и побродить по мелководью. К сожалению, путь мой лежал совсем в другую сторону, в город. Времени не было совсем — ну вот ни одной минуточки. И даже обещанная Агнешкой дуэль не могла меня задержать в гостеприимном паляссо дель Акватико. Ибо дело — прежде всего. А что я с дуэлью сделать могу? Ежели в двух великовозрастных болванах разыграло ретивое, ежели гордость мужская в крови бурлит, встравать между ними чревато. Да и глупо. Да и бесполезно.

Я задумчиво посмотрела на крышку шкатулки. Поговорить с Иравари хотелось просто до чесотки, но открыть зеркало я не решалась. Вот за пределы замка выберусь, под первой же оливой усядусь и демоницу свою призову. Там-то можно.

Пальцы сами собой пробежались по резному лабиринту крышки. Вот как только отсюда ускользну...

Где там, Агнешка сказала, наши кабальеро шпаги скрестить надумали? У зимнего сада? Значит, нужно обогнуть хозяйственные постройки и идти вдоль восточной стены...

Я посмотрела на солнце и побрела искать место дуэли. В конце концов, это просто неприлично — оставлять без внимания поединок, поводом для которого сама и явилась. Не комильфо, как говорил один из моих учителей фехтования. Я только одним глазком гляну. И для собственного стиля полезно, и для общего развития...

На полном ходу я врзалась в чью-то мощную грудь, отлетела и растянулась на шершавых камнях двора.

— Лутона!

Меня ловко подхватили под мышки и поставили вертикально.

— Что же ты никогда не смотришь, куда идешь?

Я даже не огрызнулась. И не удивилась нисколько. Ну подумаешь, Ваня мой рутенский чуть с ног не сбил. Не в первый чай и не в последний раз.

— Какая удача, что я именно тебя повстречал, — улыбнулся недоросль. — Я тут Влада Дракона разыскать должен. Поможешь?

— Как не помочь, — ответила я. — Мне же заняться больше нечем, только провожатой и работать. А стражникам ты чего наплел, чтоб они тебя пропустили?

Мой сарказм пропал втуне.

— А это вторая удача за сегодняшний день. Нету никого у ворот.

— Свезло так свезло... Пошли уж, недоразумение, а то к началу не успеем.

— К началу чего? — последовал за мной Иван. — Тебе отчет мой о прибыли передали? Алькальд обещал.

— Обещал и исполнил. Лично сможешь его поблагодарить. У него как раз дуэль с валашским князем вот-вот начнется, а ты плетешься, как гусыня через тракт.

Ваня прибавил шагу и подхватил меня под руку.

— Слухи ходят, тебя в какой-то пояс заковали?

— Ага, как неконтролируемую магичку. Мэтр Пеньяте очень за безопасность Кордобы радеет.

— А Дракон что про это думает?

— Сам у него спроси! — разозлилась я. — Между прочим, какие у тебя дела с господарем? По какой надобности ты его здесь разыскиваешь?

Голубые глаза недоросля забегали самым вороватым образом.

— А не должен я тебе отвечать! Вот!

— Еще как должен! Ты же у нас лицедей, значит, я твоя хозяйка. Отвечай! Кому говорю!

Ваня изобразил сначала работу ума, затем мировую скорбь и протяжно вздохнул.

— Я поручение для него выполнял. Господарь же сам порталы пользоваться не может, вот я вместо него... Я этой ночью на континенте был. В Романии, в Шегешваре.

— И с кем виделся?

— Ну, до самого замка я не добрался, в ближайшей деревеньке почтового голубя выпустил и ответа дождался. Вот его-то я господарю и несу. — Ванечка

продемонстрировал на открытой ладони плотную трубочку послания.

Я на мгновение задумалась. Кажется, мой супруг затеял очередную авантюру, в подробности которой посвящать меня не собирался.

— С каких пор ты, друг ситный, на посылках у Дракона служишь?

— С недавних, — просто ответил Иван. — Господарю в Глории больше опереться не на кого. Я человек надежный, сама знаешь. А для такого рода поручений особого ума не требуется. К тому же Влад мне пообещал, что тебе от этого вреда не будет.

— Вы и обо мне подумали? — фальшиво восхитилась я. — Ну, под покровительством таких благородных кабальеро я могу ни о чем не беспокоиться.

К тому времени мы уже огибали солярий. До места поединка оставалось всего ничего.

— Ты это... «Мать четырех ветров» нашла? — неожиданно пробормотал Иван. — А то, знаешь, в любой момент понадобится может.

— Кому может понадобится новый Источник? Зачем?

— Разным людям. Тут же вопрос стоит вовсе не о том, кому он нужен, а кому он ни в коем случае достаться не должен.

Мой рутенский дурачок был на диво серьезен.

— Ты сама посуди, ветреница, теперешний Источник иссякает, у кого новый окажется, тот на вершину и взойдет. Не только стихийные дома на «Мать четырех ветров» планы имеют. От доксов, которые дядюшку колдовством лечили, я слышал...

— Знаешь, Иван-царевич, — перебила я, — о таких вещах не на ходу беседуют, да и в другом месте. Давай ты сейчас Дракону послание передашь, и мы вместе в город отправимся. Там найдем местечко укромное и все спокойно обсудим.

Ваня кивнул, соглашаясь.

Я выдернула свою руку и стала плести морок. Двое лицедеев не должны вызывать у встречных никаких подозрений. Образ Сильвестрис — синеволосой танцовщицы подходил для моих целей идеально. Спутник одобрительно хмыкнул, подтверждая, что личина удалась на славу.

— Если кто вопросы задавать примется, говори — за указаниями к Дракону явились. Нас на праздник Урожая представление показывать наняли, а валашский господарь в нем тоже участие принять должен.

Новость была мелкой, но любопытной.

— Кто-то от трудов праведных на благо будущей империи решил отдохнуть, вакации устроить, в марионеток поиграть? Ему что, заняться больше нечем?

— Пеняте крепко Дракона держит, — серьезно пояснил Ваня. — Пока запретную печать не снимает, все, что заблагорассудится, требовать может — и денег, и услуг всяких. Да не об этом сейчас речь. Что ж ты меня с мысли сбиваешь? Спросит кто, скажем: пьеса, которую разыграть должны, на иноземном наречии писана, на галльском. Вот Дракон и обещал нам ее перевести.

Я припомнила тонкие листы пергамента, на полях которых мы с супругом вели оживленную переписку, и кивнула.

— Чудесный план. Только сдается мне, никто нас ни о чем спрашивать не будет. Не до нас...

Насколько там было «не до нас», я поняла, только когда мы с Ванечкой добрались до предполагаемого места дуэли. Кого там только не было! Облаченные в ливреи слуги, попроще одетая челядь; с десяток магов, среди которых подавляющее большинство составляли маги воды; дамы, по случаю утреннего выхода кутающиеся в светлые мантильи; стражники с копьями (теперь мне стало понятно, почему ни в привратной

башне, ни у ворот никого не было). Казалось, весь замок собрался здесь, на квадратной мощеной площадке у зимнего сада. Народу было больше, чем у балагана в ярмарочный день.

— Учись, как толпу на представления собирать, — поучительно шепнула я Ивану. — В жизни пригодится.

Ваня мою тираду близко к сердцу не принял, а заработал локтями, споро освобождая нам дорогу в столпотворении. Я семеняла в арьергарде, тихонько радуясь, что спутник мой — настоящий богатырь и места нам нынче достанутся самые удобные. Пронзительно тренькнул серебряный гонг в руках распорядителя, и любопытствующие расступились. Я выглянула из-за саженного Ваниного плеча. В центре остались лишь двое — кордобский алькальд и Дракон. Ди Сааведра был хмур и сосредоточен, усы его воинственно топорщились. Он вперился в соперника грозным взглядом и выглядел как сжатая до предела пружина, готовая вот-вот разжаться и смести все на своем пути. Валашский господарь, напротив, представлял собою картину расслабленности и скуки. Темные его волосы, стянутые в тугую косицу, глянцевели в лучах утреннего солнца, а синие глаза разглядывали толпу с высокомерным равнодушием. Вот его взгляд остановился на нас с Ванечкой. Я внимания удостоена не была, в отличие от моего спутника. Соболья бровь господаря вопросительно приподнялась. Ваня утвердительно замахал руками на манер деревенской ворожеи. Дракон удовлетворенно кивнул и подбородком указал на разминающегося перед боем соперника.

— Пока я занят, о мой верный дурачок, но постараюсь освободиться как можно скорее. Что сможет противопоставить жалкий ди Сааведра моему ослепительному великолепию?.. Не извольте беспокоиться, господарь, я вам эпистолку в зубах приволок и буду ждать, сколько потребуется... — шепотом озвучила я безмолвный диалог.

Ваня обиделся, покраснел, но руками махать перестал.

Я поискала глазами Агнешку, но не нашла и решила, что моя подруга предпочла провести рассветные часы за книгами.

Серебристый звук гонга прозвучал во второй раз. Соперники подобрались. Влад держал шпагу острием к земле. Я изучала его позу, не находя ни единой погрешности. Ступни разведены под углом и плотно прижаты друг к другу, плечи развернуты, но не опущены, свободная рука заведена за пояс. Дракон был готов как к защите, так и к нападению, и только от действий соперника зависело, какую манеру боя изберет князь. Стойка алькальда тоже не вызвала нареканий. Ростом он был гораздо ниже господаря, поэтому, скорее всего, планировал тактику нижних стремительных атак. Я припомнила, какое впечатление на меня произвел капитан (тогда еще капитан) во время ночной засады во дворе заброшенного храма. Ди Сааведра был воином, прекрасно обученным солдатом, это сквозило в каждом его жесте, в полном отсутствии позерства и желания произвести впечатление на толпу. Жесты его были скупы и расчетливы. Мне стало страшно за Влада, пожалуй, впервые за всю историю нашего знакомства. Дракон для меня всегда был лучшим, самым-самым — самым хитрым стратегом, самым могучим колдуном, самым мудрым правителем. Только вот не пригодится сейчас ему хитромудрость, и сотни прочитанных заумных книг не заменят многочасовых каждодневных тренировок или опыта настоящего боя, когда рукопашная, когда стенка на стенку, когда или ты, или тебя. А магия... Что ж, секунданты именно для того и предназначены, чтоб колдовство отследить и пресечь, небось и амулеты ограничивающие еще с ночи подготовлены.

Кстати, секундантов я заметила только сейчас. Их было двое. Рыхловатый седовласый кабальеро лет сорока, в огромной шляпе с павлиньим пером, и крошечный хинский маг. Настоящий! Хинский! В шелковом алом халате, расшитом по подолу четырьмя медальонами, в плоской шапочке с бахромой и лакированным веером в цепких руках. Длинные лисьи глаза хинянина глядели вокруг с веселой хитринкой. Он явно наслаждался новыми впечатлениями. А уж не его ли предсказания я давеча в кабинете дона Акватико читала? «Нырнувший дракон, не действуй. Возгордившийся дракон. Будет раскаяние...»

— Это что за забавный дедушка? — негромко спросил Ванечка. — И почему он голову не держит?

— Он так здоровается, — ответила я и церемонно поклонилась, сложив руки далеко перед грудью. — Ему мой морок — меньше чем ничего.

— Откуда он тебя знает?

— Мы не знакомы, — пояснила я уже с раздражением.

Ванина болтовня отвлекала меня от поединка, а соперники между тем уже обменялись приветствиями и скрестили шпаги.

— Просто он увидел собрата по ремеслу, использующего не стихийную магию.

— Может, «сосестру». Ты же девица, а не...

— Поумничай мне здесь еще! — шикнула я и отвесила бы затрещину, если бы смогла дотянуться до белесой макушки. — Почему он медлит, демон его раздери?!

Мой последний возглас относился уже непосредственно к дуэли. Ди Сааведра, прижав подбородок к груди, уверенно атаковал. Влад хладнокровно парировал удары, но действовал без огонька. Вместо того чтоб использовать преимущество роста, он просто не позволял алькальду нанести решительный укол. Нет, выглядело это, конечно, эффектно. Сухощавый Дракон, в узких черных штанах, так выгодно подчеркивающих бедра, в белой сорочке, сквозь тонкий лен которой прорисовываются длинные мышцы спины, изящные жесты, почти танцевальные па выпадов и отступлений... Позер, ёжкин кот!

— Како-о-ой мужчина! — протяжно выдохнула дама, стоящая в толпе зрителей неподалеку от меня.

— Выбрали себе новую твердыню для покорения, моя дорогая? — интимно поддразнил ее спутник. — Дважды подумайте. Всего-навсего иноземец... Варвар.

— Ах, герцог, мало кто может сравниться с вами!

— Тсс... Графиня, не забывайте, мы здесь инкогнито...

Я скосила глаза. Инкогнито аристократы понимали несколько комично. Оба они были в атласных полумасках. При этом дама не скрывала вычурного изумрудного колье в декольте расшитого платья, а на кавалере красовалась перевязь со знаками дома огня — золотистыми саламандрами.

Я отвернулась. С губ алькальда сорвался низкий боевой клич — его выпад достиг цели. Белый лен сорочки Влада окрасился кровью. Любвеобильная графиня пошатнулась и наступила мне на ногу. Я замерла, не почувствовав боли.

— Как несправедлива жизнь, — всхлипнула графиня. — Уродливые коротышки не должны побеждать.

— Не делайте поспешных выводов, Адонсия, дорогая. Кабальеро договорились сражаться вовсе не до первой крови. У вашего протеже еще есть шансы согреть сегодня ваше ложе.

Герцог обнял свою спутницу за талию и слегка сместился ей за спину. Теперь мне было слышно каждое слово, которым обменивались мои соседи, но интересовало меня совсем другое. Я надеялась, что рана Дракона не была глубокой. Укол пришелся в правый бок; я молилась всем подряд богам, чтобы клинок скользнул по ребрам, не задев никаких важных для жизни органов. Как можно было так бездарно открыться? Он что, совсем ум потерял, злыдень?

Бой продолжался. После удачного укола атака алькальда стала еще более яростной. А Дракона будто подменили — осторожная контратака, выпад, финт... Графиня уже повизгивала от восторга.

— Лутона, — потянул меня за руку Иван, — ты на дедушку-то глянь. Нет, ну какой же старикан забавный!

Хинянин, прищурившись, отчего глаза его совсем уж превратились в узкие щелочки, и

оскалив острые зубы, водил головой из стороны в сторону. Веер трепетал подобно птичьему крылу.

— Ну чисто крыса принохивается, — веселился недоросль. — Для человека он сильно мелкий, а для крупной крысы в самый раз!

— Гляди, чтоб он тебя в крысу не превратил, — прервала я дурачка.

— Он что, может?

— За непочтительность? Запросто! У них там церемониал строгий, над волшебниками глумиться запрещено. И да, Ваня, сил ему хватит. И нет, я расколдовать не смогу, и Влад не сможет. Хинская магия нами не изучена. Некоторые исследователи склонны сравнивать ее со стихийной...

Моя неожиданная болтливость, кажется, проистекала от расстроенных чувств. Огромная ручища недоросля легла мне на затылок.

— Не бойсь, Лутоня, все хорошо с твоим господарем будет, не бойсь, успокойся.

Я всхлипнула и прислонилась к Ваниному боку.

— У меня за спиной мужик в маске трется. Видишь?

Ваня серьезно кивнул.

— Он меня только что ущипнул, — продолжила я громко. — За то самое, за что щипаться неприлично.

Иван просветлел лицом.

— Руку ему сломать?

Но герцог инкогнито вместе со своей страстной спутницей уже скрылись в толпе.

Кровь Дракона уже пятнала кладку двора, видимо, рана была глубже, чем я надеялась. И еще он очень терял в темпе. Юркий ди Сааведра успевал, казалось, со всех сторон.

— Пожалуйста, пожалуйста, — шептала я, ощущая соль на губах. — Пожалуйста...

— Надо было низкий укол во второй сектор наносить, — умничал кто-то в толпе.

И в этот момент Влад подловил клинок соперника гардой, продавил руку и... Для этого приема Дракону понадобилась нечеловеческая сила. Шпага противника отлетела в сторону. Ди Сааведра опустился на одно колено, тяжело дыша.

— Примите извинения, князь.

— Я удовлетворен, — кивнул победитель и опустился на землю рядом с проигравшим.

Моя попытка рвануть на помощь осталась никем не замеченной — Ванечка держал меня крепко.

— Погоди, погоди, заполошная. Там без нас разберутся. Ну, немного подожди... Сейчас время подгадаем, чтоб приблизиться. Что ж ты такая сильная? Ай! Не кусайся!

К слову, помощников на месте дуэли хватало и без меня. Распоряжался там хинский маг — толково и без лишней суеты. Двое слуг, поддерживая под руки, увели алькальда, остальные ожидали указаний, почтительно наблюдая со стороны. Хинянин опустился на корточки рядом с князем. Алыми волнами взмыли полы халата, тонкие сухие пальцы прикоснулись к раненому, пробежались по груди, животу... Влад застонал. Старик довольно кивнул и достал из рукава лакированный футляр. Тяжелый взгляд узких глаз упал на толпу, подобно приказу.

— Прошу никому мне не мешать.

Отщелкнулась крышка, являя атласное нутро коробочки. Что там лежало, мне со своего

места видно не было, я шагнула поближе, потянув за собой Ивана.

— Иголки, что ли? — недоверчиво прошептал недоросль. — Шить он его собрался?

Иголки были длинными — в две ладони, не меньше, с жемчужными наверхиями. Одну за другой хинянин доставал их из футляра и втыкал в тело Дракона в каком-то никому, кроме мага, не ведомом порядке.

— Я остановил кровотечение, — сообщил старик в пространство. — Отнесите князя в мои покои.

Четверо слуг ринулись исполнять приказание. Я провожала взглядом процессию. Маг поднял руки, пряча в рукав опустевший футляр.

— Ты тоже иди с нами, девушка. — Слова звучали будто прямо у меня в голове. — И захвати своего богатыря, я хочу с ним побеседовать.

Мое согласие ничего не значило, потому что кивала я уже в шелково-алую спину удаляющегося хинянина. Ваня тронул меня за плечо.

— Ты тоже это слышала? Что делать будем?

— Конечно, примем приглашение. У тебя есть другие соображения?

— Втыкать в себя иголки не позволю!

— Думаю, что зовут нас совсем для других целей.

К моему удивлению, приглашали нас вовсе не в комнаты. Процессия — впереди четверка слуг с драгоценной ношей, следом хинский маг, широкими рукавами халата подобный экзотической бабочке, ну и мы с Иваном, борющиеся с желанием взяться за руки, как детишки в ночном лесу, — двигалась в сторону ближайших, восточных, врат. За спиной остался гомон толпы, но никто из зрителей последовать за нами не спешил. Мы миновали межвратное пространство, и хинянин остановился.

— Передайте князя вот этому юноше. — Веер плавно указал на Ивана. — Дальше слугам идти запрещено.

Ваня принял ношу без всяких усилий.

— Уважаемый мэтр, ваши покои находятся вне замка? — спросила я преувеличенно вежливо.

Хинянин улыбнулся:

— Слишком много воды. Только безумец будет жить в месте, где нет равновесия элементов. В моем пристанище ты сможешь снять маску, девочка, там тебя не потревожат непрошенные соглядатаи.

— Личина не доставляет мне неудобств, — пожалала я плечами. — Указывайте путь, мэтр. Наш богатырь уже заскучал.

Маг размеренно зашагал по мощенной камнем дороге. Я приблизилась к Ване и взглянула на Влада. Он был бледен, но не более обычного.

— Ты видел, мудрый Черепаха? — то ли в бреду, то ли во сне пробормотал Дракон. — Даже я что-то почувствовал...

— Замолчи! Иглы остановили кровотечение ненадолго, при любом напряжении оно может возобновиться. Ты же не хочешь совсем опустеть?

— Меня зовут Цай, — повернулся ко мне хинянин. — Цай означает «черепаха».

Мы свернули с мощеной дороги на едва заметную тропинку, петляющую меж валунов, и еще немного прошли вдоль берега.

— Мы почти на месте, — сообщил хинянин. Он с треском раскрыл веер и провел им в

воздухе широкий полукруг. — Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Горячий воздух дрогнул, поплыл, расступаясь, и явил нашим взорам огромный четырехскатный шатер. Ваня двинулся к гостеприимно откинутому пологу. Кажется, моего дурачка уже ничего в этом мире не могло удивить.

Маг поклонился, пропуская меня перед собой.

Внутри было очень жарко. На небольшом постаменте в центре шатра курились благовония, ароматный дым поднимался к потолку, к бамбуковым ветряным колокольцам, коими этот потолок был увешан.

— Сюда, — скомандовал Цай, указывая на низкую лежанку. — Осторожно уложи его на спину. Молодец, вот так...

Маг щелчком сложил веер, одновременно полог позади него опустился. Повеяло прохладой, мелодично затрещали бамбуковые трубочки. Влад застонал.

— Девушка снимет с тебя одежду. — Хинянин склонился к Дракону и стал одну за другой вытаскивать иглы.

Я поставила на пол шкатулку, которую, оказывается, все это время держала в руках, и приблизилась к Владу. Мои руки дрожали, когда я снимала с него сорочку. Порез шел от подмышки к самому бедру. Я осторожно растянула завязку штанов и покраснела под пристальным взглядом раненого.

— Я промою рану и наложу лечебный бальзам, а затем мы повторим сеанс иглоукалывания. Ты же собираешься уже сегодня быть на ногах? Так вот, для тебя будет полезнее, если потоки желчи мы разделим с потоками крови. Большой парень сейчас принесет нам воды. Ты же умеешь кипятить воду, богатырь? И мы промоем рану и наложим лечебный бальзам, а затем повторим...

Речь старика звучала размеренно, подобно капели, он заговаривал и уговаривал, пытаясь ввести Влада в транс или забытье. К сожалению, для моего супруга этого было мало, на дне его синих глаз затаилась боль.

— Тебе очень плохо, птица-синица? — прошептал Дракон. — Прости. Я сломаю ректору обе руки.

«Он, вообще, о чем сейчас говорит? О моем поясе? Ну, самое время, ёжкин кот!»

— Ты можешь дать нам ключ, мудрая Черепаха?

— То есть вы предпочитаете заняться разоблачением ветреницы, а не лечением одного неразумного юноши? — спросил Цай, растирая в фарфоровой ступке душистые травы.

— Конечно, твои раны могут еще немного потерпеть, но для наслаждений тела будешь бесполезен, подобно трухлявому бревну. Ну что скажешь, девушка, что ничтожнейший из магов должен делать в первую очередь?

— Если мне будет позволено выразить мои недостойные вашего слуха мысли, о величайший из магов, — витиевато ответила я, — излечите этого неразумного юношу.

Цай дробно рассмеялся и отложил пестик.

— Я вылечу твоего возлюбленного, птица, и дам ему несколько советов, как доставить тебе наибольшее удовольствие на ложе страсти. Ведь женщины делятся на несколько типов в зависимости от формы...

Ванечка ахнул, восхищенно прищелкнул языком и прошептал:

— Записать бы для памяти!

А я отчаянно покраснела и выбежала из шатра.

Альфонсо ди Сааведра страдал не телом, но духом. Он возлежал в своих покоях на большой кровати, в сапогах и замаранной кровью и пылью одежде, нисколько не заботясь о чистоте простыней. Ну что ж, желание алькальда, некогда неосторожно пришедшее в его голову во время ночного посещения заброшенного храма, исполнилось. Он скрестил шпаги с валашским князем и выяснил, какие новые фокусы выучил тот за прошедший десяток лет.

— Разрешите вас потревожить? — Хрустальный голосок доньи Брошкешевич был полон сочувствия. — Дон ди Сааведра, я явилась к вам, чтобы сказать... чтобы сообщить...

Агнешка прелестно покраснела, тряхнула локонами и смущенно потупилась.

Алькальд устало спросил:

— Что вы хотели мне сказать, любезная донья?

— Вы благороднейший кабальеро, — пылко ответила девушка. — Вы не убили Дракона, хотя такая возможность у вас была. К сожалению, занятия с книгами не позволили мне явиться на место дуэли. Но во дворце сейчас все говорят о вашем благородстве, дон, о вашем умении владеть шпагой, и я...

— Что — вы? — Губы алькальда тронула грустная улыбка.

Агнешка решительно приблизилась и благоговейно опустилась на колени у изножья кровати.

— Вы явились утешить меня?

Лазоревые очи твердо встретили мужской взгляд.

— Скорее наградить...

Водяница щелкнула пальцами, и дверь спальни с грохотом захлопнулась.

Ванечка нашел меня на берегу, у самой кромки воды. Я сидела на гладком камне, подставив лицо соленому ветру.

— О чем задумалась? — присел он рядом, сложив огромные ладони на коленях. — Там все вовсе не так страшно было. Черепаха князя быстро подлатал.

— Знаю, — тихонько ответила я. — Иначе я бы почувствовала. Такая вот магия... или любовь...

Мы помолчали.

— Без ветра скучаешь?

— Нет, он же никуда не исчез, — удивилась я. — Приходит поиграть, проказник. А вот о силе, пожалуй, да, скучаю. Это знаешь, навроде того, как хочешь чихнуть, а не можешь — звон в ушах, грудь огнем жжет, а все никак.

— Давай возвращаться, что ли, — потянулся богатырь. — Дедушка велел мне тебя привести.

— Не ври, сам небось вызвался. Тебе со мной без свидетелей поговорить надо.

— И ты знаешь о чем?

— Догадываюсь.

— Ну, так начинай, я парень простой, к этим вашим эквивокам не приучен.

— Сначала ответь мне на другой вопрос...

Я смотрела вдаль; суетливые чайки с криками носились над волнами, камнем падали к

самой воде, чтоб через мгновение взмыть вверх, унося в клювах добычу.

— Почему в моей комнате — там, где Игоря Стрэмэтурару убили, твой платок оказался? Ты был там?

Вода пыталась лизнуть носки моих туфель, и я подобрала ноги повыше.

— Так вот с какими мыслями ты со мной дружбу водишь, — проговорил, наконец, Ванечка, и в словах его мне послышалась горечь. — Подозревала меня? Думала, это я студента на тот свет отправил? А потом, стало быть, пот трудовой с чела утер, а утиральник на покойнике позабыл? Складно да ладно получается!

Укоризна на меня не действовала. Сама такие приемчики в денежных спорах пользовала неоднократно. «Вы что же, господин хороший, мне не доверяете? Не первая у нас с вами сделка! Да как вы могли честность мою кристальную под сомнение поставить? Обидно мне это, просто до слез. Ай-ай-ай!»

— Я жду толкового ответа, Иван-царевич.

— Слова, слова... — раздраженно пробормотал недоросль и резко развернул меня за плечи. — Смотри!

Огромные ладони накрыли мои виски. Зрение подернулось волшебной дымкой.

Игоря Стрэмэтурару я поначалу не узнала, привычная смотреть на людей немного под другим углом — с высоты своего роста. Рыжий ветреник явно робеет перед своим собеседником, но пытается скрыть страх за бравадой.

— С кем имею честь?

— Имя мое вам ни о чем не скажет, — басит Ванечка. — Да и знакомства с вами я заводить не намерен. Только, по моему мнению, недостойно благородному кабальеро о дамах такие речи вести.

— Уел он тебя, рыжий, — ехидничает кто-то сбоку.

Картинка чуть меняется — сдвигается угол обзора. Мне удастся заметить потрепанные шпалеры одной из студенческих гостиных, круглый столик у пустого камина и человек пять-шесть парней, вальяжно развалившихся в глубоких креслах и наблюдающих разговор со стороны.

— Желаете выйти? — настойчиво спрашивает Иван. — Может, предпочтете побеседовать без свидетелей?

Игорь кривит полные губы и кричит, нет — выплевывает ругательство, грязное противное словцо, из тех, которыми пытаются уязвить других люди, ни разу не благородные.

— Значит, ваше желание в расчет можно не принимать, — спокойно продолжает богатырь. — Куда? Стой, болезный, воспитывать тебя будем!

Мелькают перед глазами силуэты, приближается рыжий затылок, и огромная ладонь хватается беглеца за воротник.

В коридоре темновато, но Ваня держит студента за шкуру на вытянутой руке, поэтому я могу любоваться и трясущимися губами ветреника, и влажными от готовых пролиться слез глазами.

— Еще раз, дрищ романский, в сторону Лутеции Ягг слово кривое скажешь... Да чего там слово, даже смотреть на нее не смей. Понял? Иначе пеняй на себя.

— Я не хотел никого оскорбить!

— Не хотел, а оскорбил? Экий ты, парень, недальновидный. В твои-то годы и в твоём окружении просчитывать надо, что к чему. На вот, сопли утри...

Тот самый платок с петухами появляется, будто из воздуха. Игорь послушно хватается его

и подносит к лицу. Ваня отворачивается, но я успеваю заметить, каким нехорошим светом зажглись зеленые глаза господина Стрэмэтурару. Слышится звук шагов, перед глазами мелькают стены коридора, чадящие светильники — один, другой... Потом близко, очень близко оказывается мозаичный пол. Звук падения сменяется хриплым Ваниным стоном.

— Глупый жирдяй, ты надеялся справиться грубой силой со мной?

Негромкий смешок, шорох шагов. Остроносые, по последней кордобской моде, туфли приближаются к лицу.

— Со мной, потомком богини? Да знаешь ли ты, несчастный, с кем связался?

Снизу Игорь кажется огромным и грозным, его лицо кривит злобная гримаса, а руки сжимают и скручивают жгутом тонкое льняное полотно.

— С кем? — хриплый Ванечкин шепот почти неузнаваем.

Богатырь, побряхтывая, поднимается на ноги, оказывается со своим соперником лицом к лицу...

— Я — стрегони, дурень. Понял? Навести на тебя чары при помощи вещи, которая тебе принадлежит, при помощи очень личной, часто соприкасающейся с твоим рыхлым телом вещи для меня проще, чем тебе высморкаться. Понял, дуболом? Я сын самой Дьи, повелительницы молний! Я могу здесь творить все, что мне будет угодно. Потому что тут, в магической столице мира, никто не верит в ведовство.

Каждый раз, когда пальцы ветреника сжимают платок, Иван вздрагивает. Мне становится страшно. Игорь все говорит и говорит, его глаза безумны, а движения все больше напоминают движения деревянной марионетки, будто к плечам и рукам его прикреплены невидимые нити, за которые дергает огромный кукловод.

— Ты покойник, жирдяй! Я сверну тебе шею, и никто — ты слышишь, никто не заподозрит меня. А потом я разыщу личную вещь твоей драгоценной Лутеции, и уже сегодня вечером эта маленькая тварь будет валяться у меня в ногах, умоляя, чтоб я удостоил ее своим вниманием.

— Я хотел спросить... — негромко прерывает Ваня страстный монолог.

Лицо Игоря выражает недоумение. Глаза моргают, как после сна.

— Что?..

— Твоя мама не рассказывала тебе о людях, на которых ведовство не действует?

Ответа Ваня не ждет. Голова студента дергается от прямого удара в челюсть, и сам Игорь отлетает в темноту коридора.

— Мое слово твердое, дрыщ! Узнаю, что ослушался, что донью Ягг чем-то обидел...

Я отвела Ванины руки от своего лица и прищурилась. После полутьмы университетского коридора было излишне ярко.

— Спасибо, защитник.

— Всегда пожалуйста, — последовал лукавый ответ. — Игорь твой, хотя о покойниках плохо и не говорят, тот еще потрох был, если начистоту.

Я пожала плечами.

— Догадки у меня кое-какие были на его счет, но дружбы я с ним не водила. Поэтому и разочарования особого не испытываю. Ты мне лучше, добрый молодец, поясни, почему ты сначала от его колдовства на пол грохнулся, если не действуют на тебя ведьмовские штучки.

— Ну, они не совсем не действуют. Эх, не знаю, как тебе объяснить простыми словами... Сложных-то я отродясь не знал... Вот он сперва колданул — оно подействовало, еще как подействовало. Думал — там, в коридоре, все внутренности на пол и извергну. А потом — отпустило малёхо, а чуть погодя — и совсем прошло. И все, больше надо мной твой Игорь власти не имел. Понимаешь? Одного раза хватило.

— Понятно. Поэтому ты и платок свой отбирать не стал?

— Побрезговал, — кивнул Ваня, соглашаясь.

— А стойкость эта твоя откуда? Тоже от доксов, как и возможность картинку показывать или многослойные мороки вокруг театра наводить?

Недоросль отчаянно покраснел.

— Для шпиона, мой юный друг, ты слишком плохо врать обучен, — пожурела я. — Я же тебя узнала. К стыду своему, не сразу. Маркиз...

— Ты сейчас что-то странное говоришь, Лутоня.

— Это же просто. Когда ваш театр представление на площади давал, злодея главного играл именно ты. В маске. Губы еще кармином подвел, но именно маркиза в этом злодее и опознала. А был ли он вообще, твой загадочный хозяин, а, Ванечка? Не с тобой ли, друг ситный, я беседы в загадочном месте вела? Точно с тобой! И собака эта (Парус, что ли?) к твоим командам приучена.

Вся напускная дурашливость моего собеседника куда-то исчезла. Я смотрела на него испытующе и строго и видела перед собой вовсе не деревенского дурачка, коим он так хотел иногда казаться, а сильного, уверенного в себе мужика, взрослого и себе на уме.

— Мне и прибавить к твоим словам нечего, — пожал он сажеными плечами. — Деньги тебе сразу вернуть или отсрочку какую дать изволишь? Я все равно их все потратил. Трупку у предыдущего владельца купил, бумаги всякие нужные выправил, а это здесь, как ты знаешь, не две копейки стоит. Так что, подождешь?

— К чему мне сейчас деньги? Я на них театр ваш приобрела, с тобой, охламоном, и твоим дядюшкой-златоустом в придачу.

— Это неплохое вложение, — улыбнулся Иван. — Вот увидишь.

— Тогда переходи ко второму вопросу, — предложила я. — Как давно и с какими целями ты прибыл в Кордобу? Ну и на десерт третий вопрос тебе задам. На кого, касатик, работаешь?

Иван потер ладонями лицо.

— Все равно скоро сама все узнаешь, так что таиться не буду. Мы и правда с дядюшкой по палестинам путешествовали, у доксов побывали. И все мои умения и знания новые именно там я и получил. А потом морем в Рутению вернулись. Колоб хотел родные места посетить, да и у меня кое-какие дела на родине были...

— И что?

— Ну и встретили как-то темной ночью на тракте, у самой романской границы...

— Значит, опять за старое принялись? Разбойничать стали?

Иван не возражал.

— Будто мы чему-нибудь другому обучены! Только однажды не на тот обоз напали. Оборотни, драконья свора, его охраняла. Ну, нас и повязали, как котят в мешок, и в судебный приказ отволокли. А тут, наудачу, князь в тот замок пожаловал...

— Так тебя Влад сюда отправил?

— И меня, и дядюшку. Шпионить да докладывать велел. У него самого возможности за тобой отправиться не было, а посторонних людей он в это дело посвящать не желал.

Сказал — забавно получается, что у его дражайшей супруги друзья сплошь лиходеи, но других нет, так что работать будем с тем, что под руку попало. Такие вот дела... Десять лун я за тобой, Лутеция Ягг, наблюдаю и еще десять бы наблюдал, если бы не твои эскапады с сильными мира сего.

— И что же тебя в моих действиях насторожило?

— То, что Источник ты принялась собирать, а пуще всего — что даже не догадывалась, какую опасную кампанию затеяла.

— Значит, Влада сюда именно ты вызвал? После того как я отказалась с кланом Терра дружбу водить?

Иван кивнул.

— И господарь меня бы отсюда забрал, не дав завершить начатое. То есть я, конечно, сошка мелкая, и без меня бы справились...

— Вот тут ты роковую ошибку допускаешь, — перебил меня собеседник.

— В чем?

— Недооцениваешь свое значение.

— Меня всегда пытаются втемную использовать, — пожаловалась я. — И ты, и Дракон твой, и...

— И загадочный покровитель, имени которого ты произнести не можешь из-за огромного благоговения. Брось, Лутоня, я давно разобрался, что к чему. После того как доке Шамуил открыл для меня мой личный вид магии, котелок у меня варит прекрасно.

— Я заметила. Очень интересно получается — ты был глуп, потому что не мог контролировать свою силу? А теперь, когда...

— Не уводи разговор в сторону. Ты передала сверток, который от меня получила?

— А что там было?

— То есть ты даже не полюбопытствовала? На тебя не похоже.

— У меня были другие дела, — покраснела я. — Все навалилось кучей, только успевай разгребать. Так что?

— А вот не скажу! — развеселился Иван. — Хороша ложка к обеду.

— Ах ты! — Разозлившись, я отвесила недорослю затрещину. Он перехватил мою руку, занесенную для повторного удара, и поцеловал ладонь.

— Ну все, все, донья Лутеция Ягг. Пошли в шатер, спросим у Дракона, для какой надобности он свою драгоценную шкуру продырявить позволил.

Я рассеянно поднялась с камня.

— А еще мне любопытно, откуда здесь хинский маг появился. Это тоже спросим.

— Я тебе сам ответить могу. Черепаха — официальный императорский посол. Поговаривают, император собирается твоего Дракона на своей внучатой племяннице женить, магичке хинской. Дедушка с этим поручением в Романию и отправился, а как князя самого там не застал...

— Но ведь...

— Дедушка говорит, чтоб ты не кручинилась, хинская дева согласна и второй женой быть. Не пыхти, я шучу. Все-все! Больше не буду! Ай, я уже совсем грустный!

Но от моей карающей длани недоросль все равно увернуться не успел. Ладонь звонко шлепнула Ивана по спине, и я охнула от боли.

— Знаешь, что мне во всей этой истории с новым Источником покоя не дает? — негромко проговорила я, когда мы с Ванечкой уже поднимались по косогору. — Покровитель-то мой ни разу не маг, вот ни на столечко. Так зачем ему понадобилась «Мать четырех ветров»?

— Скоро мы обо всем узнаем. Если верить гороскопам Цая да тем сведениям, что мне собратъ удалось, через десять дней все и решится.

— А что там у нас грядет?

— Праздник Урожая. Кажется, в этом году он будет незабываемым.

И мы пошли дальше. Я опиралась на руку Ивана, опасаясь оступиться на крутом подъеме.

— А дедушка-то наш просто кладезь премудрости, — не выдержал Ваня долгого молчания. — Он такие интересные вещи мне поведал. Слушай, Лутонь, а у тебя подруженции какой одинокой нет? Такой, чтоб не совсем уродина, но и не записная красавица. Мне несколько Цаевых теорий проверить надобно.

— Нечего у меня одалживаться, — фыркнула я. — Или своих заведи, или в веселый дом отправляйся. Думаю, твое стремление к познанию там всячески поддержат.

Вот так вот frivolously беседуя, мы и вернулись к шатру.

— Вань, мне еще одна вещь покоя не дает, — протянула я задумчиво. — Что связывает тебя с Бланкой? Ведь донья дель Соль меня к человеку с зеленым фонарем направила, именно ей я потом сверток передала.

— Много будешь знать... — ответил недоросль, но мысль свою не закончил.

Полог шатра трепетал на ветру, будто приглашая нас побыстрее войти внутрь.

Обнаженный Влад находился там же, где я его оставила, — лежал на замаранном кровью хинском шелке. Я бросила туда встревоженный взгляд.

— А вот и наши заговорщики, — хихикнул Черепаха, скрючившийся на полу возле низкого столика. — Налъешь мне чаю, девушка?

— Всенепременно.

Я приблизилась к лежанке, борясь с желанием прикоснуться к острым скулам и запекшимся губам спящего.

— Поторопись, — не отставал Цай. — Мне хотелось бы утолить жажду до прибытия новой гостыи.

В далекой и давней мохнатовской юности бабуля учила меня, что для хинян чаепития являются очень важным элементом уклада. Если старик просит меня о такой услуге, значит, он, во-первых, хочет, чтоб я оказала ему уважение, а во-вторых, оказывает это самое уважение мне. Или просто-напросто проверяет, на что я способна. Сложным обрядам хинского чаепития люди годами учатся. Это вам не розовое элорийское из горлышка хлебать. Однако лицом в грязь ударить ох как не хотелось.

Я приблизилась к жаровенке, над которой бухтело ароматное хинское зелье, и взяла в руку глиняный черпачок. Ополоснула крошечную чашечку, затем чайник, стоявший рядом на столике.

— Поясни свои движения, красавица, — попросил Цай, не отводя от меня взгляда узких черных глаз.

Точно, проверку мне устраивает.

Тонкая струйка кипятка полилась из носика точно в чашку. Для того чтоб соблюсти нужное расстояние, мне пришлось привстать на цыпочки. В конце концов, Иравари всегда говорила, что форма обряда превалирует над содержанием, а также о том, что при любых сомнениях лучше напускать на себя самый уверенный вид.

— Я посвящаю эти действия всем четырем стихиям, мэтр. Чай олицетворяет воду, сосуд, в который он попадает, — землю, истосковавшуюся без живительной влаги, а ветер ласкает воду, изливающуюся с небес.

Маг кивнул, по его лицу мало что можно было уразуметь, но кажется, мое толкование пришлось ему по нраву.

— А чем же ты изобразишь огонь?

Ёжкин кот, мне казалось, что огня от жаровни должно хватить... Соврать что-то про горящее сердце? Нет, символ должен быть простым и понятным. Вот была бы у меня дохлая саламандра — символ дома Фуэго или...

Я осторожно поставила на стол опустевший чайничек, левая рука скользнула в рукав.

— Я изобразю огонь огнем. — И я торжественно раздавила над чашечкой слюдяной шарик, полученный в подарок от Зигфрида. Вещица была копеечная, но в хозяйстве иногда незаменимая. Жидкое пламя разлилось по поверхности чая, порозовело, вспыхнуло и, наконец, погасло.

— Очень красиво, — похвалил меня Цай. — Пить, конечно, это абсолютно невозможно, но ты с честью выдержала испытание.

Старик отодвинул мое подношение и отправился к жаровенке, хозяйничать самостоятельно. Я вежливо отхлебнула предложенное зелье и даже не поморщилась. В это время дня, впрочем, как и в любое другое, я предпочитала каффа, но хиняне напиток сей не жаловали. Поэтому я любовалась маслянистыми переливами жидкости в сосуде и сущностей не умножала. Ваня же пил с удовольствием, отдуваясь и побряхтывая.

— А Дракон наш как? Долго еще спать будет?

— Сие уже не от нас с тобой, богатырь, зависит. Давай-ка, дева, разоблачайся. Будем пояс твой варварский осматривать, — отставил в сторону чашечку хинянин.

— Мне казалось, мы гостей ждем, — даже не пошевелилась я.

Оживление, которое демонстрировал Ваня, мне совершенно не понравилось.

— Не гостей — гостью, — поправил дед.

Горячий ветер ворвался в прохладу шатра вместе с растрепанной Агнешкой.

— Мир этому дому, — чинно поклонилась водяница. — Потрудиться пришлось, пока я вас отыскала, уважаемый Цай.

Тот благосклонно кивнул.

— А вот и донья Брошкешевич, именно так мне вас и описывали. — И повернулся к Ивану: — А ты, богатырь, сходи к морю, проветришь, ракушек нам принеси.

— Это еще зачем?

— Просто уйди! — раздраженно бросила я. — Или при тебе раздеваться прикажешь?

— Подумаешь! — бормотал недоросль. — Можно подумать, ты как-то по-другому там устроена. Можно подумать, от твоей красоты неземной в руках себя не удержу. Прямо наброшусь на твои прелести при всей честной компании. Что я, с бабами в баню, что ли, не ходил? Что я...

Бубнеж отдалялся, пока совсем не затих.

Я дернула шнуровку платья, но Цай остановил меня движением руки и обратился к Агнешке:

— Вы осмотрели алькальда, донья?

Княжна смущенно порозовела. Но ответила твердо:

— Да! Дон ди Сааведра чист, на его теле я не обнаружила ни меток, ни свежих порезов.

— Шрамы?

— Несколько, но уже очень старые, полностью затянувшиеся.

— То есть вы с уверенностью можете сказать...

— Да, мэтр. Конечно, мои познания в области одержимости не сравнимы с вашими, но дон ди Сааведра, по моему мнению...

— Ты с ним любовью занималась, что ли? — воскликнула я, прерывая такую познавательную беседу. — Ты делала это только для того, чтобы тело его осмотреть? Других способов не нашлось?

Агнешка спокойно встретила мой взгляд.

— Например, каких? В баню его отвести? Так в Элории это не принято, ваши рутенские совместные купания считаются здесь лишь еще одним способом удовлетворить похоть.

Я сжала губы куриной гузкой.

— А в постель к постороннему мужику прыгнуть — это дело благородное и одухотворенное?

Еще минута, и мы с княжной вцепились бы друг другу в волосы. Даже воздух между нами звенел и вибрировал от бабьей злобы. Цай захихикал.

— В моей родной деревне говорят: «В один рот невозможно засунуть обе ложки».

— Дело не в ревности! — возразила я. — Если бы донья Брошкешевич хоть что-то к алькальду испытывала, хоть капельку расположения! А так... Ну неправильно ведь это!

— Думай что тебе угодно, — пожала плечами водяница. — Раздевайся уже, ревнительница морали.

— Без тебя обойдусь! — оттолкнула я ее руки.

Агнешка оказалась неожиданно сильной, поэтому платье с меня слетело в мгновение ока. Цай приблизился, спрятал в просторный рукав свой веер и приступил к осмотру.

— Во-первых, — зло шептала водяница, придерживающая меня за плечи, — мне Альфонсо нравится. По-настоящему нравится. А во-вторых, можешь не дуться, между нами ничего не было.

— Верь в это, птица, — добродушно проворковал хинянин. — Я могу ошибаться в порывах женского сердца, но твоя осторожная подруга не стала бы растрчивать свою магию перед решающей битвой. Для адепта силы любить простого человека — это только отдавать.

Мне стало обидно за алькальда.

— Получается, раз мужчина не маг вовсе, то он и страсти нежной недостоин? Несправедливость какая!

— Почему она плачет? — осторожно спросила Агнешка у хинянина. — С ней все в порядке?

Я всхлипнула.

— Глаза бы мои вас всех не видели!

— Смена настроений от бурного восторга до черного отчаяния, бледность, неровный пульс, — бормотал маг, — сухость покровов... — Цепкие пальцы пробежались по коже головы под волосами. — Пояс нарушил циркуляцию жизненных потоков, а это очень плохо.

— Ты можешь подобрать ключ к этому замку? — раздался хриплый голос Влада.

Князь, видимо уже давненько пришедший в себя, поднялся с лежанки и приблизился ко мне. Я ощутила такой бурный восторг, что в груди стало горячо и больно.

— Черепаха все может, — хихикнул Цай. — Как учит ваша народная мудрость, ломать — не строить. Но твоя супруга, Дракон, может не перенести этого обряда. Моментальное освобождение такого количества силы сопряжено с опасностями. Тем более что заперт здесь не только ветер. Ваше дикарское разделение стихий...

— Я заберу, сколько смогу, — перебил Влад хинянина и обнял меня за плечи. — Мы проведем обряд вместе.

— Я тоже буду участвовать, — решительно произнесла Агнешка. — Теоретически возможно разделить силу на троих адептов.

— Это очень благородно, мои любезные неучи, но практически невозможно. — Хихиканье Цая меня уже начинало раздражать. — Даже божественный сосуд не может всего вместить. И, донья Брошкешевич, никогда не пытайтесь дробить магию на маленькие части. Последствия всегда бывали печальны.

— Значит, не мне первой пришла в голову эта мысль? — заинтересованно переспросила Агнешка.

— Существует легенда, что тысячи лет назад на небосклоне было два солнца, — многозначительно ответил Цай и умолк.

— И что произошло?

Хинянин пошевелил бровями; они у него были знатные, черные, напомаженные и напоминали по форме крылышки ночных цикад. Казалось, еще чуть-чуть, и с переносью мэтра взлетит к потолку стрекошущее насекомое.

— Миры разделились, и богам пришлось населять опустевшую землю новыми людьми.

Влад отпустил мое плечо и присел на подушки.

— Что же ты посоветуешь нам сделать, мудрая Черепаха?

Агнешка помогала мне одеваться, но все ее внимание было приковано к хинянину.

— Нам придется еще немного подождать, — спокойно ответил Цай. — Человек, который наградил нашу птицу этим поясом, сделал это, следуя какому-то плану. Пока нам не будут известны причины, пытаться нарушить колдовство опасно.

— Какие причины могут толкнуть на это нашего многоуважаемого ректора? — спросила я, оправляя складки платья. — Я имею в виду, кроме общей склочности характера.

— Или жадности, — продолжила водяница, присаживаясь на подушку у столика. — Или стремления к власти. Или некто управляет его действиями, оставаясь в тени.

— Например? — В тягучем голосе Влада сквозил неподдельный интерес.

На мгновение я даже ощутила мимолетную ревность — умница Агнешка уделывала меня в умозаключениях по всем статьям.

Прежде чем ответить, княжна обвела нашу небольшую компанию испытующим взглядом.

— После убийства Игоря Стрэмэтурару все стало очевидно, не так ли?

Воцарилась гнетущая тишина. Ну конечно, всем все было понятно. Всем, кроме меня, ёжик кот!

— Ты что-то важное в книгах узнала? — нарушила я мрачную торжественность момента. — В тех, которые утром должны были доставить?

Влад кивнул водянице, будто бы давая разрешение, и та грустно мне улыбнулась.

— Темные твари, Лутеция. Эти слова что-то тебе говорят?

Я пожала плечами. То ли сон, то ли явь, кажется, бабушка мне что-то рассказывала. И не в личной беседе, а через какой-то многослойный сон, полный символов и иносказаний. И было это, кажется, не так уж давно...

— Кровососы? — сделала я пробный выпад. — Упыри, маги-перерожденцы?

— Скорее некие сущности, пытающиеся проникнуть в наш мир.

Я складывала в уме сложную головоломку из фактов, домыслов, обрывков слухов. Вся троица — мой супруг, его стихийная соратница и маг, чьи мотивы и способности пока были мне неясны, — наблюдала за мной с интересом.

— Те самые, от которых романские князья уже десяток поколений Арадский пролом закрыть пытаются? — наконец сформулировала я свою мысль..

Дракон кивнул и наградил меня кривой усмешкой.

— Один из моих предков построил Арадский замок как раз у грани разлома и населил это княжество оборотнями — вовкудлаками.

— Это соседство тоже имеет смысл?

— Конечно. Богиня волков Тзевана позаботилась о своих детях, наградив их особенной полузвериной кровью.

— Но для защиты мира этого было недостаточно, понадобился также сильный маг? А так как ни один оборотень к стихиям не приспособлен, Валахия приняла Романский вассалитет?

— Ты правильно рассуждаешь, птица-синица, — похвалил меня Дракон. — И если со мной что-нибудь случится, тебе придется вернуться в Арад и занять мое место.

— С каких пор я последней надеждой стала? Других магов на континенте ты уже извел?

— На других я не женился.

Я фыркнула и тряхнула головой.

— Еще успеешь, какие твои годы. Вон, хинская принцесса, по слухам, магичка не из последних...

Мою обличительную речь прервал дребезжащий смешок Цая.

— В древности мой народ почитал богиню Сяо Чинь Нянь, Даму с Метлой, обитающую на звезде Метлы Сяо Чоу. Если долго шли дожди, крестьяне, желая испросить у богини солнечной погоды, вырезали из бумаги метлу и...

— Я не понимаю иносказаний, — огрызнулась я.

— Мэтр намекает тебе, что пора перестать выносить сор из избы, — строго отбрила Агнешка. — Мы говорим о серьезных вещах, так что, будь любезна, отложи скандал.

Я отчаянно покраснела и потупилась. «Да что же с тобой творится, девка, раз ты в руках себя удержать не в состоянии и о деле подумать? Кровь бурлит? Кровь...»

— И каким же образом наши арадские неприятности сюда, на остров, переместились?

Дракон протянул мне руку.

— Присядь со мной, Лутоня, ты вся дрожишь.

Я кивнула и опустила на подушку.

— Еще и Источник этот...

Близость Влада успокаивала, мне хотелось ощутить его прикосновения, чтоб он обнял

меня, прижал к себе и больше никогда не отпускал.

— Мне казалось, новый Источник — это музыкальный инструмент, навроде гуслей или даже арфы. Ну, то есть, когда я еще не догадывалась, что «Мать четырех ветров» разыскиваю. Заказчик мой очень двусмысленно приказы формулировал.

На меня вдруг напала неудержимая болтливость. Любое сказанное слово приносило облегчение, и я говорила, говорила, говорила... А слушатели внимали моим речам с должным, как мне казалось, почтением.

— Ты чем-то ее опоил, Цай? — спросил Влад одними губами. — Зелье откровенности?

Цикадные брови мага затрепетали.

— Это было несложно, а в любом деле важна простота. Продолжай, девушка, продолжай.

Вынужденная пауза свела мне судорогой губы.

— Думала, ему музу какую грецкую призвать надобно. Потому что в первых сверточках деревяшки были разные, жилки да колючки. Кто только нам этот хлам не доставлял — и купцы, и контрабандисты, и разбойники всякие. А потом порталом прибыл галльский паладин, от него я тубус получила кожаный, а в нем папирус старинный. Рыцарь тот еще просил моему покровителю на словах передать, что стан не простой, а четвертной.

— Ты понял? — хихикнул Цай. — Имени покровителя она произнести не может. Догадываешься, кто собирается на этот раз Источник открыть?

— А я еще подумала: «Какой такой стан?», там же просто закорючки стояли, даже на буквы не похожие. А потом я с одним менестрелем разговорилась в трактире и поняла, что стан — нотный, и мой покровитель...

Зубы стучали как от холода, меня била крупная дрожь. Влад обнял меня за плечи, я ахнула и замолчала.

— Хватит, птица-синица, мы все поняли.

Его губы были прохладными и пахли мятой. Я прижалась всем телом к Дракону, отвечая на поцелуй.

— Донья Брошкешевич, а не пойти ли нам навстречу к юному кабальеро Ивану? — донесся издалека дребезжащий голос Цая. — Компания молоденькой девушки благотворно отразится на моем ци.

— А ваше бесценное общество обогатит меня новыми знаниями, — хрустально посмеивалась Агнешка. — Нам действительно понадобятся раковины моллюсков, мэтр?

Что ответил хинянин, я не слышала.

Глава 9,

в которой повествование ведется от лица нескольких персонажей, а героиня уходит в тень, но не пропадает из вида

Любая женщина кажется красивой в темноте, издалека или под бумажным зонтиком.

Belle fille et mechante robe trouvent toujours qui les accroche.

(Красивая девушка и плохое платье всегда находят, за что зацепиться).

Дон ди Сааведра был раздражен. О степени его недовольства можно было судить в основном по встопорщенным усам, но и прозрачные очи благородного кабальеро, мечущие молнии, как бы намекали, что к их обладателю с глупостями сейчас лучше не соваться. Алькальд мерял шагами мозаичные плиты внутреннего двора и поминутно поглядывал на увитую плющом арку входа. Светало, в листьях веерных пальм щебетали птицы.

— Вы взволнованы? — Агнешка приблизилась почти бесшумно и прильнула всем телом. — Могу ли я поделиться с вами своим спокойствием?

Алькальд отстранился.

— Не время и не место, моя любезная донья.

Княжна капризно всхлипнула.

— Альфонсито, чем я заслужила такое пренебрежение? Вот уже несколько дней вы избегаете оставаться со мной наедине.

Голубые очи наполнились слезами обиды, но ди Сааведра молчал, и соленой влаге так и не пришлось пролиться.

— Впрочем, как вам будет угодно, сударь, — холодно произнесла Агнешка. — Особа, которую вы ожидаете, явиться на встречу не смогла, поэтому...

— Мьерда! — ругнулся алькальд. — Делать политику руками женщин я не привык.

Агнешка закатила глаза. Наивность донна ди Сааведра в некоторых вопросах была просто божественной. Да где бы она была, их жесткая мужская политика, если бы не чисто женская хитрость и изворотливость? Все-таки следовало послать на эту встречу Лутецию, в ее обществе алькальд давно бы размяк и ринулся исполнять указания. Есть в юной ветренице некие черты, заставляющие мужчин немедленно устремляться ей на помощь. Но вот ведь незадача — донья дель Терра предпочитает, прикрываясь нелепыми личинами, выбираться из замка и проводить время в обществе хинского посла, а не помогать своему сиятельному супругу плести сеть интриг. Поначалу Агнешка решила, что за пределы дворца Лутецию влечет страсть к Дракону. Но Влад стен палатки дель Акватико почти не покидал, ведя многочасовые беседы с хозяином замка или фехтуя в тренировочном зале. А по вечерам сидел в библиотеке, заучивая свои реплики из пьесы, которой обещали порадовать гостей на празднике Урожая. Из всего вышеперечисленного донья Брошкешевич заключила, что князь предпринимает отчаянные шаги, чтоб оградить свою супругу от всяческих неприятностей. И если бы существовала возможность немедленно снять с Лутеции ограничивающий ее силу пояс, ветреница давно бы уже была в Валахии, подальше от треволнений, связанных с новым Источником и опасными темными тварями.

Тем временем раздраженный алькальд молча буравил прелестницу пытливым взглядом.

— Вы готовы к разговору? — с сарказмом осведомилась Агнешка. — Мне велено передать вам список людей, которых следует незамедлительно подвергнуть тайному досмотру.

— Я предстаю перед прислугой в смешном свете! — воскликнул алькальд, выхватывая из нежных ручек письмо. — Будь проклят тот день, когда я поддался на уговоры валашского змея!

Взгляд прозрачных глаз пробежался по строчкам.

— Не понимаю, почему нельзя арестовать и допросить всех зрителей дуэли? Если Дракон с хинянином так уверены, что в толпе были одержимые...

— Мы должны действовать с осторожностью, — спокойно парировала Агнешка. — Нельзя их спугнуть. Кроме жажды крови, темные твари отличаются сверхчеловеческой изворотливостью. Если мы с вами, алькальд, допустим хотя бы одну ошибку, последствия могут быть ужасны. Князь считает, что твари предпримут попытку прорыва во время пробуждения нового Источника. Одержимые, слуги тьмы, помогут им в этом.

Дон ди Сааведра потер лоб, будто пытаясь унять боль.

— Передайте Дракону, что обязанности хозяев праздника Урожая принял на себя дом Акватико. Все соберутся здесь.

— Как вам это удалось? — восхищенно спросила Агнешка. — Ведь традиционно ежегодный бал должен был проходить в Квадрилиуме. Разве возможно успеть все подготовить за оставшиеся дни?

Вместо ответа на первую часть вопроса Ди Сааведра пожал плечами.

— Не думаю, что организация праздника вызовет у хозяйки, сиятельной доньи Акватико, какие-либо затруднения. Женщины дома воды...

— Да, да, именно наши женщины, чурающиеся политики, организуют все наилучшим образом, — хрустально рассмеялась Агнешка. — А вы, случайно, не осведомлены, дорогой Альфонсито, почему наш Дракон настаивает именно на пляссо дель Акватико?

Вопрос был задан зря. Несмотря на некоторую так не идущую ему простоватость, глупцом алькальд не был. Прозрачные, как топазы, глаза потемнели.

— Даже если осведомлен, вам, моя дорогая, я об этом сообщать не намерен.

Водяница покраснела. Когда она оставила распаленного кабальеро на ложе страсти, так и не позволив ему получить желаемого, была уверена, что он побежит за ней, как хвостик, будет соблазнять, уговаривать, добиваться. Вместо этого дон ди Сааведра счел себя оскорбленным и... И все. Ни слова, ни взгляда, ни улыбки.

— Хорошо, я передам князю ваши слова, — кивнула Агнешка.

Ди Сааведра отвернулся, со вниманием рассматривая каменную чашу небольшого фонтана.

— Прощайте.

— Еще одно. Этот человек, мажордом, на которого указала Лутеция. Он...

— Да, — кивнул алькальд, не оборачиваясь к собеседнице. — Старый добрый Жименас. Он не мог скрыть свою одержимость, отдавав всего каплю крови, которую ваш Дракон предусмотрительно оставил на шкатулке.

— Господарь настаивает, что его царापина была случайной, — тряхнула локонами Агнешка. — И именно реакция вашего мажордома подсказала Владу о близости тьмы. Вы осмотрели этого Жименаса? Где была его метка?

— Я осматривал тело уже после того, как Жименас покончил с собой. Отметина располагалась под правой лопаткой. — Сааведра пытался спрятать грусть за сухим деловым тоном, но у него не особо получалось. Видимо, со старым мажордомом алькальда связывало некое подобие дружбы. — Я привел экзорциста в камеру... с тем чтобы он изгнал тьму, но не успел...

— И как она выглядела? — жадно переспросила Агнешка. — Я имею в виду его метку.

Алькальд задумчиво повел головой.

— Это было похоже на клеймо, будто кто-то рисовал на коже раскаленным кончиком шпаги. Очень тонкие линии, спираль, улитка, лабиринт... Но, когда я смотрел на него, мне казалось, что меня кто-то туда утащит, прямо в центр...

Ляшская княжна оставляла своего собеседника не без сожалений. Чудный, страстный кабальеро. С каким бы удовольствием она прильнула к его расшитой позументом груди, поцеловала мягкие губы и увлекла бы жертву своих чар в ближайшую беседку, чтобы выразить всю глубину симпатии, которая владела сейчас княжной. Но... Влад Дракон, поручивший Агнешке осмотреть тело алькальда на предмет тайных знаков, был недвусмыслен в своих указаниях.

Разговор тот происходил украдкой, в дворцовом розарии за третьим поворотом садового лабиринта. Собеседники избегали лишних движений, так как стена цветущих кустов была чуть более пяти футов высотой, и, чтобы скрыться от возможных соглядатаев, Агнешке и Дракону приходилось пригибаться. Ляшской княжне эта ситуация напоминала детскую игру в прятки.

— Берегите свою силу, донья, всю до капли, как зеницу ока, — серьезно произнес Дракон.

— Вы хотите сказать... — вызвать на щеках смущенный румянец не получилось, и Агнешка потупила взор.

— Вы прекрасно понимаете, что я хотел сказать. Альфонсито — взрослый мальчик и в состоянии подождать.

Агнешка подняла глаза; кривоватая улыбка князя излучала сарказм.

— Ваша задача не будет легкой, моя любезная донья. Вам придется действовать на самой грани приличий, до которых, впрочем, ни вам, ни мне дела нет. И постарайтесь не оскорбить алькальда своим отказом. Кабальеро горяч и не простит нам посягательства на свою честь. Будьте тактичной и мягкой, наврите ему что-нибудь, в конце концов. Для нас очень важно задействовать в игре человека благородного и наделенного властью. Личная гвардия алькальда, по моим сведениям, насчитывает более трехсот человек и номинально независима от четырех стихийных домов. Когда дело дойдет до драки, такой союзник, как ди Сааведра, будет незаменим.

— Если темные твари, как вы говорите, угрожают самой основе стихийной магии, не лучше ли было привлечь на нашу сторону грандов четырех домов? В конце концов, сильные маги...

Донья Брошкешевич чуть запнулась. Судя по равнодушной улыбке, Дракон ее рассуждения находил комичными, если не глупыми.

— Скольких грандов Кордобы вы знаете лично? — растягивая гласные, спросил князь.

— Только донна Акватико.

— Ну так поверьте, что остальные не лучше. Дон Виенто, глава ветра — выживший из ума старик, Фуэго жаден просто до безумия, а Терра... Пожалуй, только с досточтимым Филиппе Алехандро можно иметь дело, но моя драгоценная супруга позаботилась о том, чтобы мы с ее дедом не нашли общий язык. Не поймите меня превратно...

Агнешка улыбнулась воспоминаниям, скользая в полутьме замковых переходов. Разговор с Драконом приключился презанятнейший, и уже не в первый раз юная водяница перебирала в памяти все его подробности. Влад Дракон, представлявшийся на расстоянии эдаким монолитом, глыбой льда, бесчувственным интриганом, при личном знакомстве немного обнажил свои слабые места.

— Всего лишь мужчина... как забавно... — шептала Агнешка, внимательно отсчитывая пятнадцать шагов от поворота.

Дон ди Сааведра не собирался проводить все утро в розарии. Его внимания и участия ожидал десяток неотложных дел, и алькальд, проводив прелестную донью Брошкешевич рассеянным взглядом, решительно направился к выходу.

— Уделите мне несколько минут вашего драгоценного времени?

Лутеция была в черном. Черное шелковое платье с квадратным вырезом, гагатовый гребень в темных волосах, кружевная мантилья.

— Если вы торопитесь, я с удовольствием сопроводила бы вас. — Девушка говорила негромко, ее янтарные глаза излучали спокойную уверенность. — Могу ли я расценивать ваше молчание как согласие, любезный дон?

Ди Сааведра, дернувшись, поклонился и предложил собеседнице руку. Казалось, в этот момент вся кровь ударила кабальеро в голову. Ибо Лутеция дель Терра была прекрасна до головокружения, до обморока, до зубовного скрежета. Невероятные усилия требовались кабальеро, чтоб отвести вождедеющий взгляд от белоснежной груди, контрастирующей с черным шелком декольте. А эти губы, а розоватые мочки ушей, а длинная беззащитная шея за кружевом мантильи...

— Вы здоровы?

Ветреница, видимо уловив замешательство собеседника, тихонько рассмеялась.

— Погодите минутку. — И быстро провела рукой в воздухе.

Пальчики девушки будто наигрывали мелодию на невидимой мандолине. Воздух сгустился туманом, вбирая в себя крошечные капельки еще не исчезнувшей утренней росы. Последовала вспышка, будто солнечные лучи отразились одновременно в сотне зеркал. Алькальд зажмурился. А когда открыл глаза, перед ним стояла дородная матрона, дама во всех отношениях выдающаяся — как впереди, так и по бокам.

— Наверное, так нам будет проще вести деловой разговор. — Телеса матроны колыхались в такт словам. — Или мне для надежности придумать какой-нибудь изъясн, некий штрих, придающий композиции завершенность?

Алькальд растерянно молчал.

— К примеру, миленький горб, — продолжала матрона, пухленькая ручка которой выписывала в воздухе замысловатые фигуры. — Или шрам через все лицо...

Наконец ди Сааведра понял, что его разыгрывают, и со смехом перехватил запястье шалуньи.

— Достаточно, ваша цель и без того достигнута!

Преображенная Лутеция ответила раскатистым хохотом.

— Донья Брошкешевич жаловалась, что совсем не видится с вами в последнее время, — светским тоном изрек алькальд, размеренно сопровождая свою даму по дорожке розария. — Мне было бы любопытно узнать, какие сюрпризы вы успели для нас за это время подготовить.

— Ах, сударь, вы беззастенчивый льстец, — ворковала матрона. Девушка, спрятанная под грузной личиной, получала от представления нешуточное удовольствие, чего, впрочем, скрывать и не собиралась. — Какие уж каверзы! При нашем уме...

— А чем занят ваш супруг?

Спутница алькальда резко остановилась.

— Мне очень давно не было так весело, как с вами сейчас. — Янтарные глаза, нелепо смотрящиеся на чужом, слегка обрюзгшем лице, наполнились печалью. — Спасибо, Альфонсо.

Ди Сааведра слегка поклонился; его ноздрей коснулся свежий полынный аромат. Ах, тысяча демонов, какая досада...

— О чем вы хотели говорить со мной, Лутеция?

Она молчала, будто взвешивая все «за» и «против».

— Мне нужно, чтобы вы представили меня тайной курии, алькальд.

— Не понимаю, о чем вы.

— Отрицать очевидное — не лучшая политика в отношении настойчивой женщины. Во-первых, я из абсолютно надежных источников осведомлена о существовании некоего совета четырех домов, куда допущены только гранды, самые главные люди Кордобы, сливки сливок, так сказать. Да и, честно говоря, наличие такого собрания не требует особых подтверждений. Оно логично, следовательно, существует.

— Аплодирую вашему уму, донья, но, к сожалению, не являясь не только грандом дома воды, но даже и магом...

— Давайте говорить начистоту, — резко возразила собеседница. — Вы не хуже меня знаете, что времени на недомолвки не осталось. Через несколько дней все решится, к вящей славе одного из стихийных домов или к бесславию всей стихийной магии.

— Но я...

— Вы — алькальд, вы — судия столицы магического королевства. И, как я с удивлением выяснила, ваша должность — единственная из высоких званий, вступление в которую не требует одобрения нашего солнцеподобного величества.

— Значит...

— Значит, остается только курия, любезный кабальеро. Вы ставленник грандов всех четырех домов и, я уверена, знакомы с каждым из них.

— Хорошо, — устало проговорил ди Сааведра. — В существовании тайной курии вы меня убедили. Осталось поведать мне причину, ради которой достойные мужи соберутся вместе и призовут вас, Лутеция.

Матрона с янтарными глазами расхохоталась.

— Им будет достаточно, что я, Лутеция Ягг, связанная со всеми четырьмя домами, делаю первый шаг к знакомству. Вы считаете меня высокомерной, Альфонсо? Это не гак. Ну, разве что совсем чуть-чуть. Меня явно готовили к некому действию, причем разделив мою скромную персону на манер запеченного поросенка. И каждый из участников рассчитывает на свой кусок яства. Смотрите, я — избранница ветра, изначально подававшая немалые надежды, но по праву крови принадлежащая клану Терра. Затем Акватико... Ну, здесь и так все понятно.

— Будьте любезны уточнить, — пробормотал алькальд.

Из широченных складок платья матрона извлекла большой шелковый веер и кокетливо раскрыла его перед грудью.

— Брак, Альфонсито. Я уверена, что моя скромная персона привлекла внимание вашего батюшки задолго до нашей с вами встречи в портовой таверне. Когда мы с вами познакомились, вы уже знали мое имя, как и то, что ваша женитьба — вопрос времени.

Ди Сааведра слегка покраснел, но кивнул.

— Таким образом, — продолжала Лутеция, — скромная студентка из Рутении оказалась связана с тремя стихийными домами. Фуэго, видимо, чувствовали себя слегка обделенными. Но это продолжалось недолго — мэтр Пеньяте уравнил счет, заковав меня в железо.

Ди Сааведра внимал монологу с неослабевающим интересом.

— Вы уверены, что все это не череда нелепых случайностей, а воплощение некоего коварного плана?

— Случайностей не бывает, — грустно ответила собеседница. — Даже пройдоха Стрэмэтуару был в моей истории вовсе не случайным.

Алькальд тихонько сжал дрожащую девичью ладошку.

— Можно мне задать вам один нескромный вопрос, Лутеция? Если не захотите, можете

не отвечать. Князь осведомлен о ваших планах?

— Нет, — просто ответила девушка. — И надеюсь, его неведение продлится как можно дольше.

— Но почему? Почему вы не хотите позволить ему защитить себя?

— Сейчас не я, а вы преувеличиваете мою важность, Альфонсо. К тому же безопасность Лутеции Ягг гарантирована ее незаменимостью, по крайней мере, до активации нового Источника. Влад — другое дело, для кордобских магов его присутствие всего лишь досадная помеха.

— Ваш супруг попросил у меня военной поддержки.

— Так помогите ему, — пожалала плечами собеседница. — В случае победы вы войдете в легенды, как спаситель Кордобы от темных тварей. А в случае поражения... Что ж, думаю, в этом случае просто некому будет вас упрекнуть.

Собеседники замолчали, размеренно, плечом к плечу шагая по мозаичной дорожке. У позеленевшей от времени чаши фонтана Лутеция тронула спутника за локоть.

— У меня есть к вам еще одна просьба, Альфонсито. Только она слегка... то есть совсем...

— Говорите, — подбодрил алькальд девушку, чей смущенный румянец пробивался даже через наброшенную личину. — Обещаю не истолковывать ваши слова превратно.

— Ёжик кот! — пробормотала ветреница и громко продолжила: — Помогите мне увидеть голым Зигфрида фон Кляйнерманна.

Прежде чем ответить, алькальду пришлось досчитать про себя до пятидесяти.

Утро, вступившее в свои права, предвещало прекрасный безветренный день, когда Агнешка Брошкешевич покинула пределы пляссо дель Акватико. Дорога была знакома до мелочей, княжна размеренно шагала по тропке, огибающей валуны песчаника, и наслаждалась прогулкой.

— Погоды-то нынче какие стоят!

Бас у рутенского кабальеро Ивана был грудной, раскатистый, поэтому княжна поначалу вознамерилась лишиться чувств, но затем, когда молодой человек приблизился, передумала. Голубые глаза юноши светились такой детской неподдельной наивностью, что смотреться в их безмятежную глубину было гораздо приятнее, чем в черноту обморока.

— Да, — пролепетала Агнешка. — Погоды стоят. Нынче...

— Вы направляетесь к премудрому Цаю? Позвольте проводить вас, донья.

Донья благосклонно оперлась на предложенную руку.

— Вы ждали меня, Иван?

— Пожалуй, ждал, — ответил богатырь после долгого раздумчивого молчания. — Я, знаете, шел себе, шел, птичек слушал, а потом подумалось мне: а хорошо бы встретить донью Брошкешевич. Тем более что побеседовать нам с вами давно пора.

Чайки визгливо кричали в небе, как бы демонстрируя, что слушать кабальеро было чего. Агнешка улыбнулась и слегка покраснела. Рослая княжна редко получала в свое распоряжение кавалера, который не уступал бы ей в росте. И сейчас, рядом с огромным Иваном, девушке приятно было себя чувствовать маленькой и беззащитной. Она наслаждалась неспешной прогулкой, гадая, о чем таком важном хотел побеседовать с ней рутенский богатырь.

— Медленнее, видимо, уже некуда! — раздался с вышины сварливый возглас. — Хотя нет, ежели вы ползком перемещаться надумаете, так совсем здорово получится!

Лутеция дель Терра кричала с вершины валуна, на котором восседала с видом самым что ни на есть недовольным.

— Желаете, чтоб у меня нос от жары обдулся? Битый час вас караулю, солнцем палимая и всеми ветрами обдуваемая.

Агнешка ощутила укол раздражения.

— Спускайся оттуда, — холодно велела она ветренице. — И хватит представление устраивать. У тебя испарина на лбу и грудь ходуном ходит. Ты бежала сюда со всех ног, чтобы с нами у этого места пересечься. И, судя по сбившемуся дыханию, от самого палящего дель Акватико бежала.

Лутеция раскинула руки и одним длинным плавным прыжком оказалась на тропинке.

— Умная ты, Агнешка, аж противно: — В карих глазах девушки плескалось веселье. — Или завидно, это с какой стороны посмотреть. Бежала я, бежала. Кавалер твой мне понадобился. Прощайся, Иван, с доньей Брошкешевич и идем со мной.

— Куда? — деловито осведомился богатырь.

Лутеция лукаво улыбнулась:

— Пригнись, на ушко скажу.

За считанные мгновения богатырские уши сменили цвет с розовато-телесного на малиновый.

— Как же можно? — лепетал Иван, разгибаясь. — Не пойду я с тобой туда. Без тебя пойду, с тобой ни за что! Ди Сааведра совсем умишка лишился, что ли?

— Ну чего ты кочевряжишься? — ласково уговаривала ветреница. — Мы же с тобой товарищи по оружию, а не парень с девицей. Мы же в разных переделках бывали. Я же помощи прошу, а не для развлечения.

— А муж твой что на это сказал?

— Ничего! А молчание — это знак согласия — всем известно.

— Да ты ему и не рассказала ничего, шептунья.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — сыпала сентенциями Лутеция. — Вань, ну давай уже, решайся. Мне вместо тебя четверку носильщиков нанимать придется. За деньги. А я жадная.

— Ладно, — протянул парень, видимо сраженный последним аргументом. — Только морок какой набрось, чтоб я со стыда не сгорел.

— Всенепременно, — присела в церемониальном поклоне Лутеция. — Я знала, что могу положиться на своего Ивана-царевича!

— Нетушки, я у тебя Иван-дурак, — хохотнул парень. — У тебя нынче все в дураках ходят.

Агнешка наблюдала за воцарившимся весельем отстраненно. Таинственные совместные вылазки Ивана и Лутеции ее интересовали мало, гораздо больше княжну сейчас занимал цветущий вид зловредной подружки. Лутеция просто лучилась спокойной уверенной красотой. Блестели волосы, уложенные в аккуратную дамскую прическу, румянились всегда бледные щеки, широкая улыбка не сходила с ярких губ.

— Меня Цай пользует, — пояснила Лутеция, заметив пристальный взгляд Агнешки. — Иглами своими. По десять раз на дню я к нему на экзекуции хожу.

— Помогает?

— Как видишь, — повела плечами ветреница. — Черепаха говорит, если все пять жизненных потоков по правильным руслам пустить, то здоровья мне на любой обряд

хватит. Оказывается, по хинским учениям, стихий вовсе не четыре, как у нас принято...

— А он успеет твой пояс до праздника снять? — перебила подругу Агнешка.

Ветреница всплеснула руками.

— И лишить ректора минуты триумфа? Ты чего? Пеняйте нам в жизни такого кульбита не простит. Пусть уж потешится старикан, покуражится.

— Кажется, ты времени зря не теряла, — одобрила Агнешка. — Выяснила, как тебе Источник разбудить предстоит?

— Более или менее. Как время придет, со всем разберусь. Меня пока только одна мелочь гложет: не знаю, что я от Вани для своего покровителя передавала. В сверток-то я заглянуть не догадалась.

— А спросить у кабальеро тебе скромность не позволяет?

Иван мялся в сторонке, переступая с ноги на ногу.

— Я спрашивала, — грустно ответила Лутеция. — Только вот ответа не получила. Вопросаемый сразу юлить начинает да отнекиваться. Зная своего покровителя, думаю, зарок там какой или заклятие наложено.

Агнешка тряхнула золотистыми локонами.

— Тогда я попробую спросить. Иван, что было в свертке, который вы передали донье Лутеции? Отвечайте! Смотрите мне в глаза! Не отвлекайтесь!

— Деревяшка, — пробормотал парень. — Поленце.

Лутеция встрепенулась, но Агнешка остановила ее решительным жестом.

— Что за полено? Для чего?

— Для чего, не ведаю, — грустно ответил кабальеро. — Дерево, кажись, туя или каркас пустынный. Мне его доксы пожаловали, на случай, если с дядюшкой поломка какая случится, чтоб можно было его подлатать.

— А другое дерево для големов не подходит? — не выдержала Лутоня. — Олива там или сосна?

Иван повел в сторону подруги мутным взглядом, но отвечал Агнешке:

— Его еще «живое дерево» называют, живое из живого. Я это поленце берег как зеницу ока.

— А продал тогда зачем?

— Деньги нужны были, — повинился Ванечка. — Да к тому же мне пригрозили, что дядюшку распилят, ежели я и дальше жадничать буду.

— И кому же... — продолжала вопрошать Агнешка, но Лутоня перебила ее:

— Дело ясное, что дело темное. Спасибо, подруга!

— Мыслями своими не поделишься?

— Отчего же не поделиться? Только, кажется, тебе лучше будет нашу премудрую Черепаху о том расспросить. Цай рассказчик знатный.

— Ну, раз так, — обиженно протянула Агнешка, — пожалуй, я пойду.

— И нам пора, — кивнула ветреница. — Ты и правда очень умна, донья Брошкешевич. Позволь выразить тебе свое восхищение. Принимай!

Лутеция изобразила кокетливый воздушный поцелуй и дернула за рукав Ивана.

— Давай, царевич, пошевеливайся, у нас тобой еще дел невпроворот. Кстати, ты на швабском бегло говоришь?

— Бегло-то бегло, — обстоятельно отвечал кабальеро. — Только тарабарщина все больше получается.

— Значит, будешь помалкивать.

Агнешка не стала прислушиваться. Предстоящая беседа с хинским магом интересовала ее гораздо больше. Пять стихий, оказывается. Пять, а не четыре. А это значит... Либо очень многое, либо совсем ничего.

— Слышь, донья Брошкешевич, — обернулась через плечо медлящая ветреница. — У меня к тебе еще одно дельце имеется.

Агнешка саркастически искривила губы.

— Совет хочешь дать или указания?

— Вань, ты давай топай дальше. Я тебя догоню. Иди, иди, не бойся, не подеремся, значит, и смотреть тут не на что. Секреты у нас девичьи, не для мужских ушей.

Богатырь прикоснулся к полям шляпы, прощаясь, и скрылся за валуном. Лутеция смотрела на собеседницу, будто подбирая слова. Княжна терпеливо ждала первого хода, не собираясь никому облегчать жизнь. Ветреница краснела, то ли от смущения, то ли от злости, и, наконец, осторожно поинтересовалась:

— Тебе кто из них больше по сердцу — Иван или дон ди Сааведра?

Агнешка фыркнула:

— Я еще не решила. А что, у тебя на этих достойных кавалеров планы?

Лутеция рассмеялась:

— В мои планы входит одного из них удачно женить, желательно на девушке из приличной ляхской семьи. А также хотелось бы, чтоб девушка эта своих поклонников до смертоубийства взаимного не довела. Но этого ведь не произойдет? Она ведь княжна, а не какая-то портовая вертихвостка?

— И кого бы ты этой загадочной девушке выбрать посоветовала?

— Это уж пусть ей сердце подскажет и светлый ум. Она ведь без посторонней помощи что-то в этих кабальеро разглядела, значит, и выбор сама сделает. Только очень я эту благородную донью попрошу, чтоб она была с мужчинами осмотрительна. И это не только кавалеров касается.

— Это мы сейчас о чем? — недоуменно спросила княжна.

— Обо всем, — погасив улыбку, ответила Лутеция. — Игра ведется жесткая, мужская. И даже ум здесь не пригодится, а только хитрость и осторожность. Заклинаю тебя, подруга, никому здесь не верь.

— А тебе можно?

— До определенного предела. Сейчас, в это самое мгновение, верь, а дальше — как сама почувешь.

Агнешка задумалась.

— Ты хочешь сказать, что, если я сейчас попрошу тебя платье снять, ты мне не откажешь?

Темноволосая головка ветреницы кивнула одобритительно.

— Приятно с умными людьми беседы вести. Рада, что ты поняла. Засим прощаюсь. Кавалер твой заждался меня, поди.

— Еще минуту, — схватила водяница затянутый черным шелком локоток. — Не хочу на случай надеяться. Да и к тому же мало ли как все обернется. Не смогу же я при всем честном народе на тебе платье рвать.

— А по-другому как?

— Условимся о тайном слове, чтоб только мы двое могли понять, что дело не чисто. Причем слово должно быть яркое, заметное...

— Петух! — азартно предложила Лутеция.

— Почему?

— Символично. У нас в Рутении именно петухами всякую нечисть усмиряли.

— У нас тоже, — кивнула Агнешка. — До встречи тогда, ветреница. Поспеши! Кабальеро Иван наверняка уже далеко ушел.

— Прощай!

— Что-нибудь передать Дракону при встрече? — шаловливо спросила княжна. — Привет или поцелуй от блудной супруги?

— Если о здоровье своем не печешься, то передавай поцелуй, — расхохоталась несколько не обидевшаяся подруга. — Только потом пеняй на себя — у меня рука тяжелая.

И, махнув на прощанье этой самой «тяжелой рукой», Лутеция скрылась из виду.

— Третьи петухи, красный петух, петушиное слово... — бормотала Агнешка, взбираясь на пригорок, за которым виднелось море и алые скаты шелкового Цаева шатра.

Мудрая Черепаха был занят делом. Поток энергии ци его пациента требовали постоянной корректировки.

— Расковывать вас с супругой давно пора, — проговорил маг, устанавливая третью иглу. — Сила воды не любит застоя.

— Еще немного, — отвечал растянувшийся на кровати Дракон. — Иногда лучше переждать, чтобы решить все проблемы одним махом.

— Ты собираешься воспользоваться порталом, чтобы забрать девушку из Кордобы?

— Она не согласится; сказала, хочет до самого конца остаться, в глаза бывшим друзьям посмотреть.

— Что ж, правда похожа на лекарство — полезна, хотя и горька.

Влад охнул — десятая игла вошла глубже, чем рассчитывал маг.

— Вы сейчас нечасто видите? — как ни в чем не бывало, продолжал Цай. — Она, судя по всему, так выбирает время для визитов, чтоб не встретиться с тобой?

— Лутеции грустно и одиноко, и, к сожалению, я не смогу ей в этом помочь.

Полог шатра сдвинулся.

— Вы поели? — серебристым голосом спросила гостя.

Цай кивнул, одобряя выбранную Агнешкой форму приветствия.

— Так здороваются на моей родине. Подожди, дитя, я почти закончил.

Водяница присела на циновку.

— Лутеция говорила, что вам должно понравиться. Она осведомлена о ваших обычаях и неплохо знает один из диалектов.

— Да, твоя подруга впитывает знания, как морская губка.

— И где же теперь эта... мм... диковинка? — лениво спросил Влад, приподнимаясь на локте. — В каких расчудесных местах нынче знания раздают?

Агнешка пожала плечами.

— С ней Иван, а куда она его зазывала, я так и не выяснила.

— Ванечка — это хорошо, Ванечка у нас парень надежный и вовсе не так простоват, как хочет казаться.

— Алькальд просил вам передать, что празднество пройдет в плясса дель Акватико.

Цай многозначительно пошевелил глянцевитыми бровями.

— Что ж, задача несколько упростилась. Большая удача, что ди Сааведра на нашей стороне. А что с его гарнизоном?

— Стражники с сегодняшнего дня охраняют провал, — зевнул Дракон. — При любых подозрениях на прорыв с той стороны нам немедленно сообщат.

Водяница серьезно спросила:

— Значит, пока будет проходить обряд пробуждения нового Источника, мы можем быть спокойны?

— Провал — самое удобное для тварей место, — ответил Влад. — По своей структуре он очень напоминает мне...

— Самый удобный путь всегда самый очевидный, — перебил Цай, снимающий крышечку с чайной чашки. — Если бы я хотел куда-то проникнуть, я действовал бы хитрее.

— Зброшенный храм? Но магия крови никогда не была близка к стихийной.

— Посмотрим. — Черепаха сложил губы трубочкой, дуя в чашку. — Может, твари и не собираются атаковать сейчас, а будут действовать с осторожностью. Слишком много одержимых бродит нынче по вашей благословенной Кордобе, а способ изгнания нам неведом.

— Учитель думает, что через несколько лет в столице может не остаться людей? — вежливо спросила Агнешка. — Но насколько я поняла, управление чужим телом не доставляет твари удовольствия. Это не жизнь, а они хотят именно жить, а не дергать за ниточки безвольных кукол.

— Посмотрим, — снова проговорил Цай. — Мы сделали все от нас зависящее, чтобы защитить этот несчастный остров и этот благословенный мир. Теперь дело за малым — маленькая княгиня разбудит Источник, и тогда у нас будет выбор: остаться и принять бой или бежать на континент, оставив элорийцев самим во всем разбираться.

— Почему тогда мы не можем бежать сейчас? — Агнешка вовсе не трусила, просто в ее обычае было разобраться в вопросе досконально, прежде чем делать выводы. — Думаю, пояс Лутеции не является для нас препятствием, как и ограничивающая метка князя. Мы можем подкупить кого-нибудь из грандов и воспользоваться порталом.

Дракон ответил не сразу. Агнешке даже на секунду показалось, что князь задремал. Он лежал с закрытыми глазами, ресницы отбрасывали тень на мраморно-бледную кожу. Наконец он открыл глаза и одарил водяницу кривоватой улыбкой.

— Я не хочу спорить с судьбой. Знаете, любезная донья, существует такой миф, или поверье, или, может быть, сказка — о богине судьбы, прародительнице мира. Руты зовут ее Макошь. Сидит триславная матушка на кисельном берегу молочной реки и прядет нити воли и доли для каждого из живущих.

— И Лутеция...

— Лутоня была предназначена для того, чтобы разбудить Источник. С самого рождения.

И как она должна была прийти к этому своему предназначению, вопрос вообще десятый. Ее постоянно что-то сбивало с пути, она отвлекалась, вязывалась в какие-то немислимые авантюры, но шла к цели, даже не сознавая, к чему идет. Просто она должна разбудить Источник, и она это сделает.

— Получается, вы опасаетесь спорить с богиней? — дерзко спросила Агнешка.

— Зачем? — удивленно изогнул бровь Дракон. — Чтобы доказать кому-то, что я главный в судьбе своей женщины?

— Ну хотя бы! — Агнешке стало немножко завидно от этих слов «моя женщина», сказанных с искренностью и простотой. — Все знают, что вы, князь, почти бог и способны менять вероятности по своему желанию.

— Почти, любезная донья, только почти. Может быть, если бы мы встретились с моей суженой в день ее рождения, я смог бы что-то изменить.

В разговор вклинилось дребезжащее хихиканье Черепахи.

— Десятилетнему мальчику вряд ли бы позволили присутствовать при родах, даже в моей просвещенной стране это было бы неприлично.

Влад тоже улыбнулся.

— Ты прав, я увлекся фантазиями. А отвечая на ваш вопрос, любезная донья Брошкешевич, скажу так: как только моя супруга разбудит элорийский Источник, ее предназначением стану я.

— Тебе придется очень постараться, мальчик мой, — побряхтывая, поднялся со своего места Цай. — Твоя княгиня очень увлекающаяся натура. Теперь потерпи, мне нужно извлечь иглы.

Иван конечно же бывал в веселых домах. То есть как бывал... Так! Бывал — и все. И обсуждать это Иван ни с кем не намерен. И у черного хода в эти самые дома бывал, и у парадного. И в комнатах. И под льняными, а иногда, если финансы позволяли, то и под шелковыми простынями нежился, и...

Пронзительный свист из окна второго этажа прервал путаные богатырские воспоминания.

— Ва-аня, — протяжно прошептали сверху. — Ваня! Он дерется, мне помощь нужна.

— Бестолковка! — ругнулся увалень, но устремился на призыв, будто прищпоренная лошадь. — Говорил же — вместе идти, для надежности...

— Ш-ш-ш... — Лутоня нешироко отворила дверь, только чтоб протиснуться, и сразу же захлопнула створку, едва друг оказался внутри. — Надо было всем вместе в засаде сидеть или ди Сааведру на стреме оставить.

Коридорчик был узкий и захлащенный. Видно не было ни зги, только мягким зеленым светом мерцали Лутонины кошачьи глаза.

— На чем оставить? — также шепотом переспросил Ваня.

— В дозоре, значит, на страже. Слово не запоминай, вряд ли пригодится, его лихие людишки пользуют.

Иван не послушался, повторив про себя: «на стреме». Свое разбойничье прошлое под предводительством дядюшки Колоба парень помнил прекрасно и мог бы вернуться к нему в любой момент. Ибо мужчины от таких вещей не зарекаются, так же, как от сумы и тюрьмы. Никто же не предскажет, как карга судьбы ляжет, в какой причудливый клубок сплетет твою волю и долю богиня судьбы.

— Прости, дружище, на меня личина эта так действует, — виновато прошептала Лутоня, прокладывая путь в кромешной темноте.

— Это ты сейчас того самого Изиидо изображаешь?

— Его, родимого. Он у нас кабальеро веселый да обходительный, дамочки его любят. Ты же сам требовал строжайшей конспирации.

Ветреница визгливо хихикнула каким-то своим мыслям, и Иван понял, что Лутеция Ягг, бесшабашная ветреница, умница, красавица и внучка бабы Яги... боится. И что колотит ее сейчас мелкая дрожь вовсе не от азарта, а от накрывающего с головой ужаса.

— Что там?

— Плохо, все плохо, — тоненько всхлипнула девушка и зашуршала, вставляя ключ в невидимый Ивану замок. — Шею береги и помни: мне он живой нужен и по возможности невредимый.

Дверь распахнулась, залив коридор ярким холодным светом. Ваня зажмурился и ступил за порог, позволяя спутнице разбираться с запорами.

— Какое до боли знакомое лицо! — протянул некто хриплым, будто от крика сорванным голосом. — К такому лицу соболья шапка полагается — слышь, дурак, а ты корыто какое-то напаялил.

Иван неторопливо снял шляпу, поискал глазами, куда бы ее пристроить, и просто отбросил подальше. Потому что из мебели в комнате была только большая кровать, на которой восседал изрядно потрепанный, но бодрый Зигфрид фон Кляйнерманн. А этому господину Иван свое имущество доверять не собирался.

Зигфрид хмыкнул и запахнул на груди алый шелковый халат.

— Чего молчишь, чучело?

— Ди Сааведра где? — через плечо спросил Ваня.

— В соседней комнате, с девушкой, — ответила Лутоня. — Я их там заперла, прежде чем за помощью бежать. От греха. Альфонсо ранен.

— Наша общая подруга опасалась, что я возжелаю человечины! — расхохотался Зигфрид. — Она же у нас заботливая, любого обогреет, обласкает, надежду подарит. А понадобится — шлюху швабскую подошлет. Я прав, скажи, фрау Ягг?

— Прав, прав, — рассеянно пробормотала девушка. — А то, что ты к этой барышне уже год будто на лекции ходишь, это мелочь, которую и в расчет принимать не стоит. Это я, интриганка такая, поспособствовала.

— Ты! Что тебе стоило хоть немножко, хоть капельку...

Иван не вслушивался, о чувствах Зигфрида к юной ветренице он и так знал. Давно, еще с той памятной встречи на постоялом дворе заснеженного Рутенского тракта. Да все об этом знали. Пожалуй, кроме самой девушки. Лутоня, она же все в своего парня сыграть норовит — в друзей до гробовой доски, в бой плечо к плечу да в победную пирушку по его окончании. Не замечает она нежной страсти, сквозящей в каждом взгляде серых глаз швабского кабальеро. И в общении очень уж проста, двойного дна ни в беседах, ни во встречах под луной не видит. И ни кокетства в ней никакого нет, ни ужимок, мужскому глазу приятных. И даже странно, что поклонники за ветреницей косяками ходят, как прилипали при крупной рыбе.

Воспользовавшись тем, что внимание барона сосредоточено на собеседнице, Иван осторожно наклонился. В голенище ботфорта был припрятан добрый нож. Нападать на Зигфрида богатырь не собирался, так и до смертоубийства недалеко. Но если метнуть оружие поверх белесой бароновой головы, туда, где у самого потолка болтается на канатах зеркало — большой лист посеребрянной меди, тогда...

— Замри, болван! — взвизгнул Зигфрид. — Без шуточек! Лутоня, я его на лоскутки порву! Вели ему... Вели остановиться!

Тут огневик пустил совсем уж неприличного петуха и закашлялся. Ворот халата

разъехался, обнажая бледное плечо, на котором хищным цветком расцветала метка.

У Ивана от эдакого зрелища в затылке заломило, и он действительно замер.

— Ах, какая жалость, что ни одного вовкудлака в округе нет. Вот бы я тебя, касатика, скрутила! — бормотала Лутоня, обходя лежбище справа. — Ты б переспросил у своего хозяина, или кто там тебя сейчас за ниточки дергает, почему им оборотни не по вкусу? А то вот так и помру необразованная. Интересно же. Слышишь, Зиг?

— Кровь у них, по слухам, поганая, — доверчиво отвечал огневик. — Как ты понимаешь, сам я не пробовал, но так говорят.

— Понятно... А кукловод твой сейчас где?

— Где, где... На бороде! Лутоня-а-а, а давай твоего оболтуса выгоним, а? Поболтаем о том о сем, как в былые времена? — Зигфрид кривлялся, строя умильные рожи, от которых у Ивана мороз по коже пошел. — Ты же знаешь, тебя я не обижу.

— А чем тебе свидетели-то помешали? Так даже интереснее. — Ветреница скользнула на ложе и запрокинула голову к потолку, к полированной поверхности зеркала.

— Какая встреча!..

Громыкнуло, взвизгнуло. Иван ринулся вперед, прикрывая своим телом девушку. С потолка на его спину посыпались мириады острых зеркальных осколков.

По ощущениям, сердце у Ванечки ушло... нет, не в пятки, как можно было бы подумать, а в уши. Билось где-то внутри головы, будто пойманная птаха внутри огромного барабана. Тук, тук, тук...

— Если ты сию секунду с меня не слезешь, жениться придется, чтоб позор прикрыть, — глухо прозвучало снизу. — Ай, нет, ёжкин кот! Я ведь замужем уже!

— Твой муж меня на кусочки порежет, — сокрушенно проговорил Иван, осторожно вытаскивая из-под обломков кровати слегка помятую, но живую и на вид вполне бодрую Лутоню.

— Мы ему не расскажем, — заговорщицки пообещала девушка. — Зигфрид где?

Она завертела головой, потешно вытягивая шею. Такой вот — без личины, растрепанной и чумазой, Лутоня нравилась Ивану гораздо больше. Без этих всяких глупостей нравилась, по-товарищески. Ваня даже немного гордился своим спокойствием перед девичьим обаянием, потому что влюбленных дураков вокруг его подруги вьется и так много, а друг он, почитай, один и остался. Потому что барон... А кстати, барон-то наш где?

Дверь выпала из петель почти бесшумно. Рослая блондинка, выбравшаяся из дверного проема, была Ивану незнакома, поэтому парень поздоровался со всей доступной в его положении вежливостью.

— А, Гретхен! — приветливо кивнула Лутоня. — А друг твой сердечный, кажись, сбежал. Ну и мы тут слегка тебе обстановку... к лешему разнесли.

Гретхен пробормотала что-то на швабском. Судя по покрасневшим щекам ветреницы, тирада вышла забористой.

— Прощенья просим, — поклонился Иван. — Зеркало-то у вас, оказывается, дорогущее было, из стекла.

Где-то вдали послышались встревоженные голоса.

— Уходите, — велела куртизанка. — Забирайте своего алькальда и убирайтесь.

— Слышишь, царевич, кажется, нам намекают, что присутствие наше здесь нежелательно. — Лутоня пошарила за воротом темного кожаного камзола и достала кошель.

— Это тебе, хозяйшюка, за беспокойство. И умоляю, если Зигфрид фон Кляйнерманн объявится...

— Я сообщу, — подобрела Гретхен, взвесив кошель на ладони.

— А как ты начальству погром объяснишь?

Блондинка пожала плечами.

— Никак. Думаешь, вы у меня первые беспокойные клиенты?

— Вот и славно. Вань, бери алькальда, нам его надо в какое-нибудь тихое местечко доставить.

Ди Сааведра тихонько лежал в соседней комнате, оказавшейся гардеробной. Бесчувственное тело кабальеро было заботливо прикрыто платьями Гретхен. Иван отодвинул барахло, взвалил алькальда на плечо и обернулся к дамам, ожидая указаний. Лутоня подбородком указала на дверь и тепло попрощалась с куртизанкой.

— Да уж, неладно все получилось, — сокрушалась ветреница уже на узкой улочке.

— Это его Кляйнерманн так приложил?

— Нет, Альфонсо прежде меня в зеркало заглянул и... Поэтому мне так интересно было, что он там увидел.

— Куда идем?

— Тут же вроде твое пристанище недалеко? То, которое в подвале заброшенного храма.

— Алькальдовы апартаменты ближе.

— А храм удобнее, — возразила Лутоня. — У меня еще одна важная встреча на сегодня назначена. Без ди Сааведры меня туда не пустят, к тому же как-то неловко эдакой замарашкой в гости идти. Мне умыться надобно, причесаться, в порядок себя привести. Иван поправил на плече бесчувственное тело алькальда и зашагал вперед.

— Зигфрида мы разыскать не попытаемся?

— А чего его разыскивать? Он у Гретхен остался, скорее всего, в какой-нибудь каморке пересидел, пока она нас выпроваживала. Думаешь, он босиком в халате на голое тело далеко убежать смог бы?

— Тогда... Я не понимаю...

Лутоня резко развернулась и привстала на цыпочки, ловя Иванов взгляд.

— Вань, Зигфрида я в обиду не дам. И чего бы там сиятельный князь Дракон про него не плел, я друзей в беде не брошу. Что хотела, я узнала, опасность заметила. При нашей следующей встрече я должна быть готова темную тварь, которая на нашем огневики жирует, прочь изгнать. А я пока не знаю как, зато знаю, с кем на эту тему разговаривать надобно.

— А что ты в зеркале увидела, не хочешь поведать?

Ветреница побледнела, но спокойно ответила:

— Именно то, что ожидала. И даже еще немного сверх того.

Глава 10,

в которой выясняется личность таинственного покровителя, Дракон попадает в пикантную ситуацию, а Источник пробуждается

И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало.

Один человек роет колодец, тысячи людей пьют воду.

Бал в палаццо дель Акватико превзошел все самые смелые ожидания досужих сплетников. Дом воды в который раз подтвердил слухи о своем богатстве и величии. Убранство зала отличалось блеском и некоей избыточной роскошью. Насыщенный цвет гобеленов оттенял белизну мраморных стен. Многочисленные вычурные фонтанчики, выполненные из редкого нетающего льда, истекали пряным вином к радости присутствующих. Позолоченная мебель причудливой формы, расставленная в самых неожиданных местах, была к услугам гостей. У кресел и кушеток на круглых столиках постоянно обновлялись напитки и легкие закуски, чтобы почтенные гранды не заскучали, пока легкомысленная молодежь развлекалась танцами.

Герцог Фуэго дель Карреро, облюбовавший нишу оконного проема, в лорнет разглядывал танцующих. После парочки (а если быть абсолютно точным, то и десятка) бокалов хмельного элорийского настроение сиятельного гранда было благодушным. Взгляд выпуклых темных глаз аристократа скользил от дамы к даме, узнавая или знакомясь, пока не остановился на тоненькой фигурке, затянутой в белый, расшитый жемчугом шелк. Донья Лутеция дель Терра. Однако слухи не врут; внучка Филиппе Алехандро отличается наивной живостью, коей начисто лишены большинство кордобских аристократок. Милый полевой цветок, простушка. И хотя темноволосую головку прелестницы украшала массивная диадема, а шею — драгоценное ожерелье, казалось, в любое мгновение донья Лутеция может подхватить шелковый подол и убежать прочь в поисках более интересных развлечений. Шалунья...

— Тигр поджидает в засаде трепетную лань? — неожиданно раздалось за спиной. — Кто же из этих кривляк станет сегодня добычей?

Герцог вздрогнул; бокал накренился, несколько гранатовых капель замарали перевязь.

— Ваши саламандры истекают кровью. — Холеная ручка интимно прикоснулась к мужской груди, скользнув ниже. Графиня ди Васко ни скромностью, ни излишней наивностью не страдала. Вот и сейчас, склонившись перед сидящим в кресле герцогом, она позволяла последнему любоваться полной грудью, эффектно приподнятой корсетом.

— Адонсия, — промурлыкал герцог, — ваша непочтительность к символам дома Фуэго может быть наказана.

— По первому зову, дорогой. Ваша прошлая экзекуция оставила у меня самые приятные воспоминания. — Графиня хищно улыбнулась и присела в соседнее кресло. — Позвольте разделить с вами этот уютный уголок?

Адонсия раскрыла перед грудью большой веер. Его лаковые пластины были украшены россыпью драгоценностей и искусным кружевом.

Кордобские дамы на веерах не экономили. Ведь вещицы эти, кроме высокого статуса своей владелицы, могли продемонстрировать человеку искушенному также ее, владелицы, тайные желания. Язык вееров в высшем свете был распространен чрезвычайно. Ведь так трудно выразить свою благосклонность тому или иному поклоннику под пристальными взорами знакомых, подруг, соперниц, ревнивых мужей, неприветливых матрон, чей век уже минул, и потому чужое любовное счастье вызывает порицание и злобу. Вот и сейчас графиня несколько раз взмахнула веером, будто освежая потоком воздуха разгоряченные щеки. На самом деле движение означало приглашение к танцу. Герцог призыв проигнорировал. Адонсия проследила за его взглядом и беззлобно фыркнула.

— На ваше счастье, я несколько не ревнива. Но вы не ответили на мой вопрос, дорогой. Вашим вниманием завладела маленькая владшская птичка, та, которая танцует сейчас с Драконом? Донья Лутеция, то ли Ягг, то ли Терра?

— Валашская, моя дорогая. Правильно говорить именно так. Но эта птичка вовсе не дикарка, как может показаться на первый взгляд. Она аристократка, по крайней мере, по отцу. И, если слухи не врут, у малышки есть все шансы стать грандессой земли, или ветра, или даже обеих стихий. Девочку готовили разбудить новый Источник чуть ли не с младенчества.

— Ах, будто эти громкие магические титулы хоть что-то значат! — Закрытый веер несколько раз хлопнул по ладони — графиня выражала недоверие. — Без владений, денег и связей все эти мэтры, адепты первого круга и иже с ними подобны шутам с погремушками. Но не будем о политике. Как вы находите ее партнера, светлейшего князя Дракона? Великолепный мужчина, не правда ли?

Если целью Адонсии было вызвать ревность любовника, реплика достигла цели.

— В его внешности есть что-то отталкивающее, — искривились полные губы герцога. — Слишком резкие черты лица, слишком крупный нос. С возрастом ваш Дракон станет похож на хищного ястреба. А она — голубка.

— В ней тоже всего слишком, — приняла подачу графиня. — Вы только взгляните на эту излишне белую кожу, эти большие глаза неопределенного цвета...

— Это янтарь, моя дорогая. У доньи Ягг глаза цвета янтаря. Я уверен, что, когда мне будет позволено в них заглянуть, я рассмотрю россыпь золотистых искорок вокруг зрачка.

— Да вы романтик!

Саркастическое замечание повисло в пустоте, не достигнув ушей распалившегося гранда.

— Она чиста, голубка Лутеция, чиста и невинна. Взгляните, с какой грациозностью она уклоняется от настойчивых мужских объятий. Поверьте, ее партнер в данный момент озабочен вовсе не выполнением фигур танца, а тем, чтобы прижаться поближе.

— Чиста? Невинна? Кажется, вы попались, мой дорогой, — воскликнула графиня. Пластины веера затрещали. — Ну что ж, я вам докажу, что самые страшные демоны водятся в самых тихих озерах. Я загоню для вас добычу.

— Пожалуй, — кивнул гранд, отставляя недопитый бокал. — Я приму вашу помощь. Обычная игра: вы обидите малышку, я утешу. А наградой ловкому загонщику станет ваш вожаемый дикарь. Только вам, Адонсия, придется поторопиться — претенденток скрасить вечер валашского Дракона будет предостаточно.

Герцог поднялся и подал руку своей даме. Откладывать задуманное было не в его правилах.

Я запрокинула голову, любуясь парящей в высоте, у самого переплетения потолочных балок, огромной люстрой. Частичкой своего сознания, той самой, которая отвечала за крохоборство, я невольно подсчитывала, во сколько золотых дублонов обошлось организаторам праздника это ветренное колдовство. Тысячи две, не меньше. Это же магия штучная — поднять эдакое колесище в воздух, да еще магический огонь в сотне свечей поддерживать. Да уж, чего у дам воды не отнять, так это умения празднества устраивать.

— Даже если она упадет, я успею нас выдернуть, — прошептал Дракон, одарив меня своей кривоватой усмешкой.

— В любом случае, пострадают самые рослые. Коротышкам вроде меня и бояться нечего.

Шаг, второй, вправо, влево, поклон, поворот... Как же я танцы ненавижу, оказывается.

— Твоя сосредоточенность оскорбительна, птица-синица. Неужели кавалер не может отвлечь тебя от грустных мыслей?

— Если бы кавалер не пытался мне ноги оттоптать, а развлекал ни к чему не обязывающей

беседой...

— То есть раскаяния мы не ощущаем?

— Нисколечко. Может, плюнем на куртуазность и прогуляемся?

— Ты не покинешь бальную залу, Лутоня!

Указание это Влад повторял уже раз двухсотый. Никуда не уходить, ни с кем наедине не оставаться, каждые несколько минут мелькать пред синими очами супруга и повелителя, не нарушать, не капризничать. Поначалу я думала, что Дракон опасается Зигфрида, моего одержимого друга, шатающегося неизвестно где, но когда меня чуть не насильно оттащили от группы студентов, к которым я подошла просто поздороваться...

— Долго еще мне здесь веселье изображать? — недовольно спросила я. — Дон Акватико говорил, что как только Источник активизируется, я смогу быть свободна.

— Его величество запаздывает. Начинать праздник без него было бы недопустимой грубостью. А проведение обряда и вовсе невозможно.

— Ага, мне говорили, что элорийский монарх должен руководить обрядом. Только вот уже никто не помнит — это просто традиция, вызванная желанием сохранить равновесие власти стихийных домов, или необходимость.

Музыка закончилась, скрипачам было дозволено передохнуть, и Влад подвел меня к сервировочному столику. Вкушать яства на балу я опасалась, не желая нарушить хрупкое равновесие своего многострадального организма, поэтому скорбно вздохнула и отвернулась от закусок.

— Как ты себя чувствуешь? — Дракон коснулся моей талии. — Пояс доставляет неудобства?

— Не очень, — улыбнулась я, не пытаясь скрыть удовольствие от прикосновения. — Мудрая Черепаха свое дело знает получше, чем некоторые мои знакомые маги воды.

— Старик за глаза осыпает тебя комплиментами. Мне впору начинать ревновать.

— Как ты с ним познакомился?

Влад подозвал юркого лакея и велел принести воды и льда, и уже, наблюдая за моими крошечными глотками, ответил:

— Это давняя история, и пожалуй, ты знаешь некоторую ее часть. Давным-давно один не по годам разумный и оттого дерзкий княжич угодил в ловушку. Злая женщина пленила его, заковала в цепи, лишила магии. Юноша угасал от обезвоживания и потери крови, которую эта злодейка пила. Он уже почти смирился с неволей, когда однажды на пол его темницы свалилась из гобелена мелкая чернокосая крестьянская девчонка.

Я улыбнулась, вспомнив нашу самую первую встречу с Драконом. Мы с Иравари тогда были озабочены самым важным женским делом — выяснением личности суженого. Вот и выяснили. Сколько же мне лет было? Семь или восемь...

— Я тогда еще дедушкой тебя назвала. Ты страшный был — жуть, чисто Кашей.

— На тебе было что-то желтое, сарафан или рубаха, и ты по-птичьи наклоняла голову к плечу, птица-синица. — Влад говорил негромко, я потянулась к нему, чтобы лучше слышать. Наши пальцы сплелись.

И громко стучало мое сердце, и прервалось дыхание. И поняла я, что никогда и никуда не денусь от своего Кашея. Даже если гнать будет, не уйду. Потому что только с ним рядом я живу, а не просто существую.

Влад привлек меня к себе. Нет, мы не целовались, и объятий никаких не было — слишком много чужих глаз. Но, судя по тому, как пульсировали зрачки моего супруга и повелителя, очень немного отделяло его от того, чтоб оттащить меня в угол и...

— А как же Цай? — срывающимся голосом спросила я.

— Кто? — Дракон моргнул и очнулся. — Ах да... Я очень долго не мог прийти в себя после всех событий. Магия крови изрядно подорвала мою стихию, отец встревожился и нанял самых известных на континенте лекарей. Одним из них и был хинский маг Цай.

— А хиняне, что ли, магию крови пользуют? — с интересом спросила я. — Ну, раз лечить от нее умеют?

Дракон рассмеялся и поцеловал меня в кончик носа.

— Именно о твоём любопытстве меня и предупреждает мудрая Черепаха. Он думает, что ты бросишь меня в погоне за чем-то новым и неизведанным и серьезно намерен предложить тебе отправиться с ним к Желтой реке, дабы изучать основы иглоукалывания.

Я озиралась, выясняя, не заметил ли кто нашего мимолетного поцелуя, поэтому не ответила.

— Ты поедешь? — неожиданно хриплым голосом спросил Влад.

— Что?

Дракон улыбался, но в глазах его читалась неуверенность.

— Ты отправишься с Цаем изучать хинские таинства?

Захотелось жеманно хихикнуть и пропищать что-то на манер: «Можно подумать, ты меня отпустишь!» Но я сдержалась. Потому что... А вдруг действительно отпустит? Скажет: «Поезжай, учись. А я пока еще полконтинента завоюю, чтоб не скучать». А я тогда просто умру. Потому что пойму, что он меня не любит. Ценит, может быть, страсть испытывает, благодарность за спасение. Но не любит.

Поэтому я буркнула:

— Нет, — и опустила нос в бокал с ледяной водой.

— Я оставлю тебя ненадолго, — проговорил Дракон, устремив взгляд куда-то в толпу. — Не шали.

Я проводила взглядом его прямую спину, всхлипнула и направилась к креслу. Остановил меня ощутимый тычок в бок.

— Осторожнее, сударыня!

Бокал звякнул о паркет, разбившись.

— Простите. — Я легко поклонилась рослой даме, преградившей мне путь, и взглядом поблагодарила лакея, подобравшего осколки. — Моя задумчивость стала причиной инцидента.

— Не льстите себе, разве способны вы думать?

Я вздернула подбородок и гневно взглянула на собеседницу. Будет она мне еще гадости говорить! Красотка перезрелая!

— Вам ли об этом судить!

— А вы дерзки! — Дама нервически обмахивалась веером.

Язык вееров я как-то выучить не удосужилась. В обществе, в котором мне приходилось вращаться до последнего времени, он принят не был. Представив себе пронырливого трактирщика или контрабандиста, подающего тайные знаки при помощи опахала, я чуть было не рассмеялась.

— Последнее время среди дам Кордобы приняты дуэли, — наступала меж тем красотка. — Так что мой вам совет, милочка, будьте осмотрительнее.

За плечом прекрасной воительницы маячил долговязый господин. Уголком глаза я

заметила золоченых саламандр, коими украшена была перевязь гранда. Фуэго? Ах, какая досада! У меня же с домом огня как раз спорный вопросец образовался. Там и земли-то всего ничего, но вся моя. Как говорится, было ваше, стало наше. Только вот если поглубже копнуть да выяснить, что юного наследника нарочно в трактире подпоили, прежде чем за карточный стол усаживать... Словом, не хотелось бы мне это дело ворошить. Я томно взглянула на благородного дона. Ну, что ж ты строгий такой, дяденька? Прямо будто аршин проглотил. Посмотри на меня добродушенько. Разве можно такой расчудесной донье препятствия в делах учинять?

Черепеха со всей определенностью обещал, что, пока он меня иголками пользует да потоки крови по правильным меридианам разгоняет, очарование мое для сильного пола будет убийственно. На всех ведь действовало до сего момента, даже личины на себя приходилось натягивать, чтоб от дела собеседников не отвлекать.

Наконец гранд огня заметил мои гримасы и расплылся в улыбке. Я улыбнулась в ответ и буквально в последний момент успела перехватить занесенную для удара руку приставучей дамы.

— Я, Адонсия, графиня ди Васко, вызываю вас на поединок, — зашипела она мне в лицо. К слову, для этого эффектного заявления графине пришлось наклониться, так что я даже испугалась, представив, как вываливаются на меня освобожденные из корсажа груди.

Балаган, честное слово!

Я сжала пухлое запястье.

— Я вам нос откушу! — И улыбнулась так широко, что за ушами хрустнуло. — И до дуэли дело не дойдет.

Видимо, что-то такое было в моем лице — опасное, бесшабашное и злое, потому что Адонсия растерянно всхлипнула.

— Пустите...

И тут мне показалось, что в толпе мелькнул и пропал мой одержимый огневик. Будто прикрыл он подбородок полой расшитого золотой вязью плаща и нырнул за колонну.

Я разжала пальцы, безвольно опустив руку. Зачем он здесь? Готовит вторжение темных тварей? Но Влад уверен, что паляссо дель Акватико — последнее место, где они смогут проникнуть в наш мир. Здесь же ни одного зеркала нет. А даже если и найдется, что такое одно маленькое зеркальце для ожидающих там, за гранью мира, легионов?

— Вас что-то опечалило, восхитительная донья?

Журчащий баритон вливался в мои уши теплой патокой.

— Все прекрасно, сударь, — улыбнулась я гранду с саламандровой перевязью и попыталась ускользнуть. Если мой сиятельный супруг повстречает Зигфрида первым, за сохранность долговязого огневика я не поручусь.

— Позвольте вас сопроводить, — не отставал Фуэго.

Я молча рассекала толпу, по опыту зная, что любой мой ответ может быть расценен как приглашение к беседе.

Приметный Зигфридов плащ мелькнул у каминной ниши. Я прибавила шаг, обогнула лакея, шушукующую парочку, согбенного под тяжестью огромной церемониальной цепи старичка. Вокруг стало неожиданно пусто, будто спасался люд от пожара. Разбежался, но далеко не отошел. Остался издали наблюдать — сгорит все, не сгорит.

— Его величество Карлос Первый, король Элорийский и прочая, и прочая, и прочая! — громыхнуло в вышине и раскатилось по зале звонким магическим эхом.

Старичок цепко ухватил меня за запястье и с неожиданной силой развернул. Белый шелк юбок взметнулся волнами, голова закружилась. Я на мгновение прикрыла глаза.

— Простите, ваше величество, я вас не узнала, — виновато прошептала, пытаясь собрать в кучку разбегающиеся мысли.

— ...При свете то есть, — зачем-то добавила я и отчаянно покраснела, поняв, какую двусмысленность сейчас произнесла.

Король осклабился, продемонстрировав острые длинные зубы, так плотно сидящие, что вызвали мысли об огромной хищной рыбе. Но ничего не ответил, продвигаясь через весь огромный зал к массивному резного дуба трону, который ожидал его на постаменте. Я семенила рядышком, ибо руку мою никто отпускать не собирался.

Гости расступились, образовав довольно широкий проход. До меня доносился завистливый шепоток дам; взгляды, казалось, оставляли грязные пятна на моем горящем лице.

— Я тебе свой новый роман посылал, — почти не шевеля губами, проворчал его величество. — Прочла?

— Это который про благородного кабальеро, попавшего в тело простолюдина по воле злой колдуньи? — Ошибиться я не боялась, у любимого сочинителя всея Элории в каждой истории кто-то в кого-то попадал.

— Нет, про дерзкую простолюдинку, у которой в наказание отобрали разрешение на торговлю пряностями!

Я смутилась.

— Вот честное слово, времени не было! Вы сами меня с поручениями загоняли. Я и не спала даже, и питалась не так чтоб очень...

Король фыркнул, не разжимая губ.

— Я прочту, — пискнула я со всей искренностью и попыталась освободить уже саднящую руку. — Эссе еще напишу на тему. Вот Источник разбужу — и сразу...

— Ваше величество! Как же так! Мы ожидали вашего прибытия у парадного подъезда!

Подбегать и одновременно кланяться было делом непростым, но дон Акватико старался изо всех сил. Он попросту не разгибался, а так и несся на нас, склонив голову, будто впервые выпущенный на корриду бычок.

— Да мы по-свойски решили заглянуть, — ответствовало наше эксцентричное величество, усаживаясь на трон. — Пользование личным королевским порталом все еще входит в наши королевские привилегии.

Дон Акватико сделал вид, что не понял сарказма, я сделала вид, что рука ни капельки не болит.

— Донья дель Терра будет сидеть рядом со мной, — сообщил король в пространство.

— Велите принести табурет для доньи дель Терра, — нараспев прокричал дон Акватико.

— Я не посмею, ваше величество.

Поклон получился рискованно низким. А я еще про Адонсины груди плохое думала. Меня сейчас от позора отделял всего один слой белого шелка.

— Красивое платье, — кивнул на мое декольте король. — Садись уже, ты мне обзор закрываешь.

Скрипки вновь ожили, вереница гостей потянулась к трону. Засвидетельствование почтения могло затянуться надолго. Поэтому я, стараясь широко не зевать, уселась поудобнее и задумалась.

Я же поначалу и представить не могла, что бойкий пожилой кабальеро, с коим мы повстречались в пустынной библиотеке Квадрилиума, — наше солнцеподобное величество Карлос Первый. Думала, библиотекарь какой бессонницей мается. Поэтому о

литературе с ним беседовала откровенно. Моего нового знакомого интересовали истории художественные, в которых автор дает волю своей фантазии. Меня привлекали исторические трактаты, но общий язык мы нашли довольно быстро. Я с иронией критиковала фабулу королевских романов, собеседник искренне смеялся, иногда соглашаясь, иногда споря до хрипоты. Когда в одну темную безлунную ночь «библиотекарь» открыл мне свое инкогнито, я чуть было со стыда не сгорела. Но обошлось. Величество находил меня забавной, а я продолжала рубить правду-матку о его трудах, ибо хода назад уже не было.

Потом беседы наши приобрели другой оттенок. Я охотно рассказывала о своей жизни в университете, о безденежье, о неловких попытках пополнить пустые карманы. Король оказался человеком хозяйственным, но авантюрной жилки не лишенным. Его советы, которые я незамедлительно воплощала в жизнь, были чудо как хороши. Это же на самом деле он придумал торговлю пряностями да благовониями, а когда понял, что я справляюсь, подарил мне королевский патент.

Более всего в покровителе привлекала меня наша схожесть — как и мне, ему приходилось скрываться под личиной, чтобы чего-то добиться. И если для себя я выбрала образ провинциального кавалера Изиидо, его величество притворялся недалеким эксцентричным аристократом. Вся власть в Элории фактически была поделена между четырьмя стихийными домами, король воспринимался всего лишь как церемониальная фигура и, несмотря на некоторые привилегии, настоящей власти был лишен.

— Предки мои постарались, — сокрушался Карлос, кутавшийся в горностаевую мантию от библиотечных сквозняков. — Буквально за несколько поколений главенство королевского дома, призванного регулировать отношения между кланами стихийных магов, сошло на нет. Изоляция, демоны ее дери, внутрисемейные браки... Дедушка мой влез в такие долги перед домом Акватико, что, наверное, только правнуки смогут с ними расплатиться.

Я на эти жалобы могла только сочувственно кивать, но, когда мне предложили помочь в возрождении былого величия короны, согласилась. Таким вот образом Лутеция Ягг стала работать на Элорийский престол. Не без выгоды для себя, конечно, но и не без удовольствия.

— Кругом шпионы и наушники, — поучал меня король. — Никому доверять нельзя, даже себе. В Квадрилуме такие умельцы обитают, что все тайны им раскроешь, даже не заметив, как рот открыла.

— Так что, мне язык себе подрезать от греха?

— Заклятие на тебя наложу. Знаешь, какая магия элорийским королям с древности положена была?

— Какая? — У меня, наверное, даже кончик носа шевелился от любопытства. — Не стихийная ведь?

— Предтечи могли людьми управлять. Страшная магия была, сильная. Сейчас-то, конечно, почти ничего не осталось — так, крохи. Но, для того чтобы ты никому ничего лишнего не сболтнула, мне и крох хватит.

Я раздумывала недолго. В конце концов, почему бы не сделать приятное хорошему человеку, который к тому же и патент на торговлю пряностями отобрать может.

— Приветствую его величество! — Знакомый голос выдернул меня из воспоминаний.

У королевского трона Влад Дракон склонился в вежливом церемониальном поклоне. Ну, если на полвершка опущенный подбородок можно считать поклоном.

— Рады лицезреть вас, князь, — простецки ответил Карлос Первый. — Развлечете нас свежими континентальными сплетнями? А то мы здесь совсем оторваны от большого мира.

— С превеликим удовольствием, ваше величество.

Опять засуетился дон Акватико, все это время стоявший в почтительном удалении по левую руку короля. Слуги принесли еще один стул, музыка грянула, скрывая образовавшуюся заминку, и я на минуточку оглохла. Первое, что я услышала, когда слух, наконец, вернулся, был журчащий тенорок нашего величества.

— Вот, а она, представьте себе, тайную курию собрала, чтоб они пообещали вам зла не делать. Дерзкая девчонка!

Простоте монаршей беседы я немного удивилась. У Карлоса Первого было как бы две ипостаси. Одна — внушительная и неприступная, предназначенная для всякого рода церемоний и выходов в свет, а другая — свойская, с которой я привыкла общаться во время наших тайных встреч. Но то я, а то правитель немаленького государства.

— Шпионская сеть его величества всегда вызывала у меня зависть, — улыбнулся Дракон, метнув в мою сторону строгий взгляд. — Моя супруга, насколько я понимаю, также принимает участие в вашей великолепной игре?

Я чинно сложила руки на коленях и делала вид, что тема беседы нисколько меня не касается. В дальнем конце залы суетились слуги, подготавливая помост. Я прищурилась.

— Сначала гам представление обещанное покажут, а следом и твой черед подойдет, — прозвучало у моего плеча.

Я обернулась. Говоривший — низкорослый, почти карлик — был закутан в серый плащ по самую макушку, так что личность его я не признала.

— Лутона, это же я. — Из складок плаща показалась рука — хрупкая пятерня из полированного дерева.

— Колобок?

— Ну, или Бромиста, как тебе будет угодно.

Деревянный голем отбросил капюшон плаща и низко склонился, вызвав удивленное перешептывание гостей.

— Лицедеи! — захолопал в ладоши Карлос Первый. — Обожаю представления! Мэтр Пеньяте обещал показать нам незабываемое зрелище в этом году. Вы, князь, кажется, тоже принимаете участие в действе?

Влад поклонился:

— Надеюсь доставить его величеству удовольствие. — И, отпущенный мановением монаршей руки, удалился в сопровождении ростовой куклы.

Бывший Колоб оглядывался и посматривал на меня смущенно, будто извинялся за что-то. Супруг же, напротив, взглядом меня не удостоил.

— Дерзкий мальчишка, — озвучил любимое ругательство король. — Сети он шпионской позавидовал. Нормальный кабальеро позавидовал бы, да и стал по одному чужих шпионов убирать.

— Позвольте полюбопытствовать, как же ненормальный кабальеро поступил в этой ситуации?

— Уж поступил, будь покойна...

Волен же величество наговаривать, у Дракона и интересов никаких в Элории до сего времени не было, и в местные игрища он не лез. Молчала я, видимо, очень красноречиво, потому что Карлос Первый недовольно скривился.

— Если ты своего супруга передо мной защищать надумала...

Угрозы я не испугалась, ответила спокойно и твердо:

— Он — мой муж. И даже если весь мир ополчится на него, я останусь рядом прикрывать его спину.

У короля были черные глаза, блестящие, как зрелые оливки, и он с минуту буравил меня взглядом.

— Вы стоите друг друга, даже боюсь себе представить, что ваша пара способна натворить на континенте.

Я промолчала; намек на то, что «творить» что-нибудь в расчудесной Элории не следует, к сведению приняла.

Гроыхнули фанфары, сменившие уставшие скрипки. Оснащенная колесиками сцена двинулась через зал, поближе к главным зрителям. Его величество опять захлопал в ладоши, радуясь развлечению.

— Мэтр Пеньяте где? Я хочу разделить с ним удовольствие.

— Я здесь, ваше величество.

Ректор поклонился с непередаваемым изяществом и искоса бросил быстрый взгляд на меня.

— Рад, что донья Ягг пребывает в добром здравии.

— Вашими молитвами, — елеино улыбнулась я.

Он что, думал, я от его поясочка конечности отброшу? Конечно, если бы не друзья — маги воды, да хитромудрый Черепаха, это вполне могло бы произойти.

— Я освобожу вас непосредственно перед обрядом, — пообещал ректор.

— Уж будьте так любезны.

— К сожалению, потом, донья Ягг, нам придется вернуть его. Природа неконтролируемых стихий такова, что, прежде чем мы убедимся в вашей безопасности для окружающих, нам следует проявить осторожность.

Я зевнула, изящно прикрыв рот ладошкой. Только через мой труп, дражайший мэтр. Я лее сопротивляться буду, драться, если понадобится. Как лягушку надую, ёжик кот!

— О ком вы сейчас секретничаете? — воскликнул король. — Донья Ягг? Я не вижу здесь такой персоны. Мэтр, видимо, ошибся. Восхитительная донья, кою вы имеете честь лицезреть, давно уже носит другое имя. Не так ли, княгиня?

Мамочки! А ведь он прав. У замужней дамы и прозвание должно быть другое, по мужу. Как же зовут теперь Лутонюшку? Пеньяте успел придумать прежде меня. Он склонился еще ниже.

— Прошу прощения, донна Дракон!

Мне очень недоставало веера — прикрыть пылающее лицо.

— Она вас простила, — пришел на помощь король. — А теперь, милейший ректор, давайте наслаждаться представлением. Лицедееи готовы начать.

Пеньяте попятился, открывая для нас обзор.

— Если будет угодно его величеству, я в нескольких словах опишу предстоящее зрелище. Пьеса, которую мы осмелились предложить вашему вниманию, написана на франкском моими студентами около десяти лет назад...

Тем временем на сцене появились первые актеры. История эта была мне смутно знакома. К правителю некоего вымышленного королевства являются двое проходимцев, которые обещают сшить ему новое платье из волшебной ткани. Волшебство заключается в том, что ткань будет невидима для глупцов. Правитель, сам не семи пядей во лбу, соглашается на сделку, намереваясь выяснить, насколько умны его придворные.

Ушлых проходимцев представляли Бромиста с Ванечкой. Их разновеликий дуэт выглядел комично, и, судя по тому, что зрители покатывались со смеху после некоторых

реплик, авторы вложили в уста их персонажей довольно забавные диалоги. Я мысленно отругала себя за то, что не удосужилась выучить франкского наречия.

Мошенники некоторое время кривлялись около пустого ткацкого станка, а затем отправились к «королю». В бутафорской короне их встречал Влад. Участие в этом безобразии, кажется, доставляло Дракону удовольствие. Он бойко отыграл диалог, изображая глуповатого напыщенного аристократа, затем задумчиво обошел пустую вешалку, на которой «висело» то самое невидимое платье.

Я уже догадывалась, что за этим последует, и с ненавистью обернулась к ректору.

— Вам так хотелось его унижить?

Пеньяте прижал руки к груди в притворном удивлении.

— Восхитительная донна, это всего лишь шутка! Отдача долга, так сказать.

Мое рычание было не слышно из-за бравурной музыки, я повернулась к сцене и зажмурилась. Действо шло своим чередом. Возбужденные возгласы зала подсказали мне, что кульминация близится.

«Не буду, не буду смотреть...» И я открыла глаза. Влад Дракон, обнаженный, стоял на сцене. Теплый свет потолочных светильников ласкал его мраморную кожу, волосы достигали плеч, оставляя тени на ключицах. Я сглотнула, встретившись с взглядом синих глаз. Дракон был спокоен — совершенно, нечеловечески спокоен. Где-то там, в толпе, повизгивали скандализированные дамы, или не скандализированные, а, напротив, возбужденные. Мне было не до них. Я с отчетливостью поняла, что, по крайней мере, в этом Пеньяте проиграл. Что нет никакого унижения в том, что мой красавец-муж оказался обнаженным перед огромной толпой народа.

Они сорвали овации. О, какие восторженные крики раздались в зале, когда представление окончилось! С потолка обрушился дождь розовых лепестков. Дракон сдержанно поклонился и, шагнув со сцены, приблизился к нам.

— Если его величество позволит, я хотел бы обратиться к мэтру Пеньяте.

— Ну что ж, ректор, — продолжая аплодировать, рассмеялся король. — Князь выполнил все ваши условия. Теперь мы можем ему позволить пользоваться порталами.

Пожилой огневик был растерян. Кажется, он рассчитывал на другой итог задуманной им каверзы. Глазки ректора воровато забегали, прежде чем их взгляд остановился на мне. «Ну что ж, — читалось в нем, — Дракон ускользнул, но его девчонка все еще в моих руках».

— Благодарю, князь, — кивнул, наконец, ректор. — Я доволен и в ближайшее время вычеркну ваше имя из «Книги запрета».

— Сейчас, — ласково поправил его Влад. — Умоляю вас сделать это немедленно, еще до того, как я успею переодеться.

«Сценический костюм» Дракона вызывал немалую ажитацию среди ближайших дам, и я уже всерьез намеревалась сдернуть оконную гардину, чтобы прикрыть мраморную Драконью наготу.

Снова поднялась суета. Засновали слуги, ожили скрипачи, чтобы заполнить приятной музыкой образовавшуюся паузу. Некоторые гости уже пили прямо из фонтанчиков, видимо отчаявшись, что кто-нибудь их обслужит.

Наконец «Книга запрета» была явлена зрителям, и под аплодисменты ректор Квадрилиума мэтр Пеньяте вымарал из нее имя моего супруга.

— Теперь вы можете одеться, князь, — отечески сказал его величество. — Празднество сегодня удалось на славу, надеюсь, его заключительная часть доставит нам не меньшее удовольствие.

Дракон поклонился и... ушел. Ушел, не сказав мне ни словечка, даже не посмотрев в

мою сторону. У-у-у, злыдень!

— Тебе стоит подготовиться, девочка. В гардеробной ждут медички из университета.

— Ваше величество, — пробормотала я, присев в реверансе, — забыла вас предупредить. Если там петь понадобится, у меня...

— Голоса нет, что ли? — иронично переспросил монарх.

— Есть, — совсем уж пригорюнилась я. — Только противный. От моего пения мухи в полете дохнут.

— Что ж, теперь я знаю, кого нужно призывать на борьбу с мошкаррой. Иди, ничего не бойся. Ректор, проводите свою подопечную.

Медички были мне незнакомы, — все, кроме их начальницы. Я приветливо поздоровалась, получив в ответ настороженные глубокие поклоны. Сестра Матильда вообще смотрела на меня, как на заморское чудо-юдо.

— Сиятельная донья позволит ей помочь?

Я фыркнула.

— Сударыня, это же я, все та же Лутеция Ягг, нерадивая студентка и прочая и прочая. То, что на мне сейчас бальное платье и драгоценности, дела не меняет.

— Как будет угодно донье.

Я решила не спорить и не умножать сущности. Сейчас есть дела и поважнее.

Меня осторожно разоблачили. Я осталась стоять в центре небольшой гардеробной в одном белье и с диадемой на голове. Актёрка, балагашница, честное слово!

— Требуется свободные одежды, — ворковала некогда свойская сестра Матильда. — Ректор отомкнет пояс уже перед алтарем, чтоб освобожденная сила сразу же поглотилась.

Я безвольно продела руки в рукава шелкового балахона.

— Пройдемте, донна, — повлекли меня к двери.

Вышли мы не в сам бальный зал, а на опоясывающую его галерею. Ажурная лесенка спускалась к сцене, на которой уже стоял накрытый парчой алтарь и были разложены предметы для обряда. У нижней ступеньки меня ожидал мэтр Пеньяте, в правой руке ректора поблескивал довольно большой ключ. Я поискала глазами Дракона, но не нашла. Шаг, другой. Я споткнулась, одна из сестер поддержала меня.

— У вас щека чем-то измазана, — шепнула она доверительно и сунула что-то мне под нос. — Взгляните!

Зеркальце было совсем крошечным. На мгновение мне показалось, что я смотрю в расширенные от ужаса глаза Иравари, а потом чернота поглотила меня.

На таком шикарном балу Агнешка присутствовала впервые. Те, которые проводил ее родитель в мрачном Казимижском замке, были менее помпезны. Парочка жонглеров и акробатов, заезжий менестрель с тягучими балладами и небольшой оркестр дудочников, набранный из попавших под руку крестьян, — вот и все развлечения, которые были знакомы юной княжне. Сегодня все было совсем по-другому. Шикарно разодетая публика и праздничное убранство залы радовали глаз, слух услаждала великолепная музыка, а вкус — тонкие вина и пикантные закуски.

— Великолепная донья позволит пригласить ее на танец?

Вопреки ожиданиям, к ее руке склонился вовсе не благородный кабальеро ди Сааведра, а шушущий алым шелком хинский маг.

— Извольте, — улыбнулась водяница. — Не ожидала, что учитель танцует.

Цай, уверенно выполняющий фигуры, ответил на улыбку.

— В моем возрасте любая возможность побыть близко к такой ослепительной красоте ценится высоко.

Агнешка слегка покраснела, но комплимент пришелся ей по вкусу.

Лутеция танцевала с Драконом. Водяница время от времени посматривала на нее, чтобы не упустить ничего важного. Вот музыка смолкла; Дракон увел свою даму. Агнешка перевела дух и приняла от кавалера бокал рубинового вина.

— Надеюсь, обряд пройдет удачно и уже к завтрашнему утру в храмах Элории пробудится новый Источник. Знаете, как его называют? «Мать четырех ветров». Символическое название.

Черепаша пожал алыми плечами.

— Четырех? Действительно...

— Ну да, четыре стихии олицетворяются четырьмя потоками.

— Восхитительная донья плохо усвоила мои уроки. Меня это печалит. Ваша легкомысленная подруга была более внимательна.

Агнешка немного обиделась. В чем в чем, а в учебе она могла дать фору кому угодно, а уж Лутеции Ягг и подавно.

— Ваши маги, — продолжал меж тем Дай, — обладают ограниченным воображением и отрывочными знаниями о природе магии. Зашоренный разум не может развиваться и...

— Так, значит, стихий пять? Припоминаю, вы говорили об этом. Огонь, вода, земля, связующий их ветер и... какая же пятая?

— На самом деле стихий больше. Магия безгранична и разнообразна в своих проявлениях. А какая стихия придет сегодня в этот мир, зависит от нашей маленькой княгини и от нас с вами.

— Я перестала понимать вас, учитель.

— Выбор. Сегодня рутенская девочка, внучка вашей сказочной бабы Яги, будет стоять перед выбором. И наша с вами задача не подпустить к ней никого, кто на этот выбор сможет повлиять.

— А если она не справится, если мы допустим промах? Что тогда произойдет?

— Мир не погибнет, не погаснет солнце, не сдвинется земная твердь. Большинство жителей этого прекрасного мира продолжат жить, как и жили. Просто сначала немножко изменится вера, мораль, отношение к ближнему и дальнему. Все это будет происходить незаметно для простых умов. И в один прекрасный день на главной площади Кордобы проведут, к примеру, первое человеческое жертвоприношение. Вы напуганы, дорогая? Я вовсе не хотел, чтобы в ваших аквамаринных глазках появились слезы.

Агнешка с удивлением поняла, что пожилой маг... флиртует!

— Где ди Сааведра? — Незаметно подошедший Дракон разрушил неловкость момента. — Я не вижу его в зале.

— Он отправился за город, проверять караулы у провала.

Князь помрачнел и вполголоса ругнулся.

— Донья Брошкешевич... — Тут взгляд синих глаз уперся в хинянина, Влад запнулся и под руку отвел Агнешку на несколько шагов в сторону. — У вас нет какой-нибудь личной вещи нашего алькальда? Он вам, случайно, ну не знаю... клочок волос на память не дарил?

Водяница фыркнула.

— Локоньки обычно дарят женщины. Может быть, медальон?

— Нет, это металл. Мне необходимо что-то, на чем мог сохраниться его запах.

Агнешка отрицательно мотнула головой и отчаянно покраснела. Но Дракон смотрел на нее с такой мольбой...

— Держите! — Из-за отворота рукава девушка достала замаранный кружевной платочек. — На ткани кровь, я как-то случайно прокусила его губу...

— Вы лучшая! — Влад легонько поцеловал ее в лоб. — Боги да благословят ваш огненный темперамент вкупе с сентиментальностью.

— О чем вы беседовали? — спросил Цай, когда Дракон удалился. В вопросе Агнешке послышался оттенок настоящей мужской ревности.

А может, и не послышался, потому что все театральное представление водянице пришлось провести спиной к сцене — ее кавалер об этом позаботился, выбрав для нее стул, спрятанный за массивной колонной. Агнешка бегло говорила на франкском, поэтому искренне смеялась над двусмысленными шуточками, озвученными лицедеями.

— Наш рутенский кабльеро уверенно держится на сцене, — комментировал маг, который себя зрелища не лишал. — Деревянный голем удачно оттеняет его габариты. Интересная магия задействована в активации этого создания. Не знал, что доксы научились вдыхать жизнь во что-то, кроме глины.

Когда пьеса подошла к кульминации и зал ахнул, Агнешка не выдержала — вскочила и выглянула из-за колонны. Дракон был хорош, ослепительно хорош. Его тело, будто выточенное из цельной глыбы чистейшего льда, сияло, а глаза горели таким величием, что у княжны перехватило дыхание.

— Что есть физическое совершенство в сравнении с внутренним? — проворчал Цай.

— А что вас привлекло во мне, учитель? Неужели мой ум? — шаловливо спросила водяница. — Или все же мои юные прелести?

Цай улыбнулся:

— Я всего лишь мужчина, дорогая.

В ушах стучит кровь, я вдыхаю, расправляя легкие. Голова кружится. Монотонный стук сменяется звоном, я ощущаю в руке нечто маленькое и плоское. Зеркальце? Я подношу его к лицу. Действительно, щека чем-то измазана. Вот ведь замарашка! Оттираю пятно. Оглядываюсь, медленно повернув голову. Медички куда-то испарились. На галерее я в одиночестве. Мэтр Пеньяте в нетерпении переминается далеко внизу. Я вздергиваю подбородок и ступаю на лестницу. Полы балахона развеваются, тонкий шелк ласкает кожу. Ощущение такое острое, что хочется зажмуриться. Звон в ушах нарастает. Щелчок!

— ...Я всего лишь мужчина, дорогая...

— ...Вульгарное зрелище, белый цвет ей абсолютно не к лицу...

— ...Эта вещь позволит им отыскать алькальда, поторопись...

— ...К сожалению, теперь мы не сможем убить князя безболезненно... все члены тайной курии... да, девчонка постаралась... на континенте... лучше там подослать верных людей... не попробуем — не узнаем...

Кажется, я могу слышать всех, кто говорит сейчас в зале. Причем слышать одновременно.

Скрипучий тенор Бромисты:

— Видал, как зрители на князя нашего пялились? Как ты думаешь, почему? Потому что красавец? Ну и поэтому тоже, конечно. Но он, во-первых, мужчина. Человек то есть. Мне-то раздевайся не раздевайся, хоть три шкуры рубанком с себя сними, все равно эффект не тот будет. Завидую? Конечно, завидую! Хочу ли человеком стать? Конечно, хочу...

Хрустальный смех Агнешки, чье-то неаппетитное хлюпанье, тяжелое дыхание...

— Вы смущаете меня, сударь...

Что же со мной происходит, ёжкин кот?!

— Иди и сделай, что должна, — звучит в голове. — Просто иди и сделай. Не отвлекайся на мелочи. Пусть этот противный старик освободит тебя от пояса, и ты разбудишь «Мать четырех ветров».. Иди, иди, иди...

Что-то опять щелкает. Я просыпаюсь.

— Донна позволит ей помочь? — Сестра Матильда подхватила меня под локоть с другой стороны.

По лестнице я спускалась на манер вещей старицы, ведомая под руки, с заплетающимися ногами. Только что слюни по подбородку не текли. Ну, то есть я на это очень надеялась.

— Сударыня! — поклонился ректор. — Пройдемте.

Я оттолкнула помощниц и гордо прошествовала к алтарю.

— Прошу вас стоять ровно и развести руки в стороны, — приказал Пеньяте. — Как только пояс будет снят, я активирую защитный полог, и ни одно живое существо не сможет проникнуть к алтарю до окончания обряда.

Я кивнула.

— Перед вами на постаменте разложены части головоломки, которую вам предстоит собрать.

Я снова кивнула, подумав, что чего-нибудь в этом роде и ожидала. Мне на глаза попался лист с нотами, тонкие металлические трубки, ноздреватый камень с выбитыми рунами, мерцающее перо, обруч, похожий на те, которые вставляют в нижние юбки для придания формы кринолину. Там еще много чего лежало, но я решила не отвлекаться.

— Во времени вы не ограничены. Приготовьтесь, сейчас к вам вернется сила.

Ректор поднял над головой ключ, вызвав во мне мимолетный испуг, пробормотал нечто вроде — «раз-два-три-понеслась» — и прицельно тюкнул меня... по темечку.

Пояс громыхнул по дощатой сцене. Я задыхнулась — то ли от возмущения, то ли от ворвавшегося в легкие свежего морского воздуха. И пока я пыхтела, Пеньяте нагнулся, поднял с пола свое пыточное орудие и юркой змейкой соскользнул с возвышения.

С потолка на него несся воздушный смерч, но огневик оказался проворнее. Он хлопнул в ладоши, прокричал свою тарабарщину, и меня накрыла тишина. Будто огромная ладонь опустилась над сценой, и пространство разделилось на «здесь» и «там». Там была жизнь, было движение. Пока не очень заметное, осторожное, будто гости ожидали, что кто-то подаст знак к продолжению праздника. Или некто не выдержит и первым подзовет к себе лакея с напитком, или махнет музыкантам, чтоб те грянули что-нибудь развеселое. Пока же толпа настороженно смотрела исключительно на меня. Я скользила взглядом по лицам, не узнавая, и только остроносый лик Бромисты привлек мое внимание, на мгновение, не больше. Бывший атаман Колобок широко мне улыбнулся, как бы поддерживая. Я улыбнулась в ответ и решила заняться делом.

Что мы имеем? А имеем мы предположительно ту самую «мать» тех самых «ветров». И

число им — четыре, столько же, сколько выемок на этом замечательном обруче. Значит, вот эти вот трубочки, если расположить их, сориентировав по сторонам света...

Я прикладывала части головоломки то так, то эдак, ожидая некоего озарения, которое сделает понятным принцип конструкции. Более всего этот процесс напомнил мне, как я когда-то в Араде складывала из тоненьких слюдяных осколков то самое «яйцо Кашея», древний артефакт, ключ, помогающий путешествовать между мирами.

Колесо обросло трубочками, как еж иголками. Лысоватый, к слову, еж получился бы, но другой емкой метафоры мне в этот момент на ум не пришло. Я положила своего «лысого ежика» на алтарь и осторожно дунула, подпуская ветер. Нити силы принялись за работу. Я дунула посильнее, ветер вздернул колесо к потолку. Трубочки звенели, обруч крутился, как ярмарочная карусель. Гости в зале оживленно задвигались.

Рано радуетесь, голубчики. На столе оставалось еще немало добра, и его тоже надо к чему-то приспособить. Я опять дунула, в воздух поднялся свиток. Нотной грамоте я обучена не была, поэтому ткнула пальцем в первую строчку и велела: «Сам пой!»

И мой проказник-ветер засвистел, выводя такие виртуозные ругады, что заслушаешься.

Так просто? Может, мне не думать сейчас надобно, а просто позволить должному произойти?

— Каким ты хочешь быть? — Шепотом, будто опасаясь, что кто-то подслушает и посмеется над моей наивностью. — Научи меня, как тебе помочь. Я справлюсь, я сообразительная.

Звякнули ветряные колокольцы. Источник услышал меня, он согласился принять мою помощь!

Я набрала побольше воздуха в грудь и изо всех сил дунула на алтарь. Поднялось облако пыли, а когда оно развеялось, на парче осталось всего три предмета. Два осколка (ноздреватый песчаник и блестящий полированный гагат) и перо, некогда белое и принадлежавшее, скорее всего, чайке.

Я склонилась над алтарем. Парча почему-то невероятно раздражала. Я выдернула ткань из-под частичек Источника с такой быстротой, что даже птичье перо не пошевелилось. Вот! Теперь мне было приятно смотреть вниз. Алтарь оказался обычной каменной плитой, выдолбленной в нескольких местах.

Занятый пением ветер свистнул настойчиво. Я поняла, что мне предлагается разложить артефакты на предназначенные для них места. Ну, это просто. Гагат — вода, потому что черный, земля — катыш песчаника. Перо — ветер, а что тогда олицетворяет огонь? Это вам не чайные церемонии из головы придумывать, тут точно знать надо. Может, перо — это вода? Потому что чайка — птица морская? Я взяла перышко в руку, покрутила то так, то эдак, потом резко бросила его на камень. Огненный всполох заставил меня зажмурить-с я. Однако... Если судить по неказистому оперению, рутенские жар-птицы красотой не отличаются. Точно, перо — это огонь. Я разложила артефакты. Одно из углублений осталось пустым. Я подула. Ничего не произошло.

Чем же заполнить четвертое место? Положить туда пергамент? Или колокольчики? Нет, Лутона, бестолковка! Вспомни, что говорили тебе мудрый Цай и хитрый Карлос Первый. Пять стихий! Пять. И если все получится по желанию нашего величества, грандом пятой стихии станет именно он, и это уравнивает его власть с властью остальных стихийных домов. А уж расширить привилегии наш монарх и без тебя, бестолковки, сумеет.

Чего же здесь не хватает? Точно! Был еще сверток с деревяшкой, живое дерево из далекой доксовой страны. Король угрозами да подкупом его у Ванечки выменял. Где полено? Почему его здесь нет?

Я встревоженно взглянула в зал. Там уже вовсю продолжалось празднество. Рябило в глазах от сменяющихся фигур танца, появились жонглеры, даже его величество отвлекся от обряда, беседа о чем-то с приближенными.

«Ну и ладно, будет еще триста лет ждать нового Источника, — обиделась я не на шутку. — Нет деревяшки, что-то другое на ее место положу!»

Я пошарила в рукаве халата и достала плоский кругляш. Зеркальце!

«Вот если его туда определить, интересно, какая стихия станет пятой?»

«Магия крови!» — раздалось в голове. От неожиданности я сжала пальцы, зеркальце треснуло, осколки впелись в ладонь. Я вскрикнула. На белом шелке балахона расцвели кровавые цветы.

— Нет! — орала я. — Не бывать этому!

Но моя рука против моей воли тянулась вперед. Еще минута, еще одно мгновение — и кровь моя падет на алтарь и придет в этот мир пятая стихия.

Не хочу. Нет, не буду. Одержимые кровью упыри и вурдалаки наводнят наши земли, размножаясь с молниеносной быстротой. Даже море не спасет мир от запустения, даже изоляция. Разве что быстро уничтожить все порталы, ведущие на континент. Все до единого. И что тогда? А как же мы? Я, Влад, мои друзья?

— Я не пушу вас сюда, темные твари! — взвизгнула я, быстро наматывая на порез полу халата.

Кровь не остановила, но теперь хотя бы она не брызгала во все стороны.

— Пустишь, — отвечало эхо в моей голове. — Пустишь как миленькая. У тебя нет этой гадкой живой деревяшки (украсть ее было простым делом). Зато у тебя есть кровь. Заполни отверстие, разбуди Источник и будешь свободна.

— Нет! — Я упала на пол и стала пятиться подальше от алтаря.

— Да-а-а-а!

Жестокий кукольник вздергивает меня за ниточки, я сама, как кукла, медленно иду обратно, поскрипывая суставами. Так вот ты какая, одержимость. Агнешка! На помощь! Какое у нас условное слово было? Петухи! Петухи-и-и-и!

— Тебя чего треплет-то так? — участливо раздалось будто издали.

Я разлепила веки. Надо мной склонился Бромиста.

— А я, главное, смотрю, ты по полу катаешься, в кровище вся. Тут мне светлейший князь Влад и говорит: «Не могли бы вы, многоуважаемый...»

— Нет, кому я вру? — Деревянные ручки поддержали меня за спину и помогли сесть. — Дракон закричал: «Помоги ей!», а я ему: «Как можно, ведь купол? Ведь ни одна живая душа...» А он ка-а-ак рявкнет: «Ты голем, а не какая-то там живая душа!» И главное, чуть не силой меня к тебе забросил. Я вообще сильный, ты знаешь, но легкий.

Все время журчащего Бромистиного монолога меня колотила дрожь. В голове спорили голоса — противные, визгливые, ужасающие.

— Попалась я, дядюшка, — прошептала я, ощутив, что еще немного, и опять накатит липкая чернота. — Не дай мне окропить кровью алтарь.

А потом я завывала и запричитала теми самыми разными голосами, голосами демонов, которыми была одержима, ибо было их сотни. Сотни, тысячи, легион, копошащийся клубок змей, липких, злобных, ядовитых...

Из обморока меня вывела мелодия, напеваемая вполголоса. Я открыла глаза. Голова моя все так же покоилась на деревянных коленях голема. А сам Бромиста подпевал ветру, держа в свободной руке нотный лист.

— Задорная песня. И твои припадочки, кстати, успокаивают. — Его улыбка обнажила блестящие лакированные зубы и небольшие петельки, которыми крепилась к голове нижняя челюсть. — Долго нам здесь еще сидеть? Народ за сферой волноваться начинает.

— Недолго, — успокоила я собеседника. — Как только я истеку кровью, опасность минует, и сразу сможешь выходить.

— Эй! Мы так не договаривались! Меня твой Дракон потом со свету сживет!

— А ты, дядюшка, сбеги, — пошутила я.

— Да уж сбежал однажды, друга хорошего в беде бросил, — не поддержал шутку Бромиста. — До сих пор стыдно. А чего, говоришь, ты Источник пробудить не можешь? Что там за артефактище у тебя украли?

Я рассказала. Голем вытянул шею, рассматривая поверхность алтаря.

— Ну, так давай я щепку от себя отколю. Все равно — дерево, оно дерево и есть.

Я взвилась, управляемая изнутри, полная не своей, чужой темной яростью. «Разорвать, убить, изничтожить! Раскрошить череп, вытащить оттуда пергамент с заклинаниями, которые наделили этого уродца неким подобием жизни, обломки выбросить прочь, за пределы сферы. В девчонке еще полно крови. Ну, хоть пару капель найдется. Выдавить, выдавить ее на алтарь, открыть врата, впустить нас. Мы хотим сюда, хотим в этот мир. Здесь тепло и вкусно пахнет и есть свет, краски, есть жизнь, есть кровь!»

— Когда завтра начнешь синяки считать, помни, у меня не было другого выхода, — устало проскрипел голем и всем телом навалился на алтарную плоскость. — И на щепки времени ты мне тоже не дала.

Мелодия ветра, казалось, стала громче, торжественнее и глубже свет, и ветряные колокольчики звенели уже почти как настоящие колокола.

— Не поминай лихом, Лутоня. Прости, что так тогда получилось...

И хрупкая деревянная кукла замерла, так и не успев договорить.

Истошный звериный вой разрывал меня изнутри. Тело моего друга меняло очертания. Дерево пошло трещинами, из которых с невероятной быстротой стали пробиваться крошечные ростки. Они тянулись вверх, на них набухали почки, листья скручивались в длинные иглы, бутоны превращались в прекрасные цветы. Пахло хвоей и мускатом. Ветер сдувал опадающие лепестки, обнажая набухающие плоды, под весом которых гнулись ветви огромного, уже почти достигающего потолка дерева.

— Пробудись, — шептала, глотая слезы. — Пробудись, Мать четырех ветров! Пожалуйста. За это отдал жизнь очень хороший... Пусть не совсем человек, но хороший!

Я редела вздохом, вытирая лицо окровавленными рукавами, когда сверху снизошел золотистый свет. Ослепительно-рыжие белки неслись по стволу прямо на меня. И все вокруг превратилось в золото. Золотой ветер связывал золотую воду, которая питала золотую землю, которая питала золотой огонь, из которого плавился золотой... Человечек?

— Это природа, — у ближайшей белки оказался глубокий женский голос. — Твой друг благородно поступил, пожертвовав собой.

Белка достала из-за спины орешек и лихо его раскусила. В ее лапке оказалось два камешка — песчаник и гагат, перышко жар-птицы рыжуха пристроила за ухом.

— Ты чего реवेशь?

Я уже ничему не удивлялась. Белки так белки, хорошо хоть не пауки или летучие мыши. Источник сам выбирает для себя форму, но ведь она не главное. Я всхлипнула, прислушиваясь к себе. Где-то на задворках сознания копошились демоны.

— Они боятся моего света, — сказала белка. — Темные твари. Они не смогут теперь прийти.

— А как же те, которые уже поселились в людях? Ты сможешь их изгнать?

— Дерзкая, дерзкая Лутоня. — На хитрой мордочке появилась улыбка. — Отвлекать богов по мелочам...

И тут золото вспыхнуло, потекло, и я пришла в себя уже в темноте.

— Она ослепнет? — донесся встревоженный голос Агнешки. — Князь, что делать? У нее кровь!

— Все кончено, ты разбудила Источник! Девочка моя, ты просто умница. Пятая стихия...

— Петух! — простила я. — Агнешка! Петухи, много петухов...

— Ты бредишь, Лутона?

— Хуже, князь, Лутеция одержима.

Глава 11,

в которой мирятся те, кто ссорился, и побеждает любовь

Что было, что будет, чем сердце успокоится...

На Дракона стало страшно смотреть. Под скулами заходили желваки, глаза зажглись злым огнем. Он подхватил на руки бесчувственную девушку и побежал к выходу из залы. Агнешка неслась следом изо всех сил, но Цай ее все равно опережал. Гости палатки дель Акватико на мечущихся иностранцев особого внимания не обратили. Хорошенькая ветреница свое дело сделала, грандессой вскорости станет. Завидная доля, если, конечно, девчонка выживет. Но какой же неземной красоты Источник ей удалось разбудить! В центре бальной залы теперь возвышалась огромная сосна. От обычных земных товаров громадина отличалась тем, что ветви ее украшали вовсе не шишки, а золотистые яблоки. Плоды были такой невероятной прозрачности, что на свету можно было рассмотреть семечки, скрываемые золотистой мякотью.

Восторженный шепот «молодильные яблоки!» распространился по зале, как лесной пожар. Но первого же гостя, попытавшегося дотянуться до волшебных плодов, цапнула белка. Вскорости уже несколько десятков гостей украсились следами беличьих резцов.

— Прикажите выставить стражу! — Его величество Карлос Первый не отрываясь смотрел на новый Источник, молитвенно сложив руки перед грудью. — Чуду надо позволить произойти, пообвыкнуть в нашем мире. Скоро Источник распространится по острову, заглянет в каждый храм и оставит там свою частицу.

Одна из длиннохвостых белок вскарабкалась по горностаевой мантии и спокойно села на королевское плечо. Король нежно почесал за рыжим ушком. Курию надо собрать сегодня, и теперь участие в ней примет уже пять адептов. Лутеция Ягг оправдала с лихвой надежды, на нее возложенные, и Карлос Первый собирался наградить ее по-королевски. Кстати, как там она?

Его величество оглянулся как раз вовремя, чтобы рассмотреть скрывающегося в дверном проеме Дракона. Что ж, король может быть спокоен. Муж юной ветреницы позаботится о ней лучше всех прочих. И король опять погладил белку, сидящую на его плече.

Я ничего не видела. То есть совсем. Изо всех сил вцепившись в камзол того, кто пах моим мужем, я прислушивалась к окружающим звукам, цепляясь за них, чтобы не провалиться опять в беспмятство.

— Пропустите нас, ректор! — раздалось над ухом.

— Я должен осмотреть княгиню. Мои обязанности...

Бахнуло, на мгновение заложило уши.

— Вы использовали ветер, князь? — Испуганный голосок Агнешки.

— Скорее это моя супруга притворяется, что еще не пришла в себя. Лутоня, ты меня слышишь?

Я кивнула и уткнулась во вкусно пахнущую грудь. Навек бы здесь осталась!

— Ты можешь говорить?

Я пожала плечами.

— А открыть глаза?

Я фыркнула, спиной почувствовав какую-то поверхность.

— Мы сейчас уложим тебя на кровать, я плотно задерну шторы, и ты... Выйдите все, закройте дверь снаружи. Донья Брошкевич, ключ пусть будет у вас. Не открывайте ни при каких условиях. Вы поняли меня, Агнешка?

— Да пошел ты! — Истеричный голос принадлежал вовсе не мне, но доносился он явно из моего искривленного рта. — Ты, ты, мерзавец, во всем виноват! Бессердечный ублюдок! Я все для тебя делала, душу тебе отдала, сердце. Я открыла для тебя такие грани магии, о которых ты, грязный дикарь, даже не подозревал! Я открыла глаза. Фиолетовая полутьма. Комната была мне незнакома. Я лежала на покрытой коричневым покрывалом кровати. Рядом вполоборота ко мне сидел Дракон. Он успел снять камзол, оставшись в белой, тонкого шелка сорочке.

— А как я любила тебя! И так и эдак... и еще вот так...

И тут я выдала несколько абсолютно неприличных пассажей, не имевших ничего общего с действительностью.

Влад задумчиво кивнул и потянулся к изголовью.

— Лутоня, если ты слышишь меня... Я делаю это для твоей безопасности. Я не хочу, чтобы тварь, захватившая твое тело, причинила тебе вред. Ты слышишь меня, девочка?

Я кусалась и царапалась, но Дракон плотно привязал мои запястья к изголовью.

Переждав попытки дотянуться до его ненавистного лица ногами, он присел рядышком, положил ладонь на мой живот и серьезно спросил:

— Кто ты? Судя по упрекам, мы встречались с тобой раньше.

Из моего горла исторгся совиный хохот.

— Встречались, любовничек, еще как встречались!

Мои бедра елозили по кровати, чтоб Влада ладонь спустилась ниже, еще ниже, туда, где было горячо...

— Вспомни охотничий домик, маленький принц. Вспомни, что мы там с тобой вытворяли. Неужели тебе не хочется повторить?

Дракон убрал руку.

— Стефания? Но это невозможно!

— Тебе тогда лучше было бы убить меня. Дурацкое благородство, отпустить женщину, которая пытками склоняла тебя принять магию крови.

Князь растерянно потер лоб и будто с усилием произнес:

— Тебя сопроводили на корабль, который отходил в...

— Надо было лучше выбирать сопровождающих! Бедненький, обиженный Дракончик! Все эти годы в каждой женщине ты искал меня. Сколько от меня ты нашел в этой малютке? У нее такая же белая кожа, такие же полные груди?

Влад пожал плечами.

— Извини, но я не помню, была ли у тебя даже одна грудь. Странно...

Я завизжала, визг длился и длился; потом, истончившись, перешел в перхающий кашель. — Раньше ты был хитрее, любовничек. Ты обязательно сделал бы вид, что твои чувства не угасли, усыпил мою бдительность и нанес удар. И момент ты выбрал бы идеально — когда я, расслабленная и утомленная любовью, лежала бы на атласных простынях...

Влад задумчиво кивал, будто слова его интересовали мало. Он как будто к чему-то прислушивался, но это что-то происходило за пределами комнаты.

А я слышала каждое слово, исторгавшееся из моего рта. И сердце мое кровоточило.

— Ты поглупел? Из-за этой малышки? Ей удалось привить тебе толику сострадания и благородства? Я видела, какими глазами ты смотришь на свою Лутецию. Пожалуй,

такими взглядами ты не одаривал меня даже в расцвете нашей страсти. Знаешь что? Я тебе отомщу! Я убью твою горлицу, твою валашскую ведьму.

— Правильно говорить — валашскую, — поморщился Дракон. — И к чему такие крайние меры? Зачем убивать? Неужели юные тела попадают тебе на каждом шагу?

— А ты любишь ее тело?

— Тебе не понять, Стефания. Когда любишь, не задумываешься — душу, тело, добрый нрав или большое сердце. Ты просто любишь. И знаешь, дама из прошлого, если когда-нибудь через много-много лет у меня мой внук спросит, как выглядела его бабушка в тот день, когда пробудила Элорийский Источник, я смогу без труда описать внешность своей птицы-синицы. До самой крошечной черточки. Ее образ запечатлен в моем сердце и...

Осторожный стук в дверь прервал страстный монолог Дракона.

— И что? — Это спрашивала не Стафания, а я, вынырнувшая на мгновение из болезненной вязкой пустоты.

— Я люблю тебя, Лутоня.

Открылась и быстро закрылась дверь. Стефания заорала, когда рассмотрела того, кто появился за плечом Дракона.

Из моих глаз брызнули слезы, и я прошептала:

— Как я рада тебя видеть, братец Волчек!

Михай Димитру, предводитель Драконьей своры, элитного отряда Владовых вовкудлаков, принял.

— И я рад. Тебя, девчонка, рад... а кое-кого, так не очень... Он зашебаршил чем-то у пояса, затем поднес к моему лицу ладонь. На указательном пальце набухла рубиновая капелька крови. Я дернула головой, но Михай просто мазнул пальцем по моим губам. Во рту стало солоно и очень свежо.

— Это же надо, как вы нашу кровь не любите!

Меня не просто колотило, а подбрасывало на кровати, будто при землетрясении. Влад прижимал меня всем телом, но плечевые суставы все равно выворачивались, как у сломанной игрушки.

— Потерпи, моя хорошая, потерпи еще немножко...

А потом все кончилось.

Я лежала на кровати изможденная и мокрая, как мышь.

— Диадема у тебя красивая, — светски сообщил мне Михай, присаживаясь рядышком.

Недорослик вертел головой по сторонам, осматривая обстановку. Русые волосы топорщились хохолком, значит, перекидывался недавно — примета верная.

— Может, ты б ее отвязал уже, а, Влад? А то очень уж на непотребства всякие похоже.

— Ты помечтай, помечтай, — ласково ответил мой супруг. — От жены своей давно поварешкой не получал?

И братчики в голос заржали, похлопывая друг друга по плечам и всячески по-мужски демонстрируя радость от встречи.

Потом Дракон стал раздавать указания, Михай куда-то убежал, а в комнату ворвалась Агнешка и донельзя разозленный дон Акватико.

Гранд воды с порога начал сыпать обвинениями, жаловаться на все прибывающих романских ратников, на белок, погрызших бесценные гобелены, на его величество, который запретил отлов грызунов.

— Ты как? — шепотом спросила Агнешка, распутывая узлы на моих запястьях.

— Лучше всех, — разревелась я. — Влад сказал, что любит меня.

— Это и так всем понятно было, — погладила меня по волосам водяница. — Сейчас мужчин выгоним — ванну тебе подготовлю, грязь с тебя смоем, кудри твои буйные расчешем...

Проснулась я на рассвете. Сквозь неплотно прикрытые шторы в комнату заглянул первый солнечный луч. Я зевнула, потянулась, завозилась в постели, умащиваясь поудобнее.

— Сегодня будет трудный день, — сквозь сон пробормотал супруг и повелитель. — Нужно закончить все дела в Элории и возвращаться домой. Курия еще вчера настойчиво просила убрать из Кордобы валашскую дружину.

— И много ты вовкудлаков сюда притащил?

Дракон зевнул, сел на постели и энергично потер ладонями лицо.

— Сотню. Мы с Цаем навскидку определили количество одержимых и решили, что меньшими силами не обойдемся.

Я натянула простыню на обнаженные плечи, отбросила с лица волосы и приготовилась к подробному допросу.

— Погоди! Значит, Драконья свора дожидалась у телепорта, пока ректор соизволит тебе разрешение на перемещение порталами вернуть? И ты все это заранее спланировал?

— Какое заранее, — отвечал смущенно Влад. — Импровизация чистой воды. Ивана нашего пришлось в Романию ночью гонять, чтоб он весточку Михаю передал. А уж дальше братчик сам управился. Иди сюда, мне тебе срочно нужно нечто важное на ухо шепнуть.

Я увернулась, оставив в руках нападавшего простыню, и отбежала к окну.

— Получается, твои ребята всю ночь по городу носились, одержимых вынюхивая?

Влад кивнул, пожирая меня взглядом.

— И каждого заставили кровушки своей отхлебнуть?

— Вот никакого в тебе изящества ума нет, — вздохнул Дракон с притворной обидой. — Ты хочешь, чтобы потом из поколения в поколение байка передавалась, что страшный континентальный князь заставлял ни в чем не повинных людей кровь пить? Даже Михай сообразил, что осторожнее действовать надо. Эликсир лечебный мы населению раздавали. Красное элорийское прекрасно сошло за основу, вот в нем мы и развели... гм... ингредиент. Иди сюда!

— А Зигфрид? — проигнорировала я приказ. — Его обнаружили?

— Твой разлюбленный братец Волчек самолично след брал, так что барон в порядке, отсыпается после нервического припадка и, кажется, готовится к свадьбе. Представь себе, Кляйнерманн укрывался в паляссо дель Терра. Крессенсия защищала своего любезного с яростью дикой волчицы. Так что Михай там слегка покуролесил, а после клятвенно пообещал достоцитому Филиппе Алехандро, что внучка с зятем нанесут старику покаянный визит.

— Ладно, — проворчала я, натягивая чулки. Может, и погорячилась я с дедом, может, зря обвиняла огульно, его версии событий не выслушав...

Чулки отвлекли мое внимание. Я на мгновение отвела глаза и тут же оказалась на постели, прижатая телом Дракона.

— Супружеский долг надо выполнять, княгиня, — назидательно шепнул Влад, отчего по спине моей прошла теплая волна предвкушения.

— Неужели я плохо его исполнила нынешней ночью?

— Так то ночью, — серьезно отвечал суженый. — Утренних долгов я еще не получил, а о дневных и вечерних после поговорим.

Я очень близко видела его густые ресницы, синеватую жилку у виска, четкие длинные брови с прихотливым изломом.

— Я так измучился из-за тебя, дурочка. Не бросай меня больше.

— Не брошу. Никогда...

Мягкие губы, лед и мята. Я изгибаюсь раздраженной кошкой. Да...

Целую сладкую вечность спустя в дверь спальни постучали.

— Отдыхай, моя хорошая. — Влад поцеловал меня в перевязанную ладонь. — Через час пришлю служанок, чтобы помогли тебе одеться.

— Будь осторожен, дон Акватико может не сдержаться.

— Я буду сама предусмотрительность и любезность.

Когда за Драконом закрылась дверь, мне показалось, что краски померкли. Своим присутствием князь отгонял от меня плохие мысли. А сейчас вдруг накатило. Смешливый пройдоха Бромиста! Недолгой оказалась твоя кукольная жизнь. Обидно-то как!

Я сняла с руки повязку. Порез был довольно глубоким. Кажется, на память о студенческой вольнице у меня останется шрам. Память... Что-то такое крутилось в голове, как назойливая букашка, но в цельную мысль собраться не желало.

Я выбралась из постели как была, в одних чулках, но одежды своей не обнаружила. Ах да, Влад же хотел ко мне кого-то с облачением прислать.

— Я, между прочим, не одна! Почему мой мужчина должен на твои прелести пялиться? — раздался голос Иравари.

Я завертела головой, выискивая, откуда демоница могла меня видеть. На ворсистом ковре валялась крошечная зеркальная блестка. Видимо, ее обронил вчера человек, который перевязывал мои порезы.

Я поднесла осколочек к глазу, в нем махала крошечными ручками крошечная Иравари.

— А я же тебя поначалу подозревала, — покаянно произнесла я, наматывая на себя простыню свободной рукой. — Ты меня простишь?

— В чем подозревала? — пискнула демоница. — Громче говори, связь плохая!

— Я думала, это ты Игоря иссушила, — заорала я. — Все же один к одному складывалось. Демоны Тонкого мира любят кровь, перемещаются среди отражений, да еще божественность эта... Ты же знала, что Игорь был потомок богини?

— Я не слышу тебя! — потрескивала Иравари. — Нормальное зеркало раздобудь.

— Не могу, я до сих пор в паляссо дель Акватико.

— У тебя рядом зеркало есть, я чувствую, но не вижу — оно чем-то прикрыто. Ищи!

Блестка, видимо не выдержав магического напряжения, растаяла, как снежинка на ладони. Я стала обстукивать стены в поисках выдвижной панели или плотной ширмы. Раз Иравари чует зеркало, его надо найти.

Минут через пять я что-то нащупала. Шелковая шпалера оконного проема легонько поддалась под пальцами. Я сдвинула ее вверх вершка на два, когда в мою дверь постучали.

— Донна желает одеваться? — Пышногрудая темноволосая служанка, лет тридцати на вид, приветливо мне поклонилась и свалила на кровать целый ворох платьев. — Мы подберем для донны самый лучший наряд.

Женщина вернулась к двери, захлопнула ее и, хитро подмигнув мне из-под чепца, достала из-за корсажа ключ.

Даже если я не узнала бы этого лица, к слову, искусно подгримированного, эти груди я не могла спутать ни с чьими другими. Передо мной стояла и запирала дверь моей спальни на ключ графиня Адонсия ди Васко.

— Вы?! — Я внимательно взгляделась еще раз и еще. — А не ваш ли, сударыня, зажигательный танец я имела удовольствие наблюдать на площади Розы несколько недель тому назад? Вас еще тогда звали Сильвестрис и волосы ваши отливали синевой?

— А ты наблюдательна! — Посетительница сняла сначала чепец, а затем, мгновение подумав, и черный парик. — А я хорошая актриса.

— Вы явились требовать сатисфакции? — Я отступила к оконному проему, прикидывая, что, ежели дойдет до драки, от простыни придется очень быстро избавиться.

— Вот именно! — обрадовалась женщина и достала из-под вороха разложенных платьев нож.

Ее глаза были абсолютно безумны. В рукопашной я бы, пожалуй, попробовала за себя постоять, но сейчас, когда у соперницы появилось оружие, предпочла побережься. Надо выиграть время, надо разговорить безумицу. Ведь всем известно, что натуры нервические любят работать на публику.

— И для чего вам понадобился этот сложный маскарад? — сделала я первый ход. — Сразу две личности, причем принадлежащие к разным сословиям, представлять совсем не просто.

— Ну, разумеется, чтобы отомстить! Ты слыхала, наверное, поговорку о том, что месть это блюдо, которое подают холодным? Даже такая деревенщина, как ты, должна была ее слышать!

Я отрицательно мотнула головой.

— Это значит, что мщение должно откладываться на долгий срок для того, чтобы мститель получил от процесса максимальное удовольствие. Моя месть затянулась на годы, на десятилетия, но оно того стоило.

— Вы ошибаетесь, — проникновенно произнесла я. — Десять лет назад я не могла вам сделать ничего плохого. Я же девчонкой была совсем.

— Еще как могла, деревенщина!

«Жива останусь, обязательно куда-нибудь для памяти черкну, что даже безумицам на возраст намекать нельзя, — уходя в сторону от ножевой атаки, подумала я. — Такая ошибка может стать фатальной».

Ходит в Кордобе среди завсегдатаев корриды одна любопытная байка. Сказывают, поначалу на арену и коров дозволено выпускать было. Корова, она ежели статная да откормленная, не хуже быка выглядит. Только вот от таких «коровьих боев» тореадоры калечились в огромных количествах, да смертей было — не сосчитать. Это потом уже умные люди разницу приметили. Когда бык атакует, перед самым ударом, когда вот-вот коснутся рога его мягкой человеческой плоти, на мгновение закрывает он глаза. Всего на одно мгновение, но для умелого тореро и этого довольно. А корова — нет, так с открытыми гляделками и прет, и поэтому нет против нее ни единого шанса.

Я сдернула с себя простыню и на манер мулеты стала выписывать ею в воздухе сложные фигуры.

— Торо!

Полотняный жгут охватил запястье соперницы. Я резко дернула. Нож упал на ковер.

«То-то же, ёжкин кот! Потому что надо хоть иногда тело тренировать, а не излишествам предаваться, — назидательно подумала я, уже предчувствуя победу. — Нет у Адонсии супротив меня ни единого шанса. Дамочка-то рыхловата».

— У тебя красивое тело, — тяжело дыша, проговорила обезоруженная графиня. — Соразмерное, с гладкой кожей...

— Вас удивляет этот факт? — настороженно переспросила я.

Она расхохоталась — гулко, по-совиному.

— В этом мире меня уже давно ничто не может удивить. Ты спрашивала о мести? Ее объект вовсе не ты. Я мщу Дракону.

Я испугалась, да так, что волосы зашевелились на голове. Я вспомнила, где я слышала этот противный ухающий смех.

— Это не вами случайно я одержима была... тетенька?

Ее хохот ввинчивался в уши, причиняя боль.

— Мною! Конечно, мною, деточка!

Адонсия широко раскрывала рот, так широко, что казалось, еще чуть-чуть — и уголки надорвутся. Глаза ее округлились, изменяя цвет. В их черноте растворялись зрачки.

— И не только ты. Для существа моего уровня дергать за ниточки сразу нескольких кукол — приятное разнообразие. Это был мой, лично мой театр! Твой любезный друг Кляйнерманн также делил со мною свое тело. Ах, какое удовольствие — управлять человечком, который даже не подозревает о твоём присутствии. Я вкладывала в его пустую головешку мечты о грядущем величии, ненависть к бывшему другу, грязные страстишки. Как я веселилась, когда простачок Зиги готовил покушение на Дракона!

— А зубы у вас по задумке так быстро растут? — испуганно спросила я. — Просто, кажется, у вас во рту их уже два ряда образовалось.

— Деревенщина! Ты смеешь шутить в такой момент?

А что мне еще оставалось? Картинка-то вырисовывалась вовсе бредовая. Голенькая барышня, прижимающаяся спиной к шпалере, а перед ней — чудовище вида ужасного.

Потому что приятное глазу лицо графини плавилось, как свечной воск. Скулы разъезжались в стороны, прятался подбородок, почти исчез нос, оставив по центру морды две волосатые ноздри. Брр... А собачьи уши? А зубы, длинные и острые?

Когда я все это увидела впервые, в зеркале любвеобильной Гретхен, испугалась не очень. Да и видела я ее тогда мгновение, не больше. А теперь...

Ноздрей коснулся отвратительный запах разлагающейся плоти. Меня вообще спасать кто-нибудь будет? Ау! Где мои боевые вовкудлаки?

Рука моя под повязкой начинала кровить. Графиня с удовольствием рассматривала расплзающееся на ткани пятно.

— Я люблю кровь. Вкус ее люблю, цвет, запах. А какую магию она дает! У этого студента, твоего любовника, была замечательная кровь. Попробовав капельку, я уже не могла остановиться.

Я дернулась в сторону. Если выбежать в коридор и успеть захлопнуть дверь...

— Куда?! — Длинная пятипалая лапа потянулась ко мне через всю комнату.

Под руку подвернулся табурет, им-то я и запустила в тварь. Бах! Графиня исчезла. Груда деревяшек осыпалась на пол. В тот же миг Адонсия упала на меня сверху, как огромный паук.

Я заорала и вцепилась ей в морду, вдавливая большие пальцы в глазницы. Казалось, под моими ладонями копошатся черви, воняло просто гадостно. Я дышала ртом и усиливала нажим. Тварь клацала зубами. Подкатила тошнота. Я начинала слабеть. Нет, к таким дракам жизнь меня не готовила.

— Я тебя сожру, деревенщина, а кишки на люстру подвешу. Твой Дракон ошалеет от счастья...

— Жаль, что ты этого уже не увидишь, — пыхла я.

— Думаешь, он тебя любит? Как бы не так! Он не может любить, уж я-то знаю.

— Что ты там знаешь!

Глазные яблоки твари лопнули, брызнув мне в лицо вонючей слизью. Адонсия завизжала от боли. Я откатилась в сторону и поднялась на четвереньки.

— Чтоб неповадно было!

Тварь лежала на животе, поводя головой из стороны в сторону. Я шарила рукой по ковру. Нож, где-то здесь он валялся... Вот!

Я вскочила, держа лезвие от себя на уровне пояса. Тварь с хлопаньем втягивала в себя воздух.

— Что там происходит? — услышала я возмущенный шепот Иравари. — У меня обзора никакого! Лутоня, ты жива?

— Жива, — ответила я. — И даже, кажется, победила.

— Зеркало открой!

Я, не выпуская ножа, осторожно пересекла комнату и отодвинула шпалеру. Иравари, одетая с таким шиком, будто собиралась позировать для картины придворного художника, помахала мне рукой.

— Почему не добиваешь?

— Я тебе убийца, что ли? Сейчас Михая позову, пусть он ее своими методами изгоняет.

— Ну и зря, — зевнула демоница. — Мы таких перерожденцев сразу в расход пускаем, не цацкаемся.

— Ты не понимаешь — она, кажется, именно за смертью ко мне и пришла. Даже изничтожив меня, скрыться уже не сможет. Во дворце полно оборотней, ее схватят. И понимает она это не хуже меня.

И тут Адонсия подпрыгнула, испуская из пустых глазниц красные лучи. Рукоять ножа раскалилась докрасна, я охнула и разжала руку.

— Доболталась, бестолочь! — ругнулась Иравари. — А я даже помочь тебе ничем не могу! Ветреница-недоучка!

— А сама... Я замолчала, осененная простой мыслью.

— Осторожно! Справа! — Истошный крик подруги заглушил мой мягкий смех.

— Ты со мной поиграеш-ш-шь? — шепнул явившийся на зов ветер. — Пош-ш-шалим?..

Князь Влад любовался розами в обществе алькальда и нескольких высокородных кабальеро, когда на мощеную дорожку розария с неба спустилась его супруга. Шелковые полы платья донны Дракон развевал ветер.

— Дон ди Сааведра... — величественно поздоровалась Лутеция, ступив расшитыми туфельками на твердую поверхность.

— Сударь... — повторила приветствие для мужа.

Сопровождающие лица, поджидавшие в отдалении окончание беседы князя, удивления не выказали.

Влад, иронично подняв бровь, снял свой камзол и набросил на плечи супруге.

— Ты почему голая? В свите пара-тройка вовкудлаков, на которых мороки не действуют.

— Значит, так. — Тоненький пальчик обвиняюще уставился в княжью грудь. — С твоими бабами я разбиралась последний раз. А теперь немедленно прикажи оборотням арестовать графиню ди Васко, или как там ее на самом деле зовут, которая валяется в моей спальне в абсолютно непотребном виде.

Дракон вполголоса отдал распоряжения и обернулся к супруге:

— Ты не пострадала?

— Я? Нет. Но, если объявится еще какая-нибудь твоя бывшая пассия, пострадаешь ты, причем от моих рук!

— Злюка! — улыбнулся Влад и почтительно поцеловал руку своей княгини.

Одеться мне удалось только в комнате Агнешки. Даже и платье ее пришлось одалживать — узкое в груди, зато длинное просто до безобразия.

— Малявка, — дразнилась водяница.

— Дылда! — не отставала я, пытаюсь подколоть булавками волочащийся по полу подол.

— Может, все-таки служанок позвать? — И не подумаю. У меня с некоторых пор образовалось стойкое отвращение к местной прислуге.

Из зазеркалья за нашей перепалкой наблюдала расслабленная Иравари.

Зеркало наколдовала Агнешка, после того как я чуть не десять минут клянчила и уговаривала.

— Дон Акватико меня от дома отлучит!

— Плевать! Скажешь «не очень-то и хотелось» и гордо удалишься в закат.

— Я никогда этого не делала.

— Все бывает впервые. Колдовство точно водное, так что тебе и карты в руки. Между прочим, Дракон одним щелчком пальцев такие линзы овеществляет!

— Так то Дракон.

— А ты не прибедняйся!

В общем, уговорила я ее, на «слабо» взяла. Агнешка на самом-то деле барышня азартная, только скрывает это под маской скромницы.

В нашей истории, как я погляжу, все подряд маски надевали по любому поводу.

— Что теперь с графиней будет? — спросила Агнешка, когда возня с булавками закончилась нашей маленькой победой.

— Ну, глаза, положим, она себе новые отрастит, — пожала я плечами. — А дальше... Влад сказал, что ее нужно в Романию доставить. Семья погибшего Игоря Стрэмэтурару требует ее выдачи.

— А ты не хочешь мне подробности вкратце пересказать?

— В особенности ту часть подробностей, которая касается подозрений, — саркастически

поддержала Иравари. — Меня, знаешь ли, в предательстве еще не обвиняли.

— Ой, ну какие там подробности, — пробормотала я. — Просто все одно к одному складывалось. Сначала твой Ленинел мне рассказывает, что вы, демоны, не можете перед божественной кровью устоять, потом Игоря иссушают. А у него в родителях богиня романская...

— И все? — вскричала Иравари. — Тебе этого хватило?

— А мажордом, который одержимым через зеркало стал? — возразила я. — Для меня это вообще последней каплей оказалось. Знаешь, как я рыдала?

— Меня это должно утешить? Ты просто спросить меня не могла?

— Вы так и будете вопросами разговаривать? — встряла Агнешка.

Я фыркнула и покаянно сложила руки перед грудью.

— Прости, Иравари!

— Да ты мне теперь тысячу имен-перевертышей должна.

— Хоть две. Вот времени немного свободного образуется, сразу за работу засяду.

— Ага, лет через пять, когда твой Дракон тебя из постели выпустит.

Агнешка неприлично захихикала. Я покраснела, как маков цвет. Дела постельные в этой компании обсуждать я готова не была.

Князь осчастливил нас своим посещением в полдень. Ворвался черной молнией в разморенную сиестой комнату и скептически оглядел наш девичник.

— Собирайся, нас ждут в паляссо дель Терра!

Я сомнамбулой сползла с оттоманки, на которой расслабленно валялась, прихлебывая то вино, то каффа, вот уже битый час. В животе булькнуло.

Подруженьки захихикали. Иравари быстренько затемнила зеркало со своей стороны, а Агнешка удостоилась моего гневного взгляда.

Князь взял меня за руку и вывел в коридор.

— Я присутствовал на допросе Стефании. Смотри!

На ладони Влада лежало мое венчальное колечко.

— Она нашла его в твоей постели.

Я сглотнула.

— Влад, я очень хотела отыскать именно это кольцо. Вот правда, очень-очень хотела. Но сейчас, после всего, что произошло, и в чьих руках оно побывало... На нем же кровь!

Я опасалась, что Дракон не воспримет серьезно мои «девчачьи фанаберии». Но он серьезно кивнул.

— Примерно так я и думал. — Золотой обруч вспыхнул на его ладони и рассыпался в пыль. — Поэтому посетил ювелира...

Вот, честное слово, хотелось, чтобы он извлек из-за пазухи атласную коробочку, преклонил передо мною колени и хрипловатым от сдерживаемых слез голосом попросил моей руки. Но мечты мои разбились о действительность.

Нет, голос, конечно, был хрипловат — от страсти, я полагаю, потому что, прислоненная к шершавой стене коридора, я эту страсть очень неплохо ощущала.

— Не смей без крайней необходимости снимать! — велел супруг и повелитель, надевая на мой палец драгоценный ободок. — Снимешь — я почувствую и сразу примчусь.

Я ответила поцелуем.

Замок клана земли, окруженный со всех сторон вековыми соснами, расположился на холме, с которого открывался чудесный вид на Кордобу. Сам замок, приземистый и основательный, как и стихия, адепты которой здесь обитали, построен был из гладкого серого камня. Таким же серым камнем были выложены внутренний двор и подъездные дорожки. И если девиз, под которым, возможно, строился палассо дель Акватико был «Роскошь и богатство», то девиз палассо дель Терра звучал для меня скорее как «Удобство и аккуратность».

Пахло солнцем и хвоей. Я улыбнулась и спрыгнула с подножки кареты в объятия своего супруга.

— Кажется, сиятельный дон Филиппе Алехандро решил не утруждаться нашей встречей? — пробормотала я, рассматривая группу приветствующих. — Не очень-то и хотелось!

— Не паясничай, — с улыбкой приказал Влад. — Твой дедушка не совсем здоров, поэтому поджидает нас в замке.

— И что послужило причиной его неожиданной болезни?

Влад пожал плечами, поприветствовал донью Крессенсию дель Терра, величественно поджидающую нас у парадного подъезда в окружении парочки магов земли и ливрейных слуг, и ответил уже на лестнице:

— Старость и время никому не удавалось обмануть. Постарайся быть со стариком если не ласковой, то хотя бы справедливой.

Крессенсия бросала на меня укоризненные взгляды, я отвечала саркастичными улыбочками. Потому что рутенских девушек обижать не смей! Они думали, я тут на поклон сразу же отправлюсь? Не на такую напали!

Привычные злобные мыслишки копошились в голове, каждая из них становилась на отведенное для нее место. Моя мама ни в чем виновата не была. Разве можно наказывать за любовь? А ежели кому-то здесь аристократизма в невестке не доставало, так могли бы и помягче с ней обойтись. Как можно?

Сиятельный дон Филиппе Алехандро дель Терра ждал нас в своей спальне. Я рассеянно кивнула, во все глаза рассматривая гранда земли. Странно, он же еще вчера, на балу, огурцом выглядел. Я-то, конечно, специально его не разыскивала, но уголком глаза видела. Высокий был, как сосна прямой. (Эх, жаль мне его рост по наследству не передался, коротышкой я оказалась, в мамину родню.) А сейчас — не человек, оболочка от человека. Кости черепа просматриваются под тонкой кожей, влажные пряди абсолютно седых волос облепили лоб. И только глаза — огромные, карие, с золотистыми крапинками вокруг зрачков, смотрят на посетителей с живым интересом.

Я потянула носом. Густой полынный аромат перебивал запахи болезни и старости. Кажется, кое-кто возбуждающими эликсирами вчера злоупотребил. Вот секрет неожиданной бодрости и раскрылся, впрочем, как и сегодняшней слабости. Похмелье от зелий тяжелое, по себе знаю.

— Девочка, — прошептал возлежащий на постели старик, — подойди...

Я приблизилась. Влад почтительно остался стоять в дверях, что уверенности мне не добавляло.

— Ваше здоровье, сударь... Как вы себя чувствуете?

— Пустое, — прошелестело в ответ. — Старики должны умирать, это жизнь. Присядь.

Ёжкин кот! И как мне теперь прикажете? На смертном одре плеваться?

Я присела на краешек постели и не протестовала, когда сухая старческая ладонь нашла мою руку.

— Нам нужно было с тобой поговорить. Очень нужно. Много в жизни я делал не так, но... девочка, Лутеция, ты должна меня выслушать. Я знаю, тебя воспитали в неприятии нашего дома.

Обвинений в сторону бабули я снести не могла.

— Уж как сумели, раз клан Терра в моей судьбе участие принимать отказывался. Может, вместо слова «неприятие» уместнее будет использовать «справедливость»? Вы, сиятельный дон, изгнали моего отца, не одоблив его мезальянса, вы отказали в помощи моим родителям, когда они более всего в ней нуждались, когда в Кордобе свирепствовала Черная смерть. Неужели всего этого недостаточно, чтобы оправдать мое отношение?

Старик зашелся сухим кашлем, судорожно сжав мою ладонь. Крессенсия, подскочившая к ложу, протянула дону Филиппе Алехандро льняную салфетку. Тот кивком поблагодарил и поднес ткань к лицу.

— Мои оправдания сейчас будут звучать нелепо, Лутеция. Но, поверь, изгнание наследника было лишь представлением, временной мерой. Браки магов обычно бесплодны, и то, что у адептов земли и ветра появился отпрыск, привлекло нежелательное внимание других домов. Поэтому я не протестовал, когда твои родители решили отправить тебя к бабушке в Рутению. Их действиями руководило вовсе не равнодушие к твоей судьбе, но забота о твоей безопасности. Тебя успели вывезти незадолго до начала эпидемии. Дитя двух стихий, девочка, появившаяся на свет, чтоб разбудить Источник. Нам нужно было беречь тебя.

— Что ж, я исполнила свое предназначение. — Голос мой слегка дрожал. — Клан Терра получил или вскорости получит, причитающиеся ему плюшки. Вы довольны, сударь?

Старик опять закашлялся. Я с удивлением поняла, что он смеется.

— Ты все сделала правильно, моя дорогая. Теперь я должен...

— Да ничего вы мне не должны! — Я, наконец, вырвала свою ладонь и резко встала. — Ничегошеньки! Если мне будет позволено, я хотела бы посетить усыпальницу, где покоятся мои родители, и сразу покинуть паляссо дель Терра, Кордобу, Элорию!..

Голос сорвался на визг, твердые руки Влада легли на мои плечи.

— Твой муж проводит тебя. Иди...

Я отвернулась, но старик продолжал:

— Мы не прощаемся, Лутеция.

Усыпальница располагалась в подвалах замка. От сопровождения я отказалась наотрез. Дракон остановился у подножия лестницы. — Справишься?

Я кивнула и шмыгнула носом.

— Если старик дель Терра какую-нибудь пакость измыслил сотворить напоследок, я весь замок по камешку разнесу. Сил хватит — ветер со мной.

— Воительница, — улыбнулся Влад. — Поверь хотя бы мне — ничего плохого твой дед не задумал. Скажу тебе больше: если бы не он, у нашей с тобой истории мог быть другой финал, более зловещий. Ты понимаешь?

— Платок дай, — невпопад ответила я. — Хочешь пойти со мной?

— Хочу, — протянул мне белоснежный кусочек шелка супруг. — Но я обещал твоему

дедушке, что не буду. Не знаю, что ждет тебя в конце коридора, но уверен, что опасность тебе не грозит.

— Интриганы!

— Кажется, кто-то тянет время? — иронично изогнулись брови благоверного. — Боишься? Факел тебе дать?

— Вот еще! Я в темноте, как кошка, вижу! — фыркнула я и крутнулась на каблуках. — Не скучай. Если испугаешься, покричи, примчусь тебе на помощь.

И я отправилась на встречу с родителями, провожаемая почти осязаемым взглядом Дракона.

Когда тоненькая фигурка его жены скрылась за поворотом коридора, князь Влад ощутил в груди пустоту. Расставаться с Лутоней для него было не внове, но такое острое чувство потери раньше его не посещало. Так вот она какая, супружеская любовь? Не жажда обладания, но необходимая, как воздух, близость. Влад хмыкнул и присел на нижнюю ступеньку лестницы. Время тянулось невыносимо медленно без его птицы-синицы.

Факел, кое-как приткнутый в стенную щель, почти догорел, когда под сводами раздался цокот каблучков. Лутоня возвращалась. Шаги были неуверенными. Влад вскочил и бросился навстречу. Подбежал, обнял, придержал затылок, рассматривая бледное, залитое слезами личико.

— Ну что? Ты видела усыпальницу? Родителей?

— Что? — растерянно переспросила девушка. — Усыпальницу-то видела. Только вот... Хитрый старик! Пройдем! Лутоня взлетела по лестнице со скоростью ветра. Ножки ее не касались ступеней, волосы развевались за спиной, коридоры паляссо дель Терра наполнились соленым морским духом, криками чаек и клочьями пенного тумана. Ветер примчался к донье Дракон по первому зову.

Двери спальни открылись, будто от штормового порыва.

— Князь, постойте! Давайте позволим им поговорить наедине! — Донья Крессенсия дель Терра осторожно прикрыла створки и повернулась к Владу. — Он так долго ждал этой возможности.

Дракон пожал плечами. Вторые роли для него были непривычны. Но ничего оскорбительного в желании деда побыть с внучкой лично для себя он не видел.

— Присядем? — Крессенсия указала на широкую резную скамью. — Отец нездоров, и в любой момент ему может понадобиться моя помощь.

— Извольте.

— Вас, наверное, интересует тема происходящей сейчас в спальне беседы?

— Нисколько. Все это дела давно минувших дней.

Донья разочарованно раскрыла веер. Дракон ждал.

— Они не умерли, — наконец не выдержала донья дель Терра. — Мой брат и его жена. Усыпальница пуста.

Дракон изобразил вежливое любопытство, скрывая настоящее. Восхитительная Крессенсия относилась к тому типу дам, коих равнодушием вызвать на откровенность было не в пример легче, чем уговорами.

— Алехандро всегда бредил дальними странствиями. Когда он стал ухаживать за доньей Анной, матерью вашей, князь, супруги, семья не была против. Отцу казалось, что женитьба изменит устремления его наследника. Любимчик Алехандро... Никогда никого не слушался, всегда мог настоять на своем. У нас ведь приличная разница в возрасте. Когда мой брат уже учился в университете, я только играла в куклы под присмотром

дуэньи. Так что всю эту историю я помню не очень хорошо. Помню, как злился отец, когда выяснилось, что наша новая невестка поддерживает страсть супруга к путешествиям. Ветреница, она мечтала, как будет надувать для мужа паруса. Когда родилась внучка, для отца это была новая надежда на то, что наследник остепенится.

Крессенсия замолчала, на ее острокослом лице читалась задумчивость. Казалось, девушка уже поведала обо всем, что хотела.

— Ваш брат уехал за своей мечтой? — спросил Влад. — Они оба отправились?

— Чудесная мечта о новых, еще не открытых землях. Каравеллы в открытом океане. Экспедиция организовывалась под эгидой короны. Мэтр Алехандро дель Терра с супругой отправились в плаванье под флагами Кордобы. Все происходило в стражайшей тайне, слишком многие стремились помешать экспедиции. Клан воды, опасаясь усиления влияния королевской власти, всячески пытался помешать.

— Это было пятнадцать лет назад, — покачал головой Дракон. — Что с ними случилось?

— Мы не знаем, — ответила Крессенсия. В одном мой отец уверен точно: они оба живы. Алехандро адепт первого круга, прямой наследник дома земли. Если бы с ним случилось что-то плохое, отец в то же мгновение об этом бы узнал.

Собеседники немного помолчали. О чем думала Крессенсия, по ее спокойному, грустному лицу было непросто догадаться. Дракон же размышлял о том, каким ударом для Лутони может стать известие о том, что родители ее просто-напросто бросили.

— Я не успел поздравить вас с предстоящим бракосочетанием, — наконец нарушил молчание князь. — Примите мои наилучшие пожелания, дражайшая донья дель Терра.

— Благодарю, — смущенно кивнула девушка. — Я передам Зигфриду ваши слова.

— Вы следуете по стопам своего брата, заключая межклановый брак. Это требует определенной смелости. Bravo!

— В отличие от Алехандро, я не смогу одарить бабушку внуками...

Дверь в спальню раскрылась от сильного толчка. На пороге появилась Лутоня. Влад резко встал, но прежде чем подойти к супруге, склонился к плечу собеседницы.

— У вас будет мальчик. Вовкудлаки обладают специфическим чутьем. Господин Димитру, который имел честь общаться с вами накануне...

— О боги! — ахнула Крессенсия. — Мальчик?

— О чем беседуете? — громко спросила Лутоня. Девушка, вопреки опасениям Дракона, выглядела спокойной и деловой. — Или вы, князь, при живой супруге за другими дамами ухаживать принялись?

Крессенсия вскочила, пробормотала что-то неразборчивое, быстро поцеловала племянницу и убежала, придерживая руками разлетающийся подол платья.

— А ее дед к себе звал, — пожала плечами Лутоня.

— Ему совсем плохо?

— Ему лучше всех, ты просто со стариками мало общаешься. — Княгиня осмотрелась по сторонам, взяла под руку супруга и решительно повлекла его к выходу из залы. — Они же как дети, старики то есть. Внимания к себе требуют любыми способами. Дедуля сначала припадками изображал, а под конец беседы уже был вполне бодрый кавалер.

— Так вы помирились? Твоя тетушка меня немного просветила о ваших семейных перипетиях.

— Помирились. Меня поначалу, знаешь, злость такая разобрала за то, что от меня правду скрывали. Я, как дура, всю паутину в их усыпальнице подолом собрала, пока крышку отодвинула. И что же я обнаруживаю после трудов своих?

— Ума не приложу, — сдерживая смех, ответил Влад.

— Бумаги! Представляешь? Стопку писем, написанных мне родителями, когда я еще пешком под стол ходила.

— И что же ты сделала?

— Сначала уселась прямо посреди усыпальницы все это читать, потом ревела, потом злилась.

— А потом?

— Попыталась посмотреть на все дело с другой стороны. Он же гордый до демонов, наш дон Филиппе Алехандро. Разве мог он перед всем миром признаться, что сын и наследник его ослушался? Вот ты бы смог?

Дракон не ответил. В роли отца он пока представлял себя ровно до того момента, как некто черноволосый и кареглазый топчет босыми ножками и бежит ему навстречу по гладкому паркету Арадского замка.

Но Лутоня ответа и не ждала, она продолжала говорить со свойственным ей напором.

— Вот тогда и появилась усыпальница фамильная да рассказы о Черной смерти.

У подъезда паляссо дель Терра супругов ждала карета. Дракон задернул занавеси, чтобы яркое кордобское солнце не мешало их беседе.

— Теперь ты захочешь отыскать родителей?

— Зачем? — удивились янтарные глаза. — Они живы и, надеюсь, счастливы. Если судьбе будет угодно с ними увидеться, я буду рада. А так-то зачем?

Дракон обнял свою птицу-синиду.

— Тебе больно, девочка?

— Нет. — Лутоня тихонько плакала. — Немножко обидно, но не так, чтобы очень. Это же доля такая, а с ней никто не спорит. Родители были друг у друга, зато у меня и бабушка была замечательная, и Мохнаговка, и лешие с домовыми. Разве не хорошо? А если бы все иначе сложилось, я, может, и с тобой не встретилась...

Девушка еще долго бормотала что-то, уткнувшись в Драконье плечо, вспоминала какие-то детские обиды и радости. Потом успокоилась и, кажется, задремала. Влад гладил ее волосы, стирал с высоких скул следы слез.

И в этот момент, в прохладной полутьме кареты, Дракон решил для себя, что если... Нет — когда. Когда у него появятся дети, он не покинет их и сделает все, что от него зависит, чтоб они были счастливы.

Мы покидали Кордобу на закате. На снежно-белой лошади ехала я во главе отряда, рядом с венценосным супругом, и была абсолютно счастлива. Казалось, все жители столицы высыпали в этот вечерний час на улицы, чтобы нас приветствовать.

— Это они радуются, что ты войной на них не пошел, — сообщила я в пространство.

— На самом деле его величество Карлос Первый, адепт пятой стихии, указ о народном ликовании издал, — улыбнулся Дракон. — Сразу за указом про запрет отлова и отстрела божественных белок.

— Да уж, развела я им тут живность!

Портал, открытый для нас вратами главного храма, мерцал холодным фиолетовым светом.

— Диспозиция следующая, — подъехал Михай на вороном жеребчике. — Сначала

запускаем два отряда вовкудлаков, потом вас с князем.

— А как же куртуазность? — притворно возмутилась я. — Дамы вперед и все такое?

— Ты чего? — не поддержал шутки братец Волчек. — А если там засада? Ребята первыми пойдут! Потом, за вами, еще один отряд. Следом — все цивильные, хинянин с сопровождением.

«Сопровождение» хинского мага — ляхская княжна Агнешка Брошкешевич — смотрела на учителя абсолютно влюбленными глазами и участия в обсуждении не принимала. Я сначала удивлялась ее странному выбору, алькальд или Ванечка, в моем понимании, были более завидными кавалерами, чем мудрая Черепаха, но потом, кажется, поняла. Агнешка превыше всего в людях ценила ум, а уж чего-чего, а ума у Цая хватило бы на десяток более молодых благородных кабальеро.

— Ваня остается в Кордобе? — спросила я подругу. — Мне не удалось с ним сегодня поговорить.

Агнешка моргнула, будто очнувшись ото сна.

— Что? Ах, я тоже его не видела. После того как ты пробудила Источник, он не попадался мне на глаза.

— А Альфонсо? — тихонько спросила я. — Попрощались?

Щеки водяницы порозовели.

— Да. Дон ди Сааведра испросил у его величества отпуск и отправился в провинцию — залечивать сердечные раны.

— Понятно.

Фиолетовый зев порталных врат поглощал наших ратников одного за другим.

— Сударыня, — протянул мне руку Дракон, — вам следует спешиться.

— Как вам будет угодно, князь, — скромно потупила я очи, спрыгивая в объятия супруга. — Надеюсь, мы к утру доедем хотя бы до Шегешвара, а не будем разбивать лагерь каждые несколько лиг?

— Я над этим подумаю, — задумчиво рассматривая мою грудь, сообщил Влад. — Романские леса просто созданы для... гм... привалов.

Континент встретил нас неприветливо — мелким секущим дождем и холодным ветром. Глубокой ночью мы разбили лагерь на большой поляне. Взметнулись к небесам жаркие костры и скаты походных шатров. Михай, умудряющийся быть в десяти местах одновременно, руководил хозяйственными работами. Женщины к священнодействию не допускались. Когда я предложила свою помощь, меня вежливо — «как можно, господарыня!» — оттерли в сторону.

— Княжий шатер готов!

— Иди к себе, — тронула меня за руку Агнешка.

— Идем со мной, — попросила я. — Мне страшно одной оставаться. Как глаза закрою, сразу... мерещится всякое.

— Не бойся, — ласково улынулась девушка. — Там тебя ждет кое-кто.

— Кто?

— Ты будешь рада...

В шатре, согретом теплом жаровенки, меня ждала укрытая шкурами постель и бутылка «Красного элорийского». Первым делом я обрадовалась вину, нацедив себе в бокал на

доньшко, затем потянула ноздрями хвойный дымок, который курился, подымаясь к потолку, и только обрадовалась теплему одеялу...

В моей постели кто-то был! Я сдернула покрывало и вскрикнула.

Там спал абсолютно мне незнакомый пацан, лет пятнадцати на вид. Я тронула незнакомца за плечо. Мальчишка открыл глазищи, блеснувшие изумрудной зеленью, и широко зевнул.

— Лутонюшка! А я тебя ждал, ждал, да и прикорнул маленько.

— Ты кто?

— Не узнаешь? Это же я — Колобок.

— Дядюшка? Ты же в Источнике погиб! Как?

Я схватила друга в охапку, вертела во все стороны, рассматривая и не веря своему счастью.

— Желание я загадал, — обстоятельно рассказывал Колобок, стоически терпевший мои прикосновения. — Ну, когда Источник-то пробудился. Самое заветное желание — человеком стать. Вот оно и исполнилось. Деревянное тело у меня забрали, а это вот пожаловали.

— А почему сразу не признался?

— Меня Ванечка из дворца вытащил, когда там суматоха началась. Ваня у нас мужик здоровый, он рассудил, что, ежели личность свою раскрою, меня живо маги элорийские в оборот возьмут. Так и буду до старости при храме да при университете подвизаться. А оно мне надо?

На голове новообретенного друга топорщился хохолок золотистых волос, а золотые веснушки рассыпались по щекам и на крыльях чуть длинноватого носа. Красавец станет, когда вырастет.

— А ведь правда, — кивнула я, вытирая мокрое лицо рукавом. — Такое свидетельство силы пятой стихии королю пригодилось бы.

— Ну, мы и решили, что надо на континент двигаться. Князь Влад наше желание поддержал.

— Значит, Влад про это знал?

И ни словечком мне, злыдень, не обмолвился, пока я покаянными слезами его грудь орошала.

Колобок хитро стрельнул глазищами по сторонам и заговорщицки шепнул:

— Подозреваю, что рассудочность Ванина в основном от Дракона и происходит. Только — тсс... Ивана обижать нельзя, а то мало ли...

— Что значит — мало ли? — возмутилась я. — Да ты никак, дядюшка, собираешься теперь до следующей старости у него на горбу ездить? Отпусти ты уже «племянничка» своего в вольное плаванье. Он большой уже, ему жениться пора!

— Жениться отказываюсь! — пробубнил ввалившийся в шатер Иван. — На абы ком не хотелось бы, а суженую свою я еще не встретил.

Богатырь наш был облачен в доспехи Драконьей своры, которые ему необычайно шли.

Потом прибежала Агнешка с Цаем, не отпускающим ее от себя ни на мгновение. Потом — Михай, расставивший посты, проверивший караулы и уставший.

Мы весело допили мою бутылку элорийского, братец Волчек куда-то метнулся и принес еще вина. Мы пели песни, травили байки и вообще приятно проводили время.

— А на кого мы с тобой, Лутона, театр наш бросили? — спросил изрядно захмелевший Иван. — Неужто вот так вот, без хозяина, и останется?

— Ты за кого меня принимаешь? — прервала я на полуслове грустную песню о тяжелой женской доле. — Хотя... Я управляющего оставила, и на верфи и на другой присмотр. А про театр забыла! Я же думала, ты им займешься!

— Да я бы с радостью, — кручинился Иван. — Только дядюшка вот... Дядюшка без меня никуда.

Сам дядюшка в это время хлебал винище, не делая скидок на свой юный возраст, и влажными от любви к себе глазами пытался рассмотреть свое ослепительное изображение в крошечном ручном зеркальце. Из зазеркалья ему строила рожи Иравари.

— А давай его Зигфриду подарим, на свадьбу! — осенила Ивана мысль. — Скажем, что ежели семейная жизнь замучает, всегда будет, чем отвлечься.

— Вот и славно. А жена его будет счастлива, что отвлекается он балаганом, а не визитами в веселый дом.

На том и порешили, и опрокинули чарочку за то, что мы такие молодцы.

Потом веселье стало затухать. Агнешка с Цаем пустились в какие-то заумные рассуждения о тонкостях акупунктуры, Ваня с дядюшкой вполголоса строили планы на будущее, а я, притихшая, сидела в уголке, любясь, как завивается спиралями дым от жаровенки.

— Утром прощаться с тобой будем? — подсел ко мне Михай.

— Да? — прикрывшись ладошкой, зевнула я. — Ты с нами в Арад не едешь?

— Это ты в Арад не едешь, — отбрил братец Волчек. — Влад решил, что мало вы в Кордобе отдохнули, продолжение планирует.

— А сейчас он где?

Михай пожал плечами.

— Точно не скажу. Дел, требующих его внимания, накопилась прорва. Скорее всего, твой суженый сейчас по всему континенту своими порталами скачет.

Я потерла пальцами виски. Ничего не понимаю. Влад не тот человек, чтоб о своих обязанностях забывать. Еще одно путешествие? Зачем?

Когда угли в жаровне уже едва тлели, а гости вповалку спали там, где настиг их сон, я выскользнула из шатра. Ветер дул северный, и я шепнула ему, чтобы помог, чтоб укрыл мой запах от вовкудлаков. Дружок не подвел, помогать в проказах ему нравилось.

Я углубилась в лес. Набухшие темнотой ели приняли меня как родную. Дождь давно перестал. Я сбросила туфли — их каблуки проваливались в мягкий грунт — и пошла босиком. Как только отыскалась тропинка, сбегаящая с косогора к реке, дело пошло веселее. В густой аромат смолы вплетался запах близкой воды.

Я спустилась в низину, к белому молочному туману, к мерцающим огонькам ночных насекомых и залюбовалась лунной дорожкой, которая праздничным полотенцем расстилалась по воде.

А потом я сделала то, ради чего это ночное путешествие и затевалось — сняла с безымянного пальца обручальное колечко.

Раз, два, три...

— Ты с ума сошла? Мне пришлось беседу с канцлером Альбы сворачивать, думал, ты опять во что-то вляпалась! А ты, оказывается, пошालить решила?

Мой обычно бесстрастный муж просто пылал праведным гневом. Но, к счастью, я уже знала способ его погасить. Приподнявшись на цыпочки, я запечатлела на подбородке

супруга поцелуй.

— Что случилось? — слегка оттаял повелитель.

— Ты не поставил меня в известность о своих планах. — Строгость слов смягчилась очередным поцелуем. — Я отправлюсь за тобой, куда бы ты ни решил, но...

Он обнял меня и прижал к себе крепко-крепко.

— В радости и горе, любовь моя, мы будем вместе. Помни об этом всегда.

— И куда теперь?

— В Рутению, к бабе Яге. Как преданный зять, я должен убедить ее, что достоин ее внучки.

— Она разозлится, проклинать тебя будет, наколдует еще всякого разного, — честно предупредила я.

— Ну ты же выступишь моей защитницей?

Я рассмеялась:

— Мои доводы бабуля в расчет принимать не привыкла, так что вы как-нибудь сами, князь. В ножки поклонитесь, загадки разгадаете. Ну вам же не впервой к рутенским девам свататься?

Потом меня ущипнули за неприличное место и сообщили, что как-нибудь сами со всем сдюжат и без сопливых разберутся, а потом...

А потом мой муж взял меня за руку и тихонько сказал:

— Идем.

И мы одновременно ступили на лунную дорожку.

Вупперталь 2014

Примечания

1

Здесь и далее цитаты из «И-Цзин» — «Книги перемен».